

Е.Н. КУЛЬКОВ, О.А. РЖЕШЕВСКИЙ, И.А. ЧЕЛЫШЕВ

ПРАВДА И ЛОЖЬ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Под редакцией
доктора исторических наук
О.А. Ржешевского

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1988

ББК 63.3(0)62
К90

Кульков Е. Н., Ржешевский О. А., Чельшев И. А.

К 90 Правда и ложь о второй мировой войне/ Е. Н. Кульков, О. А. Ржешевский, И. А. Чельшев; Под ред. О. А. Ржешевского. — 2-е изд., доп. — М.: Воениздат, 1988. — 296 с.

ISBN 5—203—00243—6

Вторая мировая война является предметом острой идеологической борьбы на международной арене. Буржуазные историки, написавшие о ней множество книг, намеренно принижают и искажают решающую роль советского народа в разгроме фашизма, освободительную миссию Советской Армии.

В настоящем издании книги убедительно разоблачаются ложные и клеветнические концепции буржуазной историографии. Используя достоверные исторические факты, а также объективные высказывания некоторых западных историков, авторы раскрывают подлинную роль советского народа и его Вооруженных Сил, разгромивших гитлеровскую Германию и ее союзников.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

К 1305010000—033 КБ — 45—13—1987
К 068(02)—88 БЗВ № 12—1987— № 13

ББК 63.3(0)62

ISBN 5—203—00243—6

© Воениздат, 1988

ВВЕДЕНИЕ

9 мая 1945 г. тридцать артиллерийских залпов из тысячи орудий возвестили миру о победе советского народа над фашистской Германией и ее союзниками в Европе. Москва от имени Родины салютовала доблестным войскам Советской Армии, частям и кораблям Военно-Морского Флота в честь события, которое навеки останется в памяти советского народа и всего человечества. В тот день газета «Правда» писала: «Девятое мая! Никогда не забудет этого дня советский человек. Как никогда не забудет он 22 июня 1941 года. Между этими датами прошло как бы столетие. И как бывает в народном эпосе, за это время сказочно вырос советский человек. Он вырос так, что красноармеец, стоящий у развевающегося знамени в Берлине, виден всему миру. Мы не ждали двадцать второго июня. Но мы жаждали, чтобы наступил день, когда последний удар свалит с ног черное чудовище, оскорблявшее жизнь. И мы нанесли этот удар...

Невероятно радостно на душе сегодня. И ночное небо над Москвой, кажется, излучает отражение той радости, какой полна советская земля. Мы были свидетелями событий, о которых можно писать тома. Но мы сегодня вмещаем их все в одно слово: победа!..»

Под сокрушительными ударами Советской Армии и Военно-Морского Флота вскоре потерпел окончательное поражение главный и последний союзник Германии — милитаристская Япония. 2 сентября 1945 г. подписанием акта о капитуляции Японии завершилась вторая мировая война.

Победа досталась народам дорогой ценой. Война унесла более 50 миллионов человеческих жизней, из них 20 миллионов — в Советском Союзе. Огромны потери уничтоженных в огне войны материальных и культурных ценностей. Бедствия и страдания, которые испытали народы, неизмеримы.

Одной из особенностей войны был ее коалиционный характер. В ходе борьбы против блока фашистских государств — Германии, Японии, Италии и их сателлитов вокруг СССР постепенно сложилась антигитлеровская коалиция, в которую вошло более 50 государств. Вклад в победу каждого из государств, входивших в эту коалицию, был неодинаков. Он зависел от многих причин: от социально-политической природы государства, его способности моби-

лизовать материальные и духовные силы нации на решительную борьбу с фашизмом; от продолжительности участия в войне, длительности и напряженности активных действий вооруженных сил; объема материального и политического ущерба, нанесенного фашизму. Советский Союз внес наибольший вклад в победу над агрессорами. «Для нас, советских людей, — сказал товарищ М. С. Горбачев, — 9 Мая — праздник особый. Мы славим в этот день беспримерный подвиг нашего народа, наших доблестных Вооруженных Сил, разгромивших гитлеровских захватчиков, отстаивших честь, свободу и независимость Родины. И мы горды тем, что первое в мире социалистическое государство сыграло решающую роль в победоносном завершении второй мировой войны, в спасении человечества от фашистского варварства»¹.

Борьба Советского Союза против стран фашистского блока была столкновением двух противоположных антагонистических общественных систем: капиталистической и социалистической. Это наложило на войну свой отпечаток. Успехи Советского Союза в борьбе против фашизма способствовали росту авторитета социализма во всем мире, разоблачению фашистско-милитаристских режимов и породившего их империализма в целом. Поражение фашистского блока привело к существенному ослаблению капиталистической системы, вызвало новый подъем революционного и национально-освободительного движения. Ярким выражением глубоких сдвигов в соотношении сил на мировой арене явилось образование мировой системы социализма и крушение колониальной системы империализма.

Историки-марксисты видят свою задачу в том, чтобы объективно и всесторонне раскрыть причины и характер второй мировой войны, содержание ее важнейших событий, дают справедливую оценку ее итогам и урокам, рассматривая их как важное предостережение тем, кто сегодня размахивает ракетно-ядерным оружием, грозя свергнуть человечество в пучину еще больших разрушений.

Иную позицию, противоположные цели преследуют в своих публикациях о второй мировой войне реакционные историки Запада, прежде всего США и других стран НАТО. Они хотели бы вытравить из памяти человечества правду о всемирно-историческом подвиге советского народа. Выполняя социальный заказ монополистического капитала, буржуазные идеологи пытаются извратить и умалить роль Советского Союза в разгроме фашизма. При этом они стремятся подорвать неуклонно растущий авторитет СССР, поколебать веру миллионов людей во всем мире в непобедимость социализма, реабилитировать империализм как главный источник войны и оправдать его агрессивную политику, направленную против Советского Союза и других революционных сил современности.

¹ Сорокалетие Победы советского народа в Великой Отечественной войне: Документы и материалы. М., 1985, с. 61.

Ведущая роль в фальсификации второй мировой войны принадлежит сложившемуся за много лет своеобразному «картелю» политиков и историков из крупнейших капиталистических стран, включающему военно-исторические службы и специально созданные государственные организации. Так, в Пентагоне подготовлен целый комплекс уставочных трудов о войне 1939—1945 гг. — свыше 100 томов. Его главной составной частью является серия «Армия США во второй мировой войне» (свыше 80 томов). В Англии основным изданием подобного рода является 80-томная «Официальная история второй мировой войны», подготовленная исторической секцией при кабинете министров Великобритании. В ФРГ издается 10-томная публикация «Германский рейх и вторая мировая война», осуществляемая военно-исторической службой бундесвера. В Японии издана 96-томная «Официальная история войны в великой Восточной Азии», подготовленная управлением национальной обороны Японии, и т. д.

Концепции, содержащиеся в этих и других официальных трудах, дополняются, подновляются, но в конечном итоге в различных вариантах повторяются в публикациях большинства буржуазных историков.

Идеологи империализма приложили большие усилия для выпуска литературы о второй мировой войне, рассчитанной на массового читателя. Первое такое издание (журнального формата) было подготовлено английским издательством «Парнелл». Написанное известными буржуазными учеными, броско оформленное, оно привлекло внимание довольно широкой аудитории и в последующие годы появилось на итальянском, испанском, других языках и распространялось во многих капиталистических и некоторых развивающихся странах. В США, учитывая популярность подобного рода публикаций, издательство «Бэллэнтайп букс» также выпустило серию из 100 книжек карманного формата о второй мировой войне и советско-германском фронте. Цель этой литературы — принизить решающий вклад СССР в разгром фашистского блока, изобразить главной движущей силой войны политическое руководство и армии государств капиталистического мира. Об участии в войне Советского Союза, как правило, говорится мало и в искаженном свете. Чаще всего — это обычная антисоветская пропаганда, откровенная клевета на героическое прошлое Советского государства, советский народ и его Вооруженные Силы.

В целом буржуазная историография второй мировой войны представляет собой довольно сложный и противоречивый комплекс многочисленных течений, школ и группировок, объединенных общей идеологией. В ней можно выделить два основных направления — консервативное, которое является доминирующим, и либерально-критическое. Первое направление отражает весьма широкий спектр буржуазных взглядов — от объективистских до профашистских. К этому течению относятся официальные и официозные многотомные труды.

Второе направление вносит определенный вклад в достоверную оценку ряда событий войны. Однако взгляды его представителей противоречивы, содержащаяся в них критика политики и стратегии западных держав чаще ограничивается сферой дипломатических аспектов. Весьма заметны различия буржуазной литературы по национальной принадлежности, которые связаны с историей данной страны, ее традициями, характером участия во второй мировой войне и современной расстановкой классовых сил. Однако вне зависимости от принадлежности к определенному течению, школе или группировке (нередко эта «внутренняя дифференциация» имеет к тому же условный характер) буржуазная литература характерна своей антикоммунистической, в первую очередь антисоветской, направленностью и преследует цель выработать на основании исторического опыта наиболее «рациональные рекомендации» для осуществления как ближайших, так и перспективных задач политики правящих кругов. Принадлежность к тому или иному течению, школе, группировке — это лишь различие во взглядах на пути ее достижения. Однако на «крайних полюсах» это различие означает выбор между войной и мирным существованием двух противоположных систем — капитализма и социализма.

Что же представляет собой конкретное содержание буржуазной литературы о второй мировой войне? Какими наиболее типичными методами фальсифицируется история и скрывается правда? Для чего все это делается? Ответ на эти вопросы дает возможность более четко раскрыть всемирно-историческое значение победы советского народа и других прогрессивных сил во второй мировой войне, причины острой идеологической борьбы в современных условиях, показать несостоятельность концепций буржуазных ученых, разоблачить их диверсии в области истории второй мировой войны и ее главной, решающей части — Великой Отечественной войны Советского Союза.

«Ход мирового развития выдвигает перед человечеством немало вопросов глобального масштаба. Научная мысль должна давать на эти вопросы верные ответы. Важной задачей общественной науки была и остается борьба против буржуазной идеологии, ревизионизма и догматизма», — указывается в Программе КПСС¹.

Предлагаемая читателям книга имеет целью внести скромный вклад в коллективные усилия советских историков, направленные на решение этой важной и актуальной задачи, поставленной Коммунистической партией. Основное внимание в книге сосредоточено на анализе наиболее распространенных концепций и тезисов буржуазной литературы 70—80-х годов, изданной в США, Великобритании и Франции, в ФРГ и некоторых других капиталистических странах.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 168.

Глава первая

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ИМПЕРИАЛИЗМА И ЕГО АДВОКАТЫ

Осенью 1986 г. академией ВВС США, которая является одним из центров военно-исторических исследований, был проведен международный семинар, посвященный военной истории СССР. Рассматривались на семинаре и события, связанные с происхождением второй мировой войны. Выступивший со своими «наставлениями» видный руководитель разведывательных служб Пентагона Д. Даяк заявил, что «первопричиной» второй мировой войны явился советско-германский пакт о ненападении, заключенный 23 августа 1939 г.

Такого рода домыслы вот уже много десятилетий распространяются реакционными силами на Западе. Борьба взглядов на происхождение второй мировой войны относится к сфере острого столкновения противоположных по своей методологии и социальной направленности концепций — марксистской и буржуазной.

1. Буржуазные теории и историческая реальность

На Западе много пишут и говорят о причинах второй мировой войны, делают попытки исказить их, в ложном свете представить предвоенную политику Советского Союза. Эти попытки являются частью общей стратегии и тактики империалистической буржуазии, которая во все более широких масштабах прибегает к идеологическим средствам порабощения масс, тотальной идейной мобилизации всех реакционных сил под флагом антикоммунизма и антисоветизма.

Под этим флагом реакционные буржуазные историки стремятся, с одной стороны, замаскировать антинародную, агрессивную сущность политики империалистических государств, развязавших вторую мировую войну, а с другой — скрыть от мирового общественного мнения настойчивую последовательную борьбу Советского Союза за предотвращение этой войны. Вот почему так важно, говоря словами В. И. Ленина, «объяснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается...»¹.

Вторая мировая война была порождена общим кризисом мировой капиталистической системы. Ключом к правильному пони-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 318.

манию причин ее возникновения является ленинская оценка войны как продолжения политики определенного государства, класса насильственными средствами.

Главные причины второй мировой войны кроются в социально-экономической природе империализма как последней стадии капитализма, вступившего в полосу дальнейшего обострения его общего кризиса. В. И. Ленин, определяя сущность империализма и его особенности, указал, что империализм — это капитализм монополистический, паразитический, умирающий. Этими особенностями обуславливаются главные черты империализма, в том числе его стремление разрешать внутренние и внешние противоречия силой оружия, войной.

Свойственная империализму неравномерность экономического и политического развития привела в середине 30-х годов к расколу капиталистического мира на две враждовавшие группировки, стремившиеся к установлению мирового господства. В одну из них входили Германия, Италия и Япония, во вторую — США, Англия и Франция. Вместе с тем действовали центростремительные силы, объединявшие на почве антисоветизма интересы этих группировок.

Военная опасность особенно усилилась, когда в Германии была установлена фашистская диктатура. Переход буржуазии к фашистским методам обеспечения своего господства, указывалось на VII конгрессе Коминтерна, непосредственно связан с подготовкой новой мировой войны.

Иными словами, социальные силы, участвовавшие в подготовке новой мировой войны, испытывали на себе действие двух противоположных исторических тенденций развития империализма. Первая тенденция состояла в том, что империалистические государства стремились к объединению на основе их общей классово-эксплуататорской сущности. Эта историческая тенденция вела к созданию единого фронта капиталистических держав против страны социализма, к военному столкновению двух социально-политических систем. Содержанием второй тенденции являлось углубление противоречий между отдельными капиталистическими государствами и их коалициями. В силу действия этой исторической тенденции война началась как вооруженное столкновение внутри лагеря империализма — нападением фашистской Германии на буржуазно-помещичью Польшу.

Вторую мировую войну развязали германские монополии, нацистское руководство и германский генеральный штаб, но готовилась она общими усилиями международного империализма с целью уничтожения первого в мире социалистического государства — Советского Союза. Ослепленные классовой ненавистью, империалисты попытались осуществить свои планы еще в 1918—1920 гг., однако потерпели сокрушительное поражение. Весь последующий период истории, период между двумя мировыми войнами, характеризуется настойчивыми попытками империализма организовать новый антисоветский поход.

В роли лидеров этого похода выступили американско-английские империалисты, которые рассчитывали вести борьбу против СССР руками своих основных соперников — Германии и Японии. Монополисты США и Англии надеялись таким путем уничтожить социалистическое государство и вместе с тем ослабить своих конкурентов.

Однако ведущим державам двух империалистических коалиций не удалось достигнуть компромисса и объединить свои усилия в борьбе против СССР. Антисоветскому сговору активно противодействовала ленинская внешняя политика Коммунистической партии и Советского государства, умело использовавшая в интересах безопасности социализма противоречия между буржуазными странами. Советский Союз никому не угрожал, но решительно отражал провокации агрессоров, последовательно проводил политику мира и мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Советский Союз, передовая часть трудящихся капиталистических стран делали все, чтобы не допустить развязывания империалистами новой мировой войны. Вместе с тем Коммунистическая партия и Советское правительство видели опасность, которую представляла собой политика фашистских государств, учитывали сложившуюся обстановку и принимали необходимые меры по укреплению обороноспособности страны. Советские люди помнили завет В. И. Ленина: «...будьте начеку, берегите обороноспособность нашей страны и нашей Красной Армии, как зеницу ока...»¹

В своей внешней политике Советский Союз неуклонно проводил курс на укрепление мира, создание системы коллективной безопасности государств. Историческое постановление по этому вопросу было принято ЦК ВКП(б) в декабре 1933 г. Коммунистическая партия и Советское государство исходили из принципа неделимости мира и необходимости его коллективной защиты. Советский Союз считал, что создание системы коллективной безопасности является вполне реальным, практически осуществимым мероприятием, обеспечивающим безопасность народов. Эта система была приемлема как для Советской Страны, так и для тех капиталистических стран, которые были заинтересованы в сохранении мира. В 1933—1935 гг. СССР внес конструктивные предложения по разоружению, вступил в Лигу Наций. В 1935 г. он заключил договоры о взаимной помощи с Францией и Чехословакией. Эти документы должны были стать частью более широкого соглашения, направленного на укрепление мира в Европе. Однако Англия, Германия и Польша не допустили его заключения. Тем не менее советская дипломатия использовала любую возможность для сохранения мира. Правительство СССР заключило с рядом государств пакты о ненападении. С соседними странами была подписана конвенция об определении агрессии².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 300.

² См.: История внешней политики СССР, 1917—1935. М., 1986, т. 1, с. 292—318.

Стремясь предотвратить войну на Дальнем Востоке, Советский Союз в ноябре 1933 г. внес предложение о заключении Тихоокеанского регионального пакта. Президент США Ф. Рузвельт первоначально с пониманием отнесся к советской инициативе, но впоследствии правительства США, Англии и Китая уклонились от заключения пакта. В 1931—1939 гг. СССР выступил в защиту первых жертв агрессии — народов Китая и Эфиопии, Испании и Австрии, Чехословакии и Албании, продолжал вести настойчивую борьбу за мир на дипломатической арене. Однако реакционные силы империализма сорвали усилия СССР, направленные на предотвращение войны.

Вторая мировая война началась не в силу каких-то непредвиденных zigзагов истории либо ошибок тех или иных государственных деятелей. Ее истоки лежат не в роковом стечении обстоятельств, а в объективных закономерностях развития эксплуататорского общества. Такова правда истории. Она предъявляет неплатный счет виновнику войны — империализму.

Философско-социологической основой буржуазных концепций причин второй мировой войны являются различные антинаучные теории о происхождении, сущности, роли и месте войн в истории человечества вообще, маскирующие милитаристскую, агрессивную природу империализма.

Чаще всего западные теоретики провозглашают войну естественным состоянием общества. Войны вечны, они будут происходить, пока живы люди на земле, — вот их наиболее распространенные концепции, подкрепляемые идеалистической теорией насилия, антропологическими, теологическими и другими «аргументами». Так, американский теоретик М. Мид рассматривает войну как «осознанный конфликт между двумя группами, в котором каждая использует армию, чтобы воевать и убивать членов армии другой группы». Война — такое же изобретение человечества, как письменность, брак, приготовление пищи, суд присяжных, похороны и т. д.¹ Профессор Нью-Йоркского университета Дж. Стоксинджер в книге «Почему возникают войны между нациями» пишет, что все попытки связать причины войн с милитаризмом, военными блоками и экономическими факторами представляются ему лишь безжизненными абстракциями. По его мнению, войны носят циклический характер и являются естественным ходом событий для каждого поколения².

Весьма распространены и различного рода теологические теории, согласно которым войны ниспосылаются и разрешены богом³, что справедливый мир можно найти лишь на том свете, что мир «на земле невозможен»⁴. Автор этих рассуждений западногер-

¹ Peace and War. Ed. by Ch. Beitz und Th. Herman. San Francisco, 1973, p. 113.

² Stoessinger J. Why Nations Go to War. New York, 1978, p. II—IV.

³ Koselleck R. Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlichen Zeiten. Frankfurt a/M., 1979, S. 360.

⁴ Ibid., S. 140.

манский философ Р. Козеллек подтверждением своей теории считает тот факт, что земной шар в послевоенные годы, как и прежде, охвачен гражданскими войнами и вооруженными конфликтами¹. Анализ военной угрозы, исходящей от империализма, в его книге отсутствует. Замалчивается и то, что в результате роста сил мира, демократии и социализма вот уже более четырех десятилетий терпят крах все попытки империалистических кругов развязать третью мировую войну.

Чаще всего буржуазные теоретики выискивают причины войн в «импульсивных» решениях государственных деятелей, недостаточной осведомленности разведывательных служб, других второстепенных или случайных обстоятельствах.

Американский историк В. Рут, анализируя предвоенную внешнюю политику США, приходит к выводу, что «катастрофические результаты этой политики представляют собой результат неправильной информированности, близорукости, мелочности и человеческой склонности к самооправданию, которая заставляла американских дипломатов, однажды избравших неверный путь, предпочесть идти по нему и дальше, чем признать себя в своих ошибках»². Пройдет 25 лет, и другой американский историк — Д. Тоулэнд, по существу, повторит то же самое. Объясняя причины вступления Японии в войну против США, он напишет: «Беда заключалась в том, что как Америка, так и Япония вели себя по-детски. Дипломатически обе стороны были незрелыми. И теперь эти дети задумали глупую игру в войну»³.

По мнению итальянского историка У. Компаньоло, единственный путь к искоренению войн — это нравственное совершенствование человека, который должен их рассматривать «как нарушение морального закона»⁴.

Весьма распространены в западной литературе концепции, которые полностью или частично отрицают возможность познания причин войны, ясного их объяснения. В этом смысле показательна трактовка понятия «война», предпринятая совместно буржуазными учеными ряда стран в многотомной «Всемирной энциклопедии», издающейся во Франции. В пространной статье, представляющей собой конгломерат противоречивых концепций, констатируется, что «война является повсеместно установленным фактом. Очень трудно, — говорится далее, — даже зафиксировать непосредственный переход от столкновения двух людей или двух семей к столкновению двух более или менее значительных групп, которое бы заслуживало название войны»⁵.

Однако на уровне современного развития мировой исторической науки, в условиях, когда проблемы войны и мира привле-

¹ Koselleck R. *Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlichen Zeiten*, S. 275.

² Root W. *Secret History of the War*. New York, 1945, vol. II, p. 189.

³ Toland J. *The Rising Sun*. New York, 1970, p. 259.

⁴ «Comprendre» N 41—42. Venise, 1976. *Guerre et combat moral*, p. 14.

⁵ *Encyclopedia Universalis*. Paris, 1974, vol. 8, p. 99.

кают внимание самых широких кругов общественности, такого рода примитивные рассуждения вряд ли кого могут удовлетворить. Это понимают и многие западные исследователи, что стимулирует интенсивные поиски новых приемлемых для эксплуататорских классов «учений» о войне, из которых наибольшее распространение получила в последние годы так называемая полемология (от греческого *polemos* — война и *logos* — наука). Во Франции, в ФРГ, Италии, Голландии и некоторых других странах созданы специальные институты или центры полемологии, выпускающие в обилии соответствующую печатную продукцию. В чем суть полемологии?

Ее сторонники заявляют, что их исследования направлены на раскрытие истинных причин войны, на научное определение ее сущности, на поиски реальных путей устранения войн из жизни человеческого общества. «Наша исходная точка, может быть излишне оптимистичная, состоит в том, что нормальным состоянием общества является мир... Можно всегда надеяться, что удастся излечить эту болезнь» (то есть войну. — *Прим. авт.*), — утверждает в одной из своих работ французский теоретик Г. Бутуль¹. Однако знакомство с основными положениями «новой науки о войне» показывает, что полемологи направляют свои главные усилия на то, чтобы затушевать связь между войной и политикой, доказать непричастность господствующих классов эксплуататорского общества к развязыванию войн в прошлом и к подготовке войны в настоящем.

Вслед за многими буржуазными историками и социологами полемологи утверждают, что большие и малые войны не только были, но и будут спутниками человеческого общества. В книге «Социальная биология» Г. Бутуль пишет: «Войны неотделимы от всех видов цивилизаций. Они возникают как спазмы и сталкивают группы людей в целях уничтожения...»². Более того, сторонники полемологии, искажая исторические факты, утверждают, что международный авторитет государства зависит в первую очередь от его способности вести войну и наносить ущерб другим нациям. «Война — это первый, наиболее древний и наиболее очевидный атрибут суверенитета»³.

В то же время полемологи признают, что человечество всегда стремилось каким-то образом ограничить войну во времени и в пространстве, смягчить присущую войнам жестокость, создать «кодекс войны», разработать формы международного права по регулированию способов вооруженной борьбы. На протяжении веков предпринимались попытки запретить войну, установить принудительный арбитраж в конфликтах между государствами, использовать устрашение, чтобы остановить агрессора угрозой применения репрессивных мер.

¹ Bouthoul G. L'infanticide différé. Paris, 1970, p. 35.

² Bouthoul G. Biologie Sociale. Paris, 1976, p. 78.

³ Bouthoul G. Sociologie de la politique. Paris, 1965, p. 32.

Сторонники полемологии, называя эти меры «терапевтическими», видят причину их неэффективности в том, что человечество не знало и не знает сущности войны, торопилось и торопится пайти лекарство, не изучив самой болезни. Поэтому, утверждают они, необходима специальная наука о войне — полемология.

Источники войн, считает полемология, коренятся в нарушении равновесия различных возрастных групп в человеческом обществе. Если в какой-либо стране наметился рост молодых возрастов населения и создались такие социально-экономические условия, при которых невозможно обеспечить полную занятость молодых людей, то возникает особая демографическая ситуация, которую полемологи называют «взрывной структурой» или «воинственной демографической структурой». «Взрывная структура» создает предпосылки к социальным волнениям, предрасполагает к возникновению в обществе воинственных импульсов, которые в свою очередь ведут к развитию коллективной агрессивности, к социальным потрясениям и в конце концов к необходимости ликвидации наиболее активной части населения и войнам.

Полемология, выдвигая на первое место социально-биологические причины войны, отрывая войну от экономики и политики, снимает ответственность за развязывание войны с господствующими классами и правительствами империалистических государств и фактически оправдывает любую агрессию. «В истории, — утверждают полемологи, — все крупные империалистические агрессии были не чем иным, как демографическими извержениями. Каждое соответствовало пику внутренней неустойчивости, вызванной избытком молодых людей»¹. Из их рассуждений следует, что гитлеровская Германия и фашистская Италия вели агрессивные войны в первую очередь потому, что в этих странах сложилась «взрывная демографическая структура», действовали сильные «воинственные импульсы» и накопился «агрессивный потенциал».

Следуя за Мальтусом, полемологи так или иначе связывают причины войны с ростом народонаселения. «Мирное урегулирование нарушений экономического и демографического равновесия с материальной точки зрения невозможно. Мы обречены на использование уже проверенных средств — геноцида и детоубийства»².

По существу, сам этот вывод разрушает наукообразные рассуждения полемологов о том, что их «наука» может найти средство избавления человечества от войны. Их конструкции являются еще одной попыткой обелить империализм — главного виновника войн.

За последние десятилетия наряду с полемологией весьма устойчивым направлением в объяснении причин войны становится междисциплинарный («комплексный») подход к объяснению феномена войны, ведущее место в котором отводится политическому

¹ Bouthoul G. Biologie Sociale, p. 95.

² Bouthoul G. Lettre ouverte aux pacifistes. Paris, 1972, p. 55.

фактору в том виде, как он был сформулирован в прошлом веке Клаузевицем. Немецкий военный теоретик К. Клаузевиц, взгляды которого формировались под воздействием социальных потрясений и войн, связанных с Великой французской революцией, в противовес метафизическим конструкциям, ныне еще довлеющим в буржуазной военной науке, утверждал, что война «есть особое проявление общественных отношений». Центральным местом в учении Клаузевица о войне является мысль о ее взаимосвязи с политикой: «...война есть не что иное, как *продолжение государственной политики иными средствами*»¹. Вне политики, считал он, война невозможна.

В. И. Ленин, рассматривая формулировку Клаузевица, указывал, опираясь на точку зрения К. Маркса и Ф. Энгельса, что война есть не просто продолжение политики другими, насильственными средствами, что это «*продолжение политики данных, заинтересованных держав — и разных классов внутри них — в данное время*»². В определении сущности войны В. И. Ленин подчеркивает классовое понятие, то есть то главное, без чего нельзя выяснить причины и характер любой войны и войн в целом. Этого не видел в силу ограниченности своего мировоззрения Клаузевиц. Некоторые буржуазные исследователи этой проблемы вынуждены признать, что «марксизм-ленинизм владеет наиболее полно разработанной теорией войны»³.

Истоки «комплексной» теории войны, в которой, как заявляют ее авторы, неизвестно, когда будут «сведены концы с концами», были заложены в общих чертах еще в годы второй мировой войны американским теоретиком К. Райтом. Он считал, что война имеет политико-технологические, юридическо-идеологические, социально-религиозные и психологические причины⁴. Концепция Клаузевица, различные биологические, антропологические и теологические взгляды трансформировались у Райта следующим образом: «Хотя в природе человека заложены побуждения, делающие войну возможной, — писал он в своей неоднократно переиздававшейся книге «Изучение войны», — эта возможность реализуется только в соответствующих социальных и политических условиях»⁵. «Единой причины войны не существует»⁶.

В современной трактовке причин войны можно выделить также две буржуазные школы — «политического реализма» и «политического идеализма». Названия этих школ в буржуазной историографии и теории международных отношений отражают не понятия реализма и идеализма в общепринятом значении этих слов, а конкретные внешнеполитические направления. Сторонники шко-

¹ Клаузевиц К. О войне: Пер. с нем. М., 1936, т. 1, с. 23.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 28, с. 224.

³ Nelson K., Olin S. Why War?: Ideology, Theory and History. University of California Press, 1979, p. 74.

⁴ Wright Q. A Study of War. Chicago, 1942, vol. 2, p. 739.

⁵ Ibid., vol. 1, p. 5.

⁶ Ibid., vol. 2, p. 1284.

лы «политического идеализма» утверждают, что источниками внешнеполитических акций тех или иных капиталистических стран являлись и являются «возвышенные устремления», борьба за моральные ценности нации и тому подобные идеалистические мотивы. Сторонники второй школы исходят из того, что страны всегда полагаются только на силу, а моральные соображения используют лишь как обоснование для ее применения. Так, известный английский историк М. Говард усматривает причины второй мировой войны в нарушении баланса сил между Англией и Германией. «В конце концов, — пишет он, — силы Германии достигли наивысшей точки и она развернула наступление на союзников Британии. Именно в этот момент (1) Британия ощутила неприемлемость создавшегося положения и вступила в войну с тем, чтобы, если удастся, уничтожить мощь Германии»¹.

Ряд буржуазных авторов «совмещает» взгляды обеих школ. К их числу относится американский историк и дипломат Дж. Кеннан, который, следуя взглядам школы «политического реализма», писал, что «подход к решению проблем международных отношений, основанный на правовых мотивах, является несостоятельным»². В то же время в его трудах заметно влияние школы «политического идеализма», теорий «моральной казуальности» политических и дипломатических решений правительства США. Так, империалистические устремления США в конце XIX в. Кеннан объяснял сложившимися традициями, тем, что американцам издавна приятен «запах империи», нравилось видеть свой флот на далеких тропических островах и купаться в лучах славы одной из великих империй мира. Дискуссия между «адвокатами реализма» и «адвокатами идеализма» продолжается по настоящее время³.

Многие представители буржуазной науки считают, что война — это явление, которое необходимо изучать различными путями. К их числу принадлежит французский теоретик Р. Арон. Он указывал на ограниченность взглядов Клаузевица, который оставляет открытыми многие проблемы. «Клаузевиц, — писал Р. Арон, — остался скорее философом войны, нежели политиком... его мысль только приближается к порогу политики, она несет нам не ответы, а скорее вопросы относительно сущности войны в современной системе государств»⁴. В сборнике статей на эту тему, подготовленном Л. Фарраром, говорится, что изучение войны требует совместных знаний и усилий антропологов, психологов, социологов, политологов, историков, экономистов и правоведов⁵.

¹ Howard M. The Causes of Wars and other essays. Cambridge (Mass.), 1963, p. 20.

² Кеннан G. American Diplomacy. 1900—1950. Chicago, 1951, p. 99.

³ См.: Ржешевский О. А. Война в истории. М., 1984, с. 39—40.

⁴ Contrepoint. Paris, 1974, № 15, p. 14.

⁵ War. A Historical, Political and Social Study. Ed. by L. Farrar. Santa Barbara (Cal.), 1978, p. XVI.

Однако «совместные знания и усилия» ни к чему существенному не привели. Различные взгляды и подходы к выявлению причин войны объединяются лишь в рамках публикуемых сборников, раздираемых взаимоисключающими концепциями. Критика прежних несостоятельных постулатов, признание необходимости разработки теоретических положений, объясняющих феномен войны, бесплодие и безысходность попыток, предпринимаемых в этом направлении, — все это свидетельства глубокого кризиса буржуазной методологии. «Перспектива войны реальнее, — пессимистически заключает Л. Фаррар, — если правы те, кто считает конфликт врожденным свойством человеческой природы. Если войны определяются циклами истории или если они являются возможным результатом модернизации, колониализма или тоталитаризма, — тогда осталось мало надежд»¹.

Какими бы далекими от подлинной науки и исторической практики, сколь противоречивыми ни были бы взгляды на причины войн, в том числе второй мировой войны, все школы и группировки буржуазных историков и философов объединяет стремление любыми путями скрыть, замаскировать ответственность империализма как главного виновника мировых войн². Методы достижения этой цели варьируются в зависимости от политической ориентации того или иного исследователя, его научного потенциала, конкретного предназначения готовящейся им публикации, конъюнктуры и ряда других факторов.

В книге «Американский подход к внешней политике» профессор Д. Петкинс задает вопрос: «Существует ли американский империализм?» Отвечая на него, он пытается убедить читателей, что понятие «империализм» — это прием русской пропаганды, что США никогда не были империалистической страной и не являются таковой³. А поскольку в Соединенных Штатах нет империализма, то, мол, нет и оснований обвинять это государство в причастности к развязыванию второй мировой войны.

Между тем история США как империалистического государства — многочисленные захватнические войны, ожесточенная и кровавая борьба монополистического капитала за мировое господство, система эксплуатации трудящихся, подавления прогрессивного движения народных масс и, наконец, курс правящих кругов на уничтожение первого в мире социалистического государства — показывает, что американский империализм не «прием русской пропаганды» и не «антикоммунистический феномен», что это конкретное социально-политическое явление, ведущая сила мирового империализма.

Виновность империализма в войнах признают, хотя и в строго дозированных, чаще иносказательных, формах, лишь отдельные

¹ War. A Historical, Political and Social Study, p. XVI.

² См.: Рыбкин Е. И. Критика буржуазных учений о причинах и роли войн в истории: Философско-исторический очерк. М., 1979.

³ Petkins D. The American Approach Foreign Policy. Harvard University Press, 1962, p. 29, 98.

буржуазные историки. «Империализм, — пишет Л. Фаррар, — выражал собой точку зрения, что государственная система является по существу конкурирующей; и этот взгляд, возможно, подготовил людей к тому, чтобы воспринять войну как подходящий, даже необходимый политический выход»¹.

Стремлением скрыть ответственность империализма как главного виновника войны определяется трактовка буржуазными исследователями сущности фашизма, этой открытой террористической диктатуры наиболее реакционных и агрессивных кругов монополистического капитала, развязавших вторую мировую войну. Такой анализ (если он вообще присутствует) сводится, как правило, к попыткам замаскировать классовую сущность фашистского движения, его агрессивную империалистическую природу. Чаще всего анализ фашизма подменяется персонификацией этого явления, сводится к перечислению тех изменений, которые произошли в политике стран оси с приходом к власти Гитлера, Муссолини и клики японских милитаристов. «Гитлер пришел к власти, и началось перевооружение Германии» — такой стереотипный тезис прямо или косвенно связывает причины второй мировой войны с виновностью одного Гитлера, его психопатической натурой. Л. Лафор в книге «Конец славы. Интерпретация причин второй мировой войны» выдвигает версию, будто фашизм в начале своего возникновения провозгласил «левую и революционную программу, упразднение монархии и аристократии, антиклерикализм и антикапитализм», но в итоге в нем возобладал «шовинизм и этатизм». Подобный подход к выяснению природы фашизма приводит автора к утверждению, что «фашизм в значительной степени возник в результате дешевых политических интриг»². Р. Леки, автор книги «Войны Америки», связывает фашизм в Германии и Италии с «авторитарным национализмом», а его разновидность в Японии — с «теократическим милитаризмом». В лабиринте терминов, путаных рассуждений и гипотез нет только главного — анализа органической связи между империализмом, фашизмом и войной.

Несколько иную точку зрения высказал известный французский исследователь второй мировой войны А. Мишель. Он считает Гитлера «глубоким психопатом и преступником», но делает при этом существенное пояснение: «Крупные собственники и промышленники оказали поддержку Гитлеру, благодаря которой он сумел захватить и удержать власть. Нацисты в полной мере использовали преобладающие тенденции господствующих кругов: их социальный и религиозный консерватизм, страх и ненависть по отношению к социализму и даже к либерализму, пангерманский шовинизм»³.

¹ War. A Historical, Political and Social Study, p. 166.

² Lafore L. The End of Glory. An Interpretation of the Origins of World War II. New York, 1970, p. 68—71.

³ Michel H. La 2-ème guerre mondiale commence. Bruxelles, 1980, p. 19.

Пожалуй, наибольшее внимание уделяется анализу фашизма в буржуазной литературе ФРГ. Одним из самых распространенных вариантов объяснения природы фашизма являются попытки истолковать его возникновение как результат воздействия неких «иррациональных факторов», породивших роковую, демоническую личность — Гитлера. Пытаясь изобразить фашистского фюрера сверхчеловеком, многие буржуазные историки заявляют, что национал-социализм был исключительно творением Гитлера¹, что именно он «с грандиозным произволом творил историю»².

Версия о единоличной ответственности Гитлера за развязывание второй мировой войны возникла на Западе еще во время Нюрнбергского процесса над главными военными преступниками. Как тогда признал У. Черчилль, «заинтересованным группам было выгодно, попав в плен к союзникам, подчеркивать свои попытки сохранить мир»³. В унисон с бывшими гитлеровскими генералами и немецкими монополистами, твердившими во время суда о невозможности противостоять стремлению Гитлера к войне, многие буржуазные историки до сих пор пишут, что вторая мировая война возникла не закономерно, то есть не вытекала из политики империалистических кругов, а была преднамеренно, с холодным расчетом развязана «злым духом» — Гитлером, задача которого состояла в «великом разрушении»⁴.

Линия буржуазной историографии, направленная на преувеличение роли Гитлера в возникновении фашизма и войны, трансформируется постепенно, по мере усиления реакции в капиталистических странах, в тенденцию обелить фашистских главарей. Характерным примером того могут служить книги западногерманского историка В. Мазера. В его публикациях на первый взгляд нет четко выраженной концепции. Он по возможности уклоняется от каких-либо собственных выводов и оценок. В предисловии к одной из книг о Гитлере он пишет: «Я должен признаться, что документы и работа над этой книгой принесли мне много неожиданностей, о которых я не догадывался»⁵. Каких же? Содержание книги нацелено на то, чтобы показать Гитлера не как известного всем маньяка и тирана, а как сентиментального, даже не лишённого привлекательности человека. Комментарии автора к различным документам носят объективистский характер. Очевидна и предвзятость его полемики с явными сторонниками нацистского фюрера, которого они представляют как «слугу Германии». Мазер утверждает, что это «лишь отчасти соответствует действительности»⁶.

¹ Wulf J. Aus Lexikon der Mörder. Gütersloh, 1963, S. 9.

² Fest J. Hitler. Eine Biographie. Frankfurt a/M., 1974, S. 23.

³ Churchill W. The Second World War. London, 1948, vol. 1, p. 244.

⁴ Freund M. Deutsche Geschichte. Gütersloh, 1973, S. 1179, 1186; Weltgeschichte im Aufriss. Frankfurt a/M., 1977, Bd. 3, Teil 1, S. 445 etc.

⁵ Maser W. Hitlers Briefe und Notizen. Düsseldorf, 1973, S. 7.

⁶ Ibid., S. 376.

Нетрудно проследить органическую связь между оценками Гитлера буржуазными философами и историками. Западногерманский философ Ф. Мейнеке утверждает, что Гитлер являл собой «один из самых поразительных, не поддающихся учету примеров мощи личности и ее влияния на историю», а историк Г.-А. Якобсен заявляет, договорившись до нелепостей, что Гитлер был «народным вождем». Историк из США У. Ширер утверждает, что «без всего того, чем он (Гитлер. — Прим. авт.) обладал и что он потерял, опьяненный властью и успехом, не существовало бы третьего рейха»¹. Советские исследователи правильно подчеркивают, что эти оценки не только не соответствуют истине, но и весьма опасны, служат целям восхваления фашизма и его главарей.

Характерной чертой буржуазной историографии ФРГ является стремление представить фашизм как социальное движение мелкой буржуазии, низшего слоя среднего класса, с тем чтобы замаскировать ведущую роль наиболее реакционных слоев монополистической буржуазии в установлении фашистской диктатуры. Так, по мнению Х. Гребинг, фашизм был порожден движением средних слоев, не принадлежавших ни к классу пролетариев, ни к эксплуататорам. На этом основании она делает вывод о том, что якобы «можно в действительности говорить о бесклассовости фашизма»². Солидаризируясь с ней, А. Зааге выдвигает тезис о формировании из средних слоев «третьего класса», который будто бы и сделал фашизм «решающей» силой³.

Тем же целям служит широко рекламируемая на Западе теория так называемого массового общества⁴. Приверженцы этой теории, объявив нынешний век «веком масс», пытаются доказать, что захват национал-социализмом власти в 1933 г. представлял собой революцию, которая указала человечеству «третий путь» развития между капитализмом и социализмом⁵.

Фашизм в действительности был прямо и непосредственно направлен на подавление революционного движения народов, прежде всего рабочего класса и его авангарда — международного коммунистического движения. VII конгресс Коминтерна в 1935 г. отмечал: «Перед лицом всего мира *фашистская Германия* наглядно показывает, что ждет народные массы при победе фашизма. Неистов-

¹ См.: Мельников Д., Черная Л. Преступник номер 1: Нацистский режим и его фюрер. М., 1981, с. 36.

² Grebing H. Aktuelle Theorien über Faschismus und Konservatismus. Eine Kritik. Stuttgart, 1974, S. 105.

³ Saage R. Faschismustheorien. Eine Einführung. München, 1976, S. 130.

⁴ См.: Дякин В. С. «Век масс» и ответственность классов (Вопрос о классовой сущности фашизма в западногерманской историографии). — Критика новейшей буржуазной историографии: Сборник статей. Л., 1967, с. 315—338; Аши и Г. К. Доктрина «массового общества». М., 1971; Прохватор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1985.

⁵ Bracher K. Europa in der Krise. Innengeschichte und Weltpolitik seit 1917. Frankfurt a/M., 1979, S. 176, 178—179.

ствующая фашистская власть истребляет в тюрьмах и концентрационных лагерях цвет рабочего класса, его вождей и организаторов. Она разгромила профсоюзы, кооперативы и все легальные организации рабочих, равно как и все другие нефашистские политические и культурные организации. Она отняла у рабочих элементарные права защиты их интересов. Она превратила культурную страну в очаг мракобесия, варварства и войны»¹.

Народные массы, международный рабочий класс и его авангард — коммунистические партии неизменно и последовательно выступали и выступают против фашизма и милитаризма. Установление фашистских диктатур в Италии, Германии и некоторых других капиталистических странах в 20—30-е годы явилось результатом наступления отдельных отрядов крайней монополистической реакции против трудящихся. Силы мракобесия воспользовались тогда расколом рабочего класса, возникшим прежде всего по вине правооппортунистических «вождей» социал-демократии, проповедовавших идеи социального партнерства и антикоммунизма. Однако там, где по инициативе коммунистов были созданы широкие народные фронты, как это имело место, например, во Франции, фашизм не смог пробраться к власти. В Испании фашистам удалось установить свою диктатуру лишь благодаря поддержке со стороны фашистских режимов Италии и Германии, которые осуществили прямую военную интервенцию в эту страну в 1936—1939 гг.

Корыстные интересы правящих классов империалистических государств, ввергнувших мир во вторую мировую войну, были чужды народным массам. Ненавистные им фашистские режимы несли угрозу не только свободе, но и самому существованию целых наций. Борясь против фашизма, народные массы, рабочий класс и его передовая часть — коммунисты отстаивали свое право на жизнь и свободу, право на борьбу за социальный прогресс.

Еще одной буржуазной теорией, призванной обелить фашизм, стала теория «модернизации». Под расплывчатым понятием «модернизация» буржуазные социологи и историки понимают процесс перехода человеческого общества к так называемому современному «индустриальному обществу», отличительной чертой которого, как они считают, является свободное от традиций равенство всех людей². Фашизм представляется ими в качестве явления, сопутствующего процессу «модернизации». Решающим пунктом теории является тезис о том, что национал-социализм осуществлял террористическую, но «необходимую подготовительную работу»³. Фашистский путч эти «теоретики» называют экстремистским мяте-

¹ Резолюция VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. М., 1935, с. 11.

² Dahrendorf R. Gesellschaft und Demokratie in Deutschland. München, 1965, S. 432.

³ Henning E. Thesen zur deutschen Sozial- und Wirtschaftsgeschichte 1933—1938. Frankfurt a/M., 1973, S. 29.

жом, который якобы вопреки целям его руководителей способствовал модернизации общества¹.

Новой попыткой объяснения причин второй мировой войны в буржуазной историографии можно считать исследование, принятое группой историков во главе с М. Мессершмиттом из военно-исторического исследовательского управления бундесвера, опубликованное в первом томе труда «Германский рейх и вторая мировая война». Его авторы выступают с заявкой на лидерство в буржуазной трактовке данного вопроса, декларируя «необходимость синтеза всех имевшихся исследований, прежде всего для того, чтобы представить широкую информацию читателям, интересующимся историей»².

В специальных разделах тома довольно обстоятельно рассматриваются идеологические, экономические, военные и внешнеполитические аспекты подготовки Германии к войне, признается, хотя и с оговорками, традиционная агрессивность германского империализма и, фактически, виновность фашистского рейха в развязывании войны («Германская империя играла ведущую роль в возникновении и ходе второй мировой войны»).

Наиболее примечательным является то, что в томе затрагиваются социальные аспекты причин, по которым Германия взяла курс на войну. «Страх перед революцией, — пишут авторы, — был фоном, на котором развертывалась политика Гитлера...»³. Ответственность за политику Германии они возлагают якобы на те «буржуазно-национальные слои и их представителей в министерстве иностранных дел, в вермахте, в экономике и науке, которые олицетворяли преемственность национально-государственных традиций... Они приветствовали и всеми силами поддерживали процесс вооружения... Их целью было такое расширение великодержавных позиций Германии, которое выходило за пределы только ревизии Версальского договора, включало в себя Восточную Европу, Восточную империю... Использование военной силы было само собой разумеющимся фактором в рамках этих политических расчетов»⁴.

Казалось бы, что такого рода рассуждения — шаг на пути к исторической правде, но в действительности это — маневр, цель которого убедить читателей в виновности прежде всего Гитлера в развязывании войны, преступлениях фашизма и в непричастности к ним сил монополистического капитала Германии. Это отчетливо видно на примере попыток авторов труда доказать «ошибочность» оценки фашизма Коминтерном как диктатуры самых реакционных, шовинистических элементов финансового капитала. Прочитав определение Коминтерна, авторы тома пишут: «Гитлера нельзя считать «марионеткой» финансового капитала.

¹ Die Zeit, 12.X.1973, Literaturbeilage, S. 26.

² Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1979, Bd. 1, S. 11.

³ Ibid., S. 708.

⁴ Ibid., S. 715.

В предвоенной Германии никто, кроме него, не имел влияния на массы. Это в особой мере относится к периоду после 1936 года и времени самой войны. Курс на начавшуюся 1 сентября войну был определен им... Война, начавшаяся 1 сентября 1939 года, без него не разразилась бы над Европой»¹. Иными словами, «новая» аргументация западногерманских историков нацелена на то, чтобы укрепить старый миф о единоличной ответственности Гитлера за войну, обеляющий империализм и фашизм, хотя кое-какие акценты пришлось изменить.

Наконец, общность буржуазных теорий о войне проявляется в их антикоммунизме. Умеренные консерваторы и неофашисты, либеральные мальтузианцы и эклектики, теоретики религиозных учений пытаются, каждый по-своему, в меру и не в меру сил и возможностей, вести рассуждения таким образом, чтобы связать причины войн с революционной борьбой трудящихся, обосновать причастность социалистического общественного строя к развязыванию второй мировой войны. «Война, а не мир порождается коммунизмом»², — клеветет американский теоретик Л. Фишер. Подобные лжесторические установки особенно активно распространяются в последние годы, обслуживая агрессивные устремления монополистического капитала, все более явно проявляющиеся во внешней политике США, их союзников и сателлитов, направленной против СССР, всех революционных сил современности. «Крестовые походы нашей эпохи, — вещают полемологи, — проповедуются политическими комиссарами, распространяющими новую веру»³. Общность антикоммунистического содержания различных буржуазных теорий о войне — наиболее характерная тенденция их современного развития.

Вместе с тем отдельные теоретики выступают с позиций более реалистической оценки международных событий, предшествовавших второй мировой войне. Р. Гартхоф в книге «Советская военная политика. Исторический анализ» писал, что с первых лет существования Советского государства стремление избежать войны стало аксиомой советской политики. «Советская республика, — отмечал он, — отказалась от всех экономических, политических прав России за границей — Турции, Персии, Афганистане, Синдзяне, Туве, Маньчжурии и Китае». Гартхоф указывает, что «Советский Союз не прибегал к открытому использованию военной силы начиная с 1921 года...». Вооруженного конфликта с Финляндией «Советский Союз не хотел», и далее: «Русские с 1921 года стали играть ведущую роль в борьбе за разоружение»⁴. Несмотря на это, в идеологическом плане Р. Гартхоф пытается использовать содержание своей книги в ущерб социализму. Приведен-

¹ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Bd. 1, S. 18.

² Fischer L. Russia's Road from Peace to War. New York, 1969, p. 5.

³ Bouthoul G., Carrère R., Annequin J.-L. Guerres et civilisation (de la préhistoire à l'ère nucléo — spatiale). Paris, 1979, p. 90.

⁴ Garthoff R. Soviet Military Policy: A Historical Analysis. New York, 1966, p. 14.

ные выше оценки советской внешней политики лишний раз свидетельствуют о несостоятельности антисоветских тезисов буржуазной историографии.

Один из представителей школы «новых левых» Р. Барнет, исследовав американскую внешнюю политику, пришел к выводу, что корни войны следует искать в самих империалистических государствах. Он задает вопрос: каковы те национальные интересы, которые США стремились достичь, «сея смерть, террор и разрушение?»¹. И вот как Барнет отвечает на него: «С любой исторической точки зрения США являются империей. С рождения республики в 1776 году до начала второй мировой войны территория владений Соединенных Штатов увеличилась с 400 тысяч квадратных миль до 3 738 393 квадратных миль... Во второй мировой войне Соединенные Штаты юридически не аннексировали новых территорий, но они взяли под свой полный контроль «стратегически опасные территории» и другие базы, увеличив таким образом свои мировые владения»².

Прогнозируя историческую перспективу, Барнет подчеркивает: «Война — это социальное явление. Постоянные войны Америки можно объяснить прежде всего путем исследования американского общества; эти войны прекратятся только в случае, если произойдут перемены в самом обществе»³. Р. Барнет предлагает устранить войны путем различного рода реформ в области американской политики, экономики, ограничения власти военно-промышленного комплекса, отречения от беспредельных международных притязаний США. В этом смысле его подход способствует как выявлению подлинных причин войн, так и поискам путей возможного оздоровления международной обстановки. Однако для большинства современных буржуазных авторов характерны другие устремления. Они ищут ответа на вопрос: как могло произойти, что война началась со столкновения империалистических коалиций, почему оказались нереализованными возможности создания единого фронта империалистических держав, направленного против СССР? Выступая с сугубо прагматических позиций, они стремятся извлечь из этой «роковой ошибки» уроки на будущее. Для их трудов характерно рассмотрение версальской системы договоров, перевооружения гитлеровской Германии, фашизма, курса на умиротворение агрессоров, крушения планов создания системы коллективной безопасности в Европе, то есть формально многих из тех факторов, которые действительно связаны с происхождением второй мировой войны и глубоко исследованы марксистской историографией. Но трактовка их является преднамеренно ложной, выдержанной, как правило, в антисоветском духе. Некоторые буржуазные теоретики и историки заявляют, что вторая мировая война была бы предотвращена только в том случае, если

¹ Barnett R. The Roots of War... New York, 1972, p. 5.

² Ibid., p. 17.

³ Ibid., p. 5.

бы в Западной Европе «постоянно находились американские войска»¹, демонстрируя тем самым наглядный пример того, как реакционные исследования превращаются в прямую апологетику милитаризма и агрессивных планов НАТО.

2. От империалистического мира к новой войне

Анализ событий, приведших ко второй мировой войне, чаще всего сводится у буржуазных исследователей к освещению истории внешней политики и дипломатической деятельности различных государств в межвоенный период. При этом проблемы внутренней политики затрагиваются весьма ограниченно, а экономика и идеология, за редким исключением, отсутствуют вообще. Кроме того, если разделить межвоенный период на два этапа: первый — до мюнхенского соглашения, второй — после него, то станет очевидным, что основная масса литературы посвящена второму этапу. Эта особенность также является отражением тенденции к поверхностному исследованию причин войны, отрицанию закономерности исторического процесса.

Как же оценивают буржуазные историки те межвоенные события, на которых сосредоточено их основное внимание?

Первым среди этих событий является Версальский договор, рассматриваемый в буржуазной историографии, как правило, критически. Характер его критики весьма примечателен. Американский историк Т. Тейлор видит недостатки Версальского договора в том, что он воспрепятствовал «здоровой эволюции франко-английской политики в отношении Германии» и оказался неспособным противостоять «силовому давлению третьего рейха»². Вместе с тем он считает, что Версальский договор мог сыграть свою роль, если бы его «регулировали» в соответствии с изменявшейся обстановкой в Европе. В экономическом плане, пишет Т. Тейлор, это делалось (отмена репараций), а в военном и территориальном оставалось неизменным, что и привело к односторонним действиям Гитлера. «Франция, опасаясь последствий таких изменений, постепенно утратила волю и потенциальную возможность противостоять этому с помощью силы»³.

Оценки Версальского договора в целом Тейлор избегает.

В неонацистской литературе ФРГ господствуют тезисы, оправдывающие отказ Германии от обязательности Версальского договора, его ревизию силой и агрессивную политику фашистской Германии. Х. Хертле утверждает, что Германия отвергла Версальский договор, встала на путь ремилитаризации, была вынуждена укреплять обороноспособность и защищать свои границы след-

¹ Eubank K. The Origins of World War II. New York, 1969, p. 27.

² Taylor T. Munich: The Price of Peace, New York, 1979, p. 77 (далее — Taylor T. Munich...).

³ Ibidem.

стве будто бы возникшей для нее «советско-французской угрозы»¹.

Подобная литература по Версальскому договору продолжает публиковаться практически во всех капиталистических странах — участниках первой мировой войны. Общій тон ее сводится к тому, чтобы доказать, что «версальский мир» был несправедливым, и прежде всего для Германии². Что за этим скрывается?

18 января 1919 г. в Версале, недалеко от Парижа, торжественно открылась конференция союзных стран по выработке условий послевоенного мирного урегулирования. На ней были представлены 27 стран, участвовавших в войне против коалиции центральных держав (Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария) или разорвавших дипломатические отношения с Германией. Однако фактически вершителями судеб будущего мира явились Англия, Франция и США. Германия и ее бывшие союзники по войне от участия в работе конференции были отстранены. Советская Россия также не была допущена на конференцию, хотя именно Россия вынесла на себе основную тяжесть войны и, по существу, спасла в 1914—1916 гг. Англию и Францию от поражения. Дело в том, что первостепенное значение в ходе переговоров занял так называемый русский вопрос — организация борьбы против молодого социалистического государства. Сама Парижская мирная конференция фактически стала штабом вооруженной интервенции против Советской России³.

28 июня 1919 г. был подписан Версальский мирный договор, формально завершивший первую мировую войну. Главную роль в работе конференции играл «совет четырех» в лице президента США Вильсона, французского премьер-министра Клемансо, британского премьер-министра Д. Ллойд-Джорджа и итальянского премьер-министра Орландо.

Противоречия между победителями и побежденными уже вскоре после создания версальской системы привели к образованию новых военно-политических блоков. Версальская система юридически закрепила грабеж, рабство, зависимость, нищету и голод миллионов людей. «Получилось такое положение, — говорил В. И. Ленин, — при котором $\frac{7}{10}$ мирового населения находится в поработанном положении»⁴.

Сущность версальской системы определялась стремлением стран — победительниц в первой мировой войне перекроить европейскую карту и за счет побежденной Германии и ее союзников получить новые рынки сбыта и источники сырья, новые колони-

¹ Härtle H. Die Kriegsschuld der Sieger. Churchills, Roosevelts und Stalins Verbrechen gegen den Weltfrieden. Preuss Oldendorf, 1971, S. 117.

² Подробнее см.: Причины возникновения второй мировой войны. М., 1982, с. 31—48; Европа XX века: Проблемы мира и безопасности. М., 1985, с. 12—24.

³ См.: История первой мировой войны. 1914—1918. М., 1975, т. 2, с. 534—535.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 353.

альные владения и сферы влияния. Главная цель версальской системы состояла в стремлении заменить германскую гегемонию в Европе англо-французской, в перераспределении баланса сил в пользу Англии, Франции и США. Причем последние направили свои основные усилия на то, чтобы превратить Германию в такой инструмент, с помощью которого можно было бы уничтожить или значительно ослабить Советский Союз. Таким образом, в версальских документах нашли свое отражение и коренные противоречия периода общего кризиса капитализма — противоречия между капиталистической и социалистической системами. «Это не мир, — указывал В. И. Ленин, — а условия, продиктованные разбойниками...»¹

Вся история Версальского мирного договора с момента его подписания вплоть до начала второй мировой войны представляла собой постепенное разрушение версальской системы и подталкивание западными державами Германии к агрессии против СССР.

В концепциях буржуазных авторов заметное место отводится трактовке таких событий, предшествовавших второй мировой войне, как захват Германией Рейнской зоны, Италией — Эфиопии, японская агрессия на Дальнем Востоке, гражданская война в Испании. Но все события межвоенного периода, как правило, связываются с политикой умиротворения, которую, по их словам, проводили Англия и Франция в Европе, а США — на Дальнем Востоке.

Для выяснения общей буржуазной концепции происхождения второй мировой войны необходимо рассмотреть, как буржуазные историки трактуют само понятие «умиротворение», ибо это имеет важное значение. Умиротворение, заявляют многие из них, это метод дипломатии. В условиях равновесия или превосходства сил умиротворение может ослабить претензии и соперничество, стать альтернативой, поддержать международную устойчивость и гармонию в отношениях между государствами².

Идея о том, что политика умиротворения фашистской Германии была направлена на укрепление мира, является центральной в буржуазной историографии.

Примечательная особенность последних лет — усиление попыток реабилитации этой политики, связанных с активизацией, так называемой «ревизионистской школы» (Д. К. Уотт, М. Гилберт — в Англии, Ж. Валлет — во Франции и др.)³.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 353.

² Appeasement of the Dictators. Ed. by W. Kleine-Ahlbrandt. New York, 1970, p. 1; Vallet I. Problemes des relations internationales 1918—1949. Paris, 1980, p. 82.

³ См.: Илюхина Р. М., Десятков С. Г. Современная английская историография политики «умиротворения» агрессоров. — В кн.: Буржуазная историография второй мировой войны; Анализ современных тенденций. М., 1985, с. 80—98.

Создана схема, согласно которой Германия признается агрессивным государством, несправедливо ущемленным Версальским договором, в то время как Англия, Франция и США предстают в этой схеме в виде держав, стремившихся достигнуть мира и равновесия в Европе¹. Творцом политики умиротворения называют британского премьер-министра Д. Ллойд-Джорджа. «Ллойд-Джордж надеялся на то, что мир сохранится надолго... и поэтому предупреждал против договора, который бы оказался унижительным для Германии»². Политика умиротворения, говорится далее, «не была уступкой, обусловленной требованиями агрессоров, а политикой «с позиции силы», продиктованной победителями»³.

Такая трактовка примечательна тем, что признает преднамеренность курса западных держав на укрепление германского рейха, но в то же время скрывает контрреволюционную, антисоветскую направленность этой политики.

Свой «капитальный» анализ межвоенных событий Л. Лэфор начинает с Локарнских договоров 1925 г., которые явились первым после Версаля международным соглашением империалистических государств, открывавшим Германии путь к агрессии на Восток. В противовес общеизвестным фактам американский историк пишет, что «цель Англии состояла в том, чтобы распространить принцип Локарно на все границы в Европе». Эта цель не была достигнута будто бы из-за «ошибочного предположения, что Гитлер относится к договорам так же, как Саймон»⁴. Провозглашаемая автором «неперсонифицированная» история и в дальнейшем предстает чаще всего конгломератом все тех же личностных взглядов и побуждений. «Осуществление политики Барту⁵ оказалось в менее компетентных и менее честных руках. Его премьерник Пьер Лаваль был неразборчив в средствах и испытывал глубокие подозрения по отношению к Советскому Союзу»⁶.

С несколько иных позиций трактует Локарнские договоры и их последствия У. Клейн Олбрандт. «Локарнские договоры, — сетует этот американский историк, — оказались большой иллюзией. Наиболее противоречивые статьи Версальского договора не были урегулированы. Локарно признал право на ревизию. Это была победа

¹ The Fascist Challenge and the Policy of Appeasement. London, 1963, p. 23—28.

² Appeasement of the Dictators, p. 2.

³ Ibid., p. 6.

⁴ Такое предположение не было ошибочным. Лидер правого крыла либеральной партии министр иностранных дел Англии (1931—1935 гг.) Д. Саймон последовательно проводил политику поощрения фашистских агрессоров, являлся злейшим врагом СССР, всячески стремился обострить англо-советские отношения. На Стрезской конференции (апрель 1935 г.) он высказался против применения каких-либо санкций к Германии в связи с нарушением ею Версальского договора.

⁵ Л. Барту — министр иностранных дел Франции в 1933—1934 гг., сторонник заключения советско-французского пакта о взаимопомощи. Убит связанными с Берлином и Римом хорватскими террористами 9 октября 1934 г.

⁶ Lafore L. The End of Glory, p. 133.

Германий. Великобритания и Франция не смогли прийти к соглашению... Франция придерживалась жесткой интерпретации Версальского договора. Британия проявляла стремление к тому, чтобы игнорировать Восточную Европу как сферу интересов»¹.

Нетрудно заметить — словесной эквилибристикой этот историк владеет. Расчеты на германскую агрессию против СССР приобретают у него форму отказа Британии от своих интересов в Восточной Европе. В приведенной выше оценке Локарнского договора выделяется один момент — признание автором того очевидного факта, что трубадуром политики подготовки германского похода на Восток выступал британский империализм.

С особой тщательностью маскируется ответственность монополий за подготовку войны, деятельность в этом направлении различных финансово-промышленных группировок, диктовавших военно-политические программы. В противовес историческим фактам утверждается, что «понятие Кливлендская группировка является дезориентирующим»², что «нет ни малейших доказательств существования этого англо-германского заговора»³.

Существует, однако, много документов, опровергающих этот тезис. Приведем один из них — малоизвестный доклад германского посла в Лондоне, который свидетельствует, что гитлеровская Германия опиралась на Англию как на основную международную силу в осуществлении своей подготовки к войне. В марте 1935 г. германский посол сообщил в Берлин: «Сейчас достигнуто фактическое равенство прав для Германии в вооружениях на суше; задача германского государственного руководства состоит в том, чтобы завершить это огромное достижение... Ключ к положительному решению находится в руках Англии»⁴.

Буржуазные историки, игнорирующие такие документы, пытаются не только реабилитировать политику «умиротворителей», но и приписать ей некий позитивный смысл. Так, Д. Ли заявляет, что эта политика была направлена на «устранение несправедливостей Версальского договора по отношению к Германии»⁵, а Г.-А. Якобсен утверждает, что «англичане и французы стремились любой ценой сохранить мир»⁶. К. Юбенк, выдающий себя за

¹ *Appeasement of the Dictators*, p. 12.

² Кливленд — загородное поместье семьи Асторов, крупнейших банкиров и реакционных политических деятелей Англии 30-х годов, своего рода «политический салон», постоянными визитерами которого были руководящие деятели правительства консерваторов, в том числе Н. Чемберлен, лорды Галифакс, Лотнан и другие. Он был одним из центров антисоветской, профашистской пропаганды в Англии, англо-германских политических сделок на антисоветской основе.

³ *Lafore L. The End of Glory*, p. 190.

⁴ *Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series C, vol. III. Washington, 1957, p. 1018.*

⁵ *Munich. Blunder, Plot or Tragic Necessity?* Ed. by D. Lee. Lexington, 1970, p. VII.

⁶ *Jacobsen H.-A. Von der Strategie der Gewalt zur Politik der Friedenssicherung.* Düsseldorf, 1979, p. 53.

новатора в трактовке причин второй мировой войны, требует пересмотреть взгляды «ортодоксальных историков, которые все валили на умиротворителей». Он считает, что деятельность Чемберлена и его окружения не лишена заслуг¹. Исходя из фатального тезиса о невозможности предотвратить войну, К. Юбенк выдвигает не выдерживающую никакой критики версию о том, что «умиротворители» не предприняли военных санкций против Германии якобы потому, что «не видели своего военного превосходства»². Он не отрицает, что главным проводником политики умиротворения была Англия, но подводит внеклассовую базу под оправдание этой политики, выгораживая таким образом правящие круги. «Англичане, — уверяет он, — благожелательно относившиеся к немецкой системе образования, индустриального развития и социального законодательства (1), становились сторонниками умиротворения. Не существует ни отдельного человека, ни группы людей, ответственных за умиротворение»³. В конечном итоге этот американский историк пытается свалить вину за бездействие английских и французских правящих кругов перед лицом первых агрессивных актов Германии на английский и французский народы, которые, по его словам, было «невозможно заставить воевать против немецких солдат, оккупировавших свою собственную территорию»⁴ (речь идет о захвате Рейнской зоны. — *Прим. авт.*).

Весьма своеобразно объясняет Л. Лафор следующий акт политики умиротворения — поощрение захвата в 1936 г. фашистской Италией Эфиопии. «Стремление Муссолини захватить Эфиопию, — пишет он, — заставило иностранцев (1) попытаться объявить его вне закона как агрессора. Это привело к повороту в германо-итальянских отношениях и сделало невозможными все последующие попытки «остановить Гитлера»⁵. Американские историки ставят под сомнение само право эфиопского народа на защиту территории своей страны, намекая, что война будто бы возникла из-за какого-то оазиса, «захваченного итальянцами несколько лет назад и расположенного в ужасной пустыне»⁶.

В. Байер, Х. Бреддик и некоторые другие историки занимаются выяснением причин, почему западные державы не сумели достичь с Италией полюбовного соглашения за счет Эфиопии еще до того, как Италия предприняла военную интервенцию. По словам В. Байера, причина здесь кроется в том, что Англия придерживалась политики «оборонительного эволюционизма». «Британское правительство, — пишет он, — стремилось сохранить свою дружбу с Италией. Саймон не любил Эфиопию и не хотел оказывать противодействие Муссолини. Он боялся, что сопротивление пла-

¹ Eubank K. The Origins of World War II, p. VIII.

² Ibidem.

³ Ibid., p. 57.

⁴ Ibidem.

⁵ Lafore L. The End of Glory, p. 136—137.

⁶ Appeasement of the Dictators, p. 138.

нам Муссолини приведет к падению дуче и создаст условия для захвата Италии большевиками»¹. Версия о «красной опасности» — один из наиболее стойких стереотипов буржуазной историографии.

Несколько иной точки зрения придерживается Х. Бреддик. Оценивая соглашение Хора — Лавала, заподовавших в декабре 1935 г. Эфиопию итальянским агрессорам, он признает, что это было «поощрением фашистской агрессии в Эфиопии»². Ссылаясь на документы и мемуары, Х. Бреддик приходит к выводу, что причины нападения Италии на Эфиопию кроются в политике Англии, «оседлавшей» Эфиопию, несмотря на договор 1906 г., согласно которому она объявлялась сферой итальянского влияния. «К концу 1934 года, — пишет Бреддик, — итальянцы поняли, сколь мощным стало английское влияние в этой стране и что через несколько лет их вообще оттуда вытеснят»³. Хотя и робко, но он ищет связь между политикой умиротворения фашистской Италии и интересами английских монополий. «Конкретная принадлежность заинтересованных в этом сил, — осторожно сообщает он, — может явиться предметом дискуссии. Но следует отметить, что картель «Интернэшнл петролеум», который контролировал с 1928 года примерно 75 процентов поставок нефти Италии, конечно, опасался введения нефтяных санкций»⁴.

7 марта 1936 г. гитлеровская Германия в нарушение Версальского и Локарнского договоров ввела свои войска в демилитаризованную Рейнскую зону. 30-тысячная немецкая армия захватила ее без какого-либо сопротивления со стороны западных союзников. Это был первый агрессивный акт фашистской Германии, осуществленный путем применения военной силы и направленный непосредственно против Франции.

Пожалуй, нет ни одного буржуазного историка, который оставил бы без внимания этот агрессивный акт. Большинство из них (исключение составляют неофашисты) в той или иной степени осуждают действия Германии. При этом главные усилия буржуазной историографии направляются на то, чтобы оправдать политику Англии и Франции перед лицом германской агрессии, объяснить их бездействие стремлением сохранить мир и предотвратить «красную угрозу».

«В 1936 году, — говорится в «Энциклопедии Американа», — Гитлер ремилитаризировал Рейнскую зону. Это была опасная авантюра, так как Англия и Франция располагали преобладающим превосходством в силах. Но они решили сохранить мир и не приняли каких-либо мер»⁵. Л. Лэфор делает это в форме «согла-

¹ Baer W. The Coming of the Italian-Ethiopian War. Cambridge (Mass.), 1961, p. 95.

² Цит. по: Appeasement of the Dictators, p. 33.

³ Ibid., p. 34. Более полно взгляды Х. Бреддика изложены в его книге: Germany, Czechoslovakia and the «Grand Alliance» in May Crisis, 1938. Denver, 1969.

⁴ Appeasement of the Dictators, p. 44.

⁵ Encyclopedia Americana, vol. 29, p. 364.

сия» с рассуждениями французских министров периода кризиса. Они, по его словам, считали, что в случае вооруженного отпора со стороны Франции «возникнет угроза как франко-германской войны, так и гражданской войны в Германии, которая, возможно, приведет к абсолютной военной диктатуре или к коммунизму»¹.

Вопрос о соотношении сил в период «рейнского кризиса» является предметом весьма пространных рассуждений. В противовес авторам из «Энциклопедии Американа» Л. Лэфор, скажем, утверждает, что начальник французского генерального штаба М. Гамелен располагал данными, согласно которым Германия имела под ружьем 1 млн. человек, из которых одна треть была двинута в Рейнскую зону. Способность Англии вести войну он вообще ставит под сомнение². В действительности Англия и Франция имели в то время абсолютное превосходство над Германией в вооруженных силах, применение или бездействие которых зависело от решений политического характера.

Распространенным приемом буржуазных историков являются обвинения в адрес народов тех стран, правительства которых несут ответственность за преступную политику поощрения фашистских захватчиков³. Этот прием используется против народов Франции и Англии, правительства которых будто бы пошли на уступки потому, что народы не хотели конфликта с Германией. «Большинство граждан, — пишет Л. Лэфор, — из боязни войны считали, что мудрость, выдержка и добрые намерения помогут ее избежать»⁴. Еще более категоричен К. Юбенк. В своей «документальной истории» возникновения второй мировой войны он пишет: «Противники умиротворения заявляют, что западные державы были готовы начать войну против Гитлера, когда Германия еще не была к ней готова. Но население Англии и Франции просто не поддержало бы свои правительства. Народ не хотел воевать до тех пор, пока Гитлер не совершил нападения на Польшу»⁵.

История свидетельствует: трудящиеся Англии и Франции активно выступали против войны, требовали дать отпор агрессору. Так, программа Народного фронта Франции, выдвинутая коммунистической, социалистической, радикальной, республиканской социалистической партиями, поддержанная большинством французских трудящихся, предусматривала в качестве одного из важнейших положений заключение договора между государствами о взаимной помощи в борьбе с агрессией⁶.

¹ Lafore L. The End of Glory, p. 162.

² Ibid., p. 162, 167.

³ Warfare, Diplomacy and Politics. Essays in Honour of A. T. P. Taylor. Ed. by Ch. Wrigley. London, 1986, p. 18.

⁴ Lafore L. The End of Glory, p. 162.

⁵ The Road to World War II. A Documentary History. Ed. by K. Eubank. New York, 1973, p. 6.

⁶ См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1974, т. 2, с. 226—227.

Большинство буржуазных историков делают вывод, что оккупация германскими войсками Рейнской зоны явилась поворотным моментом на пути ко второй мировой войне. Комментируя отказ Англии выполнить свои обязательства по Версальскому и Локкарнскому договорам, Л. Лэфор тем не менее одобрительно замечает, что английские правящие круги с пониманием относились к тревогам Гитлера по поводу «франко-большевистского окружения»¹. Многие экскурсы буржуазных историков в прошлое явно направлены на подчинение трактовки «рейнского кризиса» целям дискредитации политики укрепления мира в Европе, последовательно проводимой Советским Союзом. Они конструируют различные «исторические аналогии», с тем чтобы воспрепятствовать процессу нормализации отношений СССР с Францией, ФРГ и другими европейскими капиталистическими государствами.

В комплексе событий, предшествовавших второй мировой войне, рассматривается и «испанская проблема» — гражданская война в Испании 1936—1939 гг., однако вовсе не для того, чтобы раскрыть органическую связь ее возникновения с подготовкой международным империализмом второй мировой войны. Чаще всего буржуазные историки пытаются обелить фашистскую агрессию и оправдать политику невмешательства западных держав. Отправным моментом буржуазной версии событий в Испании является стремление приписать мятежникам цели, якобы оправдывавшие их действия. По словам Л. Лэфора, они стремились «спасти гордое имя Испании и гарантии привилегированных классов от социалистических преобразований»². Агрессия фашистской Германии и Италии объясняется не захватническими и контрреволюционными устремлениями, не реакционной империалистической политикой этих государств, которой попустительствовали правящие круги Англии, Франции и США, а следствием «пылкости и придурковатости, цинизма» Муссолини³.

Поощрение фашистской агрессии правящими кругами Англии, Франции и США мотивируется, как и в случае захвата гитлеровцами Рейнской зоны, стремлением этих государств к сохранению мира. «Блюм (глава французского правительства. — Прим. авт.) ясно понимал природу фашизма, — утверждает Л. Лэфор, — но... считал, что любая политика открытой поддержки Испанской республики может вызвать всеобщую войну... в Европе»⁴.

Из событий в Испании Лэфор делает два вывода: во-первых, Италия и Германия продемонстрировали перед всем миром преобладающее превосходство в силах⁵; во-вторых, после таких событий судьбы европейской политики оказались, по его словам, в руках Англии, правительства Чемберлена, которое превратило

¹ Lafore L. The End of Glory, p. 162.

² Ibid., p. 170.

³ Ibid., p. 171.

⁴ Ibid., p. 175.

⁵ Ibid., p. 172.

курс на достижение соглашения с Германией в одну из основных целей своей программы¹.

Первый вывод не выдерживает критики, ибо в то время, особенно в 1936—1938 гг., фашистские державы как в военном, так и в экономическом отношении значительно уступали Англии и Франции. Что касается второго вывода, то американский историк, отмечая ведущую роль английских правящих кругов в сближении с гитлеровской Германией, умалчивает, какие цели преследовало предполагаемое соглашение и за счет кого собирались его заключить.

Неясные, туманные формулировки, лишь перечисление агрессивных актов фашистских государств — другая характерная черта освещения буржуазными историками политики умиротворения. «Германская аннексия Австрии в марте 1938 года, за которой последовал чешский кризис, — констатируется в официальном труде, подготовленном военно-исторической службой армии США, — пробудили Соединенные Штаты и другие демократические нации, поставив их перед фактом приближающегося нового мирового конфликта. На Дальнем Востоке этот конфликт уже начался после того, как Япония вторглась в 1937 году в Китай»².

Захват гитлеровцами Австрии чаще всего упоминается в трудах буржуазных историков как свершившийся факт или результат «волеизъявления» австрийского народа³. История аншлюса, запрещенного Версальским договором, не анализируется даже в таком специализированном сборнике, как «Умиротворение диктаторов», посвященном дипломатическим аспектам политики западных держав в отношении Германии в 1933—1938 гг. Единственное замечание по этому вопросу делает Х. Бреддик, который считает, что нацистское проникновение в Австрию рассматривалось в Лондоне как «фактор усиления зависимости Италии от Англии»⁴. Когда и в этом случае предпринимается попытка оправдать бездействие Англии, Франции и США, «аргументы страха» являются едва ли не единственными в арсенале буржуазных авторов. «Европа была потрясена, — говорится в одном из официальных изданий США, — но ни одна страна не осмелилась пойти на риск войны, чтобы заставить Германию отступить»⁵.

У. Ширер, критикующий позицию Англии и Франции в вопросе аншлюса, отмечает, что наряду со стратегическим и экономическим дивидендами, которые принес агрессорам захват Австрии,

¹ Lafore L. The End of Glory, p. 188.

² American Military History. Washington, 1973, p. 417.

³ 10 апреля 1938 г. в Австрии был проведен референдум. Голосующий должен был ответить на вопрос: «Согласен ли ты с происшедшим воссоединением Австрии с Германской империей?» В обстановке разнузданной фашистской пропаганды и террора, а также прямой фальсификации итогов голосования большинство бюллетеней были признаны содержащими ответ «да».

⁴ Appeasement of the Dictators, p. 37.

⁵ The World at War..., p. 34.

«наиболее важным для Гитлера было то, что ни Британия, ни Франция не пошевелили пальцем, чтобы его остановить»¹. Это, однако, лишь полуправда. Они «шевелили» не только пальцами, направляя политический курс своих стран на поддержку фашистской агрессии. Характерен следующий факт. Вскоре после захвата Австрии французский министр иностранных дел Ж. Бонне пригласил 27 мая 1938 г. германского посла фон Вельчека и настоятельно подчеркнул, что «французское правительство ценит искренние усилия, предпринятые германским правительством на благо мира...»². В эти дни правительствами Англии, Франции, Германии и Италии при поддержке США уже готовилось новое преступление — мюнхенский сговор о разделе Чехословакии, открывший путь фашистской агрессии на Восток и началу второй мировой войны.

Вывод французского историка Ф. Бурдреля категоричен: условием безнаказанных актов фашистских агрессоров явилась политика Англии и Франции. «Можно было предвидеть аншлюс после бесперомонной оккупации Рейнской зоны. Следовало ожидать выступление против Чехословакии после захвата независимой Австрии, не встретившего и намека на сопротивление. Чехословакию решили стереть с карты Европы — таким был последний акт на долгом пути к капитуляции и войне»³.

Завеса молчания над подлинными целями этой политики приоткрывается крайне редко. Так, Х. Бреддик как бы мимоходом замечает, что, «обезопасив себя морским соглашением с Германией»⁴, британские правящие круги считали, что «немецкий динамизм» должен устремляться в направлении Восточной и Юго-Восточной Европы»⁵. Видный французский историк Ж.-Б. Дюрозелль пишет: «Разгул антисоветизма во Франции, боязнь французского правительства потерять мелких союзников на Востоке делали свое дело. Франко-советские отношения ухудшались»⁶. Но констатация фактов, даже такого общего характера, является исключением. Гораздо чаще встречаются критические оценки политики умиротворения, не затрагивающие ее антисоветских «аспектов». Х. Бреддик, рассматривая английскую политику в период, предшествовавший мюнхенскому соглашению, называет ее «неверной». Он считает, что в первую очередь усилиями Анг-

¹ Shirer W. The Collapse of the Third Republic. New York, 1968, p. 330.

² Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937—1939. Ноябрь 1937 г. — декабрь 1938 г. М., 1981, т. 1, с. 110.

³ Bourdrel Ph. Nous avons fait Adolf Hitler. Paris, 1983, p. 281.

⁴ Англо-германское морское соглашение (18.VI 1935 г.) устанавливало соотношение военно-морских флотов обеих стран. Соглашение формально ограничивало общий тоннаж германского флота пропорцией 35:100 по отношению к английскому, а фактически санкционировало нарушение гитлеровцами военных ограничений, установленных для Германии Версальским договором, поощряло ее к перевооружению.

⁵ Appeasement of the Dictators, p. 37.

⁶ Duroselle J.-B. La décadence 1932—1939. Paris, 1979, p. 322.

лии была разрушена Лига Наций, оказавшаяся неспособной пресечь фашистскую агрессию¹.

Какой должна была быть англо-французская политика, по мнению буржуазных историков? Примечательна точка зрения В. Байера относительно итало-эфиопского конфликта. Он считает, что Муссолини нужно было заставить согласиться или на приобретение мирными средствами территорий в Восточной Африке, а именно части Эфиопии или Британского Сомали, или на мирное экономическое проникновение в Эфиопию с помощью английско-го и французского сотрудничества². Иными словами, политика поощрения фашистских агрессоров получает у этих историков одобрение. Критикуются, и то с оговоркой, лишь отдельные ее аспекты и предлагаются более «рациональные» решения. О чем бы ни шла речь — о захвате нацистами Австрии, о японской агрессии в Китае или о других актах фашистской агрессии, — все рассуждения ведутся с позиций интересов и целей правящих кругов противоборствовавших империалистических группировок. Судьбы народов буржуазных историков не интересуют.

Идеалистическо-субъективистская методология, подчинение историографии целям оправдания международного империализма как главного виновника войны составляют первую характерную черту буржуазной историографии, стремящейся исказить подлинные причины войны. Второй ее характерной чертой является антисоветизм. Практически вся трактовка буржуазными историками проблем происхождения второй мировой войны имеет антисоветскую направленность. «Главным негативом в международных отношениях этого периода, — вещает один из реакционнейших историков ФРГ А. Хильгрубер, — был «постоянно угрожающий фактор мировой революции»³. Нет ни одного события в предвоенной международной жизни, которое реакционные историки не пытались бы связать с «кознями Москвы», оправдать «политикой большевиков», использовать для того, чтобы бросить тень на последовательную и мужественную борьбу СССР против фашистской агрессии.

Так, Советский Союз вел настойчивую борьбу за сохранение независимости Австрии, которая была захвачена гитлеровскими агрессорами в марте 1938 г. и присоединена к рейху. Еще осенью 1937 г. «Правда» писала: «Сохранение независимости Австрии требует быстрых и сплоченных действий всех заинтересованных в обеспечении европейского мира стран. Только эти действия способны удержать агрессора и предотвратить создание нового очага войны»⁴. Австрийский историк В. Айхингер пишет, что выступление СССР против аннексии Австрии «не имело успеха» ввиду его изоляции на международной арене, вызванной полити-

¹ Appeasement of the Dictators, p. 37.

² Baer W. The Coming of the Italian-Ethiopian War, p. 95.

³ Geschichte der Weltkriege 1900—1945. Freiburg, 1981, S. 78.

⁴ Правда, 1937, 28 сент.

кой, направленной на мировую революцию¹. Какова была обстановка на самом деле?

Советское правительство никогда и ни в какой форме не признавало захвата Австрии. Советский Союз был единственной великой державой, которая осудила этот захват и вновь призвала к организации коллективного отпора германскому нацизму, устранению исходившей от него опасности новой мировой войны. «Завтра может быть уже поздно, но сегодня время для этого еще не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира»², — заявило Советское правительство 17 марта 1938 г. Сохранение независимости Австрии не удалось обеспечить в то время не потому, что СССР стремился к «мировой революции», а потому, что Англия, Франция и США не только игнорировали предупреждение Советского Союза, но и вообще сделали вид, что не заметили исчезновения с политической карты Европы независимого австрийского государства, открыто способствовали его захвату фашистской Германией.

Трактовка мюнхенского соглашения, заключенного между Англией, Францией, Германией и Италией и одобренного США, строится с таким расчетом, чтобы свалить на СССР ответственность за мюнхенскую капитуляцию западных «демократий». Составитель сборника «Мюнхен» не может скрыть, что само слово «Мюнхен» в международном словаре прочно утвердилось как символ позорной капитуляции перед агрессором³. Он признает, что существует мнение, будто сделка в Мюнхене явилась результатом «преднамеренного сговора, направленного на то, чтобы повернуть Гитлера на Восток, против России»⁴. Однако большинство авторов книги отвергают этот тезис. Аргументы, которыми оперируют такие историки, более чем несостоятельны. Домыслы о виновности СССР в заключении мюнхенского соглашения строятся на том, что Советский Союз якобы не сообщил вовремя чехословацкому правительству о готовности выполнить советско-чехословацкий договор и оказать Чехословакии вооруженную помощь в случае германской агрессии. К. Юбенк заявляет, что ответ Бенешу по данному вопросу пришел от Советского правительства после истечения срока англо-французского ультиматума, предъявленного чехам⁵. Критически оценивает мюнхенское соглашение Ж.-Б. Дюрозель. Он пишет, что «энтузиазм по поводу спасенного мира быстро сменился даже у сторонников Мюнхена... И очень быстро большинство французов обнаружило, что Франция капитулировала». Однако он также пытается бросить

¹ Aichinger W. Sowjetische Osterreichpolitik 1943—1945. Wien, 1977, S. 16.

² СССР — Австрия: Документы и материалы. М., 1980, с. 14—15.

³ Munich. Blunder, Plot or Tragic Necessity?, p. VII.

⁴ Ibid., p. IX.

⁵ Eubank K. Munich. Oklahoma, 1963, p. 150—151.

ть на советскую политику, называя ее «загадкой». Свои сомнения он поясняет следующим образом: «В разгар кризиса советская позиция в принципе была ясна, но абсолютно непонятно, ло, каким образом будет оказана помощь чехам»¹.

Документы говорят о другом: запрос Бенеша, сделанный 19 сентября, уже на следующий день был рассмотрен на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). Ответ был направлен в Прагу и доведен до сведения Бенеша. В этом ответе говорилось, что СССР готов оказать Чехословакии помощь даже в случае невыполнения Францией своих обязательств². Буржуазные историки замалчивают тот факт, что решающие события, связанные с мюнхенским соглашением, развернулись в конце сентября, когда Бенешу стала известна позиция Советского правительства. «В том, что Советский Союз в случае необходимости каким-либо путем окажет нам помощь, я не сомневался ни одного мгновения»³, — писал впоследствии сам Бенеш.

Дж. Кеннан объявляет мюнхенское соглашение «уступкой Германии районов, население которых говорило на немецком языке»⁴. Он же выдвигает версию о том, что если бы СССР и захотел оказать помощь Чехословакии, то все равно для переброски туда одной советской дивизии потребовалось бы около трех месяцев⁵. Несостоятельность подобных оценок становится еще более очевидной, если учесть, что к этому времени в Советских Вооруженных Силах уже имелся опыт воздушных перевозок частей и соединений на дальние расстояния.

Верные пролетарской солидарности с трудящимися Чехословакии и обязательствам советско-чехословацкого договора, Центральный Комитет Коммунистической партии и Советское правительство поставили перед Вооруженными Силами задачу быть в состоянии полной боевой готовности, с тем чтобы оказать вооруженную помощь чехословацкому народу. К западным границам СССР была выдвинута крупная группировка войск. 28 сентября были подготовлены к отправке в Чехословакию четыре авиационные бригады (548 боевых самолетов), о чем были информированы французский военный атташе в СССР Палас и чехословацкое правительство. Однако правительство Бенеша — Годжи встало на путь национального предательства и предпочло капитулировать, что не позволило Советскому Союзу оказать в 1938 г. помощь чехословацкому народу, а гитлеровцам открыло дорогу для полной оккупации и расчленения страны. Советские войска находились у западной государственной границы до 25 октября

¹ Duroselle J.-B. La décadence 1932—1939, p. 357, 354.

² См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 2, с. 103.

³ Benes E. Où vont les slaves? Paris, 1948, p. 212.

⁴ Kennan G. From Prague after Munich. Diplomatic Papers 1938—1940. New York, 1968, p. XII—XIV.

⁵ Kennan G. Russia and Czech Crises. — In: Appeasement of the Dictators, p. 110.

1938 г., а затем были возвращены в районы постоянной дислокации¹.

Версия о «военной слабости» СССР, которую активно внедряли более полстолетия назад «мюнхенцы», продолжает и ныне использоваться для оправдания политики «умиротворения» фашистских агрессоров. Этой версии следуют, в частности, довольно известные американские историки Г. Гэддис, Т. Мэддакс, французский историк Ж. Валлет и другие, игнорируя донесения посла США в Москве Дж. Дэвиса и военного атташе полковника С. Фейнмонвилла.

Объективные оценки советской политики и военного потенциала СССР, которые давали американские дипломаты, вызывали в Вашингтоне «праведный гнев». Зачастую и сами дипломаты подвергались перемещению или отставке². Примерно аналогичная судьба постигла и французского военного атташе в Москве полковника Г. Паласа. Сообщив в Париж, что «Красная Армия способна уже в настоящее время обеспечить надежную оборону своей страны и даже предпринять мощное наступление», он получил выговор от своего начальства, которое усмотрело, что Палас «поддался влиянию советских теорий». Изучавший этот вопрос французский историк К. Пайа делает вывод, что генеральный штаб Франции безусловно располагал в то время данными о высоком военном потенциале СССР³.

Другая группа историков стремится оправдать политику «умиротворения», специализируясь на «доказательствах» военной слабости Англии и Франции⁴.

Саботаж со стороны западных правящих кругов курса СССР и других миролюбивых сил на создание в Европе и Азии системы коллективной безопасности способствовал укреплению позиций фашистско-милитаристских государств, облегчал процесс их консолидации, угрожавшей свободе и независимости народов не только нашей страны, но и всего мира. Идеологической основой агрессивного фашистского блока явился «Антикоминтерновский пакт», заключенный 26 ноября 1936 г. между Германией и Японией сроком на 5 лет. В нем содержались демагогические рассуждения об «угрозе коммунизма», которыми обосновывалось обязательство обеих договаривающихся сторон «принимать карательные меры» против сил внутри страны и за границей, действующих в пользу «Коммунистического Интернационала». В дополнение к пакту было подписано секретное военное соглашение, в котором указывалось, что в случае войны одной из стран-участниц пакта против Советского Союза другая не должна пред-

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 2, с. 106—109.

² Подробнее см.: Новая и новейшая история, 1982, № 4, с. 101—117.

³ Paillet C. Dossiers secrets de la France contemporaine, Paris, 1984, т. 4, р. 46—48.

⁴ La puissance en Europe 1938—1940. Paris, 1984.

принимать ничего, что могло бы облегчить положение СССР¹. В ноябре 1937 г. к «Антикоминтерновскому пакту» присоединилась и Италия. Так был сделан первый шаг на пути к формированию агрессивного союза между Берлином, Римом и Токио, который согласно замыслам гитлеровцев предназначался для того, чтобы «расчленил» Советскую Россию посредством согласованных ударов с Запада и Востока².

Западногерманский историк А. Хилльгрубер пытается представить «Антикоминтерновский пакт» не агрессивным, а «оборонительным альянсом», который Германия была якобы вынуждена подписать с Японией ввиду опасной для нее ситуации, возникшей из-за ратификации советско-французского договора о взаимопомощи от 2 мая 1935 г. и начавшейся в июле 1936 г. гражданской войны в Испании³.

В действительности советско-французский договор зафиксировал согласие двух сторон об оказании взаимной помощи на случай агрессии со стороны третьего рейха, который к тому времени вышел из Лиги Наций и отверг советско-французский план создания Восточного пакта, участники которого должны были взять на себя обязательство о взаимной гарантии нерушимости границ, оказывать помощь жертвам агрессии.

Начало гражданской войны в Испании также никак не могло стать фактором, побудившим нацистское руководство к заключению мнимого «оборонительного союза» с японскими милитаристами. Известно, что испанские фалангисты смогли выступить против правительства Народного фронта лишь благодаря поощрению и помощи со стороны Германии и Италии. В противном случае, как указывала в мемуарах Д. Ибаррури, этот «военный мятеж был бы молниеносно подавлен»⁴. Советский Союз был единственной державой, которая последовательно выступала за оказание поддержки борцам за сохранение демократии в Испании и не угрожала ни Германии, ни какой-либо другой стране.

Западногерманский историк Б. Мартин также расценивает «Антикоминтерновский пакт» как «оборонительный альянс». По его словам, Япония вынуждена была заключить его с Германией только из-за того, что якобы СССР «угрожал позициям ее армии в Маньчжоу-Го». Это лживое утверждение он пытается подкрепить ссылкой на «заключение в 1936 г. пакта о взаимопомощи» между Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой⁵. Причины подписания союзного договора между СССР и

¹ Handbuch der Verträge 1871—1964. Berlin, 1968, S. 282.

² См.: Буржуазная историография второй мировой войны: Анализ современных тенденций. М., 1985, с. 217.

³ Vom Staat des Ancien régime zum modernen Parteienstaat. München, 1978, S. 470.

⁴ Ибаррури Д. Единственный путь: Пер. с испан. М., 1962, с. 257.

⁵ Nationalsozialistische Diktatur, 1933—1945. Eine Bilanz. Bonn, 1983, S. 379.

МНР были обусловлены стремлением пресечь бесчисленные провокации и пограничные инциденты, чинимые японской военной. Правительство СССР неоднократно предлагало Японии заключить договор о ненападении. Однако правящие круги Японии неизменно отклоняли миролюбивые инициативы СССР. В феврале 1936 г. японские войска спровоцировали серьезные бои на монгольско-маньчжурской границе. В связи с этим 12 марта 1936 г. между СССР и МНР официальным протоколом были оформлены союзные отношения, в которых два миролюбивых государства обязались «оказать друг другу всяческую, в том числе и военную, помощь»¹. Как показали последующие события, это было своевременное и дальновидное решение.

Международный военный трибунал признал японские правящие круги виновными в преднамеренном развязывании агрессивных войн, массовых убийствах мирного населения и военнопленных, а также в других преступлениях против человечности. Но уже в ходе судебного процесса в Токио, длившегося с мая 1946 г. по ноябрь 1948 г., некоторые японские и американские защитники пытались укрыть от ответственности виновников войны, оправдать преступления японского империализма. Подобная тенденция получила дальнейшее развитие. Если основные усилия американских и английских историков сосредоточены на сокрытии от народов предвоенной политики подталкивания империалистическими кругами США и Великобритании японской агрессии против СССР, то японские реакционные историки пытаются обелить «свои» монополии и военничну, виновных в агрессии в Восточной и Юго-Восточной Азии.

Этой цели прежде всего служит 96-томная «Официальная история войны в великой Восточной Азии»², которая, по оценке председателя Японского комитета по истории второй мировой войны профессора Сайто Такаси, является фактическим оправданием агрессивной войны Японии³. Подготовка японским генеральным штабом армии планов нападения на СССР изображается в «Официальной истории...» как мероприятие, направленное «на отражение агрессии со стороны Советов»⁴. Фальсификаторы истории стремятся обелить японские вооруженные силы, совершавшие массовые зверства на оккупированных территориях. Обзоритель журнала «Военное обозрение» Морино Хяёто уверяет читателей, что солдаты Японии руководствовались патристическими побуждениями, так как верили, что ведут священную войну и освобождают народы Азии во имя процветания их стран⁵.

¹ История внешней политики СССР. 1917—1945 гг. М., 1966, т. 1, с. 325.

² Дайтоа сэко кокан сэн си (Официальная история войны в великой Восточной Азии). Токио, 1966—1976, т. 1—96.

³ Сайто Такаси. Японская историография второй мировой войны: Доклад на II советско-японском симпозиуме историков. Ноябрь, 1975, с. 2.

⁴ Дайтоа сэко кокан сэн си. Токио, 1968, т. 20, ч. 2, с. 14—17.

⁵ Гундзи кэпкю (Военное обозрение). Токио, 1976, № 6, с. 26.

Концепция японского военного историка Хаттори Такусиро подчинена стремлению представить планы нападения на СССР, которые разрабатывали в Токио, как попытку с помощью угрозы силой «обеспечить безопасность со стороны Советского Союза»¹. Кодзима Нобору, прикрываясь намерением выявить смысл войны 1941—1945 гг., внушает читателю, что японская агрессия носила вынужденный характер².

Распространение подобного рода идей свидетельствует о том, что многие современные буржуазные идеологи Японии берут на вооружение старые аргументы и лозунги антикоммунизма и пан-азиатизма. Они, в частности, утверждают, что в 30—40-х годах существовала духовная и социально-политическая общность азиатских народов, которая обуславливала необходимость их политического объединения под эгидой Японии как наиболее экономически развитого государства в данном регионе.

В действительности Япония, ранее других азиатских стран вступившая на путь самостоятельного национального развития, ни о какой общности с соседними государствами не помышляла. В Азии условия наиболее полного развития товарного производства, наиболее свободного, широкого и быстрого роста капитализма, писал В. И. Ленин в 1914 г., сложились только в Японии, то есть только в самостоятельном национальном государстве. Следовательно, «это государство — буржуазное, а потому оно само стало угнетать другие нации и поработать колонии...»³.

Японские империалисты, вступив в борьбу за передел мира, в первую очередь рассчитывали закабалить Китай. Они ввели в 1931 г. свои войска в Маньчжурию, превратили ее в свою колонию, в плацдарм для расширения агрессии против Китая и подготовки к войне против СССР. Летом 1937 г., на втором этапе агрессии, японские милитаристы бросили 100-тысячную армию на Шанхай и развернули наступление на севере Китая.

Экспансионистские устремления Японии не встречали противодействия со стороны империалистических кругов США, Англии и Франции, рассчитывавших использовать представившуюся возможность для подавления революционного движения в Китае и нападения на Советский Союз. Большую помощь японской агрессии в Китае оказали американские империалисты, деклариовавшие в то же время свое сочувствие борьбе китайского народа.

Рассмотрению и оценке политики США в отношении Китая американские историки отводят немалое место, но основная направленность этой политики трактуется в духе противоположности ее подлинному содержанию. Так, Д. Борг утверждает, что «аме-

¹ Хаттори Такусиро. Япония в войне 1941—1945: Сокр. пер. с яп. М., 1973, с. 46.

² См.: Кодзима Нобору. Тайхейё сэно (Война на Тихом океане). Токио, 1966, т. 1, с. 3.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 262.

риканцы руководствовались в отношении Китая своей глубокой привязанностью к идеалистическому мышлению, равного которому не было у других народов»¹. В качестве аргумента, подтверждающего этот тезис, автор вначале ссылается на «договор девяти держав», заключенный по инициативе США в 1922 г. в Вашингтоне, «как гарантирующий территориальную целостность Китая, независимость и равные возможности для торговли всех стран»². Д. Борг ставит подписание этого договора в особую заслугу США, поскольку «китайцы в это время терпели поражения и унижение и особенно нуждались в поддержке»³. Договор девяти держав, подписанный в рамках Вашингтонской конференции ее участниками, на словах обязывал уважать территориальную и административную неприкосновенность Китая, соблюдать равенство открывающихся в Китае возможностей для торговли и промышленности всех наций. Но подлинный его смысл заключался в закреплении сговора империалистических держав в целях совместного ограбления Китая⁴, причем США обеспечивали себе позиции, рассчитанные на то, чтобы вытеснить из Китая империалистических конкурентов и захватить львиную долю добычи. Это вело к обострению империалистических противоречий в Азии, особенно между США и Японией.

Результаты грабительской политики США по отношению к Китаю выявились весьма скоро. Основные запасы серебра, которыми обеспечивалась ценность юаня, перекочевали в США. И без того слабая китайская экономика оказалась на грани катастрофы. Политика умиротворения японской агрессии в Китае, подталкивание этой агрессии против СССР представляются как попытка не допустить обострения отношений между США и Японией⁵. Попустительство Соединенных Штатов захвату Японией Маньчжурии, а затем Северного Китая истолковывается как стремление американской администрации сохранить свой нейтралитет и следовать «моральным принципам американской политики». Д. Борг следующим образом объясняет действия США: «Хэлл преднамеренно воздержался от определения, кто является агрессором на Дальнем Востоке, и настаивал на осуществлении принципа строжайшей беспристрастности». Смысл этих действий заключался, по словам автора, в том, чтобы «избежать любой ситуации, которая может привести к решению США принять жесткие меры против Японии»⁶. Д. Борг выражает неудовлетворение по поводу американской политики: «Пассивность действий правительства на Дальнем Востоке является характерной для политики США середины 30-х годов и с позиций сегодняшнего дня

¹ America and the Origins of World War II, p. 28.

² Ibidem.

³ Ibidem.

⁴ См.: История дипломатии. М., 1965, т. 3, с. 247—248.

⁵ America and the Origins of World War II, p. 39.

⁶ Ibid., p. 43.

выглядит потрясающе»¹. Этот тезис разделяют многие американские историки. Но о какой, собственно, пассивности идет речь?

Расчитывая использовать японскую военщину как ударную силу против СССР и задушить ее руками национально-освободительное движение в Китае, США не только снабжали Японию стратегическими материалами, но и постоянно увеличивали эти поставки. За первое полугодие, предшествовавшее началу войны в Китае, экспорт американских товаров в Японию возрос на 83 процента. Только в 1937 г. США экспортировали в Японию свыше 5,5 млн. тонн нефти². Причем прослеживается определенная закономерность: нарастание военной помощи Японии происходило пропорционально усилению ее агрессивных акций, направленных против СССР. В 1939 г. по сравнению с 1938 г. Японии была предоставлена возможность закупить в США в 10 раз больше железного и стального лома. США продали Японии на 3 млн. долларов новейших станков для авиационных заводов. «Если кто-либо последует за японскими армиями в Китае и удостоверится, сколько у них американского снаряжения, то он имеет право думать, что следует за американской армией»³, — писал торговый атташе США в Китае. Эти и многие другие факты раскрывают подлинный смысл политики «изоляции» и указывают на то, что американская политика в Азии была далеко не пассивной, а активной колониальной политикой. Подталкивание правящими кругами США японской агрессии против СССР также принесло свои злобеще результаты.

Заклучив с Германией и Италией «Антикоминтерновский пакт», японские правящие круги, поощряемые США, Англией и Францией, предприняли с территории Маньчжурии прямое военное нападение на СССР в районе озера Хасан в 1938 г. и на Монгольскую Народную Республику в районе реки Халхин-Гол в 1939 г.

Непосредственно после подписания 15 сентября 1939 г. соглашения о прекращении военных действий на маньчжурско-монгольской границе генеральный штаб армии и военное министерство Японии совместно с морским генеральным штабом, командованием Квантунской армии и экспедиционных войск в Китае приступили к разработке нового оперативно-стратегического плана войны против Советского Союза. «Несмотря на очевидность того, что Японии было не под силу вести войну с СССР, армия не сделала должных выводов из событий на Халхин-Голе и по-прежнему была нацелена на войну»⁴. Цель операции состояла

¹ America and the Origins of World War II, p. 54.

² См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 2, с. 40.

³ Там же, с. 42.

⁴ Сэва-но рэкиси: Нитто Дзэмэн сэсо (История периода Сэва: Тотальная война Японии в Китае). Токио, 1982, т. 5, с. 155. Подробнее см.: Кошкин А. А. Против мифа о «миролюбивой» милитаристской Японии. — В кн.: Буржуазная историография второй мировой войны, с. 164—184.

в «разгроме русской армии, дислоцировавшейся на Дальнем Востоке, и захвате территории к востоку от населенного пункта Рухлово и Большого Хингана» с последующей оккупацией Забайкалья, Северного Сахалина и Камчатки¹.

Ряд современных японских историков и государственных деятелей, рассматривая вопросы японо-советских отношений в тот период, особое внимание уделяют доказательству «оборонительного» характера пакта о нейтралитете, заключенного Японией и СССР 13 апреля 1941 г.² Некоторые американские историки также стремятся обелить внешнюю политику Японии. Например, А. Краммер в статье «Япония между Москвой и Берлином (1941—1945 гг.)» пытается доказать, что японское правительство не имело агрессивных намерений против СССР, полностью умалчивая о том, что в Токио под прикрытием пакта о нейтралитете активно готовились к нападению на СССР и только разгром фашистской Германии сорвал этот замысел³. Многочисленные документы также свидетельствуют, что данный пакт в Токио рассчитывали использовать в качестве прикрытия для подготовки к нападению, к захвату советского Дальнего Востока и Сибири⁴.

26 апреля 1941 г., менее чем через две недели после заключения указанного пакта, начальник штаба Квантунской армии на совещании командиров соединений подчеркнул, что усиление и расширение подготовки к нападению на СССР следует проводить «совершенно секретно». «Необходимо, — заявил он, — с одной стороны, все более и более усиливать и расширять подготовку войны против СССР, а с другой — поддерживать дружественные отношения с СССР; стремиться сохранить вооруженный мир и одновременно с этим готовиться к операциям против Советского Союза, которые в решительный момент принесут верную победу Японии»⁵.

После нападения Германии на Советский Союз Япония усилила общие приготовления к войне против СССР. Так называемый план «Кантокуэн», составление которого японским генеральным штабом армии было завершено вскоре после начала германской агрессии против СССР, являлся планом войны против Советского Союза. Этот план предусматривал в начальный период войны разгром советских войск в Приморье, а затем захват Хабаровска. Весной следующего года намечалось развивать наступление из района Хабаровска на запад и север.

Начать войну планировалось 29 августа 1941 г. 5 июля генеральным штабом и военным министерством была подготовлена

¹ См.: Военно-исторический журнал, 1976, № 9, с. 94.

² См.: Победа СССР в войне с милитаристской Японией и послевоенное развитие Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1977, с. 127.

³ Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale, № 103, juillet 1976, p. 1—11.

⁴ См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1974, т. 3, с. 354—355; 1975, т. 4, с. 189—193.

⁵ Победа СССР в войне с милитаристской Японией..., с. 127—128.

директива о мобилизации № 101. 7 июля проведение мобилизации для войны против Советского Союза санкционировал император. Вслед за этим 11 июля была издана директива секции армии ставки № 506 «Об усилении подготовки к войне против России»¹. Летом 1941 г. японское командование в соответствии с этими директивами провело скрытную мобилизацию и дополнительно перебросило в Маньчжурию более 300 тыс. солдат и офицеров.

Но события на советско-германском фронте поколебали замыслы японской военщины. 4 сентября 1941 г. германский посол в Токио генерал Отт доносил Риббентропу: «Ввиду сопротивления, оказываемого русской армией такой армии, как немецкая, японский генеральный штаб, по-видимому, не верит, что сможет достичь решительных успехов в борьбе с Россией до наступления зимы. Сюда присоединяются также воспоминания о событиях на реке Халкип-Гол, до сих пор живущие в памяти Квантунской армии»². В военной политике Японии наступил крутой поворот, был взят курс на первоочередной захват колониальных владений США. Нападение на СССР откладывалось на более поздние сроки.

Так, в Европе и Азии разгорались очаги войны, которые в конечном итоге переросли в мировой пожар.

Можно ли было предотвратить вторую мировую войну? Буржуазная историография, как правило, отвечает на этот вопрос отрицательно.

Марксистская историческая наука утверждает, что в годы, предшествовавшие второй мировой войне, имелась реальная возможность сохранить мир. Она была обусловлена постоянным укреплением политического и оборонного потенциала СССР, его миролюбивой политикой, общим подъемом коммунистического, революционно-демократического, национально-освободительного движения, ростом массовых выступлений рабочего класса, широких слов населения в защиту мира.

Фатальные взгляды относительно возможности предотвращения надвигавшейся мировой войны получили распространение еще в 30-е годы, особенно в среде мелкой буржуазии и социал-демократии. Такого рода взгляды, объективно игравшие на руку силам агрессии и войны, были подвергнуты резкой критике еще на VII конгрессе Коминтерна в 1935 г. «Коммунисты, — говорилось в докладе Д. З. Мануильского, — должны преодолевать фаталистические установки, что воспрепятствовать войне невозможно, что борьба против войны бесцельна, — установки, вытекавшие из прежних крайне ограниченных размеров антивоенного движения»³. В. Пик в отчетном докладе ИККИ на VII конгрессе Ко-

¹ См.: Военно-исторический журнал, 1976, № 9, с. 95.

² Победа СССР в войне с милитаристской Японией..., с. 128.

³ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны: Сборник документов. М., 1975, с. 345.

минтерна отмечал: «Мы уверены, что совместной борьбой пролетариата капиталистических стран и СССР за мир можно предотвратить войну»¹.

В предвоенные годы Советский Союз энергично боролся за обуздание фашистской агрессии. Выдвинутый в 1933 г. Коммунистической партией и Советским правительством план создания системы коллективной безопасности, объединения усилий всех сил, противостоявших фашистской агрессии, мог предотвратить военный пожар. Важными вехами на этом пути явились, как указывалось ранее, советско-чехословацкий и советско-французский договоры, имевшие целью предотвратить угрозу германской агрессии. Эпицентр буржуазных аргументов, с помощью которых на Западе пытаются доказать невозможность предотвращения второй мировой войны, смещен на последние предвоенные месяцы. Все внимание сосредоточивается на англо-франко-советских переговорах и последовавшем в результате их срыва западными державами заключении советско-германского договора о ненападении.

В чем суть развернувшихся в то время событий? Политические и военные переговоры между СССР, Англией и Францией, проходившие в Москве в апреле—августе 1939 г., занимают особое место в истории борьбы Советского Союза за создание системы коллективной безопасности, пресечение фашистской агрессии и предотвращение второй мировой войны. Это объясняется следующими причинами: во-первых, переговоры происходили в критической обстановке стремительного нарастания угрозы развязывания войны фашистской Германией и от их исхода зависела как судьба мира в Европе, так и расстановка сил в случае начала войны; во-вторых, переговоры велись на фундаментальной основе предложенного Советским Союзом конкретного взаимовыгодного плана создания военно-политического союза между СССР, Англией и Францией, который обеспечивал защиту мира, жизненных интересов всех государств и народов, противостоявших фашистской агрессии. Конструктивный подход западных держав к советским предложениям открыл бы перспективу предотвращения второй мировой войны; их отклонение делало ее угрозой неотвратимой.

История Московских переговоров продолжает привлекать внимание как исследователей-марксистов, так и буржуазных ученых, являясь составной частью диаметрально противоположных концепций происхождения второй мировой войны. В марксистских трудах, объективно и обстоятельно раскрывающих историю Московских переговоров, показывается, что английское и французское правительства, руководствуясь своими классовыми позициями и стремясь втянуть СССР в войну с Германией, не хотели соглашаться и не согласились на заключение с СССР договора, осно-

¹ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны: Сборник документов, с. 116.

ванного на взаимности обязательств всех его участников, а когда до нападения Германии на Польшу оставались буквально считанные дни — завели эти переговоры в окончательный тупик. «Было ясно, — указывается в советских исследованиях, — что переговоры с Советским Союзом, равно как и гарантии Польше и другим странам, — это для Англии только «резервные средства» для давления на гитлеровцев с целью добиться с ними сделки. Именно с этой целью и вели в Москве англичане и французы разговоры о военной конвенции, надеясь этим сделать Гитлера более стоворчивым в переговорах с Англией»¹. Раскрывая классовые истоки англо-французской политики, активно поддержанной правящими кругами США, советские историки отмечают: «Действуя коварно и вероломно, западные державы всеми средствами давали понять Гитлеру, что у Советского государства нет союзников и Германия может пасть на Польшу, а затем на СССР, не рискуя встретить противодействие со стороны Англии и Франции»².

В советских исследованиях раскрывается последовательная борьба Коммунистической партии и Советского правительства, советской дипломатии за заключение договора о взаимопомощи с Англией и Францией, подчеркивается, что, продолжая проводить свою миролюбивую политику, «важнейшим принципом которой был тезис о неделимости мира, СССР развернул активную деятельность с целью объединения усилий всех миролюбивых государств в деле защиты мира и обуздания фашистской агрессии»³.

Весьма противоречивую картину представляет собой реакционная историография. Буржуазные авторы, как правило, трактуют Московские переговоры в антисоветском духе. Вместе с тем в результате усилий историков-марксистов, прогрессивных исследователей ряда зарубежных стран заметна тенденция, содержащая отдельные элементы объективной оценки Московских переговоров. Советский Союз, пишет Ж. Барьети, «со всей серьезностью отнесся к этим решающим переговорам...». Однако, продолжает он далее, СССР «относился с глубоким недоверием к истинному стремлению Запада заключить с ним соглашение»⁴, хотя хорошо известно, что такого стремления у стран Запада как раз и не было. Более категорична одна из оценок английского профессора Л. Кетнейкера: «Если бы Лондон 18 апреля⁵ безотлагательно и без оговорок заявил о своей готовности принять советское предложение о союзе и продемонстрировал серьезное отношение к принципу

¹ История внешней политики СССР, т. 1, с. 380.

² История второй мировой войны 1939—1945, т. 2, с. 150.

³ Европа в международных отношениях. 1917—1932. М., 1979, с. 380.

⁴ Le Monde, 1976, août 25.

⁵ 17 апреля 1939 г. Советское правительство внесло конкретные предложения, направленные на заключение трехстороннего договора о взаимопомощи.

коллективной безопасности в Европе, тогда бы, вероятно, мог возникнуть «фронт мира». Эта важная сторона опыта заставила Черчилля уже 22 июня 1941 г. — в первый день немецкого наступления на Востоке — протянуть СССР руку для заключения союза»¹.

Противоположную версию проповедует один из лидеров английских историков-ревизионистов Д. Уотт: «Скалой, о которую разбились переговоры между СССР, Британией и Францией, было советское убеждение, что Британия и Франция нуждаются в советской помощи, а Советский Союз нет»².

Несомненный интерес для выяснения позиций западных держав на Московских переговорах представляют стенограммы заседаний комитета по иностранным делам английского кабинета от 9 и 20 июня 1939 г. Они указывают, что английское правительство было не только осведомлено, но и уверено в решимости СССР заключить трехстороннее соглашение, что срыв переговоров может привести к войне и что затеянная английским правительством игра в переговоры создает «грозную опасность» заключения договора между Германией и СССР. Вот что говорили «архитекторы» политики подталкивания фашистской агрессии против СССР на упомянутых заседаниях:

Чемберлен. «Русские всеми силами стремятся к заключению соглашения, но хотят добиться его наилучших условий»³. Галифакс. «Информация из многих источников указывает на необходимость... заключить соглашение с Россией, так как в противном случае создавшаяся обстановка может способствовать тому, что Гитлер предпримет насильственные акции»⁴. Галифакс. «Заключив соглашение с Россией, мы оградили бы себя на некоторое время от более грозной опасности — вероятного соглашения между Германией и Россией и мы обеспечили бы безопасность Польши. Ясно, что Россия заинтересована в сохранении независимости Польши и не желает, чтобы Польша была уничтожена»⁵.

Эти очевидные истины лишь констатировались. На практике курс Чемберлена, Галифакса и Вильсона был прямо противоположным и отражал стремление правящих кругов Англии, Франции и США использовать Московские переговоры как средство давления на Германию. Творцы мюнхенской политики рассчитывали, что, предав Польшу, они выведут германские армии к границам СССР в надежде, что фашистская агрессия получит далее «свое естественное развитие». В кругу своих сообщников британ-

¹ Kettenacker L. Die Diplomatie der Ohnmacht. In: Sommer 1939. Die Großmächte und der europäische Krieg. Stuttgart, 1979, S. 268.

² Watt D. C. Misinformation, Misconception, Mistrust: Episodes in British Policy and the Approach of War, 1938—1939. Oxford, 1983, p. 216.

³ Public Record Office (далее — PRO), F. O. 371/23071, p. 240.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibid., p. 42.

ский премьер этого и не скрывал. Он рассуждал так: если Польша и другие страны, которым Англия и Франция выдали так называемые «гарантии», не получают их помощи (в действительности так и произошло), то «весьма вероятно, что эти страны будут захвачены и Германия окажется на русских границах»¹.

Ход Московских переговоров обсуждался английским кабинетом (на заседаниях кабинета министров, в различных комитетах, подкомитетах и т. д.) неоднократно. Основные усилия на этих обсуждениях направлялись на изыскание различного рода проволочек, а затем и на срыв переговоров, но с таким расчетом, чтобы вавалить вину за это на СССР. При рассмотрении же возможных вариантов договоров с СССР британские лидеры недвусмысленно заявляли о своем намерении в случае нападения Германии на СССР отказаться от выполнения договора, то есть оставить Советское государство один на один с фашистской коалицией. Ориентируя на это членов кабинета, Галифакс заявил 21 июня: «Если русское правительство вздумает заставить нашу страну воевать за фантастические цели, здравый смысл проявится сам по себе»².

Нагнетая антисоветскую атмосферу вокруг переговоров, Чемберлен твердил, что все, касающееся союза с Россией, он рассматривает с большим предчувствием беды, абсолютно не верит «в прочность России», сомневается в ее способности оказать помощь в случае войны. Он называл договор с СССР камнем на шее, который «может висеть много лет и привести к тому, что даже сыновьям придется воевать за русские интересы»³. Ему вторили послушные министры. Лорд Чэтфилд, министр по координации обороны, имевший непосредственное отношение к руководству действиями английской делегации на Московских переговорах, «выразил надежду, что коллеги поймут, с каким отвращением он вынужден рассматривать возможность союза с Советами»⁴.

В середине июля английская и французская стороны завели политические переговоры в тупик. Согласившись признать принцип взаимопомощи между тремя державами, английское правительство затем сорвало завершение переговоров о предоставлении гарантий трех держав Прибалтийским странам, выступило против того, чтобы гарантии распространялись на такого рода случаям косвенной агрессии, как это только что, в марте 1939 г., имело место в Чехословакии, на территорию которой германские войска были введены с согласия тогдашнего ее президента Гаха. В условиях когда у власти в Прибалтийских странах находились про-

¹ PRO. F. O. 371/23071, p. 50.

² PRO. Cab. 23/100, p. 5.

³ PRO. Cab. 23/99, p. 275—276.

⁴ Цит. по: История второй мировой войны 1939—1945, т. 2, с. 140.

фашистские правительства, необходимость гарантий безопасности этим странам имела существенное значение для безопасности СССР и своевременного пресечения германской агрессии, однако английское правительство отклонило советские предложения.

Тем временем угроза войны в Европе продолжала стремительно нарастать. Четкую и ясную позицию СССР на переговорах все более активно поддерживали широкие слои населения в Англии и во Франции, а также реалистически мыслящие деятели правящих кругов этих стран. Если осенью 1938 г., по данным опроса общественного мнения, 57 процентов французов одобрили мюнхенское соглашение, то летом 1939 г. 76 процентов опрошенных высказались за применение силы в случае агрессии Германии против Польши и 81 процент высказался за союз Франции и Англии с СССР¹. Руководитель английских коммунистов Г. Поллит писал в июле 1939 г.: «87 процентов населения Англии хочет заключения пакта с Советским Союзом. Почему? Да потому, что они прежде всего хотят предотвратить войну и понимают, что эффективнее всего этого можно добиться, объединив свои силы с силами великой и могущественной страны, которая за последние тревожные годы неоднократно показывала, что у нее нет никаких воинственных замыслов и что она искренне готова прийти на помощь своим союзникам, заключившим с ней договор о коллективной безопасности, если они подвергнутся нападению бешеных фашистских псов»².

25 июля англо-французская сторона была вынуждена принять советское предложение о проведении переговоров с целью заключения военной конвенции. Несмотря на это согласие, политические установки Чемберлена и его окружения в ходе переговоров, состоявшихся в Москве с 12 по 21 августа 1939 г., оставались неизменными. Как известно, по решению Политбюро ЦК ВКП(б) советскую военную делегацию (военную миссию) было поручено возглавить Народному комиссару обороны Маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову. Она уполномочивалась не только вести переговоры, но и подписать военную конвенцию с Англией и Францией против агрессии в Европе. Делегации (военные миссии) Англии и Франции были, однако, представлены второстепенными лицами (английскую миссию возглавлял адъютант короля адмирал Р. Дракс, французскую — член военного совета генерал Ж. Думенк) и не имели полномочий на подписание военного соглашения, причем английская делегация не располагала письменными полномочиями и на ведение переговоров³.

¹ Cahier de l'Institut d'Histoire de la presse et de l'opinion, 1978, № 3, p. 210, 218.

² Поллит Г. Избранные статьи и речи (1919—1939): Пер. с англ. М., 1955, с. 345.

³ См.: Андреева М., Дмитриева К. К военным переговорам СССР, Англии и Франции в 1939 году. — Международная жизнь, 1959, № 2,

Буржуазные историки утверждают, что английская и французская делегации направились в Москву, чтобы заключить военную конвенцию. Это ложь.

Как свидетельствуют английские документы, перед Р. Драксом была поставлена задача — тянуть время, а затем сорвать военные переговоры. Дракс однозначно понимал свою задачу, но относительно способов ее решения даже у него возникли большие сомнения. Обсуждению данного вопроса было посвящено заседание Комитета имперской обороны 2 августа 1939 г., то есть за три дня до отъезда английской и французской делегаций в СССР. В заседании участвовали министр иностранных дел Э. Галифакс, министр по координации обороны лорд Чэтфилд, военный министр Л. Хор-Белиша, адмирал Дракс и другие.

Приведем с небольшими сокращениями стенограмму этого заседания.

«Штабные переговоры с Россией.

Лорд Чэтфилд спросил, нет ли у делегации каких-либо вопросов по инструкциям, которые они получили.

Адмирал Дракс сказал, что у него есть несколько вопросов, по которым он бы хотел получить более детальное разъяснение.

Во-первых, считалось, что задачей миссии является скорее быстрое достижение решения, нежели растягивание переговоров на неопределенное время, и что конечной целью являлось достижение политического соглашения. С другой стороны, исходя из полученных им инструкций¹, она должна вести переговоры медленно и осторожно до какого-то времени, пока не будет достигнуто политическое соглашение. В этом могут быть некоторые затруднения, поскольку вероятно, что русские будут надеяться на определенные ощутимые результаты от военных переговоров, прежде чем они будут готовы дать свое окончательное согласие на заключение Политического Пакта.

Лорд Галифакс согласен с этим. Он разделяет мнение о том, что у миссии крайне сложная задача. Действительно, очень трудно вести политические переговоры в полном отрыве от военных переговоров... При беглом рассмотрении инструкций создается мнение, что позиция, занятая делегацией на переговорах при строгом соблюдении буквы инструкции, вызовет немало подозрений в умах русских...

Адмирал Дракс обратил внимание присутствующих на длинный перечень вопросов в приложении III к инструкциям, которые предлагалось, при возможности, поставить, если мы сами не бу-

¹ Имеется в виду секретная инструкция английской военной делегации на переговорах в Москве (см.: Ж и л и н П. А. Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз (Расчеты и просчеты). М., 1966).

дем готовы дать сведения в ответ на аналогичные вопросы¹, которые могут быть поставлены Русским Генеральным штабом. Например, в инструкциях ему предлагается внушить русским желательность поставки ими военных материалов Польше, Румынии и Турции. Русские вполне могут указать, что они уже поставляют военные материалы в Китай, и просить их распространить поставки и на три другие страны — это просить о слишком многом.

Генерал Хейвуд² сказал, что, как полагает он, русский штаб может связать нашу делегацию вопросом о косвенной агрессии...³

¹ Ответы на «аналогичные вопросы» действительно представляли трудность для Дракса, как, впрочем, и сама их постановка, связанная, например, с заданием установить боеспособность Советских Вооруженных Сил. Вот некоторые вопросы, которые предписывалось выяснить западным союзникам:

— Смогут ли советские бомбардировщики действовать против Германии непосредственно с территории СССР или им придется базироваться в Польше и Румынии?

— Какой военно-морской политики предполагает придерживаться Советский Союз на Балтике и Белом море? Каким образом он сможет действовать против германского торгового флота или транспортировки немецких войск морским путем в этих зонах?

— Каковы спецификации авиационного бензина в СССР?

Германский посол в Лондоне Г. Дирксен, осведомленный о настроениях британских правительственных кругов, сообщал в Берлине, что «военная миссия скорее гмеет своей задачей установить боеспособность Советской Армии, чем заключить оперативные соглашения» (см.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 2, с. 143). — *Прим. авт.*

² Один из членов английской военной миссии, направленной на переговоры в Москву. — *Прим. авт.*

³ Вопрос о гарантиях против косвенной агрессии (то есть захвата, прикрытого любой ширмой, как это произошло с Чехословакией) был поставлен французской стороной (Э. Даладьё) и отражал стремление Франции обеспечить безопасность своих восточных границ. Советское правительство с пониманием отнеслось к мнению премьер-министра Франции. Оно рассматривало гарантии против косвенной агрессии как важное условие трехстороннего договора, обеспечивавшее ему необходимую надежность. Такие гарантии имели большое значение и для Советского Союза. На основе взаимной договоренности Англии, Франции и СССР необходимо было исключить возможность использования территории Прибалтийских стран под ширмой «добровольного согласия» их правительств в качестве плацдарма для нападения Германии на Советский Союз. СССР разработал четкое и ясное понятие о косвенной агрессии. «...Выражение «косвенная агрессия», — указывалось в предложениях Советского правительства от 9 июля 1939 г., — относится к действию, на которое какое-либо из указанных выше государств соглашается под угрозой силы со стороны другой державы или без такой угрозы и которое влечет за собой использование территории и сил данного государства для агрессии против него или против одной из договаривающихся сторон, — следовательно, влечет за собой утрату этим государством его независимости или нарушение его нейтралитета» (СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. М., 1971, с. 486—487). Однако в ходе дальнейших переговоров выяснилось, что Англия и Франция стремятся протолкнуть такое определение косвенной агрессии, которое не только не гарантировало совместные действия трех держав, но и открывало захватчику ворота для агрессии против СССР. Политика Англии и Франции по вопросу о косвенной агрессии указывала на их нежелание подписать с СССР трехстороннее соглашение и являлась одной из причин, которые привели к срыву переговоров. — *Прим. авт.*

Адмирал Дракс спросил, нельзя ли получить через нашего посла в Москве заверения до приезда туда нашей делегации, что мы будем иметь дело непосредственно с руководителями русских видов вооруженных сил. По мнению Дракса, будет исключительно неблагоприятно, если делегации придется вести переговоры с подчиненными офицерами, которые будут вынуждены постоянно обращаться за советами к своим начальникам...

Лорд Галифакс взял на себя задачу довести до посла Его Величества просьбу, чтобы последний сделал все возможное для положительного решения тех вопросов, которые были высказаны адмиралом Драксом...

Лорд Чэтфилд спросил, можно ли сделать заключение, что Комитет начальников штабов подтверждает детали, изложенные в инструкции.

Представители Комитета начальников штабов подписью подтвердили свое согласие с деталями инструкции...»¹

Разъяснения, полученные Драксом, подтверждают, что английская сторона была более чем далека от намерений достигнуть соглашения с СССР. О заключении военной конвенции речи вообще не велось. Драксу рекомендовали обсуждать военные планы «на чисто гипотетической основе». Усилия британской дипломатии прежде всего сосредоточивались на том, чтобы найти способы замаскировать подлинные цели, с которыми английская и французская делегации направлялись на переговоры, как-то «выкрутиться» при ответах на вопросы советской стороны по существу дела, чего больше всего и опасался Дракс. В недвусмысленных выражениях Галифакс определил то, что могло быть использовано для срыва переговоров — «с твердостью отвергать» любое предложение об участии Англии и Франции в согласовании необходимых мер по защите от германской агрессии со своими союзниками — Польшей и Румынией, что и было исполнено Драксом, хотя в несколько изменившейся обстановке.

Реакционные историкки утверждают, что в Москве западные делегации окружала атмосфера подозрительности и слежки. Приведем, однако, ее оценку, сделанную английским послом в Москве У. Сидсом. В письме на имя Галифакса, направленном 17 августа, Сидс безоговорочно отмечает гостеприимство и расположение, проявленное советской стороной по отношению к западным миссиям во всех без исключения случаях. Далее он пишет: «Маршал Ворошилов; которого я ранее не встречал... оставил самое лучшее впечатление своей доброжелательностью и энергией. Он, видимо, действительно был рад встрече с миссией». «Первое официальное заседание, — подчеркивает У. Сидс, — состоялось в субботу утром 12 августа в министерстве обороны, несмотря на то, что это был «выходной день»².

¹ PRO. Cab. 23/072, p. 98—100.

² PRO. F. O. 371/23072, p. 35—39.

Именно в этот день выяснилось, что у английской делегации нет официальных полномочий даже на ведение переговоров. Напомним диалог между главами советской и английской делегаций.

«Маршал К. Е. Ворошилов: ...Но полномочия, по-моему, необходимы в письменном виде для того, чтобы взаимно было видно, в каких пределах вы уполномочены вести переговоры, каких вопросов вы можете касаться, до каких пределов вы можете обсуждать эти вопросы и чем эти переговоры могут окончиться. Наши полномочия, как вы видели, всеобъемлющи... Ваши полномочия, изложенные на словах, мне не совсем ясны. Во всяком случае, мне кажется, что этот вопрос не праздный — он в самом начале определяет и порядок и форму наших переговоров.

Адмирал Драйе заявляет, что... если бы было удобным перенести переговоры в Лондон, то он имел бы все полномочия...

Маршал К. Е. Ворошилов под общий смех замечает, что привезти бумаги из Лондона в Москву легче, чем ехать в Лондон такой большой компанией¹.

Вечером 12 августа в адрес Чэтфилда была отправлена следующая телеграмма: «На первом заседании сегодня русские делегаты предъявили документ, поименно предоставляющий пяти советским офицерам чрезвычайные полномочия с правом подписания (конвенции. — *Прим. авт.*). Ворошилов надеялся, что у нас имеются аналогичные полномочия. Французский генерал² заявил, что он имеет полномочия вести переговоры, но не подписывать (конвенцию. — *Прим. авт.*), и предъявил документ, подписанный Э. Даладьё, уполномочивающий его «вести переговоры с Главным Командованием Советских Вооруженных Сил по всем вопросам, касающимся сотрудничества, необходимого между вооруженными силами двух стран». Англичане не имеют письменных полномочий. Я заявил, что это можно быстро исправить и что мы получим полномочия, аналогичные французским. Пожалуйста, вышлите их авиапочтой. Очень важно, чтобы были поименно названы три члена британской делегации.

Ворошилов предложил, чтобы, пока мы ожидаем полномочий, переговоры продолжались. Русские настаивают, и с этим согласился все, чтобы сохранялась абсолютная секретность переговоров относительно прессы до тех пор, пока не будет подготовлено согласованное заявление. Я прошу, чтобы это соблюдалось и в части, касающейся данной телеграммы³. Поэтому французский посол и генерал в данный момент не направляют доклада в Париж⁴.

¹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны: Документы и материалы. М., 1971, с. 545, 546.

² Имеется в виду глава французской военной миссии генерал Ж. Думенк. — *Прим. авт.*

³ Секретность — очевидное условие таких переговоров. Тем не менее английская сторона постоянно нарушала это условие, что еще более осложняло переговоры, нередко ставило в затруднительное положение английскую делегацию. У. Сидс писал в Лондон 3 августа (письмо было получено

С полномочиями в Лондоне возились довольно долго. Лишь 15 августа их подготовили к отправке. В документе, подписанном Галифаксом, указывалось, что адмирал Р. Дракс, генерал-майор Т. Хейвуд и маршал авиации Ч. Бернет уполномочены «вести переговоры с Главным Командованием Вооруженных Сил Союза Советских Социалистических Республик по всем вопросам, касающимся сотрудничества между Вооруженными Силами Союза и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии»¹. Как видно, полномочий на подписание военной конвенции или связанных с ней документов английской военной делегации предоставлено не было.

Когда по приезде Дракса в английском посольстве в Москве ознакомился с полученными им инструкциями, то британским дипломатам также стала очевидной противоречивость инструкций и неясность целей, которые Лондон хотел достичь военными переговорами. Сидс направил вечером 12 августа в Лондон тревожную телеграмму: «Письменные инструкции, полученные адмиралом Драксом, как видно, предусматривают, что военные переговоры должны вестись медленно, до тех пор, пока не достигнуто соглашение по более важным политическим вопросам. Я сказал ему, что, с моей точки зрения, разделяемой французским послом, господин Молотов со своей стороны, видимо, будет избегать какого-либо соглашения с нами по этим политическим аспектам до тех пор, пока у него не будет оснований быть уверенным в том, что в военных переговорах хотя бы достигнут заметный прогресс.

При таких условиях, я полагаю, военные переговоры вряд ли приведут к каким-либо результатам, за исключением того, что они вновь возбудят сомнения в нашей искренности и в желании заключить конкретное и определенное соглашение... Я глубоко сожалею, если именно таково решение правительства Его Величества, поскольку все свидетельствует о том, что советские участники переговоров относятся к ним действительно по-деловому»².

Правительство Великобритании не желало прогресса в переговорах. В то время как советская делегация предложила обстоятельный и конкретный план координации военных усилий трех держав, направленный на пресечение германской агрессии, западные делегации вели отвлеченные дискуссии³. Стремление

24 августа): «...Мое положение как лица, ведущего переговоры, вновь и вновь оказывается неестественно трудным из-за целого ряда неблагоприятных и утешки информации... Я не жалуюсь на случаи или обстоятельства, которые находятся за пределами контроля правительства Его Величества... Но я оказываюсь в невероятном положении перед Молотовым, когда, например, лондонская газета публикует наши предложения о секретном приложении к договору почти в тот самый момент, когда я предлагаю это Советскому правительству...» (PRO. F. O. 371/23070, p. 167—168).

⁴ Ibid., p. 179.

¹ Ibid., p. 183.

² PRO. F. O. 371/2370, p. 168.

³ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 2, с. 144—147.

западных держав к такому соглашению, которое поставило бы СССР под удар немецко-фашистских армий, стало очевидным при обсуждении кардинального вопроса о пропуске советских войск в случае начала германской агрессии через территорию Польши и Румынии, что было необходимо для организации эффективной защиты не только советских границ, но также всей Польши и Румынии. 14 августа К. Е. Ворошилов предложил Драксу и Думенку разъяснить их точку зрения по этому далеко не новому для них, но принципиальному вопросу.

Ночью 15 августа (точнее, в 1 час 00 мин.) Сидс направляет в Лондон срочную телеграмму: «Французский посол и я обсуждали с главами миссий ситуацию, создавшуюся в результате утренней встречи с советской делегацией.

Он и я пришли к выводу, что русские поставили сейчас вопрос, от которого зависит успех или провал переговоров... Мы считаем, что советская делегация будет твердо стоять на этой позиции и всякие попытки поколебать ее приведут к такому же провалу, как это неоднократно имело место в ходе наших политических переговоров.

...Наше предложение заключается в том, чтобы французский генеральный штаб вступил в контакт с польским генеральным штабом и получил на то согласие... Прошу подчеркнуть необходимость особой срочности и исключительной секретности»¹.

Между тем на переговорах Дракс тянул время, излагая прописные истины вроде тех, что надо «отрезать неприятелю все пути сообщения», «найти и разбить флот противника» и т. п.

Ряд буржуазных авторов вновь использует в этой связи версию, согласно которой едва ли не главным камнем преткновения на переговорах явилась военная слабость СССР, о которой «догадывались» в Лондоне и Париже. Эту версию неоднократно использовали в выступлениях на заседании английского кабинета в ходе переговоров и Чемберлен, и его окружение. Какими в действительности данными располагало английское правительство по этому конкретному вопросу?

Английское и французское правительства располагали более чем достаточными данными о мощи тех сил, которые СССР готов был выставить против агрессоров в Европе: 136 дивизий, 5 тыс. тяжелых орудий, 9—10 тыс. танков, 5—5,5 тыс. боевых самолетов. В предложениях, представленных советской делегацией на переговорах, содержались не только эти данные, но и четко разработанный план военного сотрудничества трех держав в случае, если Германия развяжет агрессию в Европе².

Ответ на поставленный вопрос дает также доклад подкомиссии Комитета начальников штабов видов вооруженных сил Великобритании, в которую входили лица, по английским меркам, весьма

¹ PRO. F. O. 371/23072, p. 190—191.

² См.: СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, с. 574—577.

компетентные в таких делах. Содержание их официального доклада «Русские переговоры: использование польской и румынской территории русскими силами», представленного кабинету министров, было следующим:

«На нашем заседании 16 августа 1939 года мы рассмотрели важные аспекты мер... По нашему мнению, единственно логичным является предоставление русским всех средств для оказания помощи, с тем чтобы использовать максимум их сил на стороне антиагрессивных держав. Мы считаем исключительно важным пойти навстречу русским в данном вопросе и что в случае необходимости должно быть оказано сильнейшее давление на Польшу и Румынию, с тем чтобы добиться их согласия отнестись к этому положительно... Заключение договора с Россией представляется нам лучшим средством предотвращения войны. Успешное заключение этого договора будет без сомнения поставлено под угрозу, если выдвинутые русскими предложения о сотрудничестве с Польшей и Румынией будут отклонены этими странами...»¹

Таковы подлинные сведения, которыми располагало английское правительство. Американский историк Т. Тейлор видит причину туника, возникшего на переговорах, в том, что «действия англичан и французов были слишком медленными и запаздывали»². Ж.-Б. Дюрозель утверждает, что Франция, «похоже, была единственной из трех держав, стремившейся быстрее заключить соглашение»³. Однако более объективен один из французских участников переговоров, впоследствии видный генерал, А. Бофр. Касаясь советских предложений, он писал: «Трудно было быть более конкретным и более ясным... Контраст между этой программой и смутными абстракциями франко-английской платформы поразительный... Советские аргументы были весомые... Наша позиция оставалась фальшивой»⁴.

В Париже издана книга Л. Нозля, французского посла в Варшаве в период Московских переговоров. Ее автор, не скрывая своих антисоветских убеждений, тем не менее проливает дополнительный свет на подлинные события тех дней.

Инструкции начальника генерального штаба национальной обороны Франции генерала М. Гамелена французской миссии, отбывавшей на переговоры в Москву, были, по выражению Нозля, расплывчаты и носили весьма общий характер⁵. Политические и военные деятели Франции были детально осведомлены о позиции Польши и, более того, прикрываясь враждебной по отношению к СССР политикой буржуазной Польши, вели, как и английское

¹ PRO. F. O. 371/23071, p. 228—231.

² Taylor T. Munich..., p. 977.

³ Duroselle J.-B. La décadence 1932—1939, p. 416.

⁴ Baufre, général. Le drame 1940. Paris, 1965, p. 149, 156.

⁵ Léon Noël. La guerre de 39 a commencé 4 ans plus tôt. Paris, 1979, p. 154.

правительство, коварную игру, направленную на срыв переговоров в Москве.

Л. Ноэль приводит в книге характерный эпизод. 19 августа, когда в беседе с французским военным атташе начальник польского генерального штаба Стахевич вновь сообщил об отрицательном отношении польского правительства к пропуску советских войск через польскую территорию в случае германской агрессии, французский военный атташе заявил Стахевичу: «Не говорите мне о вашем отказе. Лучше, если в Москве наша делегация могла бы маневрировать, как будто вы еще не сформулировали свой отказ»¹. Ноэль приводит также оценку курса западных держав другим участником Московских переговоров — А. Бофром: «Проблема заключалась не в том, чтобы добиться у поляков ответа, согласны они или нет на пропуск советских войск через свою территорию, а в том, чтобы найти лазейку, которая позволила бы продолжать переговоры...»²

В каких целях? На этот вопрос советская историография уже дала исчерпывающий ответ: Англия за спиной СССР вела тайные переговоры с фашистским рейхом. В ходе этих переговоров британское правительство сделало далеко идущие предложения об англо-германском сотрудничестве и заключении между двумя странами договора о ненападении, невмешательстве и разделе сфер влияния. При этом английские правящие круги обещали нацистам прекратить переговоры с СССР и отказаться от гарантий Польше, незадолго до этого предоставленных Англией, то есть выдать Польшу Гитлеру, подобно тому как это было сделано с Чехословакией. Детали сговора предполагалось, как свидетельствуют английские источники, уточнить при личной встрече Чемберлена с Герингом, поездка которого на Британские острова назначалась на 23 августа. Самолет Геринга должен был приземлиться на уединенном аэродроме в Хартфордшире, где его в строжайшей тайне готовились встретить представители английского правительства. Отсюда рейхсмаршал собирался проследовать в Чекерс — загородную резиденцию Чемберлена³.

Немалая доля ответственности за создавшуюся ситуацию лежит на правящих кругах Соединенных Штатов Америки. Степень этой ответственности еще недостаточно исследована. Однако те факты, которыми располагают историки, указывают, что американская дипломатия представляла дело так, будто США стояли в стороне от европейской политики. В действительности же США активно препятствовали заключению соглашения между СССР, Англией и Францией и поддерживали идею сговора с Германией против Советского Союза. «Германия, — заявил один из участников «игры в переговоры» посол США в Лондоне Дж. Кеннеди, —

¹ Léon Noël. La guerre de 39 a commencé 4 ans plus tôt, p. 130.

² Ibid., p. 156.

³ См.: Мосли Л. Утраченное время: Как начиналась вторая мировая война: Сокр. пер. с англ. М., 1972, с. 306.

должна иметь в экономических вопросах свободу рук на Востоке, а также на Юго-Востоке»¹.

Показательная реакция правительства США на инициативу бывшего посла в СССР Дж. Дэвиса выехать в Москву, с тем чтобы оказать поддержку ходу переговоров. В меморандуме, направленном 18 апреля 1939 г. Рузвельту (буржуазные историки этот документ замалчивают), Дэвис следующим образом излагал мотивы в пользу результативности Московских переговоров: «Вы знаете, — писал он Рузвельту, — я враждебно отношусь к коммунизму. Но я убежден, что Россия хочет мира, нуждается в нем и готова сражаться с Гитлером... Наши с Вами познания в юриспруденции требуют от нас изучения силы и позиции наших противников и объективной оценки того, чего они стоят, руководствуясь прежде всего принципом, что судить о фактах нужно не потому, какими мы хотим их видеть, а по тому, какие они есть на самом деле. Англия занимается «плутовством», как говорит Черчилль, или, иначе, «болтологией», как говорит Ллойд Джордж, в связи с переговорами о союзе с Россией, который предлагают Советы. Если англичане не проявят в этом деле серьезности, они потеряют Советы». Дэвису не разрешили отправиться в Москву, тайно планируя поездку помощника государственного секретаря Б. Лонга в Германию². Характерно, что большинство американских историков, конструируя свою концепцию этих событий, «для удобства» замалчивают сам факт англо-германских переговоров, которые велись за спиной СССР.

Финал известен. 22 августа 1939 г. Думенк заявил главе советской военной делегации, что он получил от своего правительства положительный ответ на «основной кардинальный вопрос» и полномочия «подписать военную конвенцию». Однако он признал, что о позициях английского, польского и румынского правительств ему ничего не известно³. Таким образом, в действительности ответа на кардинальный вопрос не было. Западные державы завели переговоры в окончательный тупик.

«История не изменит своего обвинительного приговора: «мюнхенская политика» западных держав, их попустительство гитлеровской агрессии обернулись тяжелой трагедией для всех народов Европы, — отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев. — Преступной была линия тех, кто, несмотря на настойчивые призывы Советского Союза, отказался выступить единым фронтом, чтобы остановить нацистских авантюристов»⁴.

¹ DGFP. 1918—1945. Series D, vol. 1, W., 1949, p. 718.

² Подробнее см.: Мальков В. Л. Европейская политика США накануне второй мировой войны в освещении новейшей американской буржуазной историографии. — В кн.: Буржуазная историография второй мировой войны..., с. 115—129.

³ См.: СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, с. 631—632.

⁴ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1985, с. 59.

Срыв Англией и Францией переговоров в Москве означал, что последняя возможность остановить коллективными усилиями готовившееся наступление вермахта была утрачена. Советский Союз оказался в сложном положении. Планы международного империализма направить на СССР удары с запада и востока были близки к осуществлению (следует иметь в виду, что в это время советские войска совместно с монгольскими уже вынуждены были отражать японскую агрессию на реке Халхин-Гол).

В грозной для СССР обстановке Советское правительство решило принять предложение Германии заключить договор о взаимном ненападении. Этот вынужденный шаг позволил СССР отвести от себя на время военную угрозу с запада, выиграть, как показали последующие события, почти два года для укрепления обороны страны, расколоть складывавшийся антисоветский фронт империалистических держав.

С началом второй мировой войны Коммунистическая партия и Советское правительство, руководствуясь ленинскими принципами внешней политики, умело используя межимпериалистические противоречия, последовательно стремились избежать вовлечения страны в войну. Советский Союз определил свое отношение к воюющим империалистическим группировкам как нейтральное и официально об этом заявил. Вместе с тем с особой остротой встала задача: сочетая защиту интересов советского народа и мирового революционного движения, обеспечить условия для завершения строительства социализма в СССР и повысить обороноспособность страны. Большая роль в выполнении этой исторической задачи отводилась внешнеполитической деятельности СССР. Требовалось в первую очередь укрепить безопасность советских рубежей, ограничить сферу распространения фашистской агрессии. Необходимо было удерживать, насколько возможно, Германию в рамках обязательств о ненападении и нейтрализовать угрозу Советскому Союзу со стороны Японии. Такой курс отвечал не только интересам СССР, мирового социализма, но и всех народов, подвергшихся фашистской агрессии или оказавшихся под ее угрозой.

Особое значение для СССР приобретало укрепление своих западных границ, которым империалистические державы угрожали с первых дней существования Советской власти.

В 1939—1940 гг. с народами СССР воссоединились народы Западной Белоруссии, Западной Украины, Бессарабии и Северной Буковины. Огромным событием явилась победа революционных сил и восстановление Советской власти в Литве, Латвии и Эстонии, народы которых нашли спасение от капиталистического гнета и фашистской угрозы в добровольном вступлении в состав СССР. В начале августа 1940 г. седьмая сессия Верховного Совета СССР удовлетворила просьбу Литвы, Латвии и Эстонии о принятии их в СССР в качестве равноправных союзных республик.

В результате разрешения в начале 1940 г. финляндско-советского вооруженного конфликта, спровоцированного западными державами и финской реакцией, была укреплена безопасность Ленинграда и северо-западной границы СССР. Пакт о нейтралитете с Японией, заключенный в апреле 1941 г., способствовал обеспечению безопасности советских границ на Дальнем Востоке.

Итоги борьбы Коммунистической партии и Советского правительства за укрепление международных позиций и безопасности Советского государства имели большое значение для решения основных внешнеполитических задач в 1939—1941 гг. и, в более долгосрочной перспективе, для разгрома агрессоров.

По интенсивности и масштабам псевдонаучной лжи, нагромаждаемой на Западе вокруг внешнеполитических акций СССР в 1939—1941 гг., этот период не имеет себе равных в попытках буржуазных идеологов опорочить историю Советского Союза¹. Наиболее активно реакционными историками и пропагандистами распространяется миф о сговоре СССР с гитлеровской Германией. Так, авторы официального западногерманского труда «Германский рейх и вторая мировая война» пишут не о германском, а о германо-советском нападении на Польшу в сентябре 1939 г. Ф. Погью из США пытается доказать, что СССР, заключив договор о ненападении с Германией, стал «на сторону Гитлера»². В 1979 г. эти злостные домыслы подхватили идейные вдохновители польской контрреволюции, агентура империалистических разведок, заседавшая в КОС—КОР и руководстве пресловутой «Солидарности». Освобождение Западной Белоруссии и Западной Украины трактуется ими как «советская аннексия». Они ставят знак равенства между разбойничьим нападением Германии на Польшу, приведшим к ликвидации национальной независимости этой страны, и освободительным походом Советской Армии на территорию, насильственно отторгнутую от Советской России и оказавшуюся к этому времени уже под неотвратимой угрозой гитлеровской оккупации³.

Весьма расхожи и по сей день домыслы об экономическом помощи, которую СССР будто бы оказывал Германии в войне против Англии и Франции в 1939—1940 гг., прежде всего поставками нефти. В этой связи необходимо сказать следующее. Основой экономических отношений между СССР и Германией явля-

¹ См.: Севостьянов П. П. Перед великим испытанием: Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны. Сентябрь 1939 — июнь 1941. М., 1981, с. 5—17.

² Pogue F. Politics and Formulation of American Strategy in World War II. San Francisco, 1975, p. 2.

³ См.: Жидан П. Уроки прошлого и заботы настоящего. — Коммунист, 1984, № 7, с. 69.

лись торгово-кредитное соглашение от 19 августа 1939 г. и хозяйственное соглашение от 11 февраля 1940 г., которыми предусматривалось, что СССР будет экспортировать сырье, а Германия поставлять Советскому Союзу промышленные изделия, в том числе вооружение, что соответствовало интересам укрепления обороноспособности СССР. К примеру, закупка Советским Союзом самолетов «Мессершмитт-109», «Юнкерс-88», «Дорнье-215» и других способствовала выявлению подлинного уровня немецкой авиационной техники. Известный советский авиаконструктор А. С. Яковлев, ознакомившись в соответствии с правительственным заданием с германской авиационной промышленностью, вспоминает свой доклад о ее состоянии И. В. Сталину в ноябре 1940 г., который сказал: «Организуйте изучение нашими людьми немецких самолетов. Сравните их с новыми нашими. Научитесь их бить»¹.

В сборнике статей, опубликованном в ФРГ в 1977 г. видными буржуазными историками Ф. Форстмайером (бывший начальник военно-исторической службы бундесвера) и Х. Фолькманном (один из основных авторов официального труда «Германский рейх и вторая мировая война»), говорится: «В торговых отношениях с Германией Советский Союз показал себя упорным, несговорчивым партнером, который последовательно отстаивал собственные экономические и оборонные интересы. Часто высказываемое исследователями мнение о «существенной поддержке» германской военной экономики советскими поставками сырья не учитывает того объема и ассортимента поставок, которые СССР требовал и получал от Германии. Например, в конце 1940 г. СССР согласился увеличить поставки зерна в Германию на 10 процентов, но за это Германия должна была увеличить поставки в СССР алюминия и кобальта, которых крайне недоставало ей самой. А в ответ на просьбы Германии о дополнительных поставках сырья СССР выдвигал новые требования о поставках станков и грузовых машин, а также вооружений»².

Что касается нефти, то в секретном докладе, составленном в январе 1940 г. подкомитетом по планированию Комитета начальников штабов Англии, указывалось, что из общего объема импорта нефти Германией в 523 тыс. т за первые три месяца войны поставки из СССР не превышали 9 тыс. тонн. Иначе говоря — менее 2 процентов германского импорта³. Миф оговоре СССР с Германией опровергается документами, имеющимися и на Западе, но антисоветская пропаганда такие документы и оценки игнорирует, сея вражду и ненависть к стране социализма.

¹ Яковлев А. Цель жизни: Записки авиаконструктора. М., 1974, с. 221.

² Forstmeier F., Volkmann H. E. (Hrsg.). Kriegswirtschaft und Rüstung 1939—1945. Düsseldorf, 1977, S. 382.

³ PRO. Cab. 66, vol. 5, p. 41.

Одним из доказательств так называемой «агрессивности» СССР западногерманский историк Х. Хертле считает свою трактовку результатов германо-советских переговоров в ноябре 1940 г., в ходе которых СССР якобы потребовал признания «сферой советского влияния Болгарию, Румынию, Финляндию и Турцию»¹. Когда империалистическая пропаганда развязала злобную анти-советскую кампанию в связи с вводом ограниченного контингента советских войск в Афганистан, на страницах западной печати появились «научные статьи», в которых повторялись домыслы Х. Хертле и ему подобных «исследователей». Так, газета «Нью-Йорк таймс» писала, что в ноябре 1940 г. во время советско-германских переговоров в Берлине Советское правительство настаивало на распространении своего влияния на Черноморские проливы и к Индийскому океану. Данная интерпретация этих переговоров рассчитана на неосведомленного читателя. На этих переговорах СССР занимал прямо противоположную позицию. Германская дипломатия подготовила проект соглашения между участниками Тройственного пакта и Советским Союзом, которому было предложено присоединиться к декларации, определявшей его «территориальные устремления»². Советская делегация решительно отклонила предложение фашистского руководства. Принципиальный отказ СССР от обсуждения гитлеровской программы «разграничения сфер влияния», его непримиримость к расширению фашистской экспансии показали нацистскому руководству, что Советский Союз не поддается отвлекающим маневрам и не питает иллюзий в отношении подлинных намерений Германии. В своем «политическом завещании» Гитлер писал, что после отъезда советской делегации он принял решение «свести счеты с Россией». К этому времени непосредственная подготовка к нападению на СССР уже велась в широких масштабах³.

Главным итогом внешней политики СССР в первый период второй мировой войны явилась почти двухлетняя отсрочка вовлечения в нее нашей страны, что имело важнейшие международные последствия. В этот период Советский Союз осуществлял политику укрепления позиций социализма, проводил в жизнь стратегию, направленную на то, чтобы оттянуть время неизбежной схватки с фашизмом, отодвинуть рубежи возможного столкновения с вермахтом, подготовить Советские Вооруженные Силы к отражению вражеского нашествия и создать предпосылки для объединения в антифашистскую коалицию государств и народов крупнейших стран мира — СССР, США и Англии. Что касается домыслов реакционных историков о советской внешней политике, то они остаются уделом воинствующих мракобесов, служащих целям современной агрессивной внешней политики империализма.

¹ Härtle H. Die Kriegsschuld der Sieger, S. 323.

² The New York Times, 30.12.1979.

³ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 3, с. 346—347.

3. Плоды политики умиротворения

К началу второй мировой войны Китай, Эфиопия, Чехословакия, Австрия и Албания уже стали жертвами захватчиков. Многие страны Европы, Азии и Африки оказались в зависимости от фашистско-милитаристского блока. Но это были только первые плоды преступной политики умиротворения агрессоров, которую проводили правящие круги Англии, Франции и США.

На рассвете 1 сентября 1939 г. гитлеровская Германия без объявления войны совершила вооруженное нападение на Польшу. Немецкая авиация нанесла внезапные массированные удары по польским аэродромам, железнодорожным узлам, крупным административным и промышленным центрам. Мощные сухопутные группировки вермахта, разорвав танковыми клиньями польскую оборону, устремились в глубь страны по направлению к Варшаве с севера, запада и юга — из Восточной Пруссии, Восточной Германии и Словакии. 8 сентября фашистам удалось выйти на подступы к Варшаве и через два дня полностью ее окружить.

Несмотря на варварские бомбардировки и массированный артиллерийский обстрел, гарнизон и жители польской столицы в течение 20 дней оказывали врагу героическое сопротивление. Но силы были не равны. В первых числах октября боевые действия на территории Польши прекратились. Гитлеровская Германия получила дополнительные сырьевые и промышленные ресурсы и удобный плацдарм для дальнейшего расширения агрессии на Востоке.

День вооруженного нападения Германии на Польшу вошел в историю как первый день второй мировой войны, которая вовлекла в свою орбиту 61 государство, 80 процентов населения земного шара и продолжалась шесть лет.

Связанные с польским государством данными ему гарантиями независимости и безопасности, а также союзными договорами, английское и французское правительства 3 сентября 1939 г. вынуждены были объявить войну Германии. Но судьба польского народа их не беспокоила.

Демонстративная пассивность правящих кругов Англии и Франции, их нежелание выполнять взятые на себя ранее обязательства по оказанию помощи Польше в случае германской агрессии проявились тогда столь ярко, что этот факт не отрицает ни один из буржуазных историков. Однако ими разработана целая серия аргументов, призванных как-то обелить такую позицию англо-французской коалиции. Многие из этих историков придерживаются версии о том, что в сентябре 1939 г. Англия и Франция были не способны дать вооруженный отпор фашистской Германии и оказать помощь союзной Польше. Так, американские профессора Г. Брэгдон и С. Маккачен пишут: «Через два дня после того, как гитлеровские армии начали войну, Великобритания и Франция приняли решение защищать Польшу и объявили войну нацистской Германии. Однако англичане и французы были

не способны чем-либо помочь Польше. У них было недостаточно сухопутных войск для вторжения в Германию и бомбардировщиков для атаки с воздуха»¹.

Подобные заявления не соответствуют истине. Цель у них одна — обелить предательство Польши со стороны ее западных союзников. Соотношение сил и средств в начале сентября 1939 г. на суше и в воздухе было в пользу Англии и Франции. Германия имела 103 дивизии, до 3,2 тыс. танков, более 4 тыс. самолетов и 26 тыс. орудий и минометов, в то время как объединенные силы Англии, Франции и Польши имели 172 дивизии, около 4 тыс. танков, более 7,6 тыс. самолетов и до 36 тыс. орудий и минометов². Доминирующими были силы западных союзников и на море.

К началу войны Германия сосредоточила свои основные силы и средства на Востоке (62 дивизии, 2,8 тыс. танков и до 2 тыс. боевых самолетов, которым противостояли 39 польских дивизий, 220 легких танков и 650 танкеток, 407 боевых самолетов). На Западе Англия и Франция имели решающее превосходство над противником. Так, если вермахт имел здесь 31 дивизию, около 800 самолетов, 3 тыс. орудий и ни одного танка, то лишь французские войска — 85 дивизий, 2,2 тыс. танков, около 1,5 тыс. самолетов и до 7 тыс. орудий³. При этом на центральном участке Западного фронта, где возможность наступления была наиболее вероятной, 40 боеготовым французским дивизиям противостояло всего 17 не полностью оснащенных германских дивизий⁴.

Примечательна и оценка немецкой группировки на западном фронте К. Типпельскирхом: «...Группа армий «Запад» под командованием генерал-полковника Риттер фон Лееб, действовавшая на этом сильно растянутом фронте, имела в распоряжении 8 кадровых и 25 резервных и ландверных дивизий. Последние еще нужно было отмобилизовать, и их нельзя было считать полностью боеспособными ни с точки зрения технического оснащения, ни с точки зрения боевой подготовки. Танковых соединений группа армий «Запад» не имела. Западный вал (линия Зигфрида), который значительно уступал в мощности линии Мажино и частично еще строился, не являлся непреодолимым препятствием для противника, решившегося на наступление, и не мог компенсировать недостаточное количество используемых сил»⁵.

¹ Bragdon N., McCutchan S. History of a Free People. New York, 1978, p. 661.

² См.: Советская Военная Энциклопедия. М., 1976, т. 2, с. 410, 531; Förster G. und andere. Der Zweite Weltkrieg Militärhistorischer Abriss. Berlin, 1972, S. 29—32.

³ См.: Фокин В. Т. Фашистская Германия во второй мировой войне (сентябрь 1939 г. — июнь 1941 г.). М., 1978, с. 99.

⁴ Кимхе Д. Несостоявшаяся битва: Пер. с англ. М., 1971, с. 151.

⁵ Типпельскирх К. История второй мировой войны: Пер. с нем. М., 1956, с. 31.

Бывшие гитлеровские генералы после войны признавали, что Англия и Франция могли быстро пресечь начавшуюся агрессию против Польши. Так, представитель ОКХ при ставке Гитлера Н. Форманн писал, что германо-польская война была для немецкого командования «танцем на бочке с порохом, к которой уже был приставлен фитиль. Если бы пришли в движение силы, имевшие громадное превосходство... (западные союзники Польши. — *Прим. авт.*), то война неизбежно закончилась бы. В Польше пришлось бы прекратить боевые действия. Самое большее через неделю были бы потеряны шахты Саара и Рурская область...»¹. Западногерманский историк М. Фройнд цитирует признание начальника штаба оперативного руководства вермахта А. Йодля, сделанное им на Нюрнбергском процессе: «Если мы не потерпели поражения в 1939 году, то только потому, что почти 110 французских и английских дивизий на Западе в период польской кампании в полном бездействии противостояли двадцати пяти немецким дивизиям»².

Американский историк У. Маррей повторяет версию о том, что «Британия и Франция не имели средств для оказания помощи Польше»³.

Английский историк Н. Флеминг в книге «Август 1939 г.» рисует довольно яркую картину предательства Польши западными державами. Он указывает, что с 3 сентября 1939 г. английская авиация приступила к выполнению операции под кодовым наименованием «Никкельс», цель которой состояла не в том, чтобы нанести удары по агрессору, а в распространении пропагандистских листовок в Германии. Не выступило в защиту Польши и правительство США, ограничившись лишь призывом к Гитлеру «проявить гуманность»⁴.

Н. Флеминг объясняет бездействие Англии и Франции тем, что они находились в плену «оборонительного мышления» и не желали причинить «неминуемые потери немецкому гражданскому населению»⁵.

Действительная причина бездействия Англии и Франции во время германо-польской войны заключалась не в этом, а в политических установках правящих кругов этих стран, выработанных еще до начала германо-польской войны. Польша была сознательно принесена ими в жертву гитлеровцам во имя давно созревшего плана: вывести немецко-фашистские войска к границам СССР и облегчить им развертывание для агрессии против Советского Союза. Свидетельством тому были настойчивые попытки

¹ Vormann N. Der Feldzug 1939 in Polen. Weissenburg, 1958, S. 71, 72.

² Freund M. Deutsche Geschichte. Gütersloh, 1973, S. 1319.

³ Murray W. The Change in the European Balance of Power, 1938—1939. The Path to Ruin. Princeton, New Jersey, 1984, p. 368.

⁴ Fleming N. August 1939, p. 208, 212.

⁵ Ibidem. См. также: The Simon and Schuster Encyclopedia of World War II. New York, 1979, p. 229.

Англии и Франция урегулировать противоречия с Германией путем переговоров за счет интересов других стран, срыв Московских переговоров летом 1939 г. о заключении военного союза СССР, Англии и Франции для совместного отпора фашистской агрессии. Эти и другие действия западных «демократий» убедили нацистов в том, что захват Польши не вызовет опасной реакции со стороны Англии, Франции и США.

31 августа 1939 г. начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта сделал в своем дневнике следующую запись: «Фюрер спокоен... он... рассчитывает на то, что французы и англичане не вступят на территорию Германии»¹. Такой прогноз базировался на основе не раз выражавшейся «умиротворителями» готовности достичь союза с нацистами в целях совместной борьбы против СССР. Ни Англия, ни Франция, ни США ничего не сделали, чтобы помешать наступлению фашистской Германии на восток, к границам СССР.

Несостоятельны также утверждения западногерманского историка В. Хубача и других реакционных историков и публицистов о том, что Германия после оккупации Польши готова была установить мир с Англией и Францией². На самом деле нацисты думали не о мире, а о продолжении захватов в Европе. В октябре 1939 г., сразу после падения Польши, началась передислокация немецко-фашистских войск с востока на запад. К началу ноября здесь было сосредоточено 96 немецких дивизий³. 19 октября генеральный штаб сухопутных войск Германии издал директиву о подготовке войск к наступлению против Голландии, Бельгии, Люксембурга и Франции с целью их разгрома в «молниеносной войне»⁴.

Лицемерные заявления гитлеровского руководства о стремлении к миру осенью 1939 г. служили лишь ширмой для начавшегося развертывания немецко-фашистских соединений на Западе. Нацисты пытались усыпить бдительность стран, намеченных в качестве новых жертв агрессии. При этом фашистская Германия требовала от Англии и Франции признания всех осуществленных ею к тому времени захватов в Европе и передела колониальных владений. Принятие этих требований означало бы для империалистов западных держав утрату их великодержавных позиций, добровольный отказ от большой части захваченных ими ранее источников сырья, рынков сбыта и сфер приложения капитала. На такие уступки они пойти не могли. Тем не менее правящие круги Англии и Франции еще долго не теряли надежды достигнуть компромисса с германским империализмом, ослабить фашистскую Германию чужими руками, переключив ее устремления с Запада на Скандинавские, Балканские страны и на Советский

¹ Гальдер Ф. Военный дневник: Пер. с нем. М., 1968, т. 1, с. 87.

² Der Zweite Weltkrieg: Bilder, Daten, Dokumente. Cütersloh, 1976, S. 89, 97.

³ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 3, с. 48.

⁴ См. там же.

Союз. Главнокомандующий вооруженными силами Франции М. Гамелен в своих мемуарах писал, что одной из целей англо-французской коалиции являлось «противопоставление интересов Германии интересам Советского Союза»¹.

Период демонстративного бездействия англо-французских войск после объявления Англией и Францией войны Германии до наступления немецко-фашистских войск на Западе в мае 1940 г. получил в буржуазной историографии название странной войны. Многие буржуазные историки вынуждены констатировать, что во время этой войны Англия и Франция, с одной стороны, не вели действительной борьбы против Германии, а с другой — занимались разработкой планов войны против Советского Союза. Однако они уклоняются от выяснения действительных причин такой политики. Согласно концепции английского историка А. Тейлора, британское правительство не предпринимало никаких действий против Германии только из-за ошибочной оценки состояния германской экономики. Он утверждает, что военно-политическое руководство Англии после разгрома Польши полагало, что Германия уже истощена и скоро рухнет без дальнейшей борьбы из-за экономических трудностей². Что же касается планов агрессии Англии и Франции против СССР, то, согласно утверждению Тейлора, они были вызваны стремлением лишить Германию поставок нефти с Кавказа и оказать помощь Финляндии³. Аналогичной версии придерживаются и многие другие буржуазные историки Запада. Цель у них одна — обелить империализм, его реакционную, крайне опасную для человечества политику поощрения агрессоров, оправдать в глазах широкой общественности дискредитировавшую себя буржуазную элиту.

На самом деле главной причиной странной войны на Западе и планируемой англо-французской интервенции против Советского Союза был пагубно отразившийся на национальных интересах Англии и Франции антисоветизм правящих кругов, которые все еще продолжали надеяться на сговор с фашистской Германией за счет СССР. С этой целью с сентября 1939 г. по апрель 1940 г., по неполным данным, они провели с гитлеровцами не менее 160 переговоров на различном уровне представительства⁴.

Тогдашние руководители англо-французской коалиции, форсируя компромисс с Германией, конструировали различные варианты совместного с ней военного похода против СССР. Это была последняя и наиболее авантюристическая ставка в стратегии «мюнхенцев». Ныне на Западе планы этого похода пытаются представить как химеру⁵. Но документы свидетельствуют, что в 1940 г. намечалось использовать английские и французские

¹ Gamelin M. *Servir*. Paris, 1947, t. 3, p. 110.

² Taylor A. *The Second World War*. London, 1975, p. 42—43.

³ *Ibid.*, p. 45.

⁴ *Deutschland im zweiten Weltkrieg*. Berlin, 1974, Bd. 1, S. 247.

⁵ Kahle G. *Das Kaukasusprojekt der Alliierten vom Jahre 1940*. Opladen, 1973, S. 31, 40—41.

войска для нанесения двух ударов: первый — в направлении Ленинграда и Мурманска, второй — по советским нефтяным промыслам на Кавказе и советскому Военно-Морскому Флоту на Черном море. Расчеты сводились к тому, что фашистская Германия предпримет «естественный шаг» и нанесет удар по центральному району Советского Союза. Одновременно делалась ставка на антисоветские устремления японских милитаристов и втягивание в войну Японии, с тем чтобы сковать СССР в тисках двух фронтов¹.

Военные приготовления правящих кругов Англии и Франции против СССР нанесли огромный политический и военный ущерб этим странам, отвлекли их внимание от готовившегося удара вермахта. «Дух крестового похода, — описывал обстановку того времени во Франции, в Англии и США французский журналист А. Кериллис, — веял отовсюду... Раздавался только один клич: «Война России!» Те, кто требовал полной неподвижности за линией Мажино, теперь умоляли послать армию сражаться к Северному полюсу... Горячка антикоммунизма достигла своего пароксизма и приняла формы эпилепсии»².

Антисоветская деятельность правительств Англии и Франции была хорошо известна руководителям фашистской Германии. В информации для руководства внешнеполитического управления фашистской партии, подготовленной германской политической разведкой 3 мая 1940 г., отмечалось: «С начала войны активизировалась деятельность враждебных государств по отношению к Советскому Союзу. Они уделяют этому вопросу повышенное внимание, выдвинули лозунг об «освобождении от ига Москвы» и всеми средствами пытаются привлечь на свою сторону представителей его народов. Активность Парижа и Лондона проявляется, например, в создании... украинского легиона во Франции и национальных частей кавказцев в армии Вейгана»³. Такие известия, несомненно, укрепляли уверенность нацистов в том, что занятые антисоветскими военными приготовлениями западные державы не уделяют достаточно внимания подготовке к обороне, что облегчит их разгром.

9 апреля 1940 г. гитлеровские войска вторглись в Норвегию и Данию. Англо-французская коалиция, как и в случае с Польшей, снова продемонстрировала свое нежелание решительно противодействовать расширению немецко-фашистской агрессии. Она считала, что захват Скандинавии, с одной стороны, отвлечет внимание гитлеровцев от Западного фронта, а с другой — приблизит их к границам Советского Союза. 10 января 1940 г. на заседании английского военного кабинета У. Черчилль, будучи

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 3, с. 43—48; Якушевский А. Агрессивные планы и действия западных держав против СССР в 1939—1941 гг. — Военно-исторический журнал, 1981, № 8, с. 47—57.

² Kerillils A. Francais, voici la vérité! New York, 1942, p. 102.

³ Bundesarchiv (Koblenz), NS 43/37, Bl. 2.

в то время первым лордом адмиралтейства, говорил, что, по его мнению, полностью совпадающему с точкой зрения французского верховного командования, Англии и Франции «выгодно, чтобы Скандинавские страны поссорились с Германией и чтобы война распространилась на Скандинавию»¹.

В период операции немецко-фашистских войск против Дании и Норвегии (кодовое наименование «Везерюбунг») англо-французская коалиция с 14 по 18 апреля высадила в ряде портов Центральной и Северной Норвегии малочисленные войска, действия которых на практике оказались не более чем символическим жестом. В начале мая они покинули Центральную и в начале июня 1940 г. Северную Норвегию. В руках гитлеровцев оказался важный стратегический плацдарм для ведения войны на севере Европы как против Советского Союза, так и против западных стран.

Расчет лидеров англо-французской коалиции на то, что борьба за Скандинавию отвлечет внимание немецкого командования от схватки с ними на Западе, оказался несостоятельным. 10 мая 1940 г. гитлеровская Германия начала свой западный поход. Военная кампания в Скандинавии не помешала ей сосредоточить на Западе довольно мощную группировку, в которой было 136 дивизий (3 300 тыс. человек), 2580 танков, 3824 самолета. Противостоящие ей войска Франции, Англии, Бельгии и Голландии насчитывали 147 дивизий (3 785 тыс. человек), свыше 3 тыс. танков и около 3,8 тыс. самолетов². Общий перевес в силах был, таким образом, на стороне союзных армий. Однако это преимущество не было ими использовано.

14 мая капитулировала Голландия, 28 мая капитулировала Бельгия, 22 июня в Компьенском лесу в том же салон-вагоне, в котором 22 года назад маршал Фош продиктовал условия перемирия потерпевшей поражение в первой мировой войне Германии, представители правительства Франции подписали капитуляцию. Они признали переход под управление германских оккупационных властей двух третей французской территории, обязались нести все расходы по содержанию немецких оккупационных войск, согласились на демобилизацию и разоружение французских вооруженных сил.

Англо-французский военный союз в результате военного похода гитлеровцев в 1940 г., не просуществовав и года, потерпел полный крах, что способствовало дальнейшим успехам фашистского блока. Его вооруженные силы весной 1941 г. оккупировали Югославию, Грецию, захватили остров Крит и приступили к захватническим операциям в Северо-Восточной Африке.

В западной историографии военному разгрому Франции в 1940 г., получившему название «битва за Францию», посвящено немало различных трудов. В большинстве из них буржуазные

¹ Цит. по: За рубежом, 1971, № 9, с. 23.

² См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 3, с. 89.

историки пытаются свести причины поражения Франции к превосходству немецкой стратегии блицкрига над оборонительной стратегией Франции. Западногерманский военный историк Ф. Руге утверждает, что судьба кампании на Западе была предрешена «оперативной и тактической внезапностью, а также правильным применением новой военной техники» немецким командованием¹. Американский историк Дж. Кларк также считает, что исход битвы за Францию «зависел от способности противоборствующих сторон правильно использовать новое снаряжение и вооружение», что наиболее важным фактором была концентрация германских танков и других подвижных средств в танковые дивизии и танковые корпуса. Победу немецко-фашистских войск он объясняет удачным стратегическим планом нападения на Францию, который претворил «давно разработанную теорию о применении танков в практику ведения германского наступления»². Таким образом, ход вооруженной борьбы на Западе в 1940 г. изображается триумфом немецко-фашистского вермахта, а причины поражения Франции сводятся к недостаткам военного искусства ее генералов.

Военный фактор, безусловно, сыграл важную роль в поражении англо-французской коалиции. В кампании в Западной Европе немецко-фашистскому командованию удалось осуществить стратегию блицкрига посредством тщательной подготовки и внезапности нападения на противника, массированного применения танков и авиации. Основная группировка немецко-фашистских войск, беспрепятственно прорвавшись через бельгийские Арденны, вышла в тыл основной массе англо-французских войск, выдвинувшихся в Северную Бельгию, где, как ошибочно предполагало англо-французское командование, противник должен был наносить главный удар. 20 мая немецкие танки вышли к Ламаншу, разорвав надвое фронт западных союзников и поставив их тем самым в крайне тяжелое положение. В докладе военному министру французский главнокомандующий генерал Гамелен в те критические дни писал: «Появление немецких танковых дивизий, их неожиданная способность к прорыву обороны на широком фронте явились главным стратегическим фактором этих дней. Массированное применение немцами танков парализовало все попытки закрыть брешь, всякий раз разрывало звенья цепи, создаваемой для удержания противника. Оборонительные меры не могли производиться быстро из-за отсутствия достаточного количества механизированных частей и соединений»³. Разрушив планы стратегической обороны противника и нанеся ему поражение на севере, немецкие войска в начале июня повернули фронт на юг, взломали созданную здесь импровизированную оборону французов на рубеже рек Сомма и Эн, вышли в тыл

¹ Der Zweite Weltkrieg: Bilder, Daten, Dokumente, S. 179.

² The Simon and Schuster Encyclopedia of World War II, p. 202, 206.

³ Gamelin M. Servir, t. 3, p. 424.

считавшейся неприступной линии Мажино, падение которой стало символом полного краха французской «третьей республики».

Однако сводить причины поражения англо-французской коалиции лишь к военному фактору, как это делают буржуазные авторы, означало бы не что иное, как фальсифицировать историю. Поражение этой коалиции было предопределено реакционной внешней политикой западных держав. Их политика уступок фашистским агрессорам, отказ поддержать советские инициативы, направленные на создание системы коллективной безопасности, открытое предательство ими народов Чехословакии и Польши, разработка планов антисоветской агрессии в период странной войны — все это помешало формированию союза государств, который мог бы пресечь агрессию стран фашистского блока. Стремление англо-французского руководства добиться компромисса с фашистскими странами на антисоветской основе обусловило пассивно выжидательную стратегию западных союзников, в результате которой противнику была добровольно отдана стратегическая инициатива.

Одним из факторов, способствовавших военному успеху гитлеровцев на Западе в 1940 г., была непрочность англо-французской коалиции. Она не выдержала испытания войной. Правящие круги Англии, захватив лидерство в военном союзе с Францией, в соответствии со своей давней традицией рассчитывали вести войну чужими руками. Они выставили против фашистской Германии на континенте незначительное количество сухопутных сил и авиации. Когда в результате прорыва немецких танков через бельгийские Арденны к Ла-Маншу возникла опасная ситуация, военно-политическое руководство Англии отказало союзнику в дополнительной помощи силами и средствами, фактически бросив его на произвол судьбы. Уже 19 мая английское командование тайне начало разрабатывать план возвращения своих экспедиционных войск на Британские острова, получивший кодовое наименование «Динамо». 27 мая этот план был введен в действие. До 4 июня на Британские острова было переправлено более 330 тыс. английских солдат.

Буржуазные историки, особенно английские, хотели бы скрыть тот неоспоримый факт, что значительная доля ответственности за бесславное поражение Франции лежит на правящих кругах и военном командовании Англии. Видимо, этим объясняются их попытки изобразить эвакуацию английских войск с континента как величайшее достижение военного искусства, как мудрый стратегический маневр, имевший важные последствия для дальнейшего хода второй мировой войны. По словам английских историков П. Калвокоресси и Дж. Уайнта, эвакуация из Дюнкерка «была триумфом для британских военно-морских сил»¹.

¹ Calvocoressi P. and Wint G. Total War. Harmondsworth, 1979, p. 123.

Еще более категоричен в непомерном восхвалении бегства английских войск из Франции английский историк Ф. Гроссмис. Он утверждает, что под Дюнкерком «Германия проиграла войну», а Англия «спасала себя от фашистского порабощения»¹. Но, во-первых, остается фактом, что эвакуация английских войск из Франции значительно облегчила немецкому командованию борьбу на Западе. С одной стороны, это позволило гитлеровцам быстро высвободить все силы, действовавшие на северо-востоке Франции, для наступления в глубину Франции в южном направлении, где французское командование при наличии достаточного времени могло бы еще организовать устойчивую оборону, а с другой — усилило пораженческие настроения тогдашних правящих кругов Франции и тем самым облегчило захват власти откровенно капитулянтским элементам во главе с Петеном и Лавалем, не скрывавшим своего намерения заключить мир с фашистской Германией.

Во-вторых, эвакуация английских солдат и офицеров через Дюнкерк, оставивших врагу свое оружие, в том числе около 700 танков, не принесла ни славы, ни каких-либо заметных преимуществ и самой Англии. У. Черчилль в своих мемуарах указывал на слабость английских войск после так называемого «дюнкеркского чуда»: «Наши армии в Англии были почти совершенно безоружны, если не говорить о винтовках... Потребовались бы месяцы, прежде чем наши заводы смогли восполнить хотя бы то вооружение, которое было потеряно в Дюнкерке»².

Важной причиной поражения Франции явилась реакционная внутренняя политика ее правящих кругов, которые, как отмечал видный деятель Французской коммунистической партии Э. Фажон, «пожертвовали национальной обороной и коллективной безопасностью в угоду реакционной привилегированной и пораженчески настроенной касте»³. Объявление военного положения в сентябре 1939 г. они использовали для того, чтобы еще больше ограничить и без того урезанную буржуазную демократию, запретить Французскую коммунистическую партию и родственные ей организации, разгромить прогрессивные профсоюзы.

Английский историк А. Адамтуэйт пишет об отсутствии национального единства во Франции⁴, но умалчивает, что французское правительство, выступавшее заговор с фашистской Германией на антисоветской основе, не принимало никаких мер к пресечению деятельности в стране прогерманских элементов и организаций. Страх перед тем, что борьба французских патриотов против фашизма может перерасти в борьбу за революционные

¹ Grossmith F. Dunkirk — A Miracle of Deliverance. London, 1979, p. 66, 114.

² Churchill W. The Second World War. London, 1949, vol. 2, p. 226.

³ Grenier F. Journal de la drôle de guerre (septembre 1939 — juillet 1940). Paris, 1969, p. 9—10.

⁴ Adamthwaite A. France and the Coming of the Second World War 1936—1939. London, 1977, p. 356—357.

преобразования, лишил французские правящие круги способности руководить нацией.

Ближе к правде, но не договаривает ее до конца У. Маррей. Уничтожающую характеристику военно-политического руководства Англии и Франции, отказавшегося от сотрудничества с СССР в борьбе против фашистской агрессии, «этих чемберленов и даладье, гортов и гамеленов»¹, он завершает таким выводом: «На каждом рубеже долгого пути от кризиса в Абиссинии до начала второй мировой войны они взывали к осторожности, искали угрозу там, где ее не было, исповедовали обреченность и сдавали одну позицию за другой. Прежде всего из-за ими же надуманных пророчеств Англия и Франция оказались в одиночестве лицом к лицу с Германией в мае 1940 года»².

После капитуляции Франции первой и главной целью германских стратегов была непосредственная подготовка войны против Советского Союза. Вторая их цель состояла в том, чтобы склонить Англию, лишившуюся союзников, к заключению выгодного для Германии мира. 30 июня, через несколько дней после того, как затихли бои во Франции, начальник генерального штаба сухопутных войск Ф. Гальдер записал следующую установку, одобренную Гитлером: «...Основное внимание — на Восток... Англия мы должны будем, вероятно, еще раз продемонстрировать нашу силу, прежде чем она прекратит борьбу и развяжет нам руки на Востоке»³.

16 июля верховное главнокомандование вермахта издало директиву о подготовке операции по вторжению немецко-фашистских войск в Англию, получившей кодовое наименование «Морской лев». На основе этой директивы был разработан план операции и началась подготовка к ней немецких войск, находившихся в Западной Европе. Французские, бельгийские и голландские порты были забиты всевозможными судами. Непрерывно велась тренировка по посадке на суда и высадке десантов. Через два месяца после эвакуации английских войск из Дюнкерка руководство фашистской Германии приняло новое решение: продолжая демонстративную подготовку операции «Морской лев», начать воздушные бомбардировки английских городов.

Воздушное наступление гитлеровцев против Великобритании началось 13 августа 1940 г. Английская авиация и другие средства ПВО вынуждены были принять навязанную им борьбу, которая достигла своего апогея к середине сентября 1940 г. Затем немецкое командование из-за больших потерь самолетов над Англией⁴ вынуждено было отказаться от дневных налетов и огра-

¹ Murray W. The Change in the European Balance of Power, p. 369.

² Ibid., p. 369.

³ Гальдер Ф. Военный дневник, т. 1, с. 495.

⁴ За август — сентябрь 1940 г. потери немецко-фашистской авиации над Англией составили 1100 самолетов, а английских ВВС — 650 самолетов (Cairosoressi P. and Wint G. Total War, p. 143).

ничиться ночными бомбардировками английских промышленных центров.

В буржуазной исторической литературе период наибольшей активности борьбы английских вооруженных сил по отражению воздушного наступления немецко-фашистских ВВС на Британские острова в августе — сентябре 1940 г. принято называть битвой за Англию¹. Стремясь преувеличить роль английских оборонительных действий и представить Англию, а не СССР главной целью агрессивных помыслов гитлеровцев в 1940 г., многие историки на Западе утверждают, что битва за Англию явилась одной из самых важных битв истории, решающей победой второй мировой войны, заставившей Гитлера отказаться от проведения операции «Морской лев»². Некоторые из них при этом пытаются доказать, что лишь «поражение» немецко-фашистского вермахта в битве за Англию заставило Германию обратить фронт против Востока с целью разгрома СССР, который являлся лишь «континентальной пшавой Великобритании»³. Народ Англии проявил мужество в борьбе с врагом, но отказ гитлеровского руководства от высадки на Британские острова объяснялся не поражением немецкой авиации в битве за Англию, а нежеланием растрачивать силы, предназначенные для осуществления наиболее важной цели — войны против СССР — главного препятствия на пути нацистов к мировому господству. Бывший немецкий дипломат Ф. Хессе, специализировавшийся в то время на решении «английской проблемы», в своих мемуарах приводит характерный факт. Осенью 1940 г. главное командование люфтваффе заготовило приказ о переброске предназначенных для похода против России военно-воздушных сил из Польши во Фландрию и заверило Гитлера, что с их помощью оно сумеет сломить волю Англии к сопротивлению. Однако Гитлер не подписал приказ на том основании, что «никто не смеет распоряжаться предназначенной для этой цели авиацией»⁴.

После поражения Франции высокопоставленные гитлеровские военачальники не готовились к решительной схватке с Англией. Их внимание было приковано тогда к подготовке разбойничьего нападения на Советский Союз, которое первоначально предполагалось совершить осенью 1940 г. Однако в конце июля 1940 г. Гитлер, решив по совету своих генералов провести более основательную подготовку к антисоветской агрессии, отложил кампа-

¹ Encyclopedia of World War II. Gen. ed. J. Keegan. London, New York, Sydney, Toronto, 1973, p. 38—39.

² Baldwin H. The Crucial Years 1939—1941. New York, 1976, p. 152; Der Zweite Weltkrieg: Bilder, Daten, Dokumente, S. 188; The Simon and Schuster Encyclopedia of World War II, p. 81.

³ Freund M. Deutsche Geschichte, S. 1357; Рейнгардт К. Поворот под Москвой: Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 года: Пер. с нем. М., 1980, с. 30.

⁴ Hesse F. Das Vorspiel zum Kriege. Leoni am Starnberger See, 1979, S. 237.

нию на Востоке до весны 1941 г.¹ 31 июля 1940 г. начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер записал в дневнике следующие слова фюрера: «Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия... Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года... Маскировка: Испания, Северная Африка, Англия»².

Во время подготовки нападения на СССР 27 сентября 1940 г. между главными участниками «Антикоминтерновского пакта» — Германией, Италией и Японией — был заключен Берлинский пакт, согласно которому Германии и Италии отводилась ведущая роль в создании «нового порядка» в Европе, Японии — в Азии³. Таким образом был создан агрессивный военный союз, направленный против Советского Союза. Историки Б. Мартин в ФРГ, Такака Сигэюки в Японии, ряд других буржуазных авторов утверждают, что и Берлинский пакт носил «оборонительный характер»⁴, заведомо дезориентируя читателей в духе гитлеровской пропаганды. Тот факт, что с ноября 1940 г. по июнь 1941 г. к Берлинскому пакту присоединились возглавлявшиеся профашистскими правительствами Венгрия, Болгария, Румыния, Словакия и Хорватия, что связали себя военным соглашением с Германией правители Финляндии — и все это делалось для подготовки к нападению на СССР, в их схему «не укладывается». Между тем давно документально установлено, что за соучастие в этой преступной войне немецко-фашистское руководство обязалось передать под управление Румынии советскую территорию на юге вплоть до Днестра, а Финляндии — Восточную Карелию (кроме Кольского полуострова) и Ленинградскую область⁵. Что касается союза Германии и Японии, то на этот счет представляет интерес следующий вывод, сделанный группой историков ФРГ: «Еще до захвата власти Гитлер видел в «империи восходящего солнца» идеального союзника против Советского Союза, ибо Япония не имела никаких общих границ со сферой германского господства... Японские проекты военного союза были направлены против Советского Союза как единственного общего противника, тем более, что Япония ввязалась в пограничные бои с СССР»⁶.

¹ Lucas J. War on the Eastern Front 1941—1945. London, 1979, p. 3—4.

² Гальдер Ф. Военный дневник: Пер. с нем. М., 1969, т. 2, с. 80—81.

³ См.: Военно-блоковая политика империализма: история и современность. М., 1980, с. 93.

⁴ Nationalsozialistische Diktatur, 1933—1945, S. 384—385; Такака Сигэюки и Сого дайидзи тайен си (Обобщенная история второй мировой войны). Токио, 1955, с. 135—136.

⁵ См.: История международных отношений и внешней политики Советского Союза. М., 1962, т. 2, с. 122—126.

⁶ La puissance en Europe 1938—1940. Paris, 1984, p. 111, 118.

Здесь необходимо остановиться на версии о так называемой превентивной войне Германии против СССР, имеющей хождение среди историков, исповедующих крайне реакционные антисоветские взгляды. Так, западногерманские неонацисты (У. Валенди, В. Глазбек, Э. Хельмдах, Г. Зилль и др.) преподносят мероприятия СССР по укреплению своих границ в 30-х годах как подготовку к вторжению в Центральную Европу. Американский генерал М. Маккроски, подвизающийся в роли военного историка, утверждает, что «Гитлер, сражаясь против англичан на Западе, не мог примириться с русской экспансией»¹. Английский историк Д. Ирвинг сообщает о мифических донесениях разведки, которые свидетельствовали, что «русские угрожали Германии»².

Признание авторами официального труда историков ФРГ «Германский рейх и вторая мировая война» факта создания фашистской коалиции как орудия войны против СССР служит лишь прикрытием для их же домыслов о «советской угрозе» Финляндии, Балканским странам и т. д.³ Прогрессивный западногерманский журналист и историк К.-Х. Янсен писал в этой связи: «Можно только удивляться тому, что возможно в нашей стране! Недавно пашумел некий депутат ландтага от ХДС, который отрицал факт немецкого нападения на Советский Союз. Теперь же в различных органах печати появляются публикации, в которых реализуется нацистский тезис о «превентивной войне». Авторы черпают его из арсенала бундесвера, из рук Военно-исторического ведомства, в котором разработан толстый том»⁴.

Аналогичную версию используют и японские реакционные историки (тот же Т. Хаттори) для обоснования агрессивных актов Японии против СССР.

Легенда о превентивной войне не заслуживает научной полемики. Лживость этой легенды разоблачают миролюбивая внешняя политика Советского государства, последовательная борьба СССР в предвоенные годы за создание системы коллективной безопасности в Европе и Азии с целью обуздания агрессоров. Широко известны документы нацистских архивов, раскрывающие тайную подготовку гитлеровцами вероломного нападения на СССР. Характерно, что практически все крупные буржуазные историки отрываются от этой легенды. Б. Лиддел Гарт признает, что, когда фашистские войска пересекли советскую границу, «генералы убедились, как далеки были русские от агрессивных намерений, и поняли, что фюрер их обманул»⁵.

¹ Mac Closkey M. Planning for Victory — World War II. New York, 1970, p. 1.

² Irving D. Hitler's War. London, 1977, p. 177.

³ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. Stuttgart, 1983, S. 330, 333, 353, 376.

⁴ Цит. по: Новое время, 1985, № 9, с. 20.

⁵ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война: Пер. с англ. М., 1976, с. 151.

Действия гитлеровцев против Британских островов в период подготовки нападения на СССР играли подчиненную роль «маскировочного маневра», призванного наряду с другими мероприятиями способствовать скрытности подготовки нападения на Советский Союз. Фашистская Германия использовала лишь часть своей авиации для бомбардировки Англии, к тому же эта группировка постоянно сокращалась из-за переброски авиационных соединений на Восток. Интенсивность бомбардировок с сентября 1940 г. ослабела, а в феврале 1941 г. сократилась до минимума. И если гитлеровцы все же связывали с бомбардировками надежды на капитуляцию Англии, то только потому, что среди британских правящих кругов значительную роль играло так называемое «мирное течение», склонное к компромиссу с правительством Гитлера¹. Это же обстоятельство явилось причиной «миссии Гесса» в Англию в мае 1941 г.²

Поражение германского воздушного наступления имело большое значение для дальнейшей борьбы Англии против гитлеровского нашествия, но конечно же нет основания для выводов некоторых английских историков о том, что оборона страны в 1940 году «спасла весь мир», так как в случае ее неудачи «ни одна нация не смогла бы противостоять нацистской Германии»³.

Однако имеют хождение и более объективные взгляды.

Весьма информированный в этих делах английский автор Ф. Уинтерботэм пишет, что, когда с Францией было практически покончено, фашистский рейх «явно стремился заключить мир на Западе, прежде чем приступить к выполнению «великой» миссии... — уничтожению коммунистической России»⁴. Ранее упоминавшийся Б. Лиддел Гарт также приходит к выводу, что после принятия решения о непосредственной подготовке к нападению на СССР борьба на Западе уже заняла второстепенное место в планах высшего немецкого руководства⁵.

Ряд английских историков считает, что битва за Англию помешала Гитлеру сосредоточить все свои силы против СССР⁶. Однако какими-либо фактами этот тезис не подтверждается.

¹ См.: Секстсов В. А. Война и политика. М., 1970, с. 128—129.

² 10 мая 1941 г. заместитель Гитлера по руководству нацистской партией Р. Гесс перелетел на самолете из Германии в Англию и выбросился с парашютом около имения лорда Гамельтона — одного из приближенных английского короля. От имени Гитлера Гесс предложил Великобритании заключить мир с Германией и принять участие в походе против СССР. Однако миссия Гесса успеха не имела. Он был арестован и в 1946 г. как военный преступник приговорен Нюрнбергским трибуналом к пожизненному заключению. — *Прим. авт.*

³ Gelb N. Scramble. A Narrative History of the Battle of Britain. London, 1986, p. 264.

⁴ Уинтерботэм Ф. Операция «Ультра»: Пер. с англ. М., 1978, с. 54.

⁵ Liddell Hart B. The Other Side of the Hill. London, 1948, p. 112—113, 161.

⁶ Calvocoressi P. and Wint G. Total War, p. 144.

Схватка немецких и английских ВВС не привела к изменению стратегической обстановки в Западной Европе, сложившейся после поражения Франции, и не была препятствием для сосредоточения немецко-фашистской армии вторжения у границ СССР. Летом 1941 г. английская армия отвлекала на себя всего две немецкие дивизии в Северной Африке¹.

Таким образом, первый период войны показал, что ни Англия, ни Франция не были способны оказать надлежащего отпора фашистским агрессорам. Это явилось закономерным следствием проводимой их правящими кругами политики странной войны, являвшейся модифицированным вариантом предвоенной политики умиротворения. В результате этого за первые 22 месяца войны в руках гитлеровцев и их союзников оказалась почти вся капиталистическая Европа с ее громадными людскими и промышленными ресурсами. Политика умиротворения фашистских агрессоров, подталкивание их к нападению на СССР обернулись для Англии и Франции, многих стран и народов Европы катастрофическими потрясениями.

Тем временем резко изменилась обстановка и на Дальнем Востоке. Милитаристская Япония взяла курс на развязывание войны против США. Ее ближайшей целью был захват американских колониальных владений на Тихом океане.

По утверждению многих американских историков, в 1940—1941 гг. США стали проводить политику «на грани войны», чтобы воспрепятствовать расширению японской агрессии. В подтверждение этого тезиса они ссылаются на решение правительства ограничить торговлю с Японией, активизировать помощь Чан Кайши, а затем сосредоточить свой флот на Гавайских островах и заморозить японские активы. Компромисс с Японией, заявляют они, был возможен на условиях обеспечения американских интересов и принципов в Азии и на Тихом океане, иными словами — стратегических и колониальных позиций США и их потенциальных союзников в этих районах (Китай, Англия, Франция и Голландия)².

Главными причинами вовлечения США в войну эти историки считают развитие событий в других районах мира, особенно в Европе, что было «вне контроля» американской администрации, и отвергают любую критику в ее адрес. Имеются лишь различия в интерпретации взглядов тех или иных деятелей того периода. По мнению одних историков, государственный секретарь К. Хэлл был более осторожен в проведении жесткого политического курса по отношению к Японии, нежели такие министры, как Г. Стимсон, Ф. Нокс и Г. Моргантау, которые считали, что против агрессора необходимо предпринять решительные меры, и склоняли к этому Рузвельта. Другие считают, что Рузвельт переоценивал роль оппозиционных настроений по отношению к своей политике.

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 3, с. 154.

² America and the Origins of World War II, p. 11.

Однако индивидуальные оценки не оказывают существенного влияния на общую концепцию истории вступления США во вторую мировую войну, примером которой может служить книга «Важнейшие решения», подготовленная военно-исторической службой армии США. С освещением этого вопроса в работе выступает Л. Мортон.

Довольно последовательно рассматривая нарастание японской агрессии в Азии, автор следующим образом формулирует отношение к ней США: «Действия Японии в Китае шли в нарушение всех существовавших договоров, и, по мнению США, единственным решением «китайского инцидента» был полный вывод японских войск с территории страны»¹. Несколько иную точку зрения излагает Г.-А. Якобсен. «США, — пишет он, — тоже внесли лепту в возникновение войны на Тихом океане (например, своим жестким экономическим курсом), хотя это и не может снять ответственности с Японии за 7 декабря 1941 года»².

Стремлению обелить империалистическую политику США сопутствует тенденция скрыть бесчеловечную жестокость, алчность японских монополистов, прикрывавших свои захватнические действия и планы пропагандой антикоммунизма, лозунгами панasiatизма и фальшивыми декларациями предоставить мнимую независимость угнетенным народам. Особую «тактичность» Л. Мортон проявляет в формулировке захватнических планов японских милитаристов, направленных против США. «Следует подчеркнуть, — заявляет он, — что Япония не ставила себе целью нанести полное поражение Соединенным Штатам и не стремилась вторгаться на их территорию»³. Так ли это?

Многое уже известно о разработке германских планов завоевания Американского континента. Нет сомнений отрицать, что подобные замыслы существовали и у японских агрессоров. Командующий объединенным флотом Японии адмирал И. Ямамото вскоре после вступления Японии в войну заявил: «Для нас недостаточно захватить Гуам и Филиппины и даже Гавайи и Сан-Франциско. Мы должны вступить в Вашингтон и подписать договор в Белом доме»⁴. Л. Мортон — осведомленный историк, он понимает, что нельзя умалчивать об этом заявлении, но он преподносит его так, что довольно четко выраженное намерение японских милитаристов вторгнуться на территорию США предстает в совершенно ином, едва ли не «облагораживающем» захватчиков виде. «Японское правительство, — пишет Л. Мортон, — планировало вести войну с ограниченными целями... Эта точка зрения казалась японским руководителям вполне разумной. Но в их концепции имелись ошибочные положения. На них указывал адмирал Ямамото, когда писал, что недостаточно будет за-

¹ Важнейшие решения: Сокр. пер. с англ. М., 1964, с. 101.

² Jacobsen H.-A. Von der Strategie der Gewalt zur Politik der Friedenssicherung, S. 53.

³ Важнейшие решения, с. 123.

⁴ American Military History, p. 528.

хватить Гуам и Филиппины и даже Гавайи и Сан-Франциско. Чтобы одержать победу, предупреждал он соотечественников, японские войска должны вступить в Вашингтон и принудить США подписать договор в Белом доме. Это был урок об ограниченных войнах, который тогда остался без внимания и которым все еще часто пренебрегают и сейчас¹. Очевидное стремление приуменьшить противоречия между Японией и США, взаимно ограничить империалистические цели борьбы этих стран за мировое господство является попыткой американских (и японских) буржуазных авторов использовать тенденциозную трактовку истории для поддержки на реакционной основе современных американо-японских отношений.

Л. Мортону принадлежит и официальная оценка американской литературы, посвященной вступлению США и Японии в войну. В докладе «США и Япония. 1937—1941 годы. Изменение интерпретации исторических событий» на международной конференции в Вашингтоне, сделанном Мортонем, обращают на себя внимание, во-первых, констатация незавершенности исследования проблемы, во-вторых, признание растущего влияния марксистской историографии, концепции, согласно которой «Соединенные Штаты... стремились повернуть японцев на север против Советского Союза», в-третьих, свидетельство влияния школы «новых левых», выдвинувшей свою трактовку причин возникновения войны между США и Японией. «В трудах В. Вильямса, — пишет Л. Мортон, — и во многих работах его учеников (к историкам этой школы он также относит Л. Гарднера, Д. Бернштейна и Г. Колко. — *Прим. авт.*) упор делается на экономические факторы и взаимосвязь между внутренними проблемами индустриального общества и его внешней политикой». В-четвертых, обоснование необходимости исследования роли военных кругов США в рассматриваемых событиях. «Роль военных кругов Японии, — пишет Л. Мортон, — изучена обстоятельно, чего нельзя сказать об американских военных кругах». По словам Л. Мортоня, происходит это, видимо, потому, что роль военных в Соединенных Штатах в формировании политики считается подчиненной².

Заключительная часть анализа Л. Мортоня оставляет противоречивое впечатление. Обстоятельно перечислив течения и школы, изложив их концепции, он уходит от главного — от конкретных результативных оценок. Какая концепция возникновения войны между США и Японией более объективна? Кто развязал войну — США или Япония? Анализ Л. Мортоня не дает ясного ответа на эти кардинальные вопросы.

Прямо противоположной концепции придерживаются историки крайне правых взглядов. Они утверждают, что страны оси не представляли собой угрозы ни США, ни американским интересам,

¹ Важнейшие решения, с. 123.

² Morton L. United States and Japan 1937—1941: Changing Patterns of Historical Interpretation. Washington, 1971, p. 12, 18.

что Рузвельт преднамеренно проводил политику, рассчитанную на вовлечение США в войну, и обманывал американский народ относительно подлинных целей своей политики, убеждая, что он якобы стремится к миру. Рузвельт, заявляют они, искусственно способствуя продолжению войны в Европе, спровоцировал столкновение между США и Японией в Азии и таким путем, «с черного хода», вовлек США в войну¹. Непосредственная угроза со стороны стран оси была создана, как считают эти историки, близорукой и подстрекательской политикой самих США. Кульминационным актом американской политики, который, по их словам, вынудил Японию вступить в войну, явились решение правительства США о замораживании японских активов, принятое 26 июля 1941 г., и американская нота от 26 ноября 1941 г., которую они называют ультиматумом. Излагая военные аспекты проблемы, эти «ревизионисты» отрицают виновность тихоокеанского командования США за катастрофу в Пёрл-Харборе и считают, что непосредственную ответственность за нее несут Маршалл, Старк, Стимсон и Нокс, то есть руководящие военные круги в Вашингтоне, которые располагали многими данными о готовящемся нападении на Пёрл-Харбор, но не приняли необходимых контрмер, с тем чтобы использовать это нападение как предлог для вступления США в войну. В противовес другим историкам они делают вывод, что не обстановка, сложившаяся в мире, а сами США втянули себя в войну.

Едва ли не главное внимание в книгах, освещающих события 1941 г., предшествовавшие началу войны на Тихом океане, отводится американо-японским переговорам. Они велись в Вашингтоне с весны 1941 г. вплоть до нападения на Пёрл-Харбор. Если историки официального течения, как правило, стремятся убедительно обосновать позицию США, то «ревизионисты» осуждают Рузвельта и Халла, прямо или косвенно обвиняя их в преднамеренном провоцировании ситуации, которая неизбежно вела к войне.

П. Шредер, профессор истории, преподаватель в университете штата Иллинойс, полагает, что провалу переговоров и в конечном итоге началу войны между США и Японией способствовала эволюция американской позиции относительно китайско-японского конфликта. По его словам, содержащаяся в трудах «придворных» историков версия о том, что на переговорах позиция США оставалась неизменной, разработана госдепартаментом. Ее основой

¹ Книга одного из ярых «ревизионистов» — Ч. Тэнзилла выпущена под названием «Война с черного хода. Внешняя политика Рузвельта». (Tansill C. Back Door War. The Roosevelt Foreign Policy 1933—1941. Chicago, 1952). Эта проблема обсуждалась также в книгах: Trefousse H. Germany and American Neutrality, 1939—1941. Octagon, 1969; Baker L. Roosevelt and Pearl Harbor. New York, 1970; Herzog I. Closing the Open Door: American—Japanese Diplomatic Negotiations 1936—1941. Annapolis, 1973; Morley S. Japan's Foreign Policy 1869—1941. Columbia, University Press, 1974 etc.

послужило выступление по этому вопросу К. Хэлла в ходе расследования причин катастрофы в Пёрл-Харборе конгрессом США¹.

П. Шредер отвергает точку зрения официальных историков, касающуюся позиции Японии в ходе переговоров. В противовес Б. Рауху, который считает, что Япония «весной и летом 1941 года не согласилась бы ни на какие дипломатические урегулирования, не дававшие ей всего того, что она могла захватить путем агрессии на Дальнем Востоке...»², а также Г. Фейсу, который хотя и с оговорками, но разделяет эту точку зрения³, Шредер считает, что позиции сторон в ходе переговоров претерпели серьезные изменения. Суть их состояла в том, что «Япония запрашивала все меньше, а Соединенные Штаты требовали все больше»⁴. Достаточных доказательств в защиту этой точки зрения не приводится.

Стремясь любыми путями «стереть с лица земли» Ф. Рузвельта, К. Хэлла, а вместе с ними и «придворных» историков, их противники справа нередко оперируют и объективными фактами. Высмеивая, к примеру, заявление С. Хорнбека, политического советника К. Хэлла, что «намерения Соединенных Штатов в западной части Тихого океана и в Восточной Азии были всего-навсего миролюбивыми», П. Шредер не без сарказма пишет: «Приобретение американцами Гавайских островов, Гуама и даже Филиппин, о чем умалчивает мистер Хорнбек, также является очевидным свидетельством нашей миролюбивой и либеральной политики»⁵. Такого рода критика, хотя она и построена на действительных фактах, не должна, однако, вводить в заблуждение. Концентрируя внимание на уязвимости апологетических оценок внешней и военной политики администрации Рузвельта, крайне правые выстраивают антирузвельтовскую концепцию. Их рассуждения сводятся в конечном итоге к профашистскому тезису о том, что политика США перед войной и в ходе ее способствовала возникновению гораздо более серьезной угрозы миру и безопасности «в лице коммунистической России и ее союзников».

Последнее слово в американской буржуазной трактовке вступления США и Японии в войну принадлежит профессору Мэрилендского университета Г. Прэнгу, фундаментальное исследование которого «На рассвете мы спали. Нерассказанная история Пёрл-Харбора» опирается не только на американские, но и на весьма важные японские источники. Из содержания книги более чем ясно, что война между США и Японией явилась результатом межимпериалистического противоборства за колониальную ге-

¹ Schroeder P. The Axis Alliance and Japanese-American Relations, 1941. New York, 1958; цит. по: America and the Origins of World War II, p. 125, 144, 145.

² Rauch B. Roosevelt. From Munich to Pearl Harbor, p. 396.

³ Feis H. The Road to Pearl Harbor. Princeton, 1950, p. 171—172.

⁴ America and the Origins of World War II, p. 148.

⁵ Ibid., p. 146.

монию на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии. Но автор избегает объективных оценок и выводов, выгораживает и оправдывает экспансионистскую политику США. Вместе с тем в книге публикуется ряд документов, свидетельствующих, что в правящих и военных кругах США рассчитывали на «дальневосточный Мюнхен» и японскую агрессию против СССР. Ориентация на вероятное нападение Японии на СССР, сохранявшаяся вплоть до осени 1941 г., пишет Г. Прэнг, «запутала оценку японских намерений»¹. Но дальше в эту «взрывную» тему он предпочитает не углубляться.

Попытки буржуазных историков как-то оправдать политику умиротворения западных держав не могут скрыть ее катастрофических результатов для всего мира. Порабощение к середине 1941 г. двенадцати стран и смертельная угроза над Англией — таковы были ее последствия в Европе. Определился и кризис политики умиротворения азиатского хищника — милитаристской Японии. Уступки, которые Соединенные Штаты делали японским милитаристам, с тем чтобы развязать им руки для войны против Советского Союза, оккупация японцами обширных территорий в Азии — все это способствовало созданию стратегических предпосылок для новых актов японской агрессии.

Рассмотрение и трактовка буржуазными историками причин и начала второй мировой войны характеризуются попытками снять ответственность с империализма — главного ее виновника — и очернить миролюбивую политику СССР, самоотверженную борьбу Страны Советов против фашистской угрозы. По существу, буржуазная историография запутывает вопрос о происхождении второй мировой войны. Это объясняется классовыми позициями реакционных историков, порочностью буржуазной методологии. Имеющийся в их распоряжении ценный и во многом исчерпывающий проблему документальный материал объективно не анализируется. Его трактовка вращается в замкнутом кругу заведомо ограниченных посылок и заранее predeterminedных решений, диктуемых антисоветской политикой империализма.

¹ Prange G. At Dawn we Slept. The Unfold Story of Pearl Harbor. New York, 1981, p. 288.

ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ СОВЕТСКОЙ АРМИИ И ФАЛЬСИФИКАТОРЫ ИСТОРИИ

На Тегеранской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании в конце 1943 г. во время приема, устроенного английским посольством по случаю дня рождения У. Черчилля, произошел следующий эпизод. Начальник имперского генерального штаба Великобритании генерал (позднее фельдмаршал) А. Брук поднялся с места и начал рассуждать о том, кто из союзников больше пострадал в войне. Он заявил, что наибольшие жертвы выпали на долю английского народа, что Англия больше и дольше других стран сражалась и, следовательно, больше сделала для общей победы. После его слов в зале наступила неловкая тишина. Ведь всем было известно, что к этому времени Советская Армия ценой огромных усилий и жертв в ожесточенных сражениях против основной массы гитлеровских войск остановила агрессора и шаг за шагом освобождала советскую территорию.

Глава Советского правительства И. В. Сталин разъяснил Бруку, что в Советском Союзе судят о вкладе своих союзников в разгром общего врага не по речам, а по их конкретным делам.

Ход и исход второй мировой войны решался в вооруженной борьбе на советско-германском фронте. Против этой истины еще в годы войны пытались выступить различные буржуазные деятели. Их «эстафету» подхватила целая армия буржуазных историков-антисоветчиков, которая стремится замолчать или принизить всемирно-исторический подвиг Советской Армии, принесшей человечеству избавление от угрозы порабощения фашизмом. С точки зрения этих «историков», разгром фашистских войск под Москвой, Курском, Сталинградом, другие битвы на советско-германском, а затем на советско-японском фронте — всего лишь эпизоды. Судьба войны в их представлении была решена в Африке, в Западной Европе и на Тихом океане — там, где вели боевые действия вооруженные силы Англии и США. Такой деформированный взгляд на недавнее прошлое призван утвердить в сознании молодого поколения на Западе версию о том, что не социализм, а капитализм является главной силой развития всемирно-исторического процесса. «Люди на Западе, — пишет известный английский писатель Дж. Олдридж, — и сегодня не знают или почти ничего не знают о крупнейших битвах, разыгравшихся

на советско-германском фронте, о том, что именно Красная Армия выпустила кишки фашистскому зверю, и о том, как, ценой каких лишений и жертв советские люди — солдаты и рабочие, мужчины и женщины — на фронте и в тылу завоевали победу»¹.

1. Крушение немецко-фашистской стратегии «молниеносной войны»

Ранним утром 22 июня 1941 г. фашистская Германия совершила внезапное и вероломное нападение на СССР. Вступил в действие стратегический план с кодовым названием «Барбаросса». Под этим именем средневекового германского короля скрывался замысел «молниеносной войны» против СССР, которая в течение восьми — десяти недель должна была, по замыслам агрессоров, привести к крушению Советского Союза.

Страна Советов являлась для германского империализма, всего фашистско-милитаристского блока главным препятствием на пути к установлению мирового господства. Германский фашизм, выступавший в роли ударного кулака международного империализма, рассматривал войну против СССР как решающую задачу своей политики², стремился не только захватить территорию Советского государства, но и уничтожить советский общественный, государственный строй, то есть преследовал классовые цели. В этом состояло коренное отличие войны фашистской Германии и ее союзников против СССР от войн, которые они вели против капиталистических стран. Классовая ненависть к стране социализма, захватнические устремления и звериная сущность фашизма слились воедино в политике, стратегии и методах ведения «войны на Востоке».

Гитлеровцы планировали расчленить и ликвидировать Советский Союз, а на его территории образовать четыре рейхскомиссариата — германские провинции. Москву, Ленинград, Киев и ряд других городов предписывалось взорвать, затопить и полностью стереть с лица земли. «Речь идет о борьбе на уничтожение... На Востоке сама жестокость — благо для будущего»³, — заявил Гитлер на совещании своего генералитета 30 марта 1941 г. Нацистское руководство требовало беспощадного уничтожения не только воинов Советской Армии, но и гражданского населения СССР. Ставка делалась на физическое истребление большинства советских людей — носителей марксистско-ленинской идеологии.

Готовя войну против Советского Союза, фашисты разработали целый свод приказов и инструкций для осуществления программы массового уничтожения советских людей. Это директива «Об особой подсудности в районе «Барбаросса» и особых мероприя-

¹ Проблемы мира и социализма, 1980, № 5, с. 34.

² Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Berlin, 1974, Bd. 1, S. 147.

³ Гальдер Ф. Военный дневник, т. 2, с. 430—431.

тиях войск», «Указания об отношении к советским военнопленным» и другие документы. Первая директива, подписанная начальником штаба верховного главнокомандования вермахта фельдмаршалом Кейтелем 13 мая 1941 г., снимала ответственность с солдат и офицеров вермахта за будущие преступления на оккупированной территории СССР, требовала быть безжалостными к советским гражданам, осуществлять массовые репрессии и расстреливать на месте без суда всех, кто окажется хотя бы малейшее сопротивление или будет сочувствовать партизанам. Для советских людей, оказавшихся в плену, предписывалось создавать режим нечеловеческих условий и террора: устраивать лагеря под открытым небом, огорожив их только колючей проволокой; заключенных использовать на тяжелых, изнурительных работах и содержать на голодном пайке; при попытке к бегству — без предупреждения расстреливать. «Инструкция об обращении с политическими комиссарами» от 6 июня 1941 г. предписывала в первую очередь уничтожать коммунистов Советской Армии. Солдатам и офицерам вермахта вручали памятки, в которых говорилось: «...убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик — убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься навеки»¹. Были изданы приказы об установлении системы заложничества, разработаны планы экономического ограбления СССР.

Специальные, далеко идущие замыслы вынашивала фашистская клика в отношении русского народа как передовой нации, сцементировавшей сотрудничество всех народов и национальностей Советского Союза. Документы фашистского рейха свидетельствуют, что захватчики намеревались разгромить русских как народ, разобщить их, разделить территорию Советского Союза, населенную русскими, на различные изолированные районы и обеспечить в каждом из них господство немецких монополий. Фашисты рассчитывали, что массовое истребление русского рабочего класса, крестьянства и интеллигенции приведет к распаду социалистической семьи народов Советского Союза, ликвидирует преграды на пути германизации всех народов СССР, их превращения в рабов.

Планирование германской агрессии против Советского Союза началось задолго до войны, еще в середине 30-х годов. Начавшаяся война против Польши, а затем кампании в Северной и Западной Европе временно переключили германскую штабную мысль на решение других проблем. Но и в это время подготовка войны против СССР не уходила из поля зрения гитлеровцев. Ее планирование, конкретное и всестороннее, германский генеральный штаб возобновил после разгрома Франции, когда, по мнению фашистского руководства, был обеспечен тыл будущей войны и

¹ Цит. по: Боженко А. М. Черная книга о преступлениях империализма. М., 1968, с. 73.

в распоряжении Германии оказалось достаточно ресурсов для ее ведения.

Планом «Барбаросса» предусматривался разгром Советского Союза еще до того, как будет закончена война против Англии. Главными стратегическими объектами в войне против СССР были признаны Ленинград, Москва, Центральный промышленный район и Донецкий бассейн. Особое место отводилось Москве. Предполагалось, что ее захват будет иметь решающее значение для всей войны. После разгрома Польши, Норвегии, Франции и других государств Западной Европы германское политическое и военное руководство окончательно уверовало, что блицкриг является универсальным и безотказным средством достижения победы.

Для ведения войны против СССР была создана военная коалиция, основой которой стал тройственный пакт, заключенный между Германией, Италией и Японией. К активному участию в агрессии Германия привлекла Румынию, Финляндию и Венгрию. Гитлеровцам оказывали помощь реакционные правящие клки Болгарии, марионеточных государств Словакии и Хорватии. С фашистской Германией сотрудничали Испания, вишистская Франция, Португалия и Турция. Гитлеровцы интенсивно использовали экономические и людские ресурсы захваченных и оккупированных европейских стран и территорий: Австрии, Чехословакии, Франции, Югославии, Польша, Дании, Норвегии, Люксембурга, Голландии, Бельгии, Греции. Интересам Германии, по существу, была подчинена экономика и нейтральных стран Европы. Следовательно, на реализацию плана «Барбаросса» фашистская Германия фактически поставила ресурсы почти всех европейских государств — как своих прямых союзников, так и оккупированных, зависимых и нейтральных стран, население которых превышало 300 млн. человек. С востока Советскому Союзу угрожала Япония, обладавшая значительными возможностями для ведения агрессивной войны.

Гитлеровское руководство было настолько уверено в успешном осуществлении плана «Барбаросса», что уже весной 1941 г. приступило к детальной разработке дальнейших замыслов, завоевания мирового господства. В служебном дневнике верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) за 17 февраля 1941 г. излагалось требование Гитлера: «После окончания восточной кампании необходимо предусмотреть захват Афганистана и организацию наступления на Индию». Исходя из этих указаний, штаб ОКВ начал планирование операций вермахта на будущее. Эти операции намечалось провести поздней осенью 1941 г. и зимой 1941/42 г. Замысел их был изложен в проекте директивы № 32 («Подготовка к периоду после осуществления плана «Барбаросса»), направленной в сухопутные войска, военно-воздушные и военно-морские силы 11 июня 1941 г.

Проект предусматривал после разгрома Советских Вооруженных Сил захват английских колониальных владений и некоторых независимых стран в бассейне Средиземного моря, Африке, на

Ближнем и Среднем Востоке, вторжение на Британские острова, развертывание военных действий против Америки. Германские стратеги рассчитывали уже осенью 1941 г. приступить к завоеванию Ирана, Ирака, Египта, района Суэцкого канала, а затем и Индии, где планировалось соединиться с японскими войсками. Немецко-фашистское руководство надеялось, присоединив к Германии Испанию и Португалию, быстро захватить Гибралтар, отрезать Англию от ее сырьевых источников и предпринять осаду островов. Разработка директивы № 32 и других документов свидетельствует, что после разгрома СССР и решения «английской проблемы» гитлеровцы намеревались в союзе с Японией «устранить влияние англосаксов в Северной Америке»¹.

Захват Канады и Соединенных Штатов Америки предполагалось осуществить при помощи крупных морских десантов, высаженных с баз в Гренландии, Исландии, на Азорских островах и в Бразилии — на восточное побережье Северной Америки и с Алеутских и Гавайских островов — на западное. В апреле — июне 1941 г. эти вопросы неоднократно обсуждались в немецких штабных поездках, имевших название «Америка» и «Азия». Ключевые позиции для осуществления этих планов, как представлялось захватчикам, давал поход против СССР.

Когда фашистская Германия совершила нападение на Советский Союз, в политических и военных кругах Запада прогнозы были однозначны: сокрушившему капиталистическую Европу вермахту предсказывался быстрый успех. Оценки германских стратегов носили категорический характер: СССР потерпит немедленное поражение. Бывший гитлеровский генерал Г. Блюментрит писал в своих заметках, подготовленных к совещанию высшего руководства сухопутных войск 9 мая 1941 г.: «История всех войн с участием русских показывает, что русский боец стоек, невосприимчив к плохой погоде, очень нетребователен, не боится ни крови, ни потерь. Поэтому все сражения от Фридриха Великого до мировой войны были кровопролитными. Несмотря на эти качества войск, русская империя почти никогда не добивалась победы!.. В настоящее время мы располагаем значительно большим численным превосходством. Наши войска превосходят русских по боевому опыту... Нам предстоит упорные бои в течение 8—14 дней, а затем успех не заставит себя ждать и мы победим»².

Оставим на совести битого генерала невежество в знании военной истории (назовем хотя бы разгром русскими войсками в битве при Кунерсдорфе армии Фридриха в 1759 г., шляпа которого, утерянная во время бегства с поля боя, экспонируется в одном из музеев Ленинграда).

Что касается превосходства фашистских войск в численности, то это соответствовало действительности. К началу агрессии против СССР немецко-фашистская группировка насчитывала 153 ди-

¹ Цит. по: История второй мировой войны 1939—1945, т. 3, с. 242.

² Цит. по: Рейнгардт К. Поворот под Москвой, с. 35—36.

визии, в том числе 33 танковые и моторизованные (4 600 тыс. человек), свыше 42 тыс. орудий и минометов, более 4 тыс. танков и штурмовых орудий, около 4 тыс. самолетов. Подавляющая часть этой стратегической группировки войск была заблаговременно развернута вдоль советской западной границы и полностью готова к наступлению. Кроме того, для нападения на СССР крупные силы сосредоточили и союзники третьего рейха: 37 дивизий, 900 тыс. человек, 5,2 тыс. орудий и минометов, 260 танков и штурмовых орудий, около 1 тыс. самолетов. Такой громадной, вооруженной до зубов армии вторжения история еще не знала.

Противостоявшие ей силы западных приграничных округов Советского Союза насчитывали 170 дивизий и 2 бригады (2 680 тыс. человек), 37,5 тыс. орудий и минометов, 1475 новых танков KV и Т-34, 1540 боевых самолетов новых типов¹.

Таким образом, реальное соотношение сил, вступивших в борьбу 22 июня, было в пользу фашистских захватчиков. На направлениях главных ударов гитлеровское командование создало пятикратное превосходство в силах. Расчеты строились прежде всего на силе первого удара, который должен был обеспечить успех «молниеносной войны».

Но фашистская верхушка не могла понять природу социалистического строя в СССР, оценить огромные возможности Советского государства в борьбе за сохранение и упрочение завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции. Как казалось фашистским руководителям и многим другим буржуазным лидерам, гитлеровская военная машина и на этот раз вступила на проторенный путь побед. Однако фашистскую Германию ожидало неминуемое поражение — в действие вступал советский фактор, ставший решающим в исходе всей мировой войны.

Титаническая борьба советского народа с фашистской агрессией явилась одним из важнейших событий мировой истории. Война, навязанная Советскому Союзу фашистско-милитаристским блоком, была самым крупным вооруженным выступлением ударных сил империализма против социализма, труднейшим испытанием для Советского государства. Внезапным и вероломным ударом огромной силы фашистскими армиями временно удалось захватить стратегическую инициативу и оккупировать значительную часть советской территории. В сложившихся необычайно трудных и смертельно опасных для Советской страны условиях советский народ под руководством Коммунистической партии сумел преодолеть трагические последствия внезапного нападения и изменить в ходе гигантского единоборства соотношение сил.

В начале Великой Отечественной войны перед Вооруженными Силами СССР стояла задача сорвать наступление превосходящих сил вермахта, заставить его перейти к обороне и тем самым

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1975, т. 4, с. 21—22, 25.

выиграть время для мобилизации всех ресурсов страны в целях разгрома агрессоров.

За первые пять месяцев войны три группы немецко-фашистских армий — «Север», «Центр» и «Юг» — блокировали Ленинград, создали непосредственную угрозу Москве и Донбассу. Но Советская Армия в упорных боях и сражениях измотала и сковала врага на всех участках советско-германского фронта, а затем нанесла ему первое сокрушительное поражение под Москвой и перешла в общее контрнаступление. В результате этого был полностью сорван расчет германского империализма на быстрый разгром Советского Союза, развеян миф о непобедимости вооруженных сил фашистской Германии. Французский профессор М. Дюверже в книге «Другая сторона событий» пишет: «Вступление в войну Советского Союза означало, что нацизм встретил противника, который мог помериться с ним силой. Это еще не было концом почи. Но возникла уверенность, что ночь скоро исчезнет. Это был первый луч света, который зажег фантастические надежды. Вступление в войну СССР открыло перспективу победы, возможности которой раньше не существовало»¹. В этих словах нет преувеличения. Именно так многие люди на земле оценивали вступление Советского Союза в вооруженную борьбу против нацистской агрессии. Друзья советского народа верили, что страна, прокладываящая человечеству путь к коммунизму, не только выстоит в борьбе, но и принесет избавление человечеству от угрозы фашистского порабощения.

Исследуя события первого периода Великой Отечественной войны, советские и прогрессивные историки зарубежных стран обоснованно указывают на величие подвига советского народа и его Вооруженных Сил, сорвавших фашистский блицкриг, поставивших непреодолимый барьер на пути агрессоров, рвавшихся к завоеванию мирового господства. Такой подход к изучению прошлого объективно способствует воссозданию правдивой панорамы вооруженной борьбы, извлечению из нее уроков, которые служат укреплению обороноспособности миролюбивых стран, суровым предупреждением современным силам войны и агрессии.

Иной подход к описанию истории срыва «молниеносной войны» у реакционных исследователей. Они пытаются скрыть правду о героической борьбе Советской Армии, извратить истинные причины провала блицкрига, принизить значение первого крупного поражения немецко-фашистских войск под Москвой.

Особенно наглядно антисоветская направленность буржуазной историографии прослеживается при освещении начала Великой Отечественной войны. Многие буржуазные авторы, подробно описывая первые успехи немецко-фашистского вермахта и умалчивая о непрерывном нарастании силы и организованности сопротивления Советских Вооруженных Сил, делают тенденциозные выводы о безрезультативности действий советских сухопутных

¹ Duverger M. L'autre côté des choses. Paris, 1977, p. 83—84.

войск, пассивности Военно-Морского Флота, неэффективности Военно-воздушных сил СССР и т. п. Согласно американской версии, Германия не разгромила Советскую Армию около границы только из-за неудовлетворительного решения немецким командованием проблемы бесперебойного снабжения наступающих войск, а также из-за регулярных остановок соединений вермахта, обусловленных постоянными перегруппировками и ремонтом машин¹. Американский военный публицист и историк Х. Болдуин в книге «Критические годы. 1939—1941» к числу наиболее существенных факторов, приведших к срыву плана уничтожения Советской Армии, относит не героическое сопротивление советских воинов, которое, по его словам, никогда не было сильным, а огромные расстояния, многочисленные реки, неблагоприятные для гитлеровцев климат и окружающую среду². Согласно английской версии, советские войска тоже якобы были неспособны оказывать сопротивление гитлеровцам, которые, однако, «были быстро истощены зноем и пылью русского лета»³. Беспардонную ложь содержит «фундаментальное» произведение историков ФРГ «Германский рейх и вторая мировая война». Один из его авторов И. Хофман утверждает, что Красная Армия была «хрупким инструментом», что ее неправильно обучали и неверно ею руководили. Он любыми путями пытается очернить советское командование, клеветает на советских воинов, приписывая им нежелание защищать свое социалистическое Отечество⁴. С помощью подобных измышлений реакционные авторы хотели бы скрыть от читателей правду о прочности Советского государства, о легендарной стойкости и мужестве советского народа и его Вооруженных Сил, проявленных в суровом 1941 году, об их непреклонной воле отстоять завоевания Октябрьской революции.

Хорошо известно, что с первых же дней после Великого Октября империалисты всего мира неоднократно пытались свергнуть Советскую власть, восстановить в стране капиталистические порядки. Когда закончилась гражданская война и потерпела крах иностранная интервенция, В. И. Ленин указывал, что в условиях враждебного капиталистического окружения «от всякого нашествия мы всегда на волоске»⁵, призывал и в дальнейшем крепить обороноспособность Советского государства.

Выполняя заветы своего великого вождя, Коммунистическая партия, Советское государство, весь советский народ уделяли первостепенное внимание укреплению могущества своей Родины. В исторически короткий срок они превратили ее из отсталой

¹ War in the East. The Russo-German Conflict 1941—1945. New York, 1977, p. 3.

² Baldwin H. The Crucial Years. 1939—1941. New York, 1976, p. 320—321.

³ World War II. Land, Sea and Air Battles 1939—1945. London, 1977, p. 59—60.

⁴ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1983, Bd. 4, S. 721—736.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 296.

аграрной страны в высокоразвитую индустриальную социалистическую державу, способную дать отпор любому агрессору.

Громадная работа велась по укреплению боевой мощи Вооруженных Сил, особенно после начала войны в Европе. Только с 1 сентября 1939 г. по 21 июня 1941 г. их численность возросла в 2,8 раза. В это же время советской промышленностью был освоен выпуск многих новейших образцов оружия. В авиационные части стали поступать истребители Як-1 и МиГ-3, пикирующий бомбардировщик Пе-2, превосходившие по своим тактико-техническим данным немецкие самолеты. Был создан бронированный штурмовик Ил-2, который гитлеровцы прозвали «черная смерть». В бронетанковые войска поступали на вооружение танки KB и Т-34, равноценных которым на протяжении всей войны не было ни в одной иностранной армии.

Под руководством Коммунистической партии, предвидевшей неизбежность жестокой борьбы с фашистской Германией, были разработаны планы обороны страны, проводилась реорганизация Вооруженных Сил, укреплялись границы СССР. Основные силы Советской Армии сосредоточивались в западных приграничных округах. Крупный контингент войск охранял дальневосточные советские рубежи, которым угрожала милитаристская Япония. Но выполнить всю намеченную работу по подготовке страны к обороне до нападения фашистской Германии не удалось. Завершалась она в трудных условиях войны. Это и дало немецко-фашистскому вермахту целый ряд важных, но временных преимуществ.

Однако на стороне Советского государства было решающее преимущество, которое не учли политические и военные стратеги германского империализма. Это преимущество коренилось в социалистическом строе, его экономических и военных возможностях, в беззаветной преданности советских людей своей социалистической Родине. Советский народ не пал духом под тяжестью суровых испытаний, а еще теснее сплотился вокруг своего авангарда — Коммунистической партии, проявил с первых дней войны невиданную волю к победе.

Несгибаемую стойкость и мужество проявили советские пограничники, первыми принявшие на себя вражеские удары. Вооруженные лишь стрелковым оружием, они до последнего дыхания отстаивали свои позиции. Так, 13-я пограничная застава Владимир-Волынского пограничного отряда во главе с лейтенантом А. В. Лопатиным одиннадцать дней вела бой в окружении. Все бойцы погибли, но не сдались, не отступили.

Вечным символом массового героизма советских войск, потрясшего весь мир, стала Брестская крепость, защитники которой в течение месяца, презирая смерть, отстаивали каждую пядь советской земли, уничтожили тысячи фашистских солдат и офицеров.

Активный характер в начале войны носили действия советских Военно-воздушных сил. Они вели воздушные бои, наносили удары по аэродромам противника, его танковым и моторизован-

ным группировкам, боевым порядкам фашистских войск, их резервам, командным пунктам и узлам связи. Советская авиация совершила налеты на морские порты и военные заводы Кенигсберга, Данцига, нефтеперегонные заводы в Бухаресте, Плоешти и на другие объекты в глубоком тылу противника. В августе советские ВВС провели ряд успешных налетов на военные объекты Берлина. Эти действия разоблачали геббельсовские измышления о том, что советская авиация якобы полностью была уничтожена уже в первые дни войны.

Советские летчики покрыли себя бессмертной славой. Когда в бою у них кончались боеприпасы, они бесстрашно шли на таран. Так в июньские дни поступили летчики И. И. Иванов, Д. В. Кокорев и другие. Экипаж во главе с капитаном Н. Ф. Гастелло отказался выбраться с парашютом из горящего бомбардировщика и направил подбитую машину на скопление вражеских войск.

В борьбу за срыв «молниеносной войны» гитлеровцев сразу же включился и советский Военно-Морской Флот. Совместно с сухопутными войсками корабли, морская авиация и морская пехота вели ожесточенные бои за удержание военно-морских баз и важнейших объектов на приморских направлениях, оказывали содействие общевойсковым армиям в проведении операций на суше, прикрывали с моря их фланги. В Заполярье Северный флот помог 14-й армии сорвать попытки противника захватить Мурманск. Высочайшую стойкость и мужество проявили моряки-балтийцы, оборонявшие совместно с частями 67-й дивизии военноморскую базу Лиепая. Они сдерживали натиск гитлеровцев, стремившихся с ходу овладеть городом-портом, в течение шести дней отражали яростные атаки противника, нанесли ему большой урон. Краснознаменный Балтийский флот летом и осенью 1941 г. вел и самостоятельные боевые действия — нарушал вражеские морские коммуникации и защищал свои.

Активно действовал и Черноморский флот. Один из его отрядов уже 26 июня нанес внезапный артиллерийский удар по главной базе румынского флота Констанце, уничтожив там большие запасы нефти. Подводники флота к августу 1941 г. совершили девять боевых походов к вражеским берегам. Большой вклад моряки-черноморцы внесли в оборону военно-морских баз и приморских городов.

Несмотря на трудности, вызванные внезапным нападением, командование западных приграничных округов с первых дней войны стремилось сочетать борьбу за удержание рубежей с активными действиями против флангов наступающих группировок противника. С 23 по 27 июня 1941 г. оно сумело нанести врагу семь контрударов, а в районе Луцка, Броды, Ровно ему было навязано танковое сражение, которое длилось неделю. В дальнейшем контрудары советских войск становились все более мощными.

Благодаря мерам, принятым советским командованием, и героизму советских воинов уже в начальный период войны немецко-фашистский план «молниеносной войны» дал серьезную трещину. Если в первые три недели войны войска вермахта продвигались на 20—30 километров в сутки, то вскоре темп их наступления упал до 3,5—8 километров. В середине июля упорной обороной лужского рубежа Советская Армия остановила, а затем на три недели сковала наступавшую на Ленинград группу армий «Север». В то же время на рубеже среднего течения рек Западная Двина и Днепр советские войска навязали противнику длительные в течение двух месяцев Смоленское сражение. В ходе его группа армий «Центр» вынуждена была отказаться от продолжения наступления на Москву и на полтора месяца перейти к обороне.

Оказалась неспособной одержать быструю победу над советскими войсками на Правобережной Украине и группа армий «Юг». Безнадёжно отстав от действующей слева группы армий «Центр», она через три недели после начала войны завязла в боях на киевском направлении. Эти факты говорят сами за себя. План гитлеровцев уничтожить Советскую Армию, с ходу захватить Ленинград, Москву и Киев оказался сорванным. Советские войска в первый месяц войны нанесли врагу чувствительный урон. Фашистские сухопутные силы к 18 июля 1941 г. потеряли 110 тыс. солдат и офицеров убитыми, ранеными и пленными. Боевой состав немецких танковых и моторизованных дивизий сократился на 40—50 процентов, пехотных дивизий на 20 процентов¹. Немецкая авиация потеряла 1284 самолета².

Своей мужественной борьбой войска приграничных округов выиграли время для развертывания второго стратегического эшелона советских войск, облегчили начавшийся перевод экономики Страны Советов на военные рельсы. Против фашизма поднялась громадная страна, народы которой опирались в своей борьбе на мощный оборонный потенциал, созданный в предвоенные годы, были спаяны единым порывом, суть которого выражалась в лозунге Коммунистической партии — «Все для фронта, все для победы!».

Измышления о «паническом отступлении» советских войск в начале Великой Отечественной войны, распространяемые буржуазной историографией, опровергаются и немецкими документами того времени. Уже 29 июня 1941 г., то есть через семь дней после начала войны, штаб немецко-фашистской группы армий «Центр» вынужден был констатировать: «Если на Западе и в польской кампании окруженные силы противника с окончанием боев в основном почти добровольно сдавались в плен на 100 процентов,

¹ Förster G. und andere. Der zweite Weltkrieg, S. 131.

² См.: Мировая война. 1939—1945 годы: Сборник статей: Пер. с нем. М., 1957, с. 472.

здесь это будет происходить совершенно иначе»¹. В тот же день начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта записал в своем дневнике: «Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека»².

Признают это и некоторые буржуазные историки, которые менее склонны к тому, чтобы подмечать очевидные факты легко опровергаемыми мифами. Известный английский историк А. Тейлор в книге «Вторая мировая война» пишет: «Русские солдаты отказывались признавать, что они потерпели поражение, и, даже находясь в безнадежном окружении, продолжали сражаться... Значительные силы русских, которые были охвачены немецкими танковыми частями, прорывались через проходы в немецких линиях и вновь вступали в битву. Часто они предпринимали отчаянные контрнаступления». Тейлор далее иронически замечает, что Гальдеру, который сидел в безопасности за штабным столом, казалось, что войска действуют в соответствии с боевыми уставами, но офицеры на фронте считали обстановку иной и писали, что зачастую она настолько сложна, что не ясно, «то ли мы окружаем, то ли противник окружает нас»³.

Другой английский историк — Дж. Эрикссон в книге «Дорога на Сталинград», весьма противоречивой по содержанию, отмечает упорное сопротивление советских войск в приграничных сражениях, констатирует большое искусство, которое проявило советское командование при организации обороны Ленинграда, Москвы, эвакуации гарнизона Одессы и т. д.⁴

Даже такие отъявленные антисоветчики, как бывшие гитлеровские генералы и офицеры, и те в своих книгах, написанных после войны, нередко отмечают стойкость советских воинов в обороне. Так, участвовавший в походе на Москву офицер вермахта В. Пауль пишет, что вопреки геббельсовской пропаганде, твердившей о мнимых низких боевых качествах советских солдат, с самого начала «войны на Востоке» воины Советской Армии боролись ожесточенно, показали себя непритязательными, храбрыми, дисциплинированными⁵. В одной из книг, написанной группой высокопоставленных деятелей вермахта, можно найти весьма высокую оценку эффективности действий советской авиации в первые дни войны. «...Потери немецкой авиации не были такими незначительными, — пишут они, — как думали некоторые. За первые 14 дней боев было потеряно самолетов даже больше, чем в любой из последующих аналогичных промежутков времени.

¹ Цит. по: Вторая мировая война. 1939—1945 гг.: Военно-исторический очерк. М., 1958, с. 190.

² Гальдер Ф. Военный дневник: Пер. с нем. М., 1971, т. 3, кн. 1, с. 60.

³ Taylor A. The Second World War. London, 1975, p. 102.

⁴ Erickson J. The Road to Stalingrad: Stalin's War with Germany. London, 1985, vol. 1, p. 272, 273, 367, 374 и др.

⁵ Paul W. Erfrorener Sieg. Die Schlacht um Moskau 1941/42. München, 1976, S. 28.

За период с 22 июня по 5 июля 1941 года немецкие ВВС потеряли 807 самолетов всех типов, а за период с 6 по 19 июля — 477. Эти потери говорят о том, что, несмотря на достигнутую немцами внезапность, русские сумели найти время и силы для оказания решительного противодействия»¹.

Известный своими необоснованными нападками на действия советского Военно-Морского Флота в Великой Отечественной войне бывший гитлеровский адмирал Ф. Руге вынужден все же констатировать, что в 1941 г. «Красный флот сделал большое дело для поддержки своих сухопутных армий»². Этим признанием он, по существу, перечеркивает все свои измышления о пассивности действий советских моряков, потому что именно в поддержке общевойсковых армий и состояла их главная задача.

К исходу лета немецко-фашистское командование было вынуждено признать, что намеченный им срок разгрома СССР до октября 1941 г. находится под угрозой срыва. Гитлеровцам не удалось достичь решающего успеха ни на одном из участков советско-германского фронта. Оборона советских войск нигде не была дезорганизована. В конце августа Гитлер и его генералы пришли к единодушному мнению о том, что ключом к успеху всей войны на Востоке может быть только сокрушительный разгром мощной группировки советских войск, защищавшей московское направление, и захват советской столицы. В директиве верховного главнокомандования вермахта № 35 от 6 сентября 1941 г. группе армий «Центр» была поставлена задача к исходу месяца подготовиться к проведению решающей операции с целью разгрома до наступления зимы противостоящего ей противника. Этой операции было присвоено кодовое наименование «Тайфун». Но у стен Москвы гитлеровцев ожидала не победа, а сокрушительное поражение.

Битва под Москвой характеризовалась крайней напряженностью, сложностью и огромным размахом боевых действий. Она включала оборонительные операции советских войск на дальних и ближних подступах к Москве (октябрь — ноябрь 1941 г.), контрнаступление под Москвой (декабрь 1941 г.) и общее наступление советских войск на московском направлении (январь — апрель 1942 г.). С обеих сторон в битве участвовало более 3 млн. человек, до 2,7 тыс. танков, свыше 2 тыс. самолетов, до 22 тыс. орудий и минометов.

В битве под Москвой сильнейшая группировка противника «Центр» была настолько обескровлена, что не смогла уже восстановить свою мощь. Только в результате действий советских войск в контрнаступлении было разгромлено 38 гитлеровских дивизий, в том числе 15 танковых и моторизованных. Громадные потери понесла группа армий «Центр» и в живой силе. С 22 июня

¹ Мировая война. 1939—1945 годы, с. 472.

² Ruge F. The Soviet as Naval Opponents 1941—1945. Cambridge, 1979, p. 191.

1941 г. до начала апреля 1942 г., по немецким данным, она потеряла 796 тыс. солдат и офицеров¹. В целом сухопутные войска Германии потеряли за это время на советско-германском фронте свыше 1,5 млн. солдат и офицеров, что в пять раз превышало потери, понесенные гитлеровцами в операциях в Польше, Северо-Западной и Западной Европе и на Балканах.

Советские войска отбросили врага от Москвы на 100—250 километров, освободили от захватчиков свыше 11 тыс. населенных пунктов, в том числе 60 городов, ликвидировали опасность окружения и захвата фашистами Тулы.

В результате битвы под Москвой изменились характер вооруженной борьбы и течение всей войны. План блицкрига против СССР был окончательно сорван и навсегда похоронен. Война приобрела затяжной характер, крайне невыгодный для германского нацистского режима и его европейских сателлитов.

Первая крупная победа Советской Армии в битве под Москвой оказала громадное воздействие на всю международную обстановку. Покоренные фашизмом народы убедились, что их избавление не за горами. Они активизировали антифашистскую борьбу. Возрос авторитет СССР среди стран, которым фашизм еще только угрожал, что способствовало становлению и укреплению антигитлеровской коалиции государств и народов. 11 февраля 1942 г. У. Черчилль писал И. В. Сталину: «Нет слов, чтобы выразить восхищение, которое все мы испытываем от продолжающихся блестящих успехов Ваших армий в борьбе против германского захватчика. Но я не могу удержаться от того, чтобы не послать Вам еще слово благодарности и поздравления по поводу всего того, что делает Россия для общего дела»². Ф. Рузвельт, выступая по радио 27 апреля 1942 г., сказал: «США воздают должное сокрушительному контраступлению великих русских армий против могучей германской армии. Русские войска уничтожали и уничтожают больше вооруженных сил наших врагов — солдат, самолетов, танков и орудий, чем все остальные Объединенные Нации, вместе взятые»³. Оценивая битву под Москвой с точки зрения военного искусства, американский генерал Макартур в 1942 г. заявил: «В своей жизни я участвовал в ряде войн, другие наблюдал, детально изучал кампании выдающихся военачальников прошлого. Но нигде я не видел такого эффективного сопротивления, за которым последовало контраступление, отбрасывающее противника назад, к его собственной территории. Размах и блеск

¹ См.: Рей в гарт К. Поворот под Москвой, с. 381.

² Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (далее — Переписка Председателя Совета Министров СССР...). М., 1976, т. 1, с. 49—50.

³ Цит. по: История дипломатии. М., 1975, т. 4, с. 255.

этого усилия делают его величайшим военным достижением военной истории»¹.

Несмотря на исключительное значение результатов Московской битвы для хода всей второй мировой войны, буржуазные историки вплоть до конца 60-х годов уделяли ей крайне мало внимания. В общих работах о войне они в лучшем случае повторяли рассуждения Гудериана, Варлимонта, Блюментрита, Типпельскирха и других бывших гитлеровских генералов, стремившихся снять с себя вину за поражение.

Тактика замалчивания победы под Москвой оказалась, однако, недолговечной. От нее пришлось отказаться в связи с выходом в СССР фундаментальных трудов о Великой Отечественной войне² и воспоминаний участников битвы под Москвой³. Стремясь подорвать растущий международный авторитет советской исторической науки у читателей Запада, буржуазная историография заметно активизировалась. В конце 60-х — первой половине 70-х годов на Западе появилась серия монографий о гитлеровском походе на Москву: английских историков Л. Купера «Много дорог на Москву», Дж. Джукса «Оборона Москвы» и А. Ситона «Битва за Москву»; американского историка А. Тэрни «Катастрофа под Москвой»; западногерманских историков К. Рейнгардта «Поворот под Москвой» и В. Пауля «Замороженная победа. Битва за Москву» и т. д.⁴ В последующих работах о второй мировой войне, вышедших в США, Англии, Западной Германии и других странах, в основном популяризируются и развиваются ранее изложенные буржуазные концепции истории битвы под Москвой.

Буржуазная историография битвы под Москвой в целом отличается противоречивостью, обусловленной субъективизмом и тенденциозностью исследователей. В ней можно условно выделить два течения. Первое, представленное наиболее многочисленной

¹ Цит. по: Еремеев Л. М. Глазами друзей и врагов: О роли Советского Союза в разгроме фашистской Германии. М., 1966, с. 90.

² История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970, т. 5, кн. 1; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. М., 1961, т. 2; Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945: Краткая история. М., 1970; 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968; Самсонов А. М. Великая битва под Москвой (1941—1942 гг.). М., 1958; Муринев Д. Э. Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1964; Битва за Москву. М., 1966; Провал гитлеровского наступления на Москву. М., 1966; Победа под Москвой: По материалам военно-научной конференции. М., 1982, и др.

³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1972; Мерецков К. А. На службе народу. М., 1971; Голяков Ф. И. В Московской битве. М., 1967; Лелюшенко Д. Д. Москва — Сталинград — Берлин — Прага. М., 1975, и др.

⁴ Cooper L. Many Roads to Moscow. London, 1968; Jukes G. The Defence of Moscow. New York, 1970; Seaton A. The Battle for Moscow 1941—1942. London, 1971; Turney A. Disaster at Moscow: von Bock's Campaigns 1941—1942. Albuquerque, 1970; Reinhardt K. Die Wende vor Moskau. Stuttgart, 1972; Paul W. Erfrorener Sieg. Die Schlacht um Moskau 1941/42. München, 1976.

группной историков, таких, как Купер, Ситон, Тэрни, Пауль и их последователи, характеризуется крайним консерватизмом, выражающимся в приверженности к наиболее тенденциозным оценкам хода и результатов битвы под Москвой, выдвинутым после войны бывшими гитлеровскими генералами, игнорированием, а то и попытками очернить результаты советских исследований, стремлением принизить подвиг защитников Москвы.

Второе течение, представленное немногочисленной группой историков — Рейнгардтом, Джуксом и другими, отличается от первого элементами объективного подхода к освещению хода Московской битвы, стремлением с более рациональных позиций пересмотреть некоторые старые, явно несостоятельные мифы реакционной пропаганды, в какой-то степени учесть неопровержимые факты и оценки, содержащиеся в трудах советских историков и мемуаристов. При этом главное внимание сосредоточивается на выявлении факторов, приведших к провалу наступления немецко-фашистских войск на Москву в октябре — ноябре 1941 г.

Анализ работ буржуазных авторов показывает, что на этот счет существуют различные мнения.

Историки, представляющие консервативное течение, до сих пор тщатся доказать, что не Советская Армия, а плохая погода явилась главным препятствием на пути гитлеровцев к Москве. В вышедшей в США в 1977 г. коллективной работе «Война на Востоке» говорится, что все дело в осенних дождях, которые превратили дороги на Москву в болота, но и это «было лишь прелюдией к зимним морозам», и делается вывод: «Климат Советского Союза играл главную роль в войне. Он был ключевым фактором... Советы имели на своей стороне генерала Зиму и генерала Грязь»¹. А. Ситон в книге «Битва за Москву» утверждает, что русские не могли остановить немецкие войска, что их остановили в октябре дождь и грязь. Если бы немцев не застала врасплох распутица, пишет он, то они смогли бы захватить Москву². Западногерманский историк П. Карел в разделе под названием «Генерал Зима» в изданной в ФРГ трехтомной истории второй мировой войны утверждает то же самое: «Не русские, а грязь заставила немцев остановиться в 78 километрах от Москвы»³. Французский историк Ф. Массон во французской многотомной «Истории двадцатого века» в главе, посвященной Московской битве, также пытается представить распутицу в качестве основной причины провала наступления немецко-фашистских войск на Москву. «Судьба города, казалось, была уже решена, — пишет он. — Но вдруг давление немецких войск ослабло, затем прекратилось. Две огромные клешни, сжимавшие город, остановились на полдороге. Что же случилось? Все очень просто. Вермахт познакомился с элементарными условиями русской осени. Тысячи танков, орудий, автома-

¹ War in the East. The Russo-German Conflict 1941—1945, p. 22.

² Seaton A. The Battle for Moscow, p. 168.

³ Der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1979, Bd. 1, S. 337.

шии завязли в грязи, остановились в настоящем глиняном месиве... Таким образом, грязь намертво пригвоздила у стен Москвы армию, располагавшую значительной силой. С болью в сердце немецкие танкисты вынуждены были приостановить свой марш»¹. Подобным образом трактуется провал октябрьского наступления гитлеровских войск в новом издании английской «Энциклопедии второй мировой войны», в западногерманской «Всемирной истории», в книге американского историка Х. Болдуина «Критические годы. 1939—1941 гг.»²

Наибольшая спекуляция ведется вокруг необыкновенно сильного и неожиданного холода. Упомянувшийся западногерманский автор В. Пауль делает вывод, что немецкая победа под Москвой была заморожена «скотским сорокаградусным морозом»³. Почти дословно пишут о том же авторы коллективной английской работы «Вторая мировая война»⁴. Западногерманский историк М. Фройнд в книге «Германская история» заявляет, что решающий удар по немецким войскам под Москвой нанес «генерал Зима», именно мороз, который заставил их откатиться в паническом страхе от стен советской столицы⁵. При этом буржуазные авторы не стесняются приписывать району Подмоскovie такие холода, которые не часто бывают и в Сибири. Так, П. Карел утверждает, что под Москвой температура упала до 52 градусов, а Л. Купер — до 63 градусов ниже нуля по Цельсию⁶. На самом деле в ноябре 1941 г. абсолютный минимум температуры под Москвой не превышал 18 градусов, а среднемесячная температура составляла 6 градусов мороза. В декабре абсолютный минимум температуры воздуха снижался до 31 градуса, а среднемесячная была менее 14,6 градуса ниже нуля⁷.

Выдумки о «генерале Распутице» и «генерале Зиме» преследуют неблагоприятную цель: скрыть от читателей, что главной причиной провала операции «Тайфун» явилась героическая и умелая оборона Советских Вооруженных Сил. Так, в начале октября, находясь в окружении в районе Вязьмы, советские соединения продолжали оказывать упорное сопротивление. Некоторые из них с боями вырвались из окружения. Своей героической борьбой они сковали 28 рвавшихся к столице вражеских дивизий. Это позволило советскому командованию выиграть время для организации сопротивления врагу на новом рубеже — Можайской линии обо-

¹ Histoire du Vingtième Siècle. Paris, 1971, t. 7, p. 1867.

² Encyclopedia of WW II. Gen. ed. J. Keegan. London, 1978, p. 178; Propyläen Weltgeschichte. Eine Universalgeschichte. Hrsg. von G. Mann. Frankfurt a/M., 1976, Bd. 9, S. 661; Baldwin H. The Crucial Years 1939—1941, p. 333.

³ Paul W. Erfroener Steg, S. 320, 352, 393.

⁴ World War II. Land, Sea and Air Battles 1939—1945, p. 61.

⁵ Freund M. Deutsche Geschichte, S. 1372, 1373.

⁶ Der Zweite Weltkrieg, Bd. 1, S. 352; Cooper L. Many Roads to Moscow, p. 228.

⁷ См.: Мурьев Д. З. Провал операции «Тайфун». М., 1972, с. 155.

ровы, направив туда дополнительно 14 стрелковых дивизий, 16 танковых бригад, более 40 артиллерийских полков.

16 ноября 28 героев-панфиловцев у разъезда Дубосеково совершили ставший всемирно известным подвиг. За четыре часа неравного боя они уничтожили 18 танков и десятки фашистов. Всю страну облетели тогда крылатые слова политрука В. Г. Клочкова, героически погибшего в том бою: «Велика Россия, а отступать некуда, позади Москва!»

Под Москвой только с 16 ноября по 5 декабря вермахт потерял в боях 155 тыс. солдат и офицеров, 777 танков, сотни орудий и минометов¹. Это наглядное свидетельство эффективности обороны советских войск, преодолеть которую противник был не в силах.

Советские воины мужественно обороняли столицу не только на земле, но и в воздухе. Для налетов на город гитлеровцы привлекли летчиков, имевших большой боевой опыт, бомбивших Лондон, Ковентри, Варшаву и другие города Европы. Но, несмотря на это, налеты вражеской авиации на Москву не достигли цели. От них пострадало лишь несколько жилых зданий, больниц и поликлиник, три детских сада, театр имени Вахтангова и некоторые мелкие предприятия. Из 2018 самолетов, принимавших участие в налетах на Москву в октябре, к городу сумели прорваться только 72 самолета, в ноябре из 2094 — 30 самолетов, остальные были сбиты или рассеяны войсками ПВО на подступах к городу. С июля по декабрь 1941 г. войны ПВО сбили 1035 вражеских машин².

Героически защищали Москву от ударов врага советские Военно-воздушные силы. Только за два месяца оборонительных сражений они совершили более 51 тыс. самолето-вылетов, из них 86 процентов — на поддержку сухопутных войск и 14 процентов — на воздушное прикрытие столицы³. Совместно с силами ПВО в этот промежуток времени авиация фронтов уничтожила около 490 и повредила свыше 330 самолетов противника⁴.

К концу оборонительного периода Московской битвы советская авиация на московском направлении была значительно усилена. Достигнув численного превосходства над противником, она к декабрю 1941 г. завоевала под Москвой оперативное господство в воздухе.

Важную роль в срыве операции «Тайфун» сыграло применение советскими войсками новой, неизвестной противнику боевой техники и оружия, созданных советскими конструкторами, инженерами и рабочими. Бывший гитлеровский офицер Греффрат позднее вспоминал: «Большой неожиданностью для немцев было, например, появление у русских самолета-штурмовика Ил-2. Эта

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 4, с. 109.

² См.: Военно-исторический журнал, 1971, № 12, с. 5.

³ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 4, с. 109; Groehler O. Geschichte des Luftkriegs 1910 bis 1970. Berlin, 1975, S. 333.

⁴ Groehler O. Geschichte des Luftkriegs 1910 bis 1970, S. 335.

машина обладала хорошей броневой защитой и потому была трудноуязвима»¹.

Непредвиденным препятствием для гитлеровцев явились возросшие масштабы применения защитниками Москвы противотанковых ружей, реактивной артиллерии, танков Т-34 и т. д. Так, бывший гитлеровский генерал Г. Блюментрит, судя по его воспоминаниям, с самого начала Московской битвы в полной мере «почувствовал» непревзойденные достоинства танков Т-34. «В 1941 г. эти танки, — писал он, — были самыми мощными из всех существовавших тогда танков... 37-мм и 50-мм противотанковые орудия, которые тогда состояли на вооружении нашей пехоты, были беспомощны против танков Т-34... В результате появления у русских этого нового танка пехотинцы оказались совершенно беззащитными. Требовалось по крайней мере 75-мм орудие, по его ещё только предстояло создать»².

Успех советской обороны под Москвой был достигнут благодаря высокому уровню советского стратегического руководства. Ставка Верховного Главнокомандования правильно определила, что главным направлением наступления немецко-фашистских войск явится западное (московское) направление. Поэтому она заблаговременно сосредоточила на нем основную группировку войск, прикрывавшую около пятой части советско-германского фронта. В эту группировку было включено 30 процентов стрелковых дивизий, 54 процента артиллерийских полков, 35 процентов танковых бригад и 40 процентов авиации, действовавших на советско-германском фронте³. Преимущественное внимание московскому направлению уделялось на протяжении всей битвы.

Ставка Верховного Главнокомандования своевременно нацеливала войска на строительство на подступах к Москве оборонительных укреплений. К началу октября 1941 г. и в ходе Московской битвы при помощи нескольких сот тысяч москвичей были созданы четыре оборонительных рубежа и Московская зона обороны на фронте 300—400 километров и в глубину до 300 километров. Эта глубоко эшелонированная оборона имела стратегическое значение. Она облегчила изматывание наступающего противника в ходе октябрьских и ноябрьских боев.

Ставка Верховного Главнокомандования действовала решительно и четко, с учетом реальной обстановки. На наиболее опасные участки фронта своевременно направлялись подкрепления с неатакованных участков или из стратегического резерва, экономно расходовались силы и средства, минимальными силами наносились максимальные потери вражеской группировке. Опираясь на высокий моральный дух воинов, их растущее мастерство, Ставка сумела свести к минимуму численное превосходство на-

¹ Мировая война. 1939—1945 годы, с. 474.

² Роковые решения: Пер. с англ. М., 1958, с. 93.

³ См.: Военно-исторический журнал, 1971, № 12, с. 12; Groehler O. Geschichte des Luftkriegs, S. 333.

ступавшего врага, заставить его израсходовать все резервы. Так были созданы предпосылки для перехода советских войск от обороны к контрнаступлению. «Мужественное сопротивление частей Красной Армии задержало разбег фашистских полчищ, — писала «Правда» 27 ноября 1941 г. — Они вынуждены перейти на медленный шаг. Они не мчатся вперед, как было, а ползут, обильной кровью поливая каждый свой шаг. Но они все же ползут! Значит, надо удешевить стойкость защитников Москвы... Надо во что бы то ни стало сорвать разбойничий план Гитлера... Этого ждет вся наша страна... Под Москвой должен начаться разгром врага!»

Перед лицом неопровержимых фактов некоторые западные историки отказались от преувеличения роли «климатического фактора» в битве под Москвой. Так, бывший начальник генерального штаба вооруженных сил Франции армейский генерал О. Гийом в своих мемуарах пишет: «Напрасно германское командование пыталось скрыть свои основные просчеты, выдвигая на первый план тезис об исключительно суровой зиме. Более того, внимательное изучение фактов с полной очевидностью свидетельствует, что Московская битва была проиграна нацистами еще до прихода больших морозов»¹. Английские историки Дж. Джукс и Дж. Эриксон исходят из того, что этот фактор одинаково действовал на обе воюющие стороны. Они признают, что исход битвы обусловили действия «способных советских военачальников» и «непреклонных, как сама смерть», советских солдат². Эффективность советской обороны отметил и американский историк Г. Солсбери³.

Особенно веско против версии о «генерале Зиме» выступил западногерманский историк К. Рейнгардт. На основе анализа сводок немецкой военной метеослужбы он показал, что период распутицы в 1941 г. под Москвой был короче и слабее, чем обычно, что версия о «генерале Зиме» является не чем иным, как изобретением гитлеровской пропаганды. Он приходит к выводу, что немецкие войска были остановлены не морозами, а из-за неудовлетворительного материального обеспечения и, самое главное, вследствие неослабного сопротивления советских войск на всех участках советско-германского фронта⁴.

Со страниц большинства книг буржуазных историков до сих пор не сходит выдвинутая фашистской пропагандой версия о «громдном численном превосходстве» советских войск. Так, бывший гитлеровский генерал К. Типпельскирх в книге «История второй мировой войны» утверждает, что группировка Советских Вооруженных Сил, предназначенная для контрнаступления под Москвой, в 20 раз превосходила противостоявшего ей противни-

¹ Guillaume A. Homme de guerre. Paris, 1977, p. 204.

² Jukes G. The Defence of Moscow, p. 77, 78, 110, 121; Erickson J. The Road to Stalingrad, p. 221—222, 258.

³ Salisbury H. The Unknown War. Toronto, 1978, p. 91.

⁴ См.: Рейнгардт К. Поворот под Москвой, с. 215.

ка¹. Домысел о численном превосходстве советских войск под Москвой повторяют американский историк Х. Болдуин² и другие.

Лишь некоторые историки Запада, в том числе Дж. Эриксон и Г. Солсбери, под воздействием советских работ о Великой Отечественной войне стали писать о том, что Советская Армия сумела перейти в контрнаступление под Москвой, располагая фактически меньшими силами, чем противостоявший ей противник³.

Согласно документальным данным, немецко-фашистская группа армий «Центр» в декабре 1941 г. превосходила перешедшую в контрнаступление группировку советских войск в живой силе в 1,5 раза, в артиллерии — в 1,4, в танках — в 1,6 раза. Только по числу самолетов, включая и устаревшие типы, Советская Армия превосходила врага под Москвой в 1,6 раза⁴.

Советское командование сумело добиться выдающегося успеха. Этот успех явился результатом правильного выбора времени и направлений главных ударов, внезапности, достигнутой благодаря скрытности перегруппировок и сосредоточения стратегических резервов, героизма советских воинов. Контрнаступление советских войск под Москвой началось без паузы, сразу же за оборонительными сражениями, в тот момент, когда гитлеровские войска, исчерпав свои наступательные возможности, еще не успели закрепиться на захваченных рубежах и организовать оборону. Сильные удары, направленные прежде всего против обнажившихся в ходе предыдущего наступления флангов немецкой группировки, вынудили противника из-за угрозы полного окружения начать паническое отступление от Москвы, в ходе которого враг понес огромные потери. Лишь недостаток сил и средств у советского командования спас немецко-фашистскую группу армий «Центр» от полного уничтожения.

В буржуазной историографии широко распространена версия о том, что Германия упустила шансы на захват Москвы и быструю победу из-за вмешательства Гитлера в планирование войны против СССР. Бывшие генералы вермахта и многие буржуазные историки утверждают, что фюрер внес значительные изменения в проект директивы № 21 (план «Барбаросса»), что привело к трагическим последствиям. В первоначальном проекте наиболее мощной группе армий «Центр» ставилась задача вести безостановочное наступление на Москву независимо от развития обстановки на ее флангах. В окончательном же варианте директива предусматривала возможность поворота части крупных подвижных сил этой группы армий на север после предполагаемого разгрома советских войск в Белоруссии для оказания помощи группе армий «Север» в выполнении задачи по уничтожению советских войск в Прибалтике. После этого группы армий «Север» и «Центр»

¹ См.: Типпельскирх К. История второй мировой войны, с. 207.

² Baldwin H. The Crucial Years. 1939—1941, p. 343.

³ Erickson J. The Road to Stalingrad p. 372; Salisbury H. The Unknown War, p. 107.

⁴ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 4, с. 284.

должны были совместно продолжить наступление на Москву. В случае «неожиданно быстрой потери русскими войсками воли к сопротивлению» допускалось одновременное достижение обеих целей — захват Ленинграда и Москвы. На основании этого А. Филиппи, О. Якобсен¹ и другие делают вывод, что вмешательство Гитлера привело к существенному ухудшению первоначального плана, к профанации идеи сосредоточения сил на главном направлении. Они хотят уверить читателей, что если бы план был составлен иначе, то молниеносная победа гитлеровской Германии над СССР была бы обеспечена.

О допущенной Гитлером роковой ошибке в плане «Барбаросса», приведшей к недооценке важности захвата столицы СССР, пишет и западногерманский историк К. Рейнгардт. Он утверждает, что замыслу генерального штаба сухопутных войск — достичь быстрой военной победы — будто бы противостояла точка зрения Гитлера, который стремился не уничтожить, а лишь ослабить Россию и «захватить в свои руки ее военно-экономический потенциал». В поправке, якобы внесенной Гитлером, предусматривавшей поворот части сил немецко-фашистской группы армий «Центр» на север, он видит грубый просчет, приведший вообще к утрате идеи разгрома военной мощи противника².

Подобная точка зрения несостоятельна. Во-первых, идея поворота части сил группы армий «Центр» с рубежа Западной Двины на север принадлежит не Гитлеру, а немецким генштабистам. Она была изложена в предварительном плане войны против СССР, подготовленном еще в сентябре 1940 г. специально созданной группой при штабе верховного главнокомандования вермахта, работавшей под руководством подполковника Б. Лоссберга³. «Вариант Лоссберга» был одним из документов, который лег в основу окончательного плана «Барбаросса». Причем предусмотренная в нем поддержка со стороны наиболее мощной группы армий «Центр» группе армий «Север» в захвате Прибалтики и Ленинграда не вызвала никаких возражений со стороны германских генштабистов.

Во-вторых, окончательный план войны против СССР, вопреки утверждению К. Рейнгардта, был нацелен не на ослабление, а на ликвидацию СССР. Что касается стратегического замысла немецкого командования, то он предусматривал после прорыва обороны советских войск «воспрепятствовать своевременному отходу боеспособных сил противника и уничтожить их западнее линии Днепр — Двина»⁴. Но этот замысел был сорван стойкой обороной и контрударами советских войск.

¹ См.: Филиппи А. Прижизненная проблема: Пер. с нем. М., 1959, с. 45—46; Jacobson O. Erich Marcks: Soldat und Gelehrter. Göttingen, 1971, S. 91, 98.

² См.: Рейнгардт К. Поворот под Москвой, с. 33.

³ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 3, с. 233—235.

⁴ «Совершенно секретно! Только для командования!»: Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967, с. 161.

Таким образом, критика плана «Барбаросса», противопоставление его другим разработкам гитлеровских генералов имеют целью извратить, свести к случайности крах «молниеносной войны» против СССР. В действительности все варианты планов войны были несостоятельны. Так, в плане войны против СССР, разработанном генералом Э. Марксом, идея безостановочного наступления группы армий «Центр» на Москву базировалась на ложном умозрительном предположении о том, что паходящиеся на оборонительных позициях советские войска западных приграничных округов после прорыва немецких танковых клиньев «не смогут больше сосредоточить для единых контрмер свои разделенные на растянутой линии силы и вскоре падут жертвой в поединках с превосходством немецких войск и руководства»¹.

На предположении о слабости и наивности противника строился план войны против Советского Союза, предложенный гитлеровским генералом Г. Зоденштерном. В этом плане лишь выражалась озабоченность большой глубиной театра военных действий на Востоке, которая «обеспечивает русским неограниченные возможности уклониться от боя». Характерна следующая оценка, приведенная в плане Зоденштерна: «Русских наступательных действий против центра немецкого фронта вряд ли следует опасаться. Вряд ли следует исходить из того, что русское командование сможет с достаточной оперативностью и целеустремленностью принять решение на отражение немецкого наступления»².

Окончательный вариант плана войны против СССР, как и все предыдущие планы, базировался на порочном в своей основе теоретическом фундаменте «молниеносной войны», созданном германским генеральным штабом в целом, на представлении об универсальности принципов ведения войны, испытанных против Польши, Дании, Норвегии, Франции и других капиталистических стран. Он предусматривал достижение разгрома противника путем нанесения удара и стремительного развития успеха в глубину подвижными объединениями. Такой способ действий в войне против могучего Советского Союза обнаружил свою полную несостоятельность, вскрыл авантюризм теории и практики стратегии германского империализма.

Немало буржуазных историков разделяют версию о том, что самой роковой ошибкой Гитлера был его отказ от наступления на Москву и поворот части сил группы армий «Центр» на юг в августе 1941 г. При этом они опять-таки исходят из ложной предпосылки, что это решение явилось следствием недооценки Гитлером значения захвата Москвы, а не было обусловлено военной необходимостью. «Танковая группа Гудермана и вторая армия были направлены на поддержку группы армий «Юг», — говорится в английской книге «Вторая мировая война». — ...Далеко идущие

¹ Цит. по: Прохотор Д. М. Агрессия и катастрофа. М., 1972, с. 245.

² Цит. по: Филиппи А. Припятская проблема, с. 155.

последствия этого шага заключались в том, что силы центра потеряли возможность легко и в надлежащее время захватить Москву»¹. Английский историк Дж. Лукас в книге «Война на Восточном фронте 1941—1945 гг.», развивая эту же версию, пишет: «Фактическое бездействие на подступах к Москве в августе и сентябре дало Красной Армии передышку, а также возможность подтянуть крупные силы и создать глубокую оборону фронта перед столицей»². Английский историк А. Ситон пишет, что Гитлер забрал танки у группы армий «Центр» как раз в тот момент, когда противостоявшая ей Красная Армия была близка к развалу, и заставил эту группу «фактически пассивно стоять с июля по октябрь в 200 милях от столицы»³. А бывший гитлеровский генерал Х. Мантейфель в предисловии к книге Дж. Джукса «Битва под Москвой» прямо утверждает, что из-за приказа Гитлера повернуть на юг часть сил группы армий «Центр» была утрачена цель разгрома Советского Союза в ходе одной быстротечной кампании⁴.

Подобные заявления — классический пример фальсификации истории, подтасовки и сокрытия фактов в угоду предвзятой концепции. О каком нежелании Гитлера или его недооценке значения Москвы летом 1941 г. может идти речь, если фашистский главарь 8 июля 1941 г. публично заявил о своем намерении сровнять с землей советскую столицу и тем самым «лишить хребта москвитов»⁵. Осуществить это намерение он и его генералы собирались не позже чем через месяц-полтора⁶.

Далее. Отказ от наступления на Москву и поворот части сил на юг были обусловлены не «волей Гитлера», а действиями Советской Армии, навязавшей группе армий «Центр» в начале июля кровопролитное Смоленское сражение, длившееся до начала сентября 1941 г. Как свидетельствуют немецкие документы, в конце июля главное командование сухопутных войск вермахта констатировало, что «противник оказывает упорное сопротивление дальнейшему продвижению немецких войск», и приняло решение отказаться от применения на смоленско-московском направлении танковых соединений «с далеко идущими оперативными целями»⁷. В свою очередь штаб верховного главнокомандования вермахта издал директиву о переходе группы армий «Центр» к обороне, приказав ей ограничиться действиями, направленными на устранение угрозы флангам и тылу.

4 августа 1941 г. Гитлер, выслушав в штабе группы армий «Центр» доклад о понесенных потерях, заявил, что если бы он перед войной знал о силе Советской Армии, то ему трудно было

¹ World War II. Land, Sea and Air Battles 1939—1945, p. 60.

² Lucas J. War on the Eastern Front 1941—1945, p. 194.

³ Seaton A. The Battle for Moscow, p. 66, 77.

⁴ Jukes G. The Defence of Moscow, p. 6.

⁵ Freund M. Deutsche Geschichte, S. 1302.

⁶ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 4, с. 44.

⁷ MA DDR, N. 02.02.10/44, B1.716.

бы «принять решение о необходимости нападения» на СССР¹. Через два дня Гитлер посетил штаб группы армий «Юг». Ознакомившись с обстановкой, он был вынужден согласиться с генерал-фельдмаршалом Рундштедтом, что вырвавшаяся вперед группа армий «Центр» не сможет уже наступать на Москву без взаимодействия с отставшими силами вермахта на южном крыле фронта². Тяжелая обстановка, в которой оказались немецкие войска, а не прихоть Гитлера заставила повернуть часть сил с московского направления на южное, чтобы ликвидировать угрозу правому флангу группы армий «Центр» и поддержать наступление группы армий «Юг» на киевском направлении.

В августе — сентябре 1941 г. группа армий «Центр» на московском направлении не бездействовала, а вынуждена была обороняться против советских войск, пытавшихся перехватить у нее инициативу. Эта задача оказалась для них тогда не по силам, но они не раз ставили немецкое командование в тяжелое положение.

В ходе Смоленского сражения 24-я армия во главе с генералом К. И. Ракутиным с 30 августа по 8 сентября успешно провела Ельнинскую операцию, одну из первых наступательных операций Советской Армии в Великой Отечественной войне. В ходе этой операции было нанесено поражение десяти дивизиям противника. Спасаясь от полного разгрома и окружения, они вынуждены были оставить укрепленный плацдарм южнее Смоленска, в районе Ельни, с которого планировалось возобновить наступление на Москву. В огне боев на Смоленщине родилась Советская гвардия — гордость Советских Вооруженных Сил.

Наконец, несостоятельны утверждения и о том, что в случае отказа от поворота части сил с московского направления на юг гитлеровцы получили бы шансы на захват Москвы и выигрыш войны. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков отмечает, что без временного отказа от наступления на Москву и поворота части сил на Украину положение группы армий «Центр» могло бы оказаться значительно хуже, чем это имело место в действительности. «Ведь резервы Ставки, — указывает он, — которые в сентябре были обращены на заполнение оперативных брешей на юго-западном направлении и в ноябре на оборону ближних подступов к Москве, могли быть использованы для удара во фланг и тыл группы армий «Центр» при ее наступлении на Москву»³.

К такому же выводу приходит английский историк А. Тейлор. Он пишет: «Альтернативы фактически не было. Все три группы армий ослабли, были измотаны русским сопротивлением и все более увеличивающимся пространством, на котором они должны были действовать. Группа армий «Центр», будучи самой многочисленной, могла направить часть войск для подкрепления группы армий «Юг» лишь в том случае, если бы она находилась в обороне. Ни одна из двух других групп армий не имела возможно-

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 4, с. 76.

² См. там же.

³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, с. 344.

сти ни усилить группу армий «Центр», ни защитить ее фланги, если бы последняя продвигалась вперед на Москву»¹.

Рассуждая о причинах поражения гитлеровских войск под Москвой, тайные и явные противники исторической правды не называют главного, того, что с огромной силой проявилось на подступах к советской столице и в дальнейшем ходе Великой Отечественной войны. «Они умалчивают о прочности социалистического строя,— пишет академик А. М. Самсонов,— высоком моральном духе советского народа, его горячей любви к Родине, о великом самопожертвовании и массовом героизме советских людей на фронте и в тылу»².

Стремление буржуазной историографии принизить подвиг Советской Армии, остановившей победное шествие фашистских захватчиков по Европе, находит свое выражение в ее попытках приуменьшить значение Московской битвы. Одни буржуазные историки пытаются ограничить значение Московской битвы только ослаблением группы армий «Центр», которая уже никогда не смогла полностью восстановить свою боеспособность. Другие называют победу Советской Армии одним из поворотных пунктов или одной из решающих битв второй мировой войны, но при этом ставят ее в один ряд со многими менее значительными успехами вооруженных сил США и Англии на различных второстепенных театрах войны.

Контрастом к таким оценкам является вывод К. Рейнгардта о том, что под Москвой потерпела крах стратегия Гитлера, направленная на завоевание мирового господства³. К этому следует добавить, что потерпела крах не только стратегия Гитлера, но и всего германского империализма в целом.

Более развернутую и верную оценку исторического значения битвы под Москвой дал молодой историк из ФРГ Г. Юбершер. Он пришел к выводу, что под Москвой немецко-фашистская стратегия «молниеносной войны» потерпела «полное фиаско», что именно Красная Армия нанесла вермахту «первое тяжелое поражение» и тем самым «развела миф о непобедимости немецких войск». Он также отмечает, что поражение вермахта зимой 1941/42 г. способствовало подъему морального духа советских людей, росту международного авторитета СССР и укреплению всей антигитлеровской коалиции⁴. Такие объективные суждения способствуют утверждению исторической правды. Но они буквально тонут в мутном потоке фальсификаций, содержащихся в многочисленных работах других буржуазных историков.

Одним из методов принижения исторической роли битвы под Москвой, распространенных среди буржуазных авторов, является

¹ Taylor A. The Second World War, p. 106.

² Самсонов А. М. Поражение вермахта под Москвой. М., 1981, с. 20—21.

³ См.: Рейнгардт К. Поворот под Москвой, с. 354.

⁴ См.: „Unternehmen Barbarossa“: Der deutsche Oberfall auf die Sowjetunion 1941. Paderborn, 1984, S. 168—171.

спекуляция на том, что по времени с пеей совпало вступление США во вторую мировую войну. «Как раз в момент кризиса, в момент успешного советского контрнаступления, — пишет Г. Солсбери, — на сцену выступил совершенно новый и, вероятно, решающий фактор. 7 декабря японцы атаковали Соединенные Штаты. Отныне США тоже стали воевать»¹. Преподаватель Лондонского университета М. Макколи утверждает, что «включение США в борьбу предвещало, что Германия и Япония могут быть побеждены», в то время как битва под Москвой лишь «предоставила Советскому Союзу передышку»². Западногерманские историки М. Фройнд, П. Херде и др., пытаясь преувеличить значение вступления США в войну, заявляют, что оно явилось «началом конца для стран оси» и в итоге привело Германию к гибели в «коралловых рифах Тихого океана»³.

Вступление США в войну расширило ее масштабы и привело к изменению в международной обстановке. Но версия о гибели Германии в «коралловых рифах» Тихого океана может вызвать лишь недоумение — там действовали японские вооруженные силы. Отдельные надводные корабли и подводные лодки германских ВМС появлялись в тихоокеанских водах лишь эпизодически. В 1941 — первой половине 1942 г. американские вооруженные силы оказались неспособными противодействовать крупным военным успехам японского агрессора в Азии и на Тихом океане. Под контролем Японии продолжали оставаться оккупированные ранее территории Китая. Нанеся поражение американскому флоту в Пёрл-Харборе, она захватила новые территории, в десять раз превышавшие территории самой Японии — 4,2 млн. квадратных километров с населением более 200 млн. человек. Японцы заняли Малайю и Сингапур, острова Голландской Индии, Бирму, Филиппины, Гонконг, острова Гуам, Уэйк, Новая Британия, большую часть Соломоновых островов и т. д. США, подобно Англии и Франции, пожинали плоды преступной предвоенной политики «мюнхенцев», направленной на поддержку вооружения фашистско-милитаристских государств, поощрение их первых агрессивных актов.

Победа советских войск под Москвой, одержанная в период катастрофического для США развития событий на Тихом океане, имела громадное значение для подъема морального духа всех американцев. Она вселяла в них веру в то, что с таким мощным союзником, как СССР, они в конечном итоге могут рассчитывать на победу. Не случайно командующий вооруженными силами США на Дальнем Востоке генерал Д. Макартур незадолго до капитуляции гарнизона на Филиппинских островах обратился к войскам с заявлением, в котором говорилось: «Сложившаяся международная обстановка показывает, что ныне надежды цивилиза-

¹ Salisbury H. The Unknown War, p. 109.

² Communist Power in Europe: 1944—1949. London, 1977, p. X.

³ Freund M. Deutsche Geschichte, S. 1376, 1380; Kriegswende: Dezember 1941. Koblenz, 1984, S. 54.

ция неразрывно связаны с действиями Красной Армии, ее доблестными знаменами»¹.

Для развертывания своего военного потенциала США в условиях войны требовалось время. Их вооруженные силы вступили на путь активной борьбы непосредственно против фашистской Германии лишь после открытия второго фронта в Европе в июне 1944 г.

Все попытки буржуазных фальсификаторов принизить значение битвы под Москвой несостоятельны. «Победа под Москвой означала, что советский народ под руководством партии сумел преодолеть трагические последствия внезапного нападения фашистской Германии, изменить в ходе тяжелого единоборства соотношение сил. Она показала, что война, несмотря на ее неудачное для советских войск начало, будет неизбежно выиграна Советским Союзом»². Разгром немецко-фашистских войск под Москвой сорвал планы «молниеносной войны» и развеял миф о непобедимости фашистской армии.

2. Коренной перелом во второй мировой войне

Коренной перелом в войне — это многосторонний процесс, включающий события, непосредственно связанные с изменениями в ходе вооруженной борьбы, а также в экономической и политической сферах. Выдающиеся победы советского народа в битвах под Москвой и Сталинградом, последовавшие затем наступательные операции Советских Вооруженных Сил на Северном Кавказе, под Ленинградом, в Донбассе, на курском и харьковском направлениях приобрели всемирно-историческое значение. Героический советский народ и его Вооруженные Силы, ведомые Коммунистической партией, нанесли решающее поражение главным силам фашистского блока, изменив течение мировой войны. Это изменение было обусловлено военно-политическими событиями, в результате которых Советский Союз, другие государства антигитлеровской коалиции окончательно преодолели кризисные ситуации, нанесли агрессору необратимые поражения и вырвали у еще сильного врага стратегическую инициативу, что явилось основным показателем развития и углубления коренного перелома в войне.

Бурный рост в конце 1942 — начале 1943 г. военной и экономической мощи стран антигитлеровской коалиции предрешил исход экономического противоборства в их пользу. Значительно укрепились политические силы, противостоявшие агрессии, их вера в окончательный разгром захватчиков и в то же время обострились противоречия в фашистском блоке.

¹Цит. по: История СССР, 1985, № 3, с. 164.

²История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1, с. 242.

Научным критерием любого труда, рассматривающего проблему коренного перелома во второй мировой войне, являются анализ и оценка роли в ней СССР, советской стратегии, военных действий на советско-германском фронте. Именно здесь происходили события, которые определяли общее изменение военно-политической обстановки в пользу антигитлеровской коалиции, ознаменовали коренной перелом в Великой Отечественной и второй мировой войне.

Прямо противоположную, антиисторическую концепцию сконструировали буржуазные авторы, заявляющие, за редким исключением, что коренной перелом был в основном достигнут действиями англо-американских вооруженных сил. Именно такая концепция разработана в одном из фундаментальных трудов буржуазных историков на данную тему, написанном М. Говардом в рамках официальной английской истории второй мировой войны¹. Говард придерживается двух основных тезисов: согласно первому — «Россия стояла на пороге катастрофы», согласно второму — ее «спасли англо-американские союзники». Тезис о «близкой катастрофе русских» сохраняется, хотя и с оговорками, до 1943 г.² Однако события на советско-германском фронте, героические действия Советской Армии под Сталинградом, которые привели к сокрушительному разгрому громадной группировки фашистских войск, полностью опровергают подобные суждения.

Победа под Сталинградом готовилась и была достигнута в тяжелой для Советского Союза военной обстановке. Советским дальневосточным рубежам по-прежнему угрожала отборная японская Квантунская армия, а на юге выжидала удобного момента для нападения на СССР сосредоточенная у советской границы мощная группировка турецких войск. Они приковывали к себе значительную часть Советских Вооруженных Сил, ограничивали их возможности в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, масштабы и ожесточенность которой все более нарастали.

Негативную роль для СССР сыграло также нарушение руководителями США и Англии союзнического долга, которые отказались выполнить свое обещание открыть второй фронт в Европе в 1942 г. Вместо развертывания боевых действий на Европейском континенте они предпочли ограничиться активизацией борьбы против изолированного контингента итало-немецких войск в Северной Африке, являвшейся второстепенным театром войны. Тем самым США и Англия фактически предоставили фашистской Германии возможность беспрепятственно направлять новые силы и средства на Восток, достаточные не только для восполнения понесенных потерь, но и увеличения состава группировок, действовавших против советских войск.

¹ См.: Говард М. Большая стратегия. Август 1942 — сентябрь 1943: Пер. с англ. М., 1930.

² См. там же.

Пользуясь отсутствием второго фронта, гитлеровское командование, несмотря на поражение под Москвой, рассчитывало в 1942 г. разгромить Советский Союз. Однако развернуть наступление одновременно на всех стратегических направлениях оно уже было не способно. Было принято решение первоначально сосредоточить максимум сил для решающего наступления на южном участке фронта, с тем чтобы захватить нефтеносные районы Кавказа и перевалы через Кавказский хребет. Одновременно планировалось выйти к Волге в районе Сталинграда¹.

Планируя наступление на юге, немецко-фашистское командование рассчитывало, что потеря донецкой индустрии, кавказской нефти и промышленности Сталинграда сильно ослабит СССР, что захват Кавказа ускорит вступление в войну на стороне фашистского блока Турции.

В начале мая 1942 г. непродолжительное затишье на советско-германском фронте сменилось ожесточенными боями. Используя свое превосходство в силах, враг к исходу июня захватил Керчь и Севастополь, отразил наступление войск Юго-Западного фронта в районе Харькова и вновь временно захватил стратегическую инициативу. 28 июня немецко-фашистские войска приступили к выполнению запланированного крупного наступления на южном крыле советско-германского фронта — на Кавказ и Сталинград. Преодолевая упорное сопротивление, дивизии вермахта и сателлитов фашистской Германии продвинулись на восток на 150—400 километров, захватили Донбасс, богатые сельскохозяйственные районы правобережья Дона и создали непосредственную угрозу Северному Кавказу и Сталинграду.

В этой обстановке началась грандиозная битва на Волге. Она длилась с 17 июля 1942 г. по 2 февраля 1943 г. Борьба между Доном и Волгой развернулась на площади 100 тыс. квадратных километров, протяженность линии фронта составляла от 400 до 850 километров. На отдельных этапах в битве с обеих сторон одновременно участвовало свыше 2 млн. человек, свыше 2 тыс. танков, более 2 тыс. самолетов, 26 тыс. орудий и минометов.

В ходе жестоких оборонительных сражений за Сталинград Советская Армия лишила врага наступательных возможностей, а затем, внезапно развернув 19 ноября 1942 г. стремительное наступление, окружила в междуречье Дона и Волги 6-ю и 4-ю танковую армии противника. В огненном кольце оказались 22 дивизии и 160 отдельных частей немецко-фашистских войск во главе с Паулюсом общей численностью 330 тыс. солдат и офицеров.

Ликвидировав попытки срочно созданной по приказу Гитлера группы армий «Дон» освободить окруженную группировку, советские войска в январе 1943 г. приступили к уничтожению окруженного врага и 2 февраля окончательно сломили его сопротивление.

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1975, т. 5, с. 117—121.

Потери противника в ходе оборонительных боев и наступательных действий Советской Армии были огромны. Фашистский блок потерял в Сталинградской битве убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести почти 1,5 млн. солдат и офицеров, около 3 тыс. танков и штурмовых орудий, более 12 тыс. орудий и минометов, до 4,4 тыс. самолетов, или четвертую часть своих сил, действовавших на советско-германском фронте. За всю историю войн германский империализм не испытывал столь сокрушительного удара, гибели такого громадного количества своих войск и потерь боевой техники и вооружения.

Разгром врага на Волге явился крупнейшим военно-политическим событием в ходе борьбы народов против фашизма. Великая битва, закончившаяся окружением, разгромом и пленением отборной вражеской группировки, внесла огромный вклад в достижение коренного перелома в ходе Великой Отечественной и оказала определяющее влияние на дальнейший ход всей второй мировой войны. Советская Армия продемонстрировала свою несокрушимую силу, превосходство над немецко-фашистской военной машиной.

Катастрофа вермахта на Волге, отмеченная в Германии трехдневным трауром, подорвала моральный дух войск и населения всех стран фашистского блока, внутри которого резко усилились противоречия. Японские правящие круги вновь на время отказались от совместного с Германией выступления против СССР. Венгерские и румынские правители за спиной германского союзника начали вести переговоры о сепаратном мире с США и Англией. Фашистский диктатор Муссолини предложил Гитлеру отказаться от продолжения ставшей безнадежной войны против СССР, с тем чтобы сосредоточить все силы фашизма против США и Англии. Турецкие государственные деятели поняли, что их расчеты на победу германских империалистов над СССР оказались несостоятельны, и предпочли остаться на позициях нейтралитета.

Известие о том, что ударные силы вермахта остановлены и разбиты Советской Армией под Сталинградом, вызвало восхищение всех народов, вставших на путь сопротивления фашизму. В грамоте, переданной Ф. Рузвельтом городу Сталинграду, говорилось: «От имени народа Соединенных Штатов Америки я вручаю эту грамоту городу Сталинграду, чтобы отметить наше восхищение его доблестными защитниками, храбрость, сила духа и самоотверженность которых во время осады с 13 сентября 1942 года по 31 января 1943 года будут вечно вдохновлять сердца всех свободных людей. Их славная победа остановила волну папашества и стала поворотным пунктом войны союзных наций против сил агрессии»¹.

В своем послании И. В. Сталину У. Черчилль также передал от английского народа поздравления по случаю разгрома и капиту-

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР. М., 1976, т. 2, с. 317.

туляции немецко-фашистских войск во главе с Паулюсом, подчеркнув, что это была «действительно изумительная победа»¹. На конференции руководителей трех союзных держав в Тегеране по поручению короля Великобритании он передал И. В. Сталину почетный меч, на котором выгравирована надпись: «Гражданам Сталинграда, крепким как сталь, от короля Георга VI в знак глубокого восхищения британского народа».

Буржуазная историография Сталинградской битвы весьма обширна. Это касается как общих, так и специальных работ. К ним относятся книги английского историка Дж. Джукса «Сталинград: поворотный пункт», западногерманских историков — М. Керига «Сталинград. Анализ и документация битвы» и Я. Пикальевича «Сталинград. Анатомия битвы», американских историков — У. Крейга «Враг у ворот. Битва за Сталинград», У. Керра «Тайна Сталинграда»² и др.

Основной вопрос, который исследуется, а точнее, превратно истолковывается буржуазными историками, связан с причинами катастрофического разгрома немецко-фашистских войск в Сталинградской битве. Наиболее активно ими пропагандируется версия о том, что победе Советской Армии под Сталинградом способствовали «роковые просчеты» в управлении войсками со стороны Гитлера. При этом часто делаются ссылки на мемуары фашистского генерал-фельдмаршала Э. Манштейна, который привел якобы принадлежавшие Гитлеру слова: «За Сталинград я один несу ответственность»³. Манштейну вторит американский историк Э. Зимке, утверждая, что поражение немецких войск под Сталинградом явилось в «большей степени следствием ошибок Гитлера, нежели результатом советского военного искусства»⁴. Западногерманский историк О. Цирер идет еще дальше. По его словам, «немецкая армия погибла из-за предательства Гитлера»⁵.

Одну из решающих ошибок Гитлера М. Кериг, У. Крейг, У. Керр и многие другие усматривают в том, что, вместо того чтобы двинуть все силы вермахта на южном крыле советско-германского фронта против Сталинграда, он приказал 23 июля 1942 г. основным силам в составе группы армий «А» наступать через Ростов-на-Дону на Кавказ, а 6-й армии, входившей в группу армий «В», — на Сталинград. В этом они видят нарушение прин-

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР..., т. 4, с. 110.

² Jukes G. Stalingrad: The Turning Point. New York, 1968; Kehrige M. Stalingrad: Analyse und Dokumentation einer Schlacht. Stuttgart, 1974; Piekalkiewicz J. Stalingrad: Anatomie einer Schlacht. München, 1977; Craig W. Enemy at the Gates: The Battle for Stalingrad. New York, 1973; Kerr W. Das Geheimnis Stalingrad. Düsseldorf und Wien, 1977; Erickson J. The Road to Berlin: Stalin's War with Germany, vol. 2, London, 1985, etc.

³ Manstein E. Verlorene Siege. Bonn, 1955, S. 395.

⁴ Ziemke E. Stalingrad to Berlin: The German Defeat in the East. Washington, 1968, p. 80.

⁵ Zierer O. Deutschland: Kleine Geschichte Grosser Nation, Gütersloh, 1976, S. 115.

ципа массирования сил на главном направлении, которое подбирало наступательные возможности войск вермахта, сделало их чувствительными к контрударам противника и т. д.¹

Английский историк М. Арнольд-Форстер полагает, что еще более роковым решением Гитлера, «изменившим ход истории», явился его приказ, отданный в конце июля 1942 г., о переброске с кавказского направления из группы армий «А» под Сталинград в группу армий «Б» 4-й танковой армии². Именно по этой причине вермахту не удалось захватить месторождения кавказской нефти, заявляет автор.

Но это тенденциозная констатация фактов, а не их анализ. Сегодня и не историку ясно, что одновременное наступление группы армий «Б» на Сталинград и группы армий «А» на Кавказ явилось решением, которое свидетельствовало о неспособности фашистского руководства объективно оценивать соотношение сил. Предприняв в июне «главное наступление» на 600-километровом участке фронта, немецко-фашистские войска к исходу 1942 г. вынуждены были перейти к обороне на фронте протяженностью 2300 километров и потерпели сокрушительное поражение.

Заявляя, что из-за «ошибок» Гитлера были «утрачены шансы на победу» Германии в 1942 г., буржуазные историки скрывают от читателей, что планы фашистского генерального штаба были сорваны блестящими действиями Советской Армии. Приказ о наступлении групп армий «А» и «Б» по расходящимся направлениям явился результатом провала попытки гитлеровцев совместными усилиями осуществить в июле 1942 г. окружение и уничтожение советских войск Юго-Западного и Южного фронтов западнее Дона. Советское командование, продемонстрировав гибкость руководства, сумело вывести свои войска из-под ударов превосходящих сил противника и отведло одну их часть на Средний Дон, а другую — на юг. Это вынудило гитлеровскую ставку также разделить свои силы на две части, одна из которых была уничтожена под Сталинградом, а другая, понеся огромные потери, выбита с Кавказа.

Несостоятелен тезис и о том, что судьбу всей войны предопределил приказ о переброске 4-й танковой армии с кавказского направления на сталинградское. Дело в том, что к тому времени в районе Сталинграда были развернуты крупные силы советских войск, которые не только срывали попытки гитлеровцев захватить город, но и создавали угрозу с севера тылу и флангу наступающей на Кавказ группе армий «А». Последовательными и тщательно продуманными решениями советское командование ставило противника в безвыходное положение. Возможность переброски других дополнительных сил на юг с центрального и северного

¹ Kehr M. Stalingrad, S. 27—28; Kerr W. Das Geheimnis Stalingrad, S. 107—108; Perret B. Lighting War. A History of Blitzkrieg. London, 1985, p. 185—186.

² Arnold-Forster M. The World at War. London, 1974, p. 138.

участков фронта была пресечена активизацией действий там советских войск.

Немецко-фашистское командование летом и осенью 1942 г. вступило в сражение, к которому оно оказалось не готово, и в том районе, где его не ожидало, — под Сталинградом, ставшим эпицентром вооруженной борьбы на советско-германском фронте. Советское командование быстро и правильно оценило нависающее положение города над флангом и тылом основных сил противника, нацелившихся на захват Кавказа.

В западной исторической литературе широко пропагандируется версия о единоличной ответственности Гитлера за гибель под Сталинградом 6-й немецкой армии. Согласно утверждению гитлеровского генерала В. Зейдлица¹, американского историка У. Крейга, английского историка А. Ситона и других, «смертным приговором» для окруженной 6-й армии явился приказ Гитлера от 24 ноября об удержании ею ранее захваченных позиций. Выдвигая подобную версию, эти историки, во-первых, игнорируют тот факт, что в пользу такого решения высказалось большинство высших военачальников вермахта — начальник штаба верховного главнокомандования вермахта В. Кейтель, начальник штаба оперативного руководства А. Йодль, главнокомандующий немецко-фашистскими военно-воздушными силами Г. Геринг и др.² Во-вторых, хотя немецкое командование не имело в то время ясного представления о целях и истинных масштабах советского наступления под Сталинградом, оно тем не менее понимало, что этот удар потенциально создает смертельную угрозу скованной активной обороной советских войск на Кавказе группе армий «А». В-третьих, версия о возможности 6-й немецкой армии, имевшей крайне ограниченный запас горючего, боеприпасов и продовольствия, вырваться из окружения без поддержки извне относится к области необоснованных гипотез. Точно установленным фактом является лишь то, что гитлеровская ставка возлагала большие надежды на возможность деблокады окруженной группировки мощными рассекающими ударами по внешнему кольцу окружения советских войск. Для проведения этой операции в ноябре была создана группа армий «Дон». Однако организованное в декабре 1942 г. командованием этой группы контрнаступление провалилось, что и предопределило разгром 6-й немецко-фашистской армии.

Чрезвычайно живучи в буржуазной историографии лживые утверждения, пущенные в оборот гитлеровскими генералами, о том, что немецкие войска проиграли битву за Сталинград лишь из-за недостатка сил и средств. Западногерманский историк М. Кериг, американские историки Х. Болдуин и У. Крейг, английский историк Дж. Лукас и другие пишут об этом, как о само собой

¹ Seydlitz W. Stalingrad. Konflikt und Konsequenz. Erinnerungen. Oldenburg, 1977, S. 200.

² См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1976, т. 6, с. 56, 62.

разумеющемся факте¹. Так, Э. Зимке в книге «От Сталинграда до Берлина» приводит в доказательство этой версии сфальсифицированные им данные, согласно которым к началу контрнаступления под Сталинградом советской группировке, насчитывавшей 1 млн. солдат и офицеров, якобы противостояло всего 500 тыс. солдат и офицеров противника². Эта подтасовка понадобилась для того, чтобы скрыть правду о том, что советские войска добились победы не числом, а умением. На самом деле перед началом контрнаступления численность советских и противостоявших им немецких и румынских войск была почти одинаковой: 1 103 тыс. солдат и офицеров советской группировки противостояло 1011,5 тыс. солдат и офицеров противника. Советские войска имели некоторое количественное превосходство над врагом в вооружении: по авиации 1,1:1, по танкам и штурмовым орудиям 2,2:1, по артиллерии 1,5:1³. При таком соотношении сил без умения обеспечить внезапность, создать за счет максимального ослабления второстепенных участков фронта мощные ударные группировки, правильно определить направления и последовательность главных ударов, твердо и решительно управлять всеми видами вооруженных сил и родов войск выиграть битву было бы просто невозможно.

Одной из публикаций, призванных доказать, что только превосходство в силах позволило Советской Армии остановить и затем нанести поражение вермахту на Волге, является книга американского историка У. Керра «Тайна Сталинграда». По его собственному признанию, он работал над этой «проблемой» почти тридцать лет. К каким же результатам пришел автор?

Согласно версии У. Керра, «тайна» победы под Сталинградом Советской Армии заключалась в том, что еще до начала фашистского летне-осеннего наступления на юге в конце июня 1942 г. советское командование скрытно от противника и своих союзников — США и Англии создало полуторамиллионную армию резерва. У. Керр заявляет, что приводимые ранее советскими историками данные о соотношении сил к началу решающих боев на южном крыле фронта были обманом, поскольку «в них отсутствовали данные об армиях и танковых корпусах стратегического резерва»⁴. Однако достаточно ознакомиться с изданным в СССР задолго до появления книги У. Керра трудом «50 лет Вооруженных Сил СССР», чтобы убедиться в надуманности версии У. Керра. В этом труде обстоятельно показано, как готовились резервы Верховного Главнокомандования, когда, сколько и каких резервов направлялось в действующую армию, как они использовались на

¹ Kehr M. Stalingrad, S. 43; Baldwin H. Battles Lost and Won: Great Campaigns of World War II. New York, 1966, p. 186; Craig W. Enemy at the Gates, p. 19, 228; Lucas J. War on the Eastern Front 1941—1945, p. 76, 178.

² Ziemke E. Stalingrad to Berlin, p. 52.

³ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 6, с. 35.

⁴ Kerr W. Das Geheimnis Stalingrad, S. 63.

фронте. Что же касается вопроса оценки соотношения сил сторон на южном крыле к началу наступления немецких войск на Сталинград и Кавказ в 1942 г., то в советской работе отмечено следующее: «В итоге неудачного для нас исхода операций под Любанью, Харьковом и в Крыму советские войска лишились ряда важных районов и плацдармов и понесли крупные потери... Соотношение сил изменилось еще более в пользу противника, особенно на южном крыле советско-германского фронта, где враг к началу июля сосредоточил 90 дивизий и 3 бригады. Советские же войска не успели получить пополнение, привести себя в порядок и прочно закрепиться на новых рубежах. Вновь формируемые десять общевойсковых и одна танковая армии (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10-я резервные и 3-я танковая) еще не были готовы к боевым действиям»¹.

В то же время очевидна попытка У. Керра скрыть факты, свидетельствующие о том, что немецко-фашистское командование в 1942 г., используя отсутствие второго фронта, наращивало свои силы на советско-германском фронте за счет крупных резервов. Только с апреля по ноябрь 1942 г. против Советской Армии каждый месяц вводилось в среднем по десять новых дивизий. Кроме того, на фронт ежемесячно направлялось 250 тыс. человек маршевого пополнения. В результате к началу контрнаступления советских войск под Сталинградом у противника имелось 278 соединений. Это было наибольшее количество сил, задействованных гитлеровцами на советско-германском фронте за всю вторую мировую войну².

Одна из наиболее одиозных версий буржуазных историков заключается в том, что якобы без поддержки со стороны вооруженных сил США Советская Армия не одержала бы победы на Волге. Так, историк из ФРГ Г. Шрётер в книге «Вторая мировая война» пишет, что дефицит резервов, не позволивший немецко-фашистскому командованию достичь своих целей на Востоке в 1942 г., был вызван необходимостью держать «в бездействии громадные армии на Западе» для отражения ожидавшейся высадки англо-американских экспедиционных сил³. Американский историк Дж. Стоксбери утверждает, что русские специально отложили контрнаступление под Сталинградом до ноября 1942 г., когда «союзное вторжение в Северную Африку, как и предполагалось, сковало германские резервы в Западной Европе»⁴. Американский историк У. Крейг пытается приписать угрозе вторжения войск США и Англии во Францию еще более активную роль. Он пишет о будто бы начавшейся в период Сталинградской битвы «перекатке» немецких дивизий с советско-германского фронта в Западную Европу и подкрепляет это утверждение ссылкой на дневник

¹ 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968, с. 316.

² См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 5, с. 317.

³ Der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1979, Bd. 2, S. 285.

⁴ Stokesbury J. A Short History of World War II. New York. 1980, p. 239.

Ф. Гальдера, в котором указано о переброске с советско-германского фронта во Францию немецкой дивизии «Великая Германия»¹.

Однако при проверке факты, приведенные Шрётером и Крейгом, не подтверждаются.

Во-первых, на территории Франции перед началом Сталинградской битвы численность сухопутных войск вермахта составляла 520 тыс. человек, а на советско-германском фронте — 2 997 тыс., то есть почти в шесть раз больше. На Западе был один немецкий воздушный флот, а на Востоке — четыре². К тому же значительную часть войск на Западе составляли ослабленные соединения и части или их остатки, направленные туда для отдыха и переформирования с советско-германского фронта.

Во-вторых, в период Сталинградской битвы «перекачка» немецких дивизий осуществлялась не с Востока на Запад, а с Запада на Восток. Только с ноября 1942 г. по апрель 1943 г. из Франции и других стран Западной Европы гитлеровское командование направило на советско-германский фронт для восполнения потерь вермахта 35 новых дивизий³. Утверждение Крейга о переброске на Запад дивизии «Великая Германия» является вымыслом. В дневнике Гальдера, на который он ссылается, говорится о том, что это соединение действовало на сталинградском направлении⁴. Этот факт подтверждают и другие документальные немецкие источники. Дивизия «Великая Германия» прибыла с Запада на советско-германский фронт в мае 1942 г. и оставалась там до конца войны⁵.

Английский историк Дж. Григ признает, что с точки зрения военной стратегии И. В. Сталин был прав, предлагая США и Англии нанести удар по Германии с запада в 1943 г. «Как нам теперь известно, — пишет он, — североафриканская кампания союзников не принесла Советскому Союзу пользы, поскольку соотношения сухопутных войск (на советско-германском фронте. — *Прим. авт.*) не изменилось. С ноября 1942 г. до февраля 1943 г. немцы направили семнадцать дивизий из Западной Европы на Восточный фронт... Более того, последующая высадка в Сицилии убедила германское верховное командование в том, что наверняка в 1943 г. не состоится никакой акции по форсированию Ла-Манша»⁶.

Хотя климатические условия и не объявляются главной причиной поражения немецких войск на Волге, как в битве под Мос-

¹ Craig W. *Enemy at the Gates*, p. 19.

² Förster G. und andere. *Der zweite Weltkrieg*, S. 173, 196—197.

³ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. М., 1965, т. 6, с. 30.

⁴ См.: Гальдер Ф. Военный дневник: Пер. с нем. М., 1971, т. 3, кн. 2, с. 351.

⁵ См.: Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933—1945: Пер. с нем. М., 1976, т. 3, с. 395.

⁶ Grigg J. 1943: *The Victory that Never Was*. New York, 1980, p. 93.

квой, тем не менее они рассматриваются как «крайне неблагоприятные» для фашистских войск. Так, западногерманский историк Я. Пикалькевич начинает свое изложение в книге о битве под Сталинградом с географического описания района среднего течения Дона. Этот плодородный край, где средняя температура наиболее жаркого июля не превышает 25 градусов, представлен в ней как пустыня с пыльными дорогами, горячими песчаными бурями, жарой свыше 50 градусов, а также с обманчивыми миражами. А зима изображается чрезвычайно жестокой, характерной «убийственными буранами и штормами»¹. По мнению Пикалькевича, ненастная погода явилась важным фактором, обеспечившим внезапность перехода Советской Армии в наступление, поскольку «низкие облака помешали немецким разведывательным самолетам раскрыть концентрацию войск»².

Эту точку зрения во многом разделяет американский историк У. Крейг. Хотя он и пишет о том, что советские истребители срывали снабжение окруженной группировки по воздуху, но расставляет акценты таким образом, чтобы у читателей создалось впечатление, будто гитлеровским летчикам не давала производить посадку в котле не советская авиация, а плохая погода. «Самым страшным злом», приводившим, согласно Крейгу, к гибели фашистских самолетов, было то, что немецкие механики не могли обслуживать машины, потому что их пальцы от холода прилипали к металлу, а работать в перчатках было неудобно³.

У. Крейг не оригинален в попытках доказать, что сильные морозы не позволили фашистской авиации обеспечить снабжение окруженной под Сталинградом группировки. С такой же версией выступал еще двенадцатью годами ранее английский историк А. Ли. В своей клеветнической книге о советских Военно-воздушных силах он писал, что зимой 1942/43 г. «лед, туман и снежные сугробы на фронте обусловили чрезвычайную рискованность воздушных операций по снабжению и фактическую невозможность квалифицированного обслуживания самолетов»⁴. Этот вымысел поддержали и другие историки. В опубликованной в Лондоне книге по истории советской авиации автор раздела о Великой Отечественной войне Дж. Гринвуд пишет, что в критические дни Сталинградской битвы из-за морозов «многие немецкие самолеты были небоеспособными, в то время как эксплуатация остальных требовала больших усилий»⁵.

Но те же самые погодные условия не помешали советским Военно-воздушным силам в битве под Сталинградом захватить господство в воздухе на решающем участке фронта и создать предпосылки для завоевания господства в воздухе на всем советско-германском фронте.

¹ Piekalkiewicz J. Stalingrad, S. 9—10.

² Ibid., S. 265.

³ Craig W. Enemy at the Gates, p. 153, 205, 225.

⁴ Lee A. The Soviet Air Force. New York, 1962, p. 59.

⁵ Soviet Aviation and Air Power: A Historical View. London, 1977, p. 82.

С ноября 1942 г. по январь 1943 г. советская авиация осуществляла эффективную блокаду окруженных под Сталинградом фашистских войск. Советские летчики непрерывно атаковали вражеские самолеты в воздухе и на аэродромах. По словам бывшего гитлеровского генерала Г. Хубе, они «делали над городом все, что хотели».

В ходе операций по воздушному обеспечению окруженной группировки, длившихся девять недель, немецко-фашистская авиация потеряла только сбитыми 495 самолетов, преимущественно транспортных. Общие же потери транспортной авиации противника под Сталинградом, включая самолеты, уничтоженные на аэродромах, составили за то же время 800 машин. Всего с 1 декабря 1942 г. по 30 апреля 1943 г. фашистские военно-воздушные силы потеряли 8810 самолетов различных типов. При этом наибольшая часть потерь приходилась на советско-германский фронт¹.

У. Крейг выдвинул такую версию о том, что якобы погода помешала группе армий «Дон» выполнить поставленную перед ней задачу по деблокадированию окруженных войск в Сталинграде. По его словам, в начале наступления она встретила «неожиданно слабое русское сопротивление», выразившееся лишь в случайных выстрелах, что самые большие трудности немцам причиняли «оледеневшие дороги, на которых танки не могли тормозить». Далее Крейг пишет, что, несмотря на превосходство немецких войск в мастерстве, наступление все же провалилось из-за непрерывных штормов, мешавших использовать авиацию, а также недостаточного запаса боеприпасов для продолжения борьбы против «непобедимых сил» Советской Армии². То же самое утверждает и американский историк М. Хойл³.

Действительная причина провала начавшегося 12 декабря 1942 г. наступления котельниковской группировки гитлеровцев была иной. Вначале удар приняла на себя ослабленная в предыдущих боях 51-я армия, которая уступала противнику в людях и артиллерии в два раза, а в танках более чем в шесть раз. Тем не менее ей удалось уже 14 декабря временно приостановить продвижение вражеских войск. В тот же день по указанию Ставки на помощь 51-й армии была направлена 2-я гвардейская армия. Форсированным маршем она преодолела 200 километров и уже 19 декабря вступила в сражение. Воины 51-й и 2-й гвардейской армий проявили массовый героизм в обороне. Они обескровили врага, а 22 декабря заставили его отказаться от попыток выполнить поставленную задачу. Через два дня советские войска перешли в решительное наступление, 29 декабря был освобожден Котельниковский, откуда гитлеровцы пытались прорваться к Сталинграду.

¹ Groehler O. Geschichte des Luftkriegs. S. 353—354.

² Craig W. Enemy at the Gates, p. 218—228.

³ Hoyle M. A World in Flames. New York, 1970, p. 153.

Западногерманский историк М. Кериг в работе, базирующейся в основном на немецких документах, в отличие от У. Крейга дает трактовку тех же событий Сталинградской битвы в более объективном свете. Так, он отмечает, что первоначально командующий группой армий «Дон» генерал-фельдмаршал Манштейн намеревался нанести удар по советским войскам, окружавшим немецко-фашистскую группировку, силами двух танковых корпусов с двух направлений — из районов Котельниковского и с плацдарма в районе впадения реки Чир в Дон. Однако Манштейн, по мнению Керига, «допустил недооценку противника и его сил». В последние часы перед наступлением советские войска активными действиями «обратили в прах» подготовку наступления на одном из направлений, и Манштейн был вынужден начать деблокаду только силами котельниковской группировки. М. Кериг отмечает мастерство командования 51-й советской армии при отражении наступления противника. «Армия боролась упорно и маневренно. Для обороны с фронта она использовала свои стрелковые дивизии, в то время как ее два мехкорпуса (4-й и 13-й) непрерывно наносили удары по флангам противника»¹. Он констатирует, что срыв попытки немецкого командования деблокировать окруженную группировку в Сталинграде явился также следствием эффективной поддержки действий советских войск авиацией и успешного осуществления начавшейся 16 декабря 1942 г. операции «Сатурн» — наступления Юго-Западного фронта против 8-й итальянской армии, которое вынудило немецкое командование расплыть силы, предназначавшиеся для организации нового наступления на Сталинград².

Высокие оценки военного искусства, проявленного советским командованием в битве за Сталинград, можно встретить и в других книгах буржуазных историков. Дж. Джукс, например, отмечает «гибкость и прочность советской обороны, смелость плана контр наступления» советского командования и делает вывод о том, что «именно превосходство полководческого мастерства, а не соотношение сил определило исход битвы» в пользу Вооруженных Сил СССР³.

Английский историк А. Кларк выражает свое критическое отношение к попыткам гитлеровцев еще в годы войны принизить военное искусство Советской Армии под Сталинградом. Он пишет: «После очевидного провала овладеть Сталинградом штурмом немцы постоянно сравнивали его с Верденом, изображая Сталинград как умно задуманное сражение на изнурение с целью ликвидации численного превосходства Красной Армии. В действительности эта аналогия была насильственно фальшива, ибо советские войска (вплоть до начала ноябрьского контр наступления) ни разу не имели численного превосходства над противником. Командиры Крас-

¹ Kehrige M. Stalingrad, S. 371.

² Ibidem.

³ Jukes G. Stalingrad: The Turning Point, p. 154.

ной Армии были бы и рады получить дополнительные подкрепления, особенно в сентябре, но этого попросту не позволяла пропускная способность волжских переправ, в то время как Паулюс, наоборот, получал и использовал все, что он просил»¹.

Примечательна в этой связи и точка зрения английского историка Б. Питта. «Сталинград сравнивают с Верденом, — пишет он. — Во многом это сравнение справедливо, но есть чрезвычайно важная отличительная черта. Франция в 1916 году приняла вызов Фалькенхайна и производила равноценный обмен солдата на солдата, посылая бесконечные резервы на маленький участок у Мааса до тех пор, пока обе стороны не откатились, обескровленные, назад... Под Сталинградом же, решающей зимой 1942/43 года, полководцы Красной Армии показали правильное понимание военной обстановки и способность извлекать уроки из прошлого, что должно быть примером для всех и каждого... Подкрепление сил защитников в самом городе носило характер минимальной необходимости вместо максимальной возможности, а накопленные таким образом сила и мощь были использованы для осуществления великолепного маневра на окружение, который затянул петлю на шее 6-й армии Паулюса. Сталинград стал символом великой победы, завоеванной разумной ценой. Верден — это просто название сражения, которое поглотило миллионы человеческих жизней, оставив обе стороны обессиленными и обескровленными»². В отдельных случаях исследователи, хорошо знающие события войны, делают выводы, содержащие элементы объективного социально-политического анализа грандиозной победы советского народа в Сталинградской битве.

Французский историк армейский генерал Ф. Гамбьез в статье «Сталинград — величайшая битва всех времен», опубликованной в парижской газете «Фигаро», пишет: «Прежде всего следует подчеркнуть тот факт, что фюрер и его генералы во многом недооценили умение советского командования, смелость, упорство и патриотизм бойцов Красной Армии, стойкость, готовность к самопожертвованию и боевой дух граждан, оставшихся в Сталинграде, которые продолжали работать, несмотря на бомбежки и обстрелы, а в случае надобности принимали участие и в боевых действиях... Советская победа — это победа ума, хладнокровия и инициативности советских генералов во всех звеньях... Кроме того, нельзя не учесть того, что в умах людей постоянно жил девиз защитников Сталинграда — «За Волгой для нас земли нет!». Высеченный на стенах, предваряющих монументальный ансамбль, воздвигнутый в Волгограде, этот девиз позволяет судить о крепком патриотическом воспитании солдат Красной Армии, о любви советских людей к своей многострадальной земле, о высоком боевом духе масс»³.

¹ History of the Second World War. London, 1967, vol. 3, N 9, p. 113.

² The History of the Second World War. London, 1968, vol. 3, № 15 (cover); Great Battles of the 20th Century (Ed. B. Pitt). London, New York, Sydney, Toronto, 1977, p. 209.

³ Le Figaro, 1972, 28 août.

Непревзойденное мужество и стойкость защитников Сталинграда вынуждены признать даже некоторые реакционные историки. М. Фройнд пишет: «Сталинград показал прежде всего силу сопротивления советских солдат, которую они еще раньше проявили в борьбе с японцами. Ни один немецкий город не боролся так, как Сталинград. Сталинград был почти уничтожен бомбардировщиками. Но руины фабрик и заводов продолжали служить укрытием для советских бойцов. Это была жертва до последней капли крови, какой не видели почти никогда на Западе»¹. Этот автор указывает, что «Сталинград превратился в нечто худшее, чем Верден, в такую катастрофу, от которой рейх больше не оправился»². Однако подобные объективные оценки мужества и высокого военного искусства защитников Сталинграда являются редкостью в буржуазной историографии.

В оценке исторической роли Сталинградской битвы среди буржуазных историков наблюдается большое расхождение во мнениях. Часть из них признает ее выдающееся значение для хода всей второй мировой войны. Так, английский исследователь Б. Лиддел Гарт в предисловии к книге Дж. Джукса о битве на Волге писал, что «Сталинградская битва была наиболее длительной битвой второй мировой войны и оказалась самой решающей»³. Французский историк А. Мишель, говоря о результатах и последствиях Сталинградской битвы, отмечает, что «советские историки справедливо видят в этом блестящем успехе Красной Армии самую решающую победу, ознаменовавшую поворот во второй мировой войне»⁴. Западногерманский историк К. Центнер констатирует, что с «именем Сталинграда начался поворот второй мировой войны»⁵. В «Истории современного мира», изданной одновременно в Париже, Брюсселе и Мопреале, историк М. Ронкайоло подчеркивает, что победа Советских Вооруженных Сил под Сталинградом имела большое политическое, дипломатическое и военное значение: «Сталинград свидетельствовал о силах коммунизма, который стал притягательным полюсом для движений Сопротивления в оккупированных странах в борьбе с фашизмом; англосаксонцы должны были принимать во внимание этот феномен. Сталинград воздействовал на ход войны. Германия, бросив в сражение не только основную массу своих сухопутных дивизий, но и главные силы авиации, перебрасывала в связи с этим и авиационные части со Средиземноморья и Атлантики»⁶.

Однако, как правило, буржуазные историки стремятся поставить Сталинградскую битву в один ряд со значительно меньшими

¹ Freund M. Deutsche Geschichte, S. 1401.

² Ibid., S. 1400.

³ Jukes G. Stalingrad: The Turning Point, p. 6.

⁴ Michel H. La Seconde guerre mondiale. Paris, 1977, t. 1, p. 467.

⁵ Zentner K. Illustrierte Geschichte des Zweiten Weltkrieges. München, 1973, S. 439.

⁶ Roncajolo M. Histoire du monde contemporain. Paris, 1973, t. 2, p. 64—65.

по масштабам операциями, проведенными войсками США и Англии в 1942—1943 гг. на второстепенных театрах военных действий.

✓ Америкашские историки Э. Зимке и Дж. Шентон пишут, что победа англо-американских войск в Северной Африке в мае 1943 г. была «вторым Сталинградом», что там они нанесли фашизму «поражение, равное по своим масштабам Сталинграду»¹. В одной из работ о второй мировой войне, вышедшей в ФРГ, говорится, что, «подобно Эль-Аламейну на Западе, 31 января 1943 года² означало начало конца на Востоке»³. В предисловии к книге М. Керига бывший начальник военно-исторического управления бундесвера Ф. Форстмайер утверждал, что «ощутимый поворот в войне» произошел в 1942 г. в результате двух событий — высадки союзников в Северной Африке и советского наступления против южного крыла немецкого восточного фронта. По мнению автора предисловия, «более убедительно» поворот обозначился не на советско-германском фронте, а в Северной Африке⁴.

Ни по своей длительности и количеству участвующих войск, ни по размаху и ожесточенности вооруженной борьбы, ни по потерям фашистского блока ни одна из называемых буржуазными фальсификаторами операций англо-американских войск в 1942—1943 гг. не может быть приравнена к великой Сталинградской битве.

✓ В сражении под Эль-Аламейном (23 октября — 4 ноября 1942 г.) участвовало 80 тыс. немецко-фашистских войск, а под Сталинградом — свыше 1 млн. Под Эль-Аламейном немецкие и итальянские войска потеряли 55 тыс. человек и более 300 танков, тогда как под Сталинградом только в ходе контрнаступления Советской Армии с 19 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г. потери немецко-фашистских войск составили 800 тыс. солдат и офицеров, около 2 тыс. танков и штурмовых орудий и много другой боевой техники. Эти цифры говорят сами за себя. Операция английских войск под Эль-Аламейном ни по масштабам, ни по результатам не могла оказать серьезного влияния на общий ход войны. Это была победа местного значения, оказавшая воздействие лишь на обстановку в Северной Африке, где был задействован ограниченный контингент вооруженных сил фашистского блока. Не на этом театре, а на советско-германском фронте решалась судьба всей войны. В военное время это отлично сознавали в странах антигитлеровской коалиции. «Армия русских, — писал английский журналист Р. Сквайрс, — ее железное упорство, ее боевой дух и непреклонная воля уже давно вызывали восхищение и энтузиазм

¹ Ziemke E. Stalingrad to Berlin, p. 80, 119; Shenton J., Benson J., Jakoubek R. These United States. Boston, 1978, p. 570—572.

² 31 января 1943 г. калитулировала значительная часть группировки немецко-фашистских войск под Сталинградом и был взят в плен генерал-фельдмаршал Паулюс.

³ Der Zweite Weltkrieg, Bd. 2, S. 294.

⁴ Kehrigh M. Stalingrad, S. 9.

у наших солдат, но, узнав о победе на Волге, мы испытали также и чувство колоссального облегчения. Незадолго до того наши войска основательно победи Роммеля под Эль-Аламейном. Но эта победа была одержана в далеком Египте, вдали от тех районов, где сражались главные германские вооруженные силы. Весть о Сталинграде была первой вестью, знаменующей решительную победу над фашистской Германией. Мы понимали, что герои Сталинграда борются не только за Россию, но и за всю Европу, стоящую под игом нацизма, и за нас, англичан»¹.

Версия о «равноценности» сражения под Эль-Аламейном и битвы под Сталинградом настолько противоречит здравому взгляду на события, что встречает отпор даже со стороны отдельных буржуазных авторов. Западногерманский генерал Ф. Уле-Веттлер счел нужным отметить, что «поражение немцев под Эль-Аламейном в сравнении с масштабом их разгрома под Сталинградом не имело почти никакого значения»².

Совершенно необоснованны также попытки английской и американской историографии приравнять по своему значению к Сталинградской битве высадку англо-американских войск в Северной Африке в ноябре 1942 г. и их последующие боевые действия, завершившиеся пленением итало-немецкой группировки в Тунисе в мае 1943 г. Они умышленно умалчивают, что в то время 80 процентов вооруженных сил фашистской Германии действовало на советско-германском фронте, а в Северной Африке — лишь 1,5 процента, что отборные войска фашистской Италии — 8-я итальянская армия была скована, а затем уничтожена в районе Сталинграда. Французский историк М. Муран справедливо отмечает, что в период наступательных операций западных союзников в Северной Африке «судьба вермахта решалась под Сталинградом, и верховное главнокомандование вермахта думало в первую очередь о восточном фронте»³. Оно не имело возможности усилить свои войска в Северной Африке, без чего те не могли осуществить ни одного сильного контрудара против американских и английских войск. После поражения вермахта под Сталинградом руководство третьего рейха было бессильно удержать свои позиции в Северной Африке. В марте 1943 г. командующий немецкими экспедиционными войсками генерал-фельдмаршал Э. Роммель был отозван в Германию, потому что «Гитлер не хотел, чтобы вслед за Паулюсом попал в плен еще один немецкий фельдмаршал»⁴.

В буржуазной историографии доминирует утверждение, что в мае 1943 г. в Тунисе капитулировало 250 тыс. итало-немецких войск. Некоторые американские авторы для доказательства тези-

¹ Сквэйрс Р. Дорога войны: Записки английского офицера: Пер. с нем. М., 1952, с. 13.

² Uhle-Wettler F. Höhe und Wendepunkte deutscher Militärgeschichte. Mainz, 1984, S. 340.

³ Maurin M. Reddition sans conditions. Paris, 1973, p. 14.

⁴ Роковые решения, с. 211.

са о том, что успех англо-американских войск в Африке был «более результативным», чем победа Советской Армии под Сталинградом, увеличивают эту цифру до 275 тыс.¹ На самом деле пленных было значительно меньше. Несколько лет назад английский историк Б. Лиддел Гарт обратил внимание, что в немецких документах значится: к началу мая 1943 г. в немецко-итальянской группе армий «Африка» имелось 170—180 тыс. человек. «...Трудно понять, почему число пленных почти в полтора раза превышает указанную выше численность немецко-итальянских войск»², — пишет он. Согласно данным бывшего гитлеровского генерала Э. Вестфала, из их числа в плен попало 150 тыс. человек³. Определенную ясность в вопрос о потерях немецко-итальянских войск вносит английский историк А. Тейлор. «Союзники, — пишет он, — взяли в плен 130 тыс. человек, но впоследствии это число было раздуто до четверти миллиона»⁴. По официальным немецким данным, в Северной Африке потери вермахта составили 94 тыс. солдат и офицеров⁵.

Вермахт не понес в Африке чувствительных потерь, которые бы могли существенно повлиять на снижение его боевой мощи. Это признавал и командовавший экспедиционными силами США и Англии в Северной Африке генерал Д. Эйзенхауэр. В июне 1942 г. он писал в Вашингтон, что действия вверенных ему войск окажут весьма ничтожное влияние на ход борьбы Советского Союза⁶. Ставить в один ряд события в Северной Африке с битвой под Сталинградом — значит умышленно исказить историю вооруженной борьбы против фашизма.

Некоторые буржуазные авторы хотели бы вообще исключить Сталинградскую битву из числа важнейших событий второй мировой войны. «Сталинград, — заявляет английский историк А. Тейлор, — не был, как это часто утверждают, решающей битвой второй мировой войны. Лишь армии сателлитов — Румынии, Венгрии и Италии были разбиты и никогда не могли быть восстановлены. Но в марте 1943 г. немцы стояли уже на линии, с которой они начали свое наступление 1942 г. Они восстановили свой боевой дух и снова показали под Харьковом, что они являются хозяевами на поле сражения»⁷.

Пытаясь свести значение исторической победы советских войск под Сталинградом лишь к кратковременному подрыву боевого духа гитлеровцев, Тейлор грубо фальсифицирует историю. Сталин-

¹ Beitzell R. The Uneasy Alliance. New York, 1972, p. 65—66; Wilz J. Modern American History. Philadelphia, 1978, p. 574.

² Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война, с. 412.

³ См.: Рокровые решения, с. 211.

⁴ Taylor A. The Second World War, p. 172.

⁵ См.: Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933—1945, т. 3, с. 131.

⁶ The Papers of Dwight D. Eisenhower. The War Years. Baltimore and London, 1970, vol. 1, p. 347.

⁷ Taylor A. The Second World War, p. 167—168.

градская битва для третьего рейха представляла прежде всего невозможный подрыв военной мощи, который обусловил неизбежность его поражения. Ссылка же на события под Харьковом является несостоятельной. Хотя немецко-фашистскому командованию в конце февраля — начале марта 1943 г. и удалось организовать кратковременное контрнаступление группы армий «Юг» и вытеснить передовые советские части из освобожденного ими Харькова, но вернуть стратегическую инициативу оно не смогло. Вражеская группировка весной 1943 г. была очень скоро обескровлена и оставлена советскими войсками на Северском Донце и в районе Белгорода, а затем перешла в глухую оборону. Вопреки утверждению А. Тейлора, хозяевами положения на поле боя гитлеровцы так и не стали. Примечательно, что ведущий орган западногерманских милитаристов журнал «Веркунде» в некрологе бывшему командующему группы армий «Юг» Д. Манштейну все же отметил, что весной 1943 г. в районе Харькова ему удалось добиться лишь «оборонительной победы»¹.

Никакие потуги фальсификаторов не в состоянии опровергнуть того факта, что советский народ и его Вооруженные Силы внесли решающий вклад в создание коренного перелома в ходе второй мировой войны в пользу антигитлеровской коалиции. Советская Армия в ходе зимней кампании 1942/43 г. осуществила наступление на огромном пространстве от Балтики до предгорий Главного Кавказского хребта на глубину 600—700 километров, разгромила вражеские войска под Сталинградом, нанесла тяжелое поражение противнику на Северном Кавказе, на Среднем и Верхнем Дону, в районе Воронежа, прорвала блокаду Ленинграда. При этом наибольшим успех был достигнут на южном крыле советско-германского фронта, где советские войска очистили от врага более 480 тыс. квадратных километров территории, вызволили из фашистской неволи миллионы советских людей.

Важным итогом зимнего наступления 1942/43 г. явилось выдвижение советских армий в район западнее Курска и отражение вражеских ударов на этом участке фронта. Сложившийся в ходе сражений Курский выступ послужил исходным плацдармом для последующих операций на орловском и харьковском направлениях.

С начала контрнаступления под Сталинградом в ноябре 1942 г., которое переросло в общее наступление Советской Армии, продолжавшееся до конца марта 1943 г., было разгромлено более 100 дивизий противника. Гитлеровцы потеряли убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести около 1,7 млн. солдат и офицеров, лишились 24 тыс. орудий, свыше 3,5 тыс. танков и 4,3 тыс. самолетов². Тем самым была подорвана военная мощь фашистской Германии и созданы условия для завершения начавшегося перелома в войне.

¹ Wehrkunde, 1973, Hft. 4, S. 102.

² См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 6, с. 467.

«С политической точки зрения, — пишет Д. Эрикссон, — победа под Сталинымградом имела далеко идущее значение, работая как мощный реактор, воздействуя на все последующие события войны на восточном фронте и в целом». Оценивая международное значение победы, ее кардинальное воздействие на общую военно-политическую обстановку в мире, автор указывает, что «Муссолини был низвергнут, немедленно обострились германо-японские отношения, а Турция должна была считаться с Советским Союзом как потенциальным победителем в войне»¹.

С весны 1943 г. Советская Армия, захватив стратегическую инициативу, приступила к подготовке новых решающих операций, которые ей предстояло осуществить летом 1943 г.

Выражая чаяния всего советского народа, Центральный Комитет Коммунистической партии накануне 1 Мая 1943 г. обратился к защитникам Родины со следующими словами: «Воины Красной Армии! Вас ждут, как освободителей, миллионы советских людей, называющих под немецко-фашистским игом. Вперед на Запад, за освобождение Советской земли!»²

Коммунистическая партия предпринимала энергичные меры для дальнейшего укрепления Советских Вооруженных Сил. Благодаря этому действующая армия после завершения зимнего наступления 1943 г. превосходила войска фашистской Германии и ее союзников на советско-германском фронте по личному составу в 1,1 раза, орудиям и минометам — в 1,7 раза, танкам и САУ — в 1,4 раза, боевым самолетам — в 2 раза³.

С марта 1943 г. Ставка Верховного Главнокомандования работала над планом нового стратегического наступления. Исходя из того, что Советская Армия завладела инициативой и достигла превосходства над противником в силах и средствах, накопила большой опыт проведения крупных наступательных операций, первоначально намечалось открыть новую кампанию широкими наступательными действиями, нанося главный удар на юго-западном направлении, а второй удар — на западном. Ставилась задача: разгромить основные силы группы армий «Юг» и «Центр», сокрушить вражескую оборону на фронте от Смоленска до Черного моря, освободить важнейшие экономические районы Левобережной Украины, завершить освобождение районов Центральной России и всего Северного Кавказа.

Предполагалось, что советские войска первыми перейдут в наступление. Однако в середине апреля Ставка ВГК пересмотрела способ намеченных действий. Причиной тому явились данные советской разведки о том, что немецко-фашистское командование планирует провести стратегическое наступление на Курском выступе, то есть на участке советско-германского фронта, выдвинутом к западу от Курска. Ставка приняла решение намотать противника мощной обороной, а затем перейти в контрнаступление.

¹ Erickson J. The Road to Berlin, p. 43.

² Правда, 1943, 25 апр.

³ См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1976, т. 7, с. 34.

ние и разгромить его. Произошел редчайший в истории войн случай, когда сильнейшая сторона, владея стратегической инициативой, преднамеренно предпочла начать боевые действия не наступлением, а обороной. Развитие событий показало, что этот смелый замысел был абсолютно правильным.

Начавшемуся 5 июля 1943 г. наступлению немецко-фашистских войск против северного и южного фасов Курского выступа советское командование противопоставило прочную активную оборону. Ударная группировка, наносившая удар на Курск с севера, утратила наступательные возможности уже через четыре дня. Ей удалось вклиниться в оборону советских войск всего на 10—12 километров. Группировка, наносившая удар на Курск с юга, продвинулась на 35 километров, но намеченной цели не достигла. 12 июля начался новый этап Курской битвы. Советские войска, измотав противника, сами перешли в решительное контр-наступление. К 23 августа они отбросили немецко-фашистские войска на запад на 140—150 километров, освободили Орел, Белгород и Харьков.

Курская битва убедительно показала полное банкротство наступательной стратегии вермахта. Фашистские войска потеряли 30 отборных дивизий, в том числе 7 танковых, свыше 500 тыс. солдат и офицеров, 1,5 тыс. танков, свыше 3,7 тыс. самолетов, 3 тыс. орудий. Соотношение сил на фронте резко изменилось в пользу Советской Армии, что обеспечило ей благоприятные условия для развертывания общего стратегического наступления. Победой под Курском с последующим выходом советских войск к Днепру завершился коренной перелом в ходе второй мировой войны. Фашистская Германия и ее союзники были вынуждены перейти к обороне на всех театрах мировой войны.

В буржуазной историографии послевоенного периода долгое время замалчивалась великая победа Советской Армии под Курском. В книгах о минувшей войне, вышедших на Западе в 50—60-е годы, в том числе таких, как «Роковые решения», написанной группой бывших высокопоставленных гитлеровских военных деятелей, «Вторая мировая война», принадлежащей перу западногерманского историка Г. Дамса, «Проигранные и выигранные сражения» Х. Болдуина, о Курской битве не было сказано ни слова.

В последние годы положение несколько изменилось. Битве под Курском были посвящены специальные монографии. В ФРГ изданы книги Э. Клинка «Стратегическая инициатива. Операция «Цитадель». 1943 год» и Я. Пикалькевича «Операция «Цитадель». Курск и Орел», в США — книги Дж. Джукса «Курск: Столкновение брони» и М. Кейдина «Тигры горят»¹.

¹ Klink E. Das Gesetz des Handelns. Die Operation „Zitadelle“ 1943. Stuttgart, 1966; Jukes G. Kursk: The Clash of Armor. New York, 1969 (Дж. Джукс живет и работает в Австралии); Caidin M. The Tigers are Burning. New York, 1974; Piekalkiewicz J. Unternehmen „Zitadelle“. Kursk und Orel. Bergisch Gladbach, 1983.

Кроме того, анализ буржуазной военной историографии показывает, что под воздействием советских трудов о Великой Отечественной войне на Западе появляются некоторые рациональные моменты в освещении Курской битвы.

Так, если книга Э. Клинка преимущественно носит описательный характер (в ней нет даже данных о понесенных вермахтом под Курском потерях), то книга Дж. Джукса уже содержит отдельные обобщения. Осповательно изучив действия советской стороны, автор приходит в общем к правильному выводу о том, что решение немецкого командования на проведение операции «Цитадель» было принято без всестороннего учета оперативно-стратегической обстановки и явилось стратегической ошибкой¹. При этом он не пытается приписать эту ошибку одному Гитлеру. Он делает вывод, что после Курска «стратегическая инициатива полностью и необратимо перешла в руки Советов и ни один из ответственных немецких генералов больше уже никогда не помышлял захватить ее вновь»². Тем не менее общая тональность книги Джукса носит антисоветский характер. Анализ влияния битвы под Курском на завершение коренного перелома в войне в пользу антигитлеровской коалиции автор подменяет домыслом о том, что события на советско-германском фронте летом 1943 г. открыли путь на Запад силам, грозившим «уничтожить европейскую цивилизацию»³.

Вышедшая на Западе специальная монография о Курской битве, принадлежащая американскому историку М. Кейдину, также содержит немало избитых штампов антисоветского характера. Вместе с тем он считается в определенной степени с основными документами, относящимися к Курской битве, изучил многие труды советских историков, критически оценивает мемуары бывших гитлеровских генералов.

На основе исследования планов наступления вермахта на лето 1943 г. М. Кейдин приходит к выводу, что составители этих планов вслед за операцией «Цитадель» намеревались предпринять «новое гигантское наступление на Москву», затем захватить Швецию и перебросить войска для разгрома англо-американских сил в случае их вторжения в Италию. Имея все это в виду, М. Кейдин констатирует, что «под Курском должна была решиться не только судьба русских, но и войны в целом»⁴.

Представляют определенный интерес приводимые автором данные о соотношении сил к началу немецко-фашистского наступления. Он считает, что по количеству танков и самолетов силы сторон были примерно равны. По его подсчетам, гитлеровские армии имели 3,2 тыс. танков и штурмовых орудий и 2,5 тыс. самолетов. Следовательно, несмотря на понесенные ранее потери, «вермахт

¹ Jukes G. Kursk: The Clash of Armor, p. 157.

² Ibidem.

³ Ibid., p. 157.

⁴ Caldwell M. The Tigers are Burning, p. 4—8.

сохранил стальное зубило огромной мощи для наступления на Курской дуге... Гитлер и многие его генералы были уверены в успехе»¹.

Автор признает превосходство советской полководческой мысли, своевременно разгадавшей замысел противника и разработавшей наиболее эффективный план ведения летней кампании 1943 г.

Он называет в этой связи имена Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского, Н. Ф. Ватутина и других советских военачальников. «Мы тоже, — пишет он, — имели крупных военных деятелей. Привлекает к себе внимание генерал Джордж Паттон. Есть фельдмаршал Монтгомери и генерал Дуглас Макартур... Но среди молодежи, для которой вторая мировая война является далекой историей, мало кто знает Георгия Жукова... полководца, стоящего над ними, мастерски овладевшего искусством ведения массовых войн двадцатого века»². Анализируя доклады командующих фронтами К. К. Рокоссовского и Н. Ф. Ватутина о предполагаемом характере действий немецко-фашистских войск, М. Кейдин подчеркивает, что они «блестяще раскрыли возможности и намерения противостоящего каждому из них противника»³.

Рассматривая ход и итоги битвы под Курском, М. Кейдин делает вывод, что в ней вермахт потерпел «катастрофу невообразимых размеров», в результате которой был «сломан хребет более чем ста немецко-фашистским дивизиям». Намекая на свое несогласие с отрицающими этот факт битвыми гитлеровскими генералами, автор не без сарказма замечает: «Они будут рассказывать вам о блестящих арьергардных боях, но не признают, что эти бои означают не победу, а поражение... Значение Курской битвы состоит в следующем: когда раздался последний выстрел, движущие силы войны находились под контролем русской армии, и теперь уже она диктовала, когда, где и как эту войну вести...»⁴.

Книга Я. Пикалькевича о битве под Курском весьма противоречива. В ней встречаются отдельные верные суждения о советском военном искусстве, проявившемся в ходе этой битвы, о катастрофических последствиях ее результатов для вермахта. В то же время автор пытается убедить читателей в том, что Красная Армия лишь под Курском впервые сумела вырвать у врага стратегическую инициативу. Поэтому он голословно отрицает влияние разгрома отборных войск гитлеровской Германии и ее союзников под Сталинградом на ход дальнейшей вооруженной борьбы на советско-германском фронте⁵. В действительности же Советская Армия полностью завладела стратегической инициативой в битве под Сталинградом и окончательно закрепила ее за собой в битве под Курском. Одной из наиболее широко распространенных на Западе версий, призванных принизить историческое значение

¹ Caldwell M. The Tigers are Burning, p. 85—89.

² Ibid., p. 97—98.

³ Ibid., p. 108.

⁴ Ibid., p. 26.

⁵ Piekalkiewicz J. Unternehmen «Zitadelle», S. 7, 270, 273.

Курской битвы, является версия о том, что немецкое командование при проведении операции «Цитадель» не преследовало каких-либо крупных стратегических целей. Э. Клинк (ФРГ), Э. Зимке (США), А. Ситон и М. Говард (Англия) и другие заявляют, что немецко-фашистское командование, планируя операцию «Цитадель», стремилось не к захвату утраченной стратегической инициативы, а намеревалось провести под Курском только «ограниченное наступление», с тем чтобы частично ослабить наступательную мощь Советской Армии и тем самым укрепить собственную стратегическую оборону¹. Отстаивая эту версию, они уклоняются от анализа немецких источников, которые ей противоречат. В этом отношении весьма показательна книга Э. Клинка. В самом ее начале автор утверждает, что операция «Цитадель» преследовала ограниченные цели, а в приложении приводит документы, которые это утверждение опровергают. К числу таких документов относится, например, обращение Гитлера к солдатам ударных группировок, зачитанное им в ночь перед наступлением. В нем прямо говорилось, что начинается «великое наступательное сражение», которое «потреплет до основания» Советскую Армию и окажется «решающее влияние на исход войны в целом»². Истинные цели операции «Цитадель» раскрываются и в других немецких документах. Так, в опубликованном военном дневнике штаба верховного главнокомандования вермахта имеется оперативный приказ гитлеровской ставки на операцию «Цитадель», в котором сказано следующее: «Оно (наступление под Курском. — Прим. авт.) должно обеспечить нам инициативу предстоящей весной и летом текущего года. Лучшие соединения, лучшее оружие, лучшие командиры должны быть введены в дело на главном направлении. Каждый командир, каждый солдат должен проникнуться мыслью о решающем значении этого наступления. Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира»³.

Эти документы являлись руководством к действию для командования и войск вермахта. К началу операции «Цитадель» перед Курским выступом было сосредоточено 50 отборных дивизий, в том числе 16 танковых и моторизованных, 3 отдельных танковых батальона и 8 дивизионов штурмовых орудий, что составило около 70 процентов танковых, до 30 процентов моторизованных и более 20 процентов пехотных дивизий общего количества соединений, находившихся на советско-германском фронте. Всего группировка гитлеровцев на курском направлении насчитывала свыше 900 тыс. солдат и офицеров, около 10 тыс. орудий и минометов, 2,7 тыс. танков и штурмовых орудий, свыше 2 тыс. самолё-

¹ Klink E. Das Gesetz des Handelns. Die Operation „Zitadelle“ 1943. Stuttgart, 1966, S. 7, 11; Ziemke E. Stalingrad to Berlin, p. 124; Seaton A. The Russo-German War 1941—1945, p. 354.

² Klink E. Das Gesetz des Handelns. Die Operation „Zitadelle“ 1943, S. 329—330.

³ Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtsführungsstab). Frankfurt a/M., 1963, Bd. 3, S. 1425 (далее —КТВ/ОКВ).

тов¹. Под Курск были направлены почти все произведенные в Германии к июлю 1943 г. новые типы танков «тигр» и «пантера», самоходные орудия «фердинанд». Авиационные части, предназначенные для поддержки наступления, были пополнены новыми истребителями «Фокке-Вульф-190 А», штурмовиками «Хеншель-129» и модернизированными бомбардировщиками «Хейнкель-111». Не нужно быть даже специалистом, чтобы понять, что подобные группировки создаются отнюдь не для ограниченного, а для крупного стратегического наступления.

Другим наиболее широко распространенным приемом принижения роли Советской Армии в срыве операции «Цитадель» является версия о том, что высадившиеся 10 июля 1943 г. американско-английские войска в Сицилии вынудили немецкое командование отказаться от наступательных замыслов на Востоке.

Английский историк А. Ситон пишет: «13 июля Манштейн и Клюге были информированы о решении фюрера прекратить наступление «Цитадель» и перебросить несколько дивизий, включая танковый корпус СС, в Западную Европу... Вывод танкового корпуса СС из группы армий «Юг» принял форму изнуряющего сражения»². Американский историк Г. Солсбери, отмечая, что «Курск изменил историю», также пытается приписать провал операции «Цитадель» прежде всего действиям англо-американских войск. «Гитлер, — пишет он, — повернул (под Курском. — *Прим. авт.*) назад, чтобы отразить вторжение союзников на Сицилию»³.

Историк из ФРГ А. Хильгрубер утверждает, что Гитлер отдал 13 июля 1943 г. приказ о прекращении операции «Цитадель», чтобы высвободить резервы для обороны на Апеннинском полуострове⁴.

Но и эта версия не соответствует правде. Немецкие документы свидетельствуют, что в день высадки американско-английских войск Гитлер отдал приказ продолжать операцию «Цитадель»⁵. На следующий день немецко-фашистские войска предприняли новые попытки прорваться к Курску. Изменив направление главного удара, они ввели в сражение новые танковые соединения, но добиться успеха не смогли. После того как советские войска перешли в контрнаступление на орловском направлении и нанесли решительный контрудар под Прохоровкой по ударной группировке противника, равнявшейся к Курску с юга, некоторым немецким генералам стало ясно, что летнее наступление вермахта на Востоке потерпело провал. Однако, как свидетельствует бывший начальник генерального штаба сухопутных войск Германии К. Цейтцлер, Гитлер продолжал настаивать на продолжении наступления на Курск⁶. Лишь 19 июля, после семи дней успешного

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 7, с. 144.

² Seaton A. The Russo-German War 1941—1945, p. 365.

³ Salisbury H. The Unknown War, p. 159.

⁴ Hillgruber A. Der 2. Weltkrieg. Stuttgart, 1983, S. 122.

⁵ КТВ/ОКВ, Bd. 3, S. 765.

⁶ См.: Проэктор Д. М. Агрессия и катастрофа, с. 496.

контрнаступления советских войск, когда возникла угроза окружения орловской группировки гитлеровцев, немецкое командование окончательно пришло к выводу о том, что продолжать операцию «Цитадель» бесполезно¹.

Эти факты свидетельствуют, что не высадка войск западных союзников в Сицилии заставила немецко-фашистский вермахт забыть о своих наступательных планах на Востоке, а только героическая борьба Советской Армии. Однако эту истину признают на Западе лишь отдельные историки. К их числу можно отнести английского историка М. Арнольд-Форстера. В своей книге «Мир в войне» он отмечает, что «причина прекращения наступления под Курском заключалась в том, что русские угрожали уничтожением семнадцати из девятнадцати танковых дивизий, которые Германия развернула на Восточном фронте»².

Высадка войск США и Англии в Сицилии была успешной только благодаря тому, что почти все силы вермахта летом 1943 г. были скованы на советско-германском фронте. Готовясь к операции «Цитадель», немецкое командование не уделяло внимания укреплению обороны в Италии. На острове Сицилия находились только 2 немецкие и 10 малобоеспособных итальянских дивизий, личный состав которых был деморализован и не желал продолжать войну в интересах фашистского режима³. После высадки англо-американских войск в Сицилии итальянцы капитулировали без боя. Из более чем 220 дивизий, находившихся на советско-германском фронте, на Запад была переброшена в августе только одна потрепанная дивизия в обмен на прибывшую оттуда свежую. В сентябре — октябре 1943 г. на восполнение громадных потерь в Курской битве немецкому командованию пришлось направить из Западной Европы на Восток еще 19 дивизий и бригаду⁴.

В победу в битву под Курском большой вклад внесли советские летчики. В ожесточенных боях они полностью захватили господство в воздухе. «С 1943 г., — писал бывший фашистский генерал К. Типпельскирх, — уже никакими способами невозможно было ликвидировать безраздельное господство авиации противника в воздушном пространстве над районами боевых действий...»⁵

Буржуазные историки не смеют отрицать, что в битве под Курском советская авиация одержала важную победу. «Во время последнего немецкого наступления под Курском летом 1943 г., — пишет, например, американский историк Р. Берман, — советские Военно-Воздушные Силы, располагавшие новыми истребителями и лучше подготовленными пилотами, сумели причинить столь

¹ КТВ/OKW, Bd. 3, S. 804.

² Arnold-Forster M. The World at War, p. 146.

³ Garland A. and Smyth H. The Mediterranean Theater of Operations; Sicily and Surrender of Italy. Washington, 1965, p. 80—81.

⁴ См.: Колтунов Г., Соловьев Б. Курская битва. М., 1970, с. 251.

⁵ Типпельскирх К. История второй мировой войны, с. 484.

крупный урон германской авиации в ходе так называемых самостоятельных воздушных операций, что вскоре после битвы русские стали претендовать на господство в воздухе. Новые успехи были одержаны на Правобережной Украине, в Белорусской, Яско-Кишиневской, Висло-Одерской и Берлинской операциях»¹.

Однако это вынужденное признание Берман сопровождает различными оговорками, спекуляциями на том факте, что в связи с активизацией действий бомбардировочной авиации США и Англии против фашистской Германии немецкое командование в 1943 г. стало больше уделять внимания укреплению своих военно-воздушных сил на Западе. Он заявляет, что после Сталинградской битвы решающим фактором, повлиявшим на ход борьбы в воздухе на советско-германском фронте, «был... не какой-то заслуживающий особого внимания тактический успех советских ВВС, а изъятие трети германской авиации для борьбы на Западном фронте»². Кроме Бермана эту точку зрения разделяют многие другие буржуазные историки. Они упрямо игнорируют факты, свидетельствующие о решающей роли советских ВВС в ослаблении воздушной мощи фашистской Германии. А факты против них.

Так, историк из ГДР О. Грёлер в своей книге «История воздушной войны» указывает, что, несмотря на большие потери самолетов в борьбе против СССР, немецкому командованию до Курской битвы включительно удавалось сохранять неизменной численность военной авиации на советско-германском фронте путем восполнения потерь за счет парашивания производства самолетов и перебросок авиачастей из Западной Европы. Изменялось лишь соотношение между силами немецкой авиации, находившейся на различных фронтах. «Если в июне 1941 г. на советско-германском фронте было сконцентрировано две трети сил люфтваффе, — пишет он, — то в середине 1943 г. — около 50 процентов, однако без уменьшения численности. Немецкие ВВС были усилены на Средиземноморье (с 7 до 15 процентов), в ПВО (с 8 до 15 процентов), на Балканах (с 0,2 до 5 процентов), в Норвегии (с 3 до 4 процентов). В то же время немецкие воздушные силы во Франции... уменьшились с 15 до 11 процентов»³. Далее О. Грёлер указывает, что высадка американских и английских войск в Сицилии в июле 1943 г. никак не повлияла на изменение соотношения сил в воздухе на советско-германском фронте. Находившийся в Италии 2-й немецкий воздушный флот был усилен тогда восьмью бомбардировочными авиагруппами и одной скоростной бомбардировочной эскадрой, прибывшими из Франции⁴.

Таким образом, ни о каком решающем влиянии на исход борьбы в воздухе под Курском действий вооруженных сил США

¹ Berman R. Soviet Air Power in Transition. Washington, 1978, p. 5.

² Ibidem.

³ Groehler O. Geschichte des Luftkriegs, S. 374—375.

⁴ Ibid., S. 375.

и Англии в Западной Европе не может быть и речи. Чтобы окончательно внести ясность в этот вопрос, следует сказать о том, что авиация США за весь 1942 год в войне против Германии вывела из строя всего 327 немецких самолетов, а это в 10 раз меньше, чем было уничтожено советской авиацией в битве на Курской дуге¹.

Некоторые буржуазные историки пытаются приуменьшить героизм и боевое мастерство советских войск под Курском ссылаясь на их численное превосходство над противником. Американский историк Э. Зимке объясняет провал операции «Цитадель» тем, что во время боев на Курской дуге десять бойцов Красной Армии приходилось на одного фашистского солдата². По подсчетам американского историка Дж. Стоксбери, «русские имели превосходство в людях четыре к одному»³. Летом 1943 г. Советская Армия превосходила противника на всем советско-германском фронте по личному составу в 1,2 раза, по танкам и САУ — в 1,7, по орудиям и минометам — в 1,9, по самолетам — в 3,4 раза⁴. На курском направлении, где советское командование, заранее зная о намерении противника, укрепило оборону, соотношение сил к началу июля было в пользу Советской Армии, которая превосходила противника по личному составу в 1,4 раза, по танкам и САУ — в 1,2, по артиллерии — в 1,9 раза. По боевым самолетам соотношение было 1:1⁵. Превосходство в этом районе не достигало необходимого соотношения сил, которое предусматривалось по общепринятым в годы второй мировой войны взглядам для проведения наступательных операций. И тем не менее советское командование сумело перейти от преднамеренной обороны к решительному наступлению и добиться успеха.

Среди части буржуазных историков наблюдается тенденция трактовать Курскую битву лишь как «величайшее танковое сражение войны». Курская битва действительно была величайшим танковым сражением второй мировой войны. Но не только. Объективно исследующий события историк отметит прежде всего точность заблаговременного определения мер, направленных на срыв замысла противника, высокую степень взаимодействия видов и родов войск Советских Вооруженных Сил, массовый героизм и боевое мастерство советских воинов, целеустремленную и эффективную партийно-политическую работу, без чего нельзя было бы достичь столь выдающейся победы.

А. Ситон пишет о том, что операция «Цитадель» провалилась из-за плохо продуманного плана и неоднократных отсрочек его выполнения, приведших к потере внезапности, называет «сомнительной мудростью» идею атаки против сильного противника на хорошо оборудованных оборонительных позициях. Завершает он

¹ См.: Международный военно-исторический журнал, 1979, № 44, с. 169.

² Ziemke E. Stalingrad to Berlin. p. 141.

³ Stokesbury J. A Short History of World War II, p. 241.

⁴ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 7, с. 114.

⁵ См. там же, с. 144.

эти рассуждения выводом о том, что «Гитлер и Геринг никогда не представляли до конца сущность борьбы на Восточном фронте»¹. Все это не что иное, как очередная попытка объяснить провал операции ошибками Гитлера и его ближайшего окружения. Так, М. Кейдин считает, что за поражение вермахта под Курском несет ответственность один Гитлер, поскольку «все другие были исполнителями его желаний и целей»². М. Арнольд-Форстер на примере Курской битвы усматривает тот случай, «когда Гитлер сам себе причинил зло тем, что отсрочил начало операции». «Поражение Гитлера не было бы столь серьезным, — утверждает он, — если бы он не дождался, пока не будет собрана большая масса танков, в том числе много новых»³.

Исследования советских историков показывают, что к планированию летней кампании вермахта на 1943 год привлекался широкий круг высших военных деятелей из штаба верховного главнокомандования и из генерального штаба сухопутных войск, а также командующие группами армий на советско-германском фронте и штабы некоторых армий, вошедших позднее в состав наступавших под Курском ударных группировок⁴. Таким образом, непосредственную ответственность за весь ход планирования, подготовки и организации операции «Цитадель» несут вместе с Гитлером Кейтель, Манштейн, фон Клюге, Модель, Цейтлер, Йодль и др.

Ошибки нацистских стратегов, конечно, сыграли определенную роль в исходе Курской битвы. Однако источником победы Советской Армии явились прежде всего несокрушимая мощь Вооруженных Сил СССР, боевое мастерство и негибаемый дух советских воинов, обусловленные общим превосходством социалистической военной организации, мудрым руководством вооруженной борьбой со стороны Коммунистической партии, сплотившей и поднявшей многомиллионный советский народ на защиту своей социалистической Родины.

Тенденциозное освещение реакционными авторами битв под Москвой, Сталинградом, Курском, других победоносных операций Советских Вооруженных Сил — это не только искажение конкретных событий на советско-германском фронте, принижающее их значение, но и составная часть разработанной буржуазными учеными версии, имеющей целью доказать, что основной вклад в достижение победы над фашистским блоком внесли вооруженные силы США и Англии. Для подтверждения этого они непомерно преувеличивают роль всех более или менее заметных успехов англо-американского оружия. Такой подход к освещению войны ныне господствует в западной историографии. Вот уже около двадцати лет пропагандируется антинаучная теория «решающих битв» и «поворотных пунктов» второй мировой войны,

¹ Seaton A. The Russo-German War 1941—1945, p. 368.

² Caidin M. The Tigers are Burning, p. 5, 172.

³ Arnold-Forster M. The World at War, p. 145.

⁴ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 7, с. 121—125.

согласно которой исход всей войны был predetermined не поражением главных сил фашизма на советско-германском фронте, а целым комплексом проигранных им битв и военных кампаний в самых различных частях света. Приверженцы этой теории отдадут предпочтение Тихоокеанскому и Северо-Африканскому театрам военных действий, где действовали американские и английские войска. Их не смущает то обстоятельство, что войска западных союзников достигали по сравнению с Советской Армией лишь ограниченных результатов, что действовали они большей частью в тех районах земного шара, утрата которых не представляла какой-либо непосредственной угрозы поражения странам фашистского блока.

Теория «решающих битв» была изобретена в Пентагоне и госдепартаменте США в начале 60-х годов. Впервые один из ее вариантов был изложен в книге военного редактора газеты «Нью-Йорк таймс» Х. Болдуина «Проигранные и выигранные битвы. Великие кампании второй мировой войны». В ней к числу «великих кампаний», которые определили ход всей войны, отнесены сражения в Польше 1939 г., битва за Англию, борьба за остров Крит, оборона американской крепости на острове Коррехидор, Сталинградская битва, бои за атолл Тарава, десантные операции войск западных союзников в Сицилии и Нормандии, морское сражение в заливе Лейте, сражение в Арденнах, захват японского острова Окинава¹.

Таким образом, в один ряд поставлены совершенно различные по своему масштабу и значению события. Включение большинства из них в число «великих кампаний» второй мировой войны продиктовано стремлением поднять престиж вооруженных сил капиталистических стран — участниц антигитлеровской коалиции, прежде всего США и Англии. При этом игнорируются такие необходимые критерии военных кампаний, как количество и качество задействованных в них сил и средств, напряженность, пространственный и временной размах боевых действий, материальный и моральный ущерб, нанесенный противнику, и главное — вытекающие из всего этого политические и стратегические результаты.

Возьмем, к примеру, «битву за Англию», где действовали английские вооруженные силы. Она играла немаловажную роль в ходе первого периода второй мировой войны, который был своеобразной «разведкой сил» в общем ее масштабе. За редчайшим исключением, буржуазные историки умалчивают о том, что Англию от катастрофы в конечном итоге спас поворот гитлеровской агрессии на Восток, против СССР. Бой за остров Крит — важный стратегический пункт в восточной части Средиземного моря, несмотря на сопротивление английских войск, закончился для них поражением. Агрессор захватил стратегический плацдарм,

¹ Baldwin H. Battles Lost and Won: Great Campaigns of World War II. New York, 1966.

удобный для развития наступления на Средиземном море. Сопротивление английских войск в 1940—1941 гг., носившее ограниченный характер, практически не повлияло на непосредственную подготовку гитлеровской Германии к войне против Советского Союза.

Еще меньше оснований для включения в число «великих битв» имеется для названных Х. Болдуином некоторых эпизодов, связанных с действиями американских войск. Так, бои за остров-крепость Коррехидор на Филиппинах выделены на том основании, что 12-тысячный американский гарнизон с января до мая 1942 г. оказывал сопротивление японским войскам и только после этого капитулировал. Проявленная американским гарнизоном стойкость в фактически безнадёжном положении отмечается и в трудах советских историков. Однако нет никаких причин для преувеличения роли этих боев, которые не оказали никакого влияния даже на ход борьбы за Филиппины, не говоря уже о всей второй мировой войне.

К «великим битвам» Х. Болдуин относит бои за атолл Тарава, которые, по утверждению другого американского историка — С. Морисона, стали «фундаментом победы в 1945 году»¹. Бои за атолл Тарава велись ограниченными силами в течение трех дней. Можно лишь согласиться, что захват этого острова стоил американцам недешево. 15-тысячный американский десант, несмотря на поддержку авиации и корабельной артиллерии, потерял более 3 тыс. человек, из них около 1 тыс. убитыми². По сравнению с потерями американских войск при высадке на другие острова Гилберта, где японцы почти не оказывали сопротивления, эти потери выглядели разительным контрастом, что явилось результатом грубых просчетов в организации и проведении десантной операции.

Едва ли не у каждого буржуазного автора — свое количество «решающих битв». Так, американский историк Т. Кармайкл к событиям, которые «изменили мир», относит сражение за остров Гуадалканал на Тихом океане, сражение у Эль-Аламейна, высадку англо-американских войск в Северной Африке и лишь затем Сталинградскую битву³. Английский историк Г. Моль считает тринадцать «великих битв»: Дюнкерк, битву за Британию, Мидуэй, Гуадалканал и т. д. Среди них он называет только две битвы, состоявшиеся на советско-германском фронте, — битву под Москвой и Сталинградскую⁴.

Существуют и другие варианты, что является следствием несостоятельности самой теории «решающих битв». Между тем от нее отпочковалась теория «поворотных пунктов» войны. Согласно западногерманскому автору Г. Квинту, число поворотных

¹ Цит. по: Лидделл Гарт Б. Вторая мировая война, с. 485.

² См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 7, с. 452—453.

³ Carmichael T. The Ninety Days: Five Battles that Changed the World. New York, 1971.

⁴ Maule H. The Great Battles of World War II. Chicago, 1973.

пунктов, приведших к гибели фашистскую Германию, было шесть. Это отказ Гитлера от проведения операции «Морской лев» с целью оккупации Британских островов, битва под Москвой, сражение при Эль-Аламейне, воздушное наступление англо-американской авиации против Германии, вторжение западных союзников в Северную Африку и в Северную Францию¹. По мнению Г.-А. Якобсена, «поворотных пунктов», ознаменовавших собой крах наступательной стратегии фашистского блока, было семь: морское сражение у острова Мидуэй, бои за остров Гуадалканал, операции английских и американских войск под Эль-Аламейном, в Тунисе и Марокко на Северо-Африканском театре военных действий, пятая фаза битвы за Атлантику и лишь потом победа советских войск под Сталинградом². Французский историк Р. Ремон насчитывает пять таких «поворотных пунктов», но в другом варианте: Эль-Аламейн, прорыв английских войск в Триполитании, высадка англо-американских войск в Северной Африке, Сталинградская битва и морское сражение в Коралловом море³. Английские историки А. Уайкс и Дж. Фуллер к событиям, обусловившим поворот в войне, относят победу английских войск под Эль-Аламейном, победу американского флота в сражении у острова Мидуэй и Сталинградскую битву⁴. Внес свою лепту в эту «теорию» и Б. Питт. Он, правда, более осторожен. «Сталинград, Курск, Аламейн и Мидуэй были поворотными пунктами во второй мировой войне», — пишет Питт и подкрепляет свое утверждение свидетельством бывшего гитлеровского генерала: «После Сталинграда мы знали, что нам войны не выиграть, а после Курска мы знали, что ее проиграем»⁵. Таким образом, к числу важнейших событий, предопределивших как коренной перелом в войне, так и ее исход в целом в пользу антигитлеровской коалиции, буржуазные историки, как правило, относят победы, одержанные американскими и английскими войсками.

Между тем факты свидетельствуют о том, что боевые действия англо-американских войск в 1942—1943 гг. не оказали и не могли оказать значительного влияния на изменение хода второй мировой войны в целом, поскольку в них участвовало ограниченное количество сил и средств и происходили они в Северной Африке или на Тихом океане, в районах, удаленных от основных держав фашистского блока на многие сотни и тысячи километров. Эти операции западных союзников отвлекали ограниченные силы немецко-фашистских и японских войск, поэтому и не мог-

¹ Quint H. Die Wendepunkte des Krieges. Stuttgart, 1954.

² Jacobsen H.-A., Dollinger H. Der Zweite Weltkrieg in Bildern und Dokumenten. München, 1968, Bd. 5, S. 9.

³ Remond R. Introduction à l'histoire de notre temps. Paris, 1974, t. 3., Le XX-e siècle de 1914 à nos jours, p. 166.

⁴ Wykes A. 1942: The Turning Point. London, 1972; Fuller J. The Conduct of War 1789—1961. London, 1961.

⁵ Great Battles of the 20th Century, p 3.

ли подрывать военной мощи стран фашистского блока. Даже тогда, когда борьба на советско-германском фронте достигла критической фазы, когда там решалась судьба войны, войска западных союзников в соответствии с периферийной стратегией своего командования все еще готовили удобные позиции для последующего наступления на Германию и Японию.

Англо-американским экспедиционным войскам во время высадки в Северной Африке в ноябре 1942 г. не противостоял ни один немецкий солдат. Их наступление в Тунисе и других районах Северной Африки сдерживали лишь 4—5 немецко-фашистских дивизий. Основные силы вермахта (19 дивизий) были задействованы на советско-германском фронте. Потребность постоянно восполнять громадные потери вермахта на Востоке не позволила гитлеровскому командованию наладить пополнение действовавшего на Северо-Африканском театре ограниченного контингента. Поэтому борьба войск западных союзников против малочисленного и слабого противника не могла привести к существенному ослаблению фашистской Германии. В одном из писем И. В. Сталину в марте 1943 г. У. Черчилль признавал, что «масштабы этих операций невелики по сравнению с громадными операциями, которыми Вы руководите»¹. Победы западных союзников в Африке, под Эль-Аламейном и в Тунисе сыграли не решающую, а вспомогательную роль в достижении разгрома германских агрессоров. Об этом свидетельствуют приведенные в «Советской Военной Энциклопедии» данные о том, что за всю Северо-Африканскую кампанию с июля 1940 г. по май 1943 г. было разгромлено всего около 12 немецких и итальянских дивизий².

Из событий, предопределивших перелом в войне на Тихом океане и в ходе всей второй мировой войны, наиболее часто в западной литературе в соответствии с теорией «поворотных пунктов» выделяют морское сражение у острова Мидуэй в июне 1942 г. Оно расценивается как решающая битва истории, катастрофа для Японии, заставившая ее перейти к обороне³. Однако для подобных выводов нет достаточных оснований. Урон, нанесенный в нем военно-морским силам Японии (4 авианосца и тяжелый крейсер), оказался не столь весомым, чтобы ликвидировать их общее превосходство над американским флотом, не отразился заметно на общем ходе второй мировой войны. Стратегическая инициатива после сражения у острова Мидуэй все еще оставалась в руках японского командования. Оно не отказалось от продолжения начатого в 1941 г. наступления на Тихом океане. 21 июня 1942 г. японские войска высадились в Буна-Гоа на северо-восточном берегу Новой Гвинеи, а в августе начали

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР..., т. 1, с. 121.

² См.: Советская Военная Энциклопедия. М., 1979, т. 7, с. 300.

³ См.: Кампании войны на Тихом океане: Материалы комиссии по изучению стратегических бомбардировок авиации Соединенных Штатов; Пер. с англ. М., 1956, с. 76; Great Battles of the 20th Century, p. 20.

продвигаться оттуда к Порт-Морсби, стремясь захватить плацдарм, с которого было бы удобно развернуть вторжение в Австралию. Кроме того, 7—8 июня японские вооруженные силы оккупировали острова Атту и Кыска в системе Алеутской гряды, создав непосредственную угрозу американской базе Датч-Харбор на территории США на Аляске.

Нет никаких серьезных оснований считать одним из «поворотных пунктов» войны и высадку усиленной дивизии американской морской пехоты на остров Гуадалканал в августе 1942 г., которую некоторые буржуазные авторы пытаются представить контрастующимся вооруженных сил США на Тихом океане¹. Эта десантная операция в стратегическом плане преследовала сугубо оборонительную цель — не допустить дальнейшего усиления угрозы захвата Австралии со стороны японских вооруженных сил, которые контролировали тогда общее положение в юго-западной части Тихого океана. Бои за Гуадалканал велись с переменным успехом незначительными в масштабах второй мировой войны силами вплоть до начала февраля 1943 г. Уже на вторые сутки после начала высадки на остров американской дивизии, в ночь на 9 августа 1942 г., японский флот нанес внезапный удар по американо-австралийским военно-морским силам, действовавшим в этом районе. Специальная правительственная комиссия США констатировала, что «в этом катастрофическом для союзников бою в результате усталости, недостатка соответствующих мер предосторожности и паники они потеряли четыре тяжелых крейсера. Эти потери, понесенные в самом начале их контрнаступления, нанесли тяжелый ущерб ограниченным тогда союзным морским силам на Тихом океане, и последствия были преодолены лишь постепенно»².

Японский гарнизон численностью до 11 тыс. человек беспрепятственно эвакуировался с острова Гуадалканал только тогда, когда японское руководство, убедившись на примере Сталинградской битвы в крушении надежд на победу германского союзника, сочло нецелесообразным продолжать наступление в районах, удаленных от метрополии на тысячи километров в Тихом океане. Оно хорошо сознавало, что в случае поражения вермахта не сможет удержать все захваченные ранее обширные территории.

Между тем в годы войны в США реально оценивали значение боевых действий американских вооруженных сил на Тихом океане летом 1942 г. Так, Ф. Рузвельт на заседании конгресса, состоявшемся 7 января 1943 г., отмечал, что сражение у острова Мидуэй и бои за остров Гуадалканал, по существу, были обо-

¹ Miller J. Guadalcanal. The First Offensive. Washington, 1949; Leckie R. Challenge for the Pacific: Guadalcanal. Turning Point of the War. New York, 1965.

² Кампания войны на Тихом океане, с. 129.

ронительными, являлись лишь «частью стратегии сдерживания, которая характеризовала эту фазу войны»¹.

Перелом в войне на Тихом океане в пользу США и других союзников произошел не в середине 1942 г., а значительно позднее. Он был следствием изменившейся военно-политической обстановки в мире после выдающихся побед Советской Армии под Сталинградом и Курском. Эти победы означали не только для Германии, но и для союзной ей Японии утрату каких-либо перспектив на выигрыш войны. Такая ситуация вытекала из коалиционного характера второй мировой войны.

Поимая, что пора молниеносных побед отошла в прошлое, японское руководство, как и немецкое, в 1943 г. приступило к поиску путей предотвращения нависшей угрозы поражения. Оно начало предпринимать различные внешнеполитические акции, чтобы укрепить свои тылы. С этой целью японские правители вступили в переговоры с гоминьдановцами о мире, провозгласили фиктивную независимость оккупированных японскими войсками Бирмы и Филиппин, образовав в этих странах послушные себе марионеточные правительства.

Японские милитаристы после разгрома немецко-фашистских войск под Курском вынуждены были безоговорочно признать, что их ставка на победу Германии над СССР оказалась битой. «После этого национальная мощь Германии стала оцениваться объективно, — пишет японский военный историк Сабуро Хаяси, — однако было уже слишком поздно — бесполезно было высматривать маяк после того, как произошло кораблекрушение»². В то же время японские политики предпринимали попытки с помощью дипломатических маневров помочь Германии избежать неминуемой катастрофы на советско-германском фронте. Они стремились к тому, чтобы гитлеровцы прекратили ставку безнадёжной войны против СССР и бросили все силы против США и Англии в Европе и Северной Африке, заставив последних ослабить свои усилия на Тихом океане и в Азии. Японские правящие круги предложили СССР свои услуги выступить в качестве посредника для переговоров о мире с Германией и ее европейскими союзниками. Однако Советское правительство, верное союзническим обязательствам, отвергло это предложение³.

После этого Япония вынуждена была окончательно взять курс на переход к стратегической обороне. Осенью 1943 г. японская ставка приняла решение об ограничении сферы «государственной обороны» районом, включающим Курильские острова,

¹ The Public Papers and Adresses of Franklin D. Roosevelt. New York, 1969, vol. 12, p. 22.

² Хаяси Сабуро. Японская армия в военных действиях на Тихом океане: Пер. с англ. М., 1964, с. 83—84.

³ См.: История дипломатии. М., 1975, т. 4, с. 404.

острова Огасавара, внутреннюю часть района Южных морей, западную часть Новой Гвинеи, Зондские острова и Бирму¹. Решение это появилось в то время, когда вооруженные силы США еще не приступили к осуществлению крупных операций на Тихом океане. Оно было результатом глубоких сдвигов в ходе всей второй мировой войны, которые произошли под влиянием тяжелых поражений войск фашистской Германии и ее европейских союзников на советско-германском фронте.

Теории «решающих битв» и «поворотных пунктов» разделяются отнюдь не всеми историками Запада. В последнее время заметно обострились противоречия по этому вопросу между историками ФРГ, с одной стороны (им лучше знать и труднее скрывать, где и на каком фронте были разгромлены основные силы фашистско-милитаристского блока), и англо-американскими историками — с другой. Выступая на международном семинаре, посвященном 40-летию Сталинградской битвы, который проводился в июне 1982 г. в Западном Берлине, историк из ФРГ Х. Гайс хотя и витиевато, но заявил, что не согласен с тенденцией рассматривать «в одном и том же контексте» битву под Сталинградом, сражение в районе Эль-Аламейна и в Тунисе. Из его доклада следовало, что решающее значение для Германии имели Сталинградская битва и советско-германский фронт в целом. Нет сомнения в том, что такого рода «разночтения», а вместе с ними хаос в буржуазной историографии будут еще более усиливаться.

3. Завершение разгрома фашистской Германии и ее союзников в Европе

Советские Вооруженные Силы, вырвав у фашистского агрессора в ожесточенных сражениях стратегическую инициативу и завершив в битвах под Курском и на Днепре коренной перелом в войне, развернули наступление на всех направлениях. Коммунистическая партия поставила задачу очистить от немецко-фашистских захватчиков всю территорию Советского Союза, освободить народы Европы, одержать окончательную победу над фашистской Германией. «Война вступила в ту стадию, — отмечал И. В. Сталин 6 ноября 1943 г., — когда дело идет о полном изгнании оккупантов с советской земли и ликвидации фашистского «нового порядка в Европе»².

Планами Ставки Верховного Главнокомандования предусматривалось в течение зимы и первых весенних месяцев 1944 г. нанести три последовательных удара: на северо-западном направлении — с тем чтобы полностью снять блокаду Ленинграда и

¹ См.: История дипломатии. М., 1975, т. 4, с. 384.

² Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1953, с. 126.

выйти на подступы к Советской Прибалтике, на западном направлении — против окопавшегося в Белоруссии врага, на юго-западном направлении — в целях освобождения Правобережной Украины и Крыма. Главный удар предусматривалось нанести на южном крыле фронта против наиболее многочисленной вражеской группировки, боеспособность которой, однако, была уже подорвана в результате тяжелых поражений и длительного отступления. При этом учитывалось, что этот удар позволит СССР вернуть районы с высокоразвитой экономикой и ускорит выход из войны сателлитов фашистской Германии — Венгрии, Румынии и Болгарии.

Верховное главнокомандование вермахта в создавшейся к исходу 1943 г. ситуации наметило план действий на 1944-й, который предусматривал, во-первых, стабилизацию обороны на Востоке, во-вторых, накопление резервов, достаточных для разгрома ожидавшейся высадки англо-американских войск в Западной Европе. После решения этих ближайших стратегических задач намечалось бросить все силы Германии на советско-германский и итальянский фронты, с тем чтобы добиться «победоносного исхода войны»¹. Фашистские главари лелеяли мечту, что достижение этой конечной цели будет способствовать росту противоречий в рядах антигитлеровской коалиции. В речи перед генералитетом в Зонтхофене 5 мая 1944 г. Гиммлер говорил: «Я верю, что в конце концов противоречия между Англией, Америкой и Россией, а именно между Англией и Америкой, с одной стороны, и Россией — с другой... приведут к тому, что коалиция рано или поздно развалится, как и все прочие коалиции. Когда это случится, то Германии не будет угрожать никакая опасность»².

Все основные силы вермахта направлялись против Советской Армии. К началу 1944 г. на советско-германском фронте было сосредоточено 205 немецких дивизий и 45 дивизий стран фашистского блока, в то время как на итальянском войскам западных союзников противостояла только 21 дивизия³.

С конца декабря 1943 г. по конец апреля 1944 г. Советские Вооруженные Силы осуществили три стратегические наступательные операции, в ходе которых нанесли поражение группам армий «Юг» и «А» на Правобережной Украине, группе армий «Север» под Ленинградом и Новгородом, а также разгромили сильную немецко-фашистскую группировку в Крыму. Освободив 329 тыс. квадратных километров советской территории, на которой ранее проживало около 19 млн. человек, советские войска вышли к государственной границе с Польшей и Чехословакией, вступили в Румынию, перенесли боевые действия за пределы Советского Союза.

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1977, т. 8, с. 22.

² Himmler H. Geheimreden 1934—1945 und andere Ansprachen. Frankfurt a/M., 1974, S. 188.

³ Förster G. und andere. Der Zweite Weltkrieg, S. 303, 324.

Неблагоприятно развивались события для держав оси и на других фронтах.

В мае 1944 г. началось предпринятое после длительного перерыва наступление войск западных союзников в Италии. Им удалось прорвать немецкую оборону, проходившую по так называемой линии Густава, и затем при активной поддержке бойцов итальянского Сопротивления занять столицу Италии Рим.

События первой половины 1944 г. показали, что стратегическим замыслам гитлеровцев не суждено осуществиться, что им уже ни при каких условиях не удастся противостоять советскому оружию и высвободить достаточно сил для ожидаемого вторжения в Западную Европу крупных экспедиционных сил союзников, которые к тому времени были сосредоточены в Англии и Северной Африке.

В буржуазной историографии зимне-весенняя кампания советских войск 1944 г., как и все другие важные события на советско-германском фронте, является объектом фальсификации. Идеологи империализма не хотят смириться с тем фактом, что Советский Союз и его Вооруженные Силы в единоборстве с фашистской Германией, сильнейшей в военном отношении капиталистической страной, показали свое полное превосходство в военной области. Пытаясь опровергнуть этот факт, они почти слово в слово повторяют измышления, заимствованные из мемуаров бывших гитлеровских генералов. Так, Дж. Лукас объясняет поражение гитлеровских войск слабостью немецкой обороны, тем, что осенью 1943 г. выпало мало дождей и немцы «не создали барьера из грязи, с помощью которой Гитлер рассчитывал сдержать советское наступление»¹. А. Ситон пишет о том, что немецко-фашистские войска потерпели поражение зимой 1943/44 г. только потому, что советские танки имели «более широкие гусеницы», что советские войска были «более многочисленны» и более моторизованы².

М. Арнольд-Форстер объясняет успех наступления советских войск тем, что «зима 1943/44 г. была в отличие от других, которые пережили немцы в России, теплой. Но это также играло на руку наступлению русских. Им не мешала ни распутица, ни тем более снег. Их танки имели более широкие гусеницы, чем у немцев. Их грузовики имели более высокую посадку. И... они имели больше солдат». По его подсчетам, соотношение сил на советско-германском фронте к началу 1944 г. было (в людях — 2:1, в танках — 4:1, в орудиях — 2,5:1) в пользу Советской Армии³.

В то же время буржуазные авторы бездоказательно твердят о громадном качественном превосходстве вермахта, о тактической

¹ Lucas J. War on the Eastern Front 1941—1945, p. 49.

² Seaton A. The Russo-German War 1941—1945, p. 418, 421.

³ Arnold-Forster M. The World at War, p. 148—150.

генеральности, мастерстве и решительности гитлеровских генералов, проявившихся в организации зимой и весной 1944 г. «блестящих контратак» против советских войск¹.

В рассматриваемый период Советский Союз вновь продемонстрировал превосходство своей военной экономики, общественно-го и государственного строя, советского военного искусства над военным искусством гитлеровской Германии и других стран фашистского блока.

Советская Армия к началу 1944 г. стала и более многочисленной. Но говорить о ее «громадном численном превосходстве» над вермахтом — значит фальсифицировать факты. Это превосходство выражалось в следующем соотношении сил и средств: по личному составу — 1,3 : 1, орудиям и минометам — 1,7 : 1, танкам и САУ — 1 : 1,03, самолетам — 3,3 : 1². Успех стратегического наступления в этих условиях был обеспечен главным образом превосходством в военном искусстве и героизмом советских воинов.

Военное искусство советского командования проявилось прежде всего в том, что новые стратегические операции были подготовлены заблаговременно, еще в ходе летне-осеннего наступления 1943 г., и начались вслед за ним без оперативной паузы. Тем самым были сорваны расчеты гитлеровского командования на длительную передышку в борьбе, которую оно намечало использовать для укрепления обороны на восточных рубежах. Учитывая соотношение сил, не позволявшее развернуть одновременно наступление советских войск по всему фронту, Ставка ВГК, как уже отмечалось, подготовила и осуществила в первой половине 1944 г. три последовательные стратегические операции. «Этот способ, — как отмечал генерал П. А. Курочкин, — позволял создавать на избранных направлениях мощные группировки и в каждой из операций добиваться превосходства в силах и средствах. Он обеспечивал возможность бить противника по частям, выбирая каждый раз наиболее выгодное направление для нанесения следующего удара. Вместе с тем такой способ приводил к рассредоточению резервов противника, что ослабляло его группировки и создавало выгодные условия для прорывов»³.

Проведение последовательных операций по фронту и в глубину было одним из важных достижений советского военного искусства в завершающем периоде войны, позволивших Советской Армии прочно удерживать захваченную инициативу и, нанося по сопротивляющемуся врагу мощные удары там, где он их не ожидал, осуществлять практически непрерывное стратегическое наступление, которое заставило в конце концов капитулировать фашистскую Германию.

¹ World War II. Land, Sea and Air Battles 1939—1945, p. 136, 139.

² См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 8, с. 45.

³ Коммунист, 1965, № 7, с. 24.

Несостоятельны попытки буржуазных историков объяснить успех стратегического наступления Советской Армии благоприятными для нее погодными условиями. Распутица, уж если о ней говорить, облегчает именно оборону. Наступление советских войск, особенно на 1200-километровом фронте на Украине, развернувшееся в конце января 1944 г., действительно происходило в условиях распутицы. «Много я повидал на своем веку распутиц, — вспоминает маршал А. М. Василевский. — Но такой грязи и такого бездорожья, как зимой и весной 1944 года, не встречал ни раньше, ни позже. Буксовали даже тракторы и тягачи. Артиллеристы тащили пушки на себе. Бойцы с помощью местного населения переносили на руках снаряды и патроны от позиции к позиции за десятки километров»¹. И тем не менее, ломая сопротивление противника, Советская Армия стремительно наращивала силу своих ударов. «Я испытываю колоссальный трепет, — говорил в те дни Д. Эйзенхауэр, — от той силы, с которой они (русские. — *Прим. авт.*) уничтожают вооруженную мощь врага»².

Среди событий рассматриваемого периода огромное военнополитическое значение имело успешное наступление Советской Армии на северо-западном направлении (январь — февраль 1944 г.), в ходе которого была полностью снята длившаяся 900 дней фашистская блокада Ленинграда — колыбели Великого Октября. Весть о победе под Ленинградом быстро облетела весь мир. «Все свободные и все поработанные гитлеровцами народы понимают, — писала в те дни английская газета «Стар», — какую роль сыграл разгром немцев под Ленинградом для ослабления нацистской мощи. Ленинград уже давно завоевал себе место среди городов-героев нынешней войны. Битва под Ленинградом посеяла тревогу среди немцев. Она дала им почувствовать, что они лишь временные хозяева Парижа, Брюсселя, Амстердама, Варшавы, Осло»³.

От имени американского народа Ф. Рузвельт прислал Ленинграду специальную грамоту. В ней отдавалась дань доблести защитникам этого города, указывалось, что их действия в условиях блокады символизировали «неустршимый дух народов Союза Советских Социалистических Республик»⁴. Оборона Ленинграда уже в годы войны привлекла внимание западных авторов. Первая книга о ней «Осада Ленинграда» Б. Скоморовского и Е. Морриса⁵ вышла в США в 1944 г. Написанная по горячим следам событий, не преследовавшая цели очернить подвиг Ленинграда, эта книга была тепло принята читателями.

¹ Василевский А. Дело всей жизни. М., 1975, с. 393.

² Цит. по: Еремеев Л. М. Глазами друзей и врагов, с. 182.

³ Цит. по: Красная звезда, 1944, 1 февр.

⁴ Ленинград дважды орденоносный. Л., 1945, с. 39.

⁵ Scomorovsky B., Morris E. Siege of Leningrad. New York, 1944.

В послевоенные годы резкий отпечаток на подход буржуазных историков к освещению героической обороны Ленинграда наложила «холодная война». В общих работах о второй мировой войне они, как правило, уклоняются от объективной оценки подвига Ленинграда. Лишь в отдельных трудах можно встретить скудные строчки, содержащие признание, что «Ленинград символизировал русское сопротивление Гитлеру», «совместную борьбу армии и народа против немецкого нашествия»¹. Что же касается специальных работ о битве за Ленинград, написанных на Западе в послевоенный период, то они, во-первых, немногочисленны, а во-вторых, насквозь пропитаны антисоветизмом.

В 1962 г. появилась книга Л. Гуре «Осада Ленинграда»². Основная ее цель состояла в том, чтобы умалить подвиг Ленинграда. Схема рассуждений автора весьма примитивна: город оборонялся только потому, что все пути к отступлению его защитников были отрезаны. Подобный тезис господствует и в книге А. Уайкса³. Искажены исторические факты в книге Г. Солсбери «900 дней. Осада Ленинграда»⁴, наиболее объемистой из всех американских работ по данной теме.

Стремясь замаскировать подлинные цели книги, автор рядится в тогу объективного исследователя, а в действительности перекраивает историю битвы за Ленинград, причем с таким расчетом, чтобы бросить тень на социалистический строй в целом. Он обвиняет Советское правительство в недостаточной помощи Ленинграду, пытается доказать, что успех обороны города — это дело случая, перечеркнуть историю битвы за Ленинград как героическую народную эпопею. Эти тезисы типичны для реакционной американской историографии Великой Отечественной войны. Стремление Г. Солсбери доказать, что Советское правительство якобы не уделяло должного внимания защите Ленинграда, обнаруживает свою несостоятельность в свете общеизвестных фактов, которые автор либо преднамеренно извращает, либо скрывает от читателей. Вот некоторые из них.

Несмотря на тяжелейшее положение, сложившееся осенью 1941 г. под Москвой, где решалась судьба войны, Коммунистическая партия и Советское правительство делали все возможное для обороны Ленинграда. Во второй половине августа 1941 г. Центральный Комитет партии и Государственный Комитет Обороны направили в Ленинград специальную комиссию. Члены этой комиссии А. Н. Косыгин, Н. Г. Кузнецов, П. Ф. Жигарев и Н. Н. Воронов помогли Военному совету фронта решить многие хозяйственные и организационные задачи, детально разработать вопросы улучшения взаимодействия авиации с зенитной артил-

¹ Terreine J. The Mighty Continent. A View of Europe in the Twentieth Century. London, 1974, p. 233.

² Goure L. Siege of Leningrad. Stanford, 1962.

³ Wykes A. The Siege of Leningrad. New York, 1970.

⁴ Salisbury H. 900 Days: Siege of Leningrad. New York, 1969, (Переведено в 1985 г.)

лерней, усиления противотанковой обороны, а также координации действий артиллерии Краснознаменного Балтийского флота с войсками фронта.

Принимая необходимые меры по оказанию помощи Ленинграду, Ставка Верховного Главнокомандования своим решением от 23 августа 1941 г. разделила Северный фронт на два фронта — Ленинградский и Карельский. Усилия первого направлялись только на решение задачи непосредственной обороны Ленинграда¹. В труднейших условиях ноября 1941 г., когда бронированные клинья вражеских дивизий, казалось, достигли окраины Москвы, было предпринято наступление под Тихвином и Волховом.

Разгром гитлеровских войск под Сталинградом создал предпосылки для наступательных действий на других участках советско-германского фронта. Уже в январе 1943 г. было предпринято наступление войск Волховского и Ленинградского фронтов в районе Ладожского озера, завершившееся прорывом блокады Ленинграда. За 18 дней была построена железная дорога протяженностью 50 километров, сооружен временный железобетонный мост через Неву, что помогло улучшить снабжение города.

Солсбери утверждает, что эвакуация гражданского населения будто бы была организована слишком поздно. На самом деле эвакуация населения началась уже в конце июня 1941 г. Всего из Ленинграда в организованном порядке в период 29 июня 1941 г. — 1 апреля 1943 г. было вывезено почти 1750 тыс. человек. Это единственный в истории случай такой огромной эвакуации жителей из осажденного города².

Наконец, Солсбери пытается обвинить руководителей обороны Ленинграда, лично И. В. Сталина и А. А. Жданова в том, что город удерживался «слишком большой ценой». По этому поводу необходимо сказать следующее. За время блокады людские потери Ленинграда были больше, чем всего американского народа за годы второй мировой войны. Но для Советского Союза, который в тот период фактически один на один боролся с фашистскими ордами, для защитников и всех жителей Ленинграда, у стен которого стоял враг, существовал единственный путь — путь решительного и самоотверженного отпора захватчикам. Жертвы были велики, но они были бы еще больше, если бы не истинные титанические усилия, предпринимавшиеся для спасения ленинградцев со стороны руководителей Советского государства, командиров и бойцов Ленинградского фронта, всех советских людей. Историк из США было бы уместно сказать, что героический подвиг защитников Ленинграда спас жизнь многим тысячам американских и английских солдат.

Действиям Советской Армии Солсбери уделяет второстепенное внимание. Наступление, прорыв блокады, разгром немецко-

¹ См.: Красная звезда, 1970, 22 янв.

² См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 5, с. 235.

фашистских войск, блистательная победа советского оружия — для этих знаменательных и поучительных событий вообще не нашлось места в его объемистой книге, насчитывающей свыше 600 страниц. Автор лишь вкратце останавливается на подготовке советских войск к январскому наступлению 1943 г., но тут же прибегает ко лжи, заявляя, что «Москва не присылала ни необходимых войск, ни оружия». При этом он ссылается на мемуары К. А. Мерецкова, И. И. Федюнинского и другие советские источники.

Между тем в своих воспоминаниях генерал И. И. Федюнинский подчеркивает: «К 10 января 1943 года подготовка операции полностью закончилась. Ударная группировка нашего фронта имела более чем пятикратное превосходство над противником в силах и средствах. Войска были хорошо обучены и материально обеспечены»¹. Документальные данные также свидетельствуют, что Ставка Верховного Главнокомандования, несмотря на то что еще не закончилась битва под Сталинградом, сделала все возможное, чтобы перед наступлением укрепить войска Ленинградского и Волховского фронтов.

В декабре 1942 г. оба фронта были значительно усилены, пополнены личным составом и боевой техникой. В соответствии с решением Ставки на Ленинградский фронт были направлены стрелковая дивизия, 5 отдельных стрелковых бригад, зенитная артиллерийская дивизия и 3 аэросанных батальона. На усиление Волховского фронта прибыли 5 стрелковых дивизий и инженерно-саперная бригада из Московского военного округа, 3 лыжно-стрелковые бригады из Архангельского военного округа и 4 аэросанных батальона из резерва Ставки. Кроме того, на обоих фронтах (Волховском и Ленинградском) были сформированы различные танковые, артиллерийские, минометные соединения, части и подразделения.

Численность личного состава была увеличена на Волховском фронте на 22 процента, на Ленинградском фронте — на 10 процентов. Эти данные содержатся в книге «Битва за Ленинград», на которую также ссылается Г. Солсбери², но в угоду своей версии об «отсутствии помощи со стороны Москвы» американский автор умалчивает о них.

Пишет Солсбери и о Ладожской трассе. Не рискуя отрицать значение этой коммуникации, создание и работа которой не имеют примеров в мировой военной истории, он тем не менее оценивает меры советского командования в этом направлении как «мизерные улучшения, проведенные слишком поздно», и делает вывод, что «дорога жизни могла стать дорогой смерти»³. Советский историк В. М. Ковальчук, посвятивший Ладожской трассе специальное исследование, имел все основания утверждать, что

¹ Федюнинский И. И. Поднятые по тревоге. М., 1964, с. 133.

² Salisbury H. 900 Days, p. 597.

³ Ibid., p. 414, 420.

освещение буржуазными авторами истории этой трассы и ее роли в обороне Ленинграда, как правило, отражает отношение авторов к Советскому Союзу¹.

В превратном виде представляет Солсбери ленинградское народное ополчение, создание которого явилось актом величайшего патриотизма советских людей. Он утверждает, что дивизии ополчения были плохо вооружены и слабо обучены, поскольку при их формировании была проявлена «опроектированность и беззаботность»². Никто не отрицает, что в вооружении и обучении первых дивизий ленинградского народного ополчения были недостатки, которые были вызваны главным образом чрезвычайными условиями военной обстановки, сложившейся в то время под Ленинградом. «Однако если рассматривать части народного ополчения Ленинграда только под углом зрения мистера Солсбери, — писала «Ленинградская правда», — то останется неясным, как смогли эти безоружные и необученные добровольцы почти месяц сдерживать немцев на лужском оборонительном рубеже, как получилось, что большинство дивизий народного ополчения в ходе боев стали кадровыми частями Красной Армии, успешно сражались до конца войны и громили фашистские орды в Берлине?»³

Успех героической обороны Ленинграда Солсбери объясняет просчетами Гитлера. Тщательно выискивая «упущенные возможности» захвата города, Солсбери сводит провал наступательных планов к ошибочному решению гитлеровского командования перебросить в сентябре 1941 г. 41-й моторизованный корпус на московское направление. «17 сентября 1941 года, — пишет он, — весь 41-й корпус, группа Гейнера получила приказ о переброске на московский фронт. Жуков выиграл, Ленинград победил»⁴. Вот, оказывается, как все было просто. И словно не было ни беспримерных по своей стойкости оборонительных боев, ни отчаянной борьбы советских воинов и населения города за каждый метр ленинградской земли, ни вдохновляющего примера коммунистов, четкого и последовательного руководства Верховного Главнокомандования, выигравших схватку с мощным и опытным противником.

Стойкость и мужество защитников Ленинграда поразили мир. А вот у Солсбери иное отношение к защитникам Ленинграда. Названия посвященных им глав говорят сами за себя: «Твердый орешек дает трещину», «Ленинградский апокалипсис» и другие.

Немалое место в книге занимают рассуждения автора о потерях среди населения в период блокады. Они, как известно, составили более 600 тыс. человек. Но вот что пишет Солсбери: «Некоторые иностранные ученые подсчитали, что в Ленинграде по-

¹ См.: Ковальчук В. М. Ленинград в Большая земля: История Ладонской коммуникации блокированного Ленинграда в 1941—1943 гг. Л., 1975, с. 12.

² Salisbury H. 900 Days, p. 597.

³ Ленинградская правда, 1969, 21 сент.

⁴ Salisbury H. 900 Days, p. 346.

гибло 2 миллиона, но эта цифра слишком высока. Кажется более разумным считать общее число погибших в Ленинграде и его окрестностях от голода более 1 миллиона человек»¹.

Возникает вопрос: кто эти «иностранные ученые»? Фальсификацией данных о потерях жителей Ленинграда одним из первых занялся уже упоминавшийся Л. Гуре. Он написал в своей книге, что Советское правительство якобы занизило данные о смертности жителей Ленинграда во время блокады, что число погибших, приводимое в советских источниках, «не соответствует действительности».

Зачем поладилось американским историкам исказить эти данные? Почему так назойливо Гуре, Солсбери и другие буржуазные историки стремятся завесить цифру потерь? «Что они, нам сочувствуют? Выражают гнев и ненависть к фашистам?» — пишет Д. В. Павлов, который в годы войны был уполномоченным ГКО по продовольственному снабжению войск и населения Ленинграда, и отвечает: «Нет, такого благородства от них ждать нельзя. Цель их совсем другая, цель — политическая, сознательно преувеличить потери, понесенные защитниками Ленинграда, чтобы принизить подвиг осажденных. Гуре так, собственно, и пишет: где же герои, если население почти все вымерло. Защитников капиталистического строя коробит, бесит, что подвиг Ленинграда становится в глазах населения земного шара символом мужества, стойкости, непобедимости социалистического строя»².

В. Хаупт из ФРГ в книге «Ленинград: 900-дневная битва в 1941—1944 гг.» откровенно заявляет, что решил «создать памятник солдатам рейха и добровольцам из многих стран Европы — испанцам, датчанам, норвежцам и другим, которые сражались на фронте с твердой уверенностью, что делают справедливое дело»³. Автор прибегает к различным ухищрениям, чтобы представить фашистских захватчиков, стремившихся стереть с лица земли город на Неве, как «легендарных героев». Причину того, что им не удалось достичь своей цели, он усматривает все в тех же «неблагоприятных природно-климатических условиях окрестностей Ленинграда». Согласно его трактовке, «большая жара», «невыносимая пыль», «грязь и болота», «пазойливые комары» и зимние морозы причиняли солдатам вермахта и их пособникам из других стран «большее беспокойство, чем ожесточенное сопротивление противника»⁴. Старые погудки на новый лад. Но именно такие домыслы, заимствованные из геббельсовской пропаганды, реакционные историки продолжают использовать для того, чтобы принизить всемирно-исторический подвиг защитников Ленинграда.

¹ Salisbury H. 900 Days, p. 516.

² Советская Россия, 1970, 23 мая.

³ Haupt W. Leningrad: Die 900-Tage-Schlacht, 1941—1944. Friedberg, 1980, S. 7.

⁴ Ibid., S. 33, 67, 100, 102.

Совершенно по-иному буржуазные историки освещают действия западных союзников в Италии. Умалчивая о неудачных действиях англо-американского командования, его безуспешных попытках сломить немецкую оборону в начале 1944 г., они все свое внимание сосредоточивают на восхвалении прорыва в мае линии Густава силами 5-й американской и 8-й английской армий. Этот прорыв объявляется «величайшей битвой военной истории», «невероятным триумфом»¹. Такая оценка обосновывается тем, что в период майских боев в Италии в борьбу были вовлечены 23 дивизии западных союзников, что немецкое командование вынуждено было использовать в Италии 21 дивизию, а затем направить туда дополнительно сначала четыре, а затем еще три дивизии, которые могли бы быть использованы против англо-американских войск, готовившихся к высадке в Нормандии. Однако все эти «доводы» в пользу «величайшей битвы мировой истории», состоявшейся в Италии в мае 1944 г., рушатся при сопоставлении ее с зимне-весенней кампанией Советской Армии.

Если в первой половине 1944 г. в наступательных действиях против немецко-фашистских войск участвовало 23 дивизии западных союзников, то на советско-германском фронте против вражеских соединений действовали 461 дивизия, 80 отдельных бригад, 23 танковых и механизированных корпуса Советской Армии². Если весной и летом 1944 г. гитлеровское командование направило в Италию 7 новых дивизий, то на советско-германский фронт с января по июнь 1944 г. оно было вынуждено перебросить из Германии и оккупированных ею территорий более 40 новых немецких дивизий, то есть почти в шесть раз больше, чем на итальянский фронт.

Несопоставимость масштабов действий Советской Армии с действиями войск западных союзников особенно наглядно проявляется при сравнении потерь немецко-фашистских войск на советско-германском и итальянском фронтах. Весной 1944 г. Советская Армия разгромила на советско-германском фронте 172 дивизии и 7 бригад противника, а западные союзники в Италии — 9 дивизий³. К тому же после прорыва линии Густава англо-американские войска не смогли нанести противнику сокрушающего удара и помешать его планомерному отходу на новые позиции на Апеннинах, получивших название Готской линии, где западные союзники оставались вплоть до весны 1945 г. Так в действительности выглядит «величайшая битва военной истории». Немецкие войска в Италии капитулировали только после того, когда война была окончательно проиграна фашистской Германией на советско-германском фронте.

¹ World War II, Land, Sea and Air Battles 1939—1945, p. 144; Jackson W. „Overlord“: Normandy 1944. London, 1978, p. 224.

² См.: СССР в борьбе против фашистской агрессии. 1933—1945. М., 1978, с. 219.

³ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 8, с. 467, 468.

С 1944 г. значительно активизировала свои действия в Европе англо-американская авиация, что было первоначально обусловлено подготовкой к открытию второго фронта, а затем стремлением командования западных союзников создать благоприятные условия для действий своих сухопутных войск. Этот факт также используется буржуазными историками для того, чтобы преувеличить роль США и Англии в разгроме гитлеровской Германии. Так, некоторые английские и американские исследователи выдвинули версию о решающей роли бомбардировок в разрушении германского военно-промышленного потенциала.

Вот что заявляют, например, Д. Ричардс и Х. Сондерс: «Очевидным является тот факт, что если бы Германия не подверглась столь опустошительным ударам с воздуха, в результате которых была уничтожена значительная часть ее промышленности, то она должна была бы выиграть войну»¹. Их единомышленники Г. Грей и Дж. Кэйт подкрепляют эту версию ссылками на «авторитетные» признания эффективности бомбардировок. «От Геринга до Деница, от командиров дивизий до владельцев предприятий, — пишут они, — все хвалили достижения союзной авиации, а большинство из названных лиц считает ее решающим фактором в поражении Германии»². По их словам, уже к середине 1944 г. фашистский рейх в результате воздушного наступления был «задушен и парализован», «не мог продолжать войну»³. В действительности в то время Германия все еще оставалась мощным в военном отношении государством. И если ее вооруженные силы не смогли разгромить армии западных союзников во Франции летом 1944 г., то следует прежде всего учитывать, что Советская Армия (и это признают некоторые западные авторы) продолжала сковывать на Востоке две трети нацистских войск⁴.

Союзная авиация в 1944 г. не причинила существенного урона германской военной промышленности. По сравнению с 1942 г. в 1944 г. в фашистской Германии выпуск самолетов возрос в 2,7 раза, а танков — в 4,4 раза⁵. Если индекс военного производства в начале 1942 г. принять за 100, то в июле 1944 г. он достиг своей высшей точки и составлял 322. Затем, по мере потерь источников сырья в ранее оккупированных странах, он упал к декабрю 1944 г. до 263, а в марте 1945 г. — до 145⁶. Тем не менее и во второй половине 1944 г. уровень выпуска наиболее важных видов вооружения продолжал оставаться высоким.

¹ Ричардс Д., Сондерс Х. Военно-воздушные силы Великобритании во второй мировой войне. 1939—1945 гг.: Пер. с англ. М., 1963, с. 678.

² Army Air Force in World War II, Chicago, 1951, vol. 3, p. XIII.

³ Ibid., p. 755.

⁴ Bragdon H., McCutchen S. History of a Free People, p. 675—676.

⁵ См.: «Совершенно секретно! Только для командования!», с. 726, 727, 729.

⁶ См.: Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг.: Пер. с нем. М., 1956, с. 270—271.

В среднем ежемесячно производилось более 3,5 тыс. самолетов, более 1,5 тыс. танков и штурмовых орудий, около 4 тыс. артиллерийских орудий, до 100 тыс. единиц стрелкового оружия всех типов¹.

Германская военная экономика была парализована к исходу войны не союзной авиацией, а Советской Армией, которая изгнала немецко-фашистские войска из ряда стран Северной, Центральной и Юго-Восточной Европы, лишила гитлеровцев доступа к сырьевым ресурсам ранее захваченных ими территорий: к финскому никелю, югославской меди, румынской нефти, шведской железной руде, венгерским бокситам и т. д.

Версию о решающей роли англо-американских бомбардировок в подрыве германской военной экономики в 1944 г. опровергают материалы специальной комиссии американских экспертов, которая вскоре после окончания войны подсчитала, что германская экономика в 1943 г. потеряла от бомбардировок лишь 9 процентов всей продукции, а в 1944 г. — около 17 процентов. Комиссия сделала вывод, что «эти потери не оказали решающего влияния на способность немецкой промышленности выпускать необходимые военные материалы»².

Утверждение американских и некоторых других буржуазных историков о «решающем» влиянии бомбардировок на ослабление фашистской Германии в ходе войны опровергают в своих мемуарах и бывшие генералы фашистского вермахта. Так, З. Вестфаль пишет, что, «несмотря на чуть ли не непрерывные налеты союзной авиации, железные дороги до зимы 1945 г. действовали почти нормально, а наибольший выпуск военной продукции в стране приходился на осень 1944 г. С этого времени он начал сокращаться сначала медленно, а потом, с потерей промышленного района Верхней Силезии, все быстрее и быстрее»³. К. Типпельскирх, отмечает, что «устрашающие налеты авиации против мирного населения и с целью уничтожения германских городов не содействовали ни достижению, ни ускорению победы западных держав. Военного значения, даже в самом широком смысле слова, эти налеты не имели»⁴.

Главными объектами бомбардировок на протяжении всей войны оставались крупные немецкие города и густонаселенные районы. В результате воздушных налетов было убито и ранено 1,4 млн. немцев и 7,5 млн. человек остались без крова⁵. На долю же военно-промышленных объектов пришлось лишь 18 процентов общего бомбового груза, сброшенного на Германию за все годы войны⁶. Вплоть до октября 1944 г. совершенно не подвергалась

¹ ЦАМО, ф. 6598, оп. 12458, д. 6, л. 1, 5, 7, 12.

² The United States Strategic Bombing Survey. Over-all-Report (European War). U. S. Government Printing Office, 1947, p. 23.

³ Роковые решения, с. 259—260.

⁴ Типпельскирх К. История второй мировой войны, с. 485.

⁵ Leckie R. Wars of America, New York, 1968, p. 794.

⁶ Verrier A. The Bomber Offensive, London, 1968, p. 229.

бомбардировкам немецкая танковая промышленность. Это позволило ей в начале 1944 г. увеличить ежемесячный выпуск танков по сравнению с последними месяцами 1942 г. в два с половиной раза¹.

Бесперебойно работали до лета 1944 г. нефтеперерабатывающие предприятия и заводы по производству синтетического бензина. С начала войны до мая 1944 г. на них было сброшено лишь 1,1 процента бомбового груза, использованного против Германии. По мнению историков ГДР, причина такого «пренебрежения» руководителей США и Англии к возможности лишить немецкие войска подвижности крылась в нежелании оказать действительную помощь Советскому Союзу, в стремлении добиться ослабления СССР в борьбе с гитлеровской Германией².

В последние месяцы войны бомбардировки немецких городов приобрели наибольший размах. Бессмысленные с военной точки зрения, они преследовали двойную политическую цель. С одной стороны — продемонстрировать Советскому Союзу мощь западных держав, а с другой — вызвать хаос и озлобление среди немецкого населения в районах, подлежащих после войны оккупации советскими войсками, создать непреодолимые трудности для восстановления нормальной жизни в Восточной Германии.

Беспрецедентной по своей жестокости была акция, осуществленная американской авиацией 13—15 февраля 1945 г. против гражданского населения Дрездена. За несколько дней этот город, являвшийся сокровищницей мировой культуры, не имевший каких-либо заслуживающих внимания военных объектов, был превращен в руины. Его бомбардировка привела к бессмысленному уничтожению 35 тыс. человек.

На основании того, что советские летчики не принимали участия в этих налетах, английский историк А. Ли делает вывод: «Советские Военно-Воздушные Силы не играли решающей роли в завершающей битве весной 1945 г.»³ Так ли это?

Действительно, советская авиация не подвергала варварским бомбардировкам немецкие города. Весной 1945 г. она вела воздушную разведку и поддерживала наступление сухопутных войск, уничтожала самолеты противника в воздухе и на аэродромах, то есть всемерно способствовала быстрейшему разгрому вермахта. Советские ВВС до конца войны несли основную тяжесть борьбы против фашистской авиации. Так, если в апреле 1945 г. на Западе находилось 386 боевых немецких самолетов, то на советско-германском фронте — 3 тыс.⁴ Нанеся в ходе заключительных операций сокрушительное поражение фашистской авиации, советские Военно-воздушные силы сыграли решающую роль в окончательном разгроме люфтваффе.

¹ См.: Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг.: Пер. с нем. М., 1956, с. 264, 265.

² Förster G. und andere. Der zweite Weltkrieg, S. 364—365.

³ Lee A. The Soviet Air Force. New York, 1962, p. 66.

⁴ Gröehler O. Geschichte des Luftkriegs, S. 469.

Воздушные бомбардировки Германии обошлись США и Англии дорого. В общей сложности они потеряли 40 тыс. самолетов. Ныне на Западе пытаются замолчать тот факт, что без действий советской авиации воздушное наступление западных союзников на Германию обошлось бы значительно дороже. Поскольку главные силы люфтваффе с 1941 по 1945 г. действовали на советско-германском фронте, против англо-американских бомбардировщиков использовались лишь незначительные силы истребительной авиации ПВО Германии. На востоке фашистская авиация понесла и наибольшие потери. По данным историков ГДР, из 110 тыс. потерянных Германией за шесть лет войны самолетов около 62 тыс. приходится на советско-германский фронт, около 8 тыс. — на Западно-Европейский театр, около 9 тыс. — на районы Средиземноморья, около 7 тыс. — на Балканы и около 13,5 тыс. — на ПВО Германии. Около 9 тыс. самолетов разбились в результате аварий¹.

Таким образом, военная мощь германского фашизма была сломлена не воздушным наступлением западных союзников, а Вооруженными Силами Советского Союза.

В последние годы категорических заявлений о «решающей роли» англо-американской бомбардировочной авиации в подрыве военной мощи фашистской Германии заметно поубавилось. Тем не менее непомерное восхваление ее действий продолжается. «Никто из тех, кто видел руины Гамбурга или Берлина, — говорится в одной из вышедших в США книг о второй мировой войне, — не сомневался в эффективности бомбардировщиков. Имелись лишь разногласия в вопросе о том, являются ли они единственным оружием достижения победы в войне... Никаких других вопросов не возникало. Тотальная война логически ведет от убийства солдат к убийству тех, кто обеспечивает солдат оружием, к подрыву эффективности военной машины противника, даже если при этом необходимо попутно убивать его женщин и детей»². Подобные рассуждения напоминают нацистские издания, обосновывавшие теорию тотальной войны. Распространение буржуазными авторами подобных взглядов, когда империализм накопил огромные запасы ядерного и другого оружия массового уничтожения, по существу, направлено на то, чтобы оправдать развязывание третьей мировой войны.

Тенденциозность и необъективность буржуазной историографии весьма отчетливо проявляются при освещении событий на фронтах в Европе с июня 1944 г. по май 1945 г. Суть господствующей на Западе концепции состоит в том, что после открытия второго фронта основную тяжесть борьбы в Европе несли вооруженные силы США и Англии. Все внимание подавляющего большинства буржуазных историков направлено на то, чтобы найти правдоподобные аргументы в пользу данной концепции. Но по-

¹ Förster G. und andere. Der zweite Weltkrieg, S. 395.

² Stokesbury J. A Short History of World War II, p. 287.

скольку таких аргументов не существует, они пытаются конструировать их сами, извращая историческую правду. Широко распространенным приемом фальсификации, имеющим целью приподнять роль и значение второго фронта, являются уклонение от сравнения результатов действий англо-американских войск в Западной Европе с результатами наступательных операций советских войск во второй половине 1944 — первой половине 1945 г., безмерное восхваление успехов войск западных союзников, различные инсинуации относительно второстепенной роли Советской Армии.

В трудах буржуазных историков, как правило, преувеличивается значение высадки англо-американских войск 6 июня 1944 г. в Нормандия, ознаменовавшей открытие второго фронта в Европе. Английские историки, авторы книги «Вторая мировая война. Сухопутные, морские и воздушные битвы 1939—1945 гг.», утверждают, что операция «Оверлорд» (высадка в Нормандии) была самой опасной для гитлеровцев потому, что она «открыла единственный путь, по которому можно было направить военную мощь США против Германии и тем самым быстро положить конец войне»¹.

Западногерманский историк В. Хаупт утверждает, что эта операция явилась «началом конца третьего рейха, последней главы в истории Германии»².

В коллективном труде группы буржуазных историков о второй мировой войне, опубликованном в ФРГ, заявляется, что 6 июня 1944 г. «пробил час освобождения угнетенных народов Европы», что с нормандского плацдарма было начато наступление, которое «привело к краху национал-социализма»³. Подобные утверждения содержатся в большинстве других публикаций, заполняющих книжный рынок Запада. Они призваны насаждать у читателей убеждение в том, что вторжение англо-американских войск во Францию явилось тем фактором, который обусловил поражение фашистской Германии.

Эту же цель преследовали правящие круги США и Англии, организовавшие летом 1984 г. пропагандистскую кампанию в связи с 40-летием высадки американско-английских войск в Нормандии. Контролируемые ими средства массовой информации потратили тогда немало усилий, чтобы изобразить это событие как «поворот в ходе второй мировой войны», предопределивший «ее победоносное завершение в Европе»⁴.

В действительности же нормандская операция была запоздалой акцией, предпринятой уже после того, как нацистская воен-

¹ World War II. Land, Sea and Air Battles 1939—1945, p. 147.

² Haupt W. Rückzug im Westen 1944. Stuttgart, 1978, S. 112.

³ Der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1979, Bd. 3, S. 104.

⁴ См.: Новоселов Б. Н., Орлов А. С. Проблема второго фронта в современной буржуазной историографии США и Великобритании. — В кн.: Буржуазная историография второй мировой войны. М., 1985, с. 182—210.

ная машина в результате поражений на советско-германском фронте была поставлена на грань катастрофы.

С самого начала Великой Отечественной войны, когда гитлеровцы сосредоточили основную массу своих вооруженных сил на Востоке, возникли благоприятные условия для активизации военных усилий западных союзников непосредственно на Европейском континенте. Однако они всячески уклонялись от прямого столкновения с фашистской Германией, пока она была достаточно сильна. Так, летом и осенью 1941 г., сославшись на трудности, английское руководство отклонило советское предложение обсудить вопрос об открытии второго фронта в Европе, хотя Советское правительство 13 сентября 1941 г. указывало, что «отсутствие второго фронта льет воду на мельницу наших общих врагов»¹. В то время Англия проявляла заботу лишь о парашивании своего военного потенциала в Северной Африке и в районе Средиземного моря, а не об оказании действительной помощи Советскому Союзу.

Один из влиятельных министров в правительстве Черчилля — лорд Бивербрук писал в конце 1941 г., что содротивление русских «создало почти революционную ситуацию во всех оккупированных странах и открыло 2 тысячи миль побережья для десанта». Однако эти доводы не принимались во внимание ни правительством Англии, ни правительством США. «Начальники штабов, — заключил Бивербрук, — хотели бы, чтобы мы ждали, пока на последнюю гетру не будет пришита последняя пуговица, и лишь тогда предприняли наступление. Они игнорируют нынешнюю благоприятную возможность»².

После переговоров с Народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым в мае — июне 1942 г. руководители США и Англии публично заявили, что «достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.»³. Несмотря на это, обязательство английских и американских лидеров осталось на бумаге. Воспользовавшись тем, что основные силы вермахта были скованы на Востоке, они, вместо того чтобы нанести удар по германскому агрессору с Запада, предприняли в ноябре 1942 г. высадку войск в Северной Африке, с тем чтобы упрочить свои позиции в бассейне Средиземного моря.

Западные союзники обещали открыть второй фронт в 1943 г.⁴ Но и это обещание не было выполнено.

Причина невыполнения важнейших решений по отношению к СССР в области военного сотрудничества в 1941—1943 гг. проистекала из классовых империалистических позиций правящих

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР..., т. 1, с. 32.

² Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца: Пер. с англ. М., 1958, т. 1, с. 613.

³ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946, т. 1, с. 284.

⁴ См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР..., т. 2, с. 73.

кругов Англии и США. Они не были заинтересованы оказать советскому народу действительную помощь, надеясь, что Советский Союз будет обескровлен в единоборстве с главными силами фашизма. И лишь когда они убедились в том, что эти планы оказались несостоятельными, приступили к подготовке открытия второго фронта. Делалось это с расчетом — ограничить результаты побед Советской Армии. Свидетельством тому может служить неопубликованный протокол заседания Объединенного англо-американского штаба от 20 августа 1943 г., на котором обсуждался вопрос об отношении к СССР. В этом документе указывается, что военные руководители США и Великобритании обсуждали вопрос отнюдь не о помощи Советскому Союзу, а о том, не помогут ли немцы вступлению англо-американских войск на территорию Германии, чтобы «дать отпор русским».

То, что западные державы не желали оказывать эффективную помощь СССР в борьбе против фашистской Германии, подтверждает развернувшаяся в послевоенные годы между историками США и Англии полемика о причинах срыва обязательств открыть второй фронт в 1942—1943 гг. Начало полемике положил Р. Ингерсолл, американский журналист, прикомандированный на время боевых действий в Европе к штабу 12-й американской группы армий. В своей книге «Совершенно секретно» он связывал задержку с открытием второго фронта с антисоветской направленностью политики и стратегии Великобритании. «Во время войны, — писал он, — англичане пытались направлять нашу военную политику на путь, который был им желателен, — это был путь антирусский. Это им не удалось». Война «была выиграна путем лобового штурма на Европейском континенте...»¹ Эта точка зрения получила официальное признание в работах американских историков М. Мэтлоффа и Э. Снелла («Стратегическое планирование в коалиционной войне. 1941—1942 гг.»), Р. Коукли и Р. Лейтона («Глобальный тыл и стратегия. 1943—1945») ².

Английские буржуазные историки, стремясь обелить политику правящих кругов Великобритании, пытаются если не полностью свалить на США вину за срыв обязательств об открытии второго фронта, то по крайней мере поделить ее на равные части. При этом они довольно убедительно показывают, что американская сторона, выдвигая в 1942—1943 гг. планы нанесения ударов по Германии с Запада, практически ничего для их осуществления не предпринимала. Так, М. Говард, комментируя стратегические программы США на 1943 год, в которых содержалось предложение об открытии второго фронта, указывает: «Американские ресурсы, предназначенные ранее для осуществления плана «Болеро» (пере-

¹ Ингерсолл Р. Совершенно секретно: Пер. с англ. М., 1947, с. 463, 455.

² См.: Мэтлофф М., Снелл Э. Стратегическое планирование в коалиционной войне. 1941—1942 гг.: Пер. с англ. М., 1955, с. 114—124; Coakley R., Leighton R. Global Logistics and Strategy. 1943—1945. Washington, 1968, p. 272.

броска войск США в Англию для открытия второго фронта. — *Прим. ред.*), были направлены на Тихий океан, Средиземное море и даже на Средний Восток, а поэтому предложение о вторжении в Европу в 1943 году являлось нереальным... Теперь на руинах прежней стратегии предстояло создать новую»¹. В связи с очередным пересмотром стратегии западными союзниками Ф. Рузвельт в марте 1943 г. писал: «...никакого «Болеро»².

Дискуссия между американскими и английскими историками по поводу причин срыва открытия второго фронта убедительно свидетельствует, что и США, и Англия преднамеренно вводили СССР в заблуждение относительно своих планов и нарушали свои обязательства.

В последние годы, в атмосфере усилившейся на Западе антисоветской пропаганды, некоторые американские авторы уже не видят смысла в отстаивании тезиса о приверженности руководителей США к выполнению союзнических обязательств перед СССР. Американский историк М. Столер в книге «Политика второго фронта» откровенно пишет, что англо-американское командование рассматривало операцию по форсированию Ла-Манша как «средство предотвращения» усиления влияния СССР в послевоенной Европе³. Его единомышленник Дж. Григг в книге «1943. Победа, которой никогда не было» критикует и американское и английское руководство за то, что, затянув с началом вторжения в Европу с Запада, они упустили возможность остановить русских не на Эльбе, а на Висле или где-то далее на Востоке и продиктовать им свою волю «с позиции силы»⁴. Причины задержки с открытием второго фронта он видит в недалновидности Ф. Рузвельта, который нередко шел на поводу у тех, кто ратовал за наращивание усилий в первую очередь в борьбе против Японии, в переоценке английским фельдмаршалом А. Бруксом средиземноморской стратегии, в отказе У. Черчилля удовлетворить требование Индии о независимости, с тем чтобы полностью использовать ее потенциал в борьбе против Японии и высвободить английские силы, находившиеся в Азии, для борьбы против Германии и т. д.⁵. Главная же причина — стремление англо-американского руководства дожидаться максимального ослабления СССР в единоборстве с гитлеровской Германией — в книге даже не упоминается. Между тем приведенные Дж. Григгом факты служат для этого наглядной иллюстрацией. Стремясь доказать, что США и Англия могли бы воспрепятствовать вступлению Советской Армии на территорию европейских стран, он констатирует: «К 1943 г. у союзников не было недостатка в обученных и готовых к боям войсках. В то время как основная масса германской армии была задействована на Восточном фронте, для британских и американ-

¹ Говард М. Большая стратегия. Август 1942 — сентябрь 1943, с. 161.

² Там же, с. 213.

³ Stoler M. The Politics of the Second Front. Westport, 1977, p. 121.

⁴ Grigg J. 1943. The Victory that Never Was, p. 239.

⁵ Ibid., p. 223—229.

ских войск было гарантировано численное превосходство над любыми сосредоточенными против них германскими силами. Численность лишь американской армии возросла с конца 1941 г. до конца 1942 г. с 1 686 000 человек (37 дивизий и 67 боевых авиационных групп) до 5 397 000 человек (73 дивизии и 167 боевых авиационных групп). Что касается британских войск, то в марте 1943 г. они насчитывали 16 дивизий в Соединенном Королевстве, которые явно можно было хорошо подготовить к форсированию Ла-Манша в августе, и 11 дивизий, находящихся в стране. В других частях света под британским командованием размещалось еще 38 дивизий¹. Кроме того, Дж. Григг указывает, что в Западной Европе в 1943 г. США и Англия имели подавляющее превосходство в воздухе, достаточно союзных войск, сосредоточенных в Англии, для захвата и последующего укрепления плацдарма во Франции, имели технические средства и силы флота, необходимые для их безопасной переправы через Ла-Манш².

Книга Дж. Григга примечательна тем, что она опровергает более раннюю версию реакционной историографии США и Англии о том, что создать новый фронт против Германии в 1942—1943 гг. было невозможно из-за отсутствия необходимых сил и средств.

Совершенно несостоятельны распространенные в буржуазной историографии утверждения о том, что второй фронт стал главным фронтом второй мировой войны, что с лета 1944 г. «Франция стала главным театром военных действий»³.

Как и прежде, решающим фронтом второй мировой войны был советско-германский фронт. Здесь в июне 1944 г. находилось 4,3 млн. немецко-фашистских войск, в то время как во Франции и Италии — около 1 млн. солдат и офицеров⁴. Среднемесячные потери вермахта на советско-германском фронте во второй половине 1944 г. составляли более 200 тыс. человек и вдвое превышали потери, которые ему наносили все, вместе взятые, армии западных союзников⁵. Летом и осенью 1944 г. Советская Армия с боями продвинулась на запад на 600—900 километров, вышла к границе Германии на Восточной Пруссии, разгромив врага и очистив от него Белоруссию, почти всю Советскую Прибалтику, восточные районы Польши, Чехословакии, Венгрии и Югославии, полностью освободила Румынию и Болгарию. За это время было уничтожено и пленено 96 дивизий и 24 бригады, разгромлено 219 дивизий и 22 бригады противника⁶.

¹ Grigg J. 1943. The Victory that Never Was, p. 214.

² Ibid., p. 213.

³ Young P. World War II. London, 1966, p. 375; Jäckel E. Frankreich in Hitlers Europe. Stuttgart, 1966, S. 320; Grimm F. Frankreich Berichte 1934—1944. Bodensee, 1972, S. 230.

⁴ См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1978, т. 9, с. 19, 243, 282.

⁵ KTB/OKW. Frankfurt a/M., 1961. Bd. 4, Halbband 2. S. 1509—1511.

⁶ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 9, с. 531.

В Западной Европе войскам США, Англии и Франции противостояло лишь около одной трети в основном плохо обученных и недостаточно вооруженных войск фашистского вермахта, что, по признанию гитлеровского генерал-фельдмаршала Г. Клюге, сделанному в августе 1944 г., явилось «неизбежным следствием отчаянного положения на Востоке»¹. К началу сентября немецко-фашистские войска, оставив Францию, отошли к западной границе Германии и, опираясь на полуразрушенные довоенные укрепления линии Зигфрида, перешли к обороне. В то время более чем 2 млн. отлично вооруженных войск союзников противостояло примерно 700 тыс. немецких солдат и офицеров, имевших всего 100 танков и штурмовых орудий. Однако нерешительность, отсутствие опыта в организации прорыва заранее подготовленной обороны противника, стремление сосредоточить как можно больше сил для наступления привели к тому, что после ряда неудачных попыток добиться успеха осенью главнокомандующий экспедиционными силами союзников генерал Д. Эйзенхауэр решил ограничиться проведением мелких операций, отложив развертывание активных наступательных действий на весну 1945 г.² Затем этот срок был пересмотрен после новых крупных поражений вермахта на советско-германском фронте зимой 1945 г. и перенесен на февраль 1945 г.

Зависимость успеха наступления союзников на Германию с запада от развития обстановки на главном советско-германском фронте отмечается в ряде вышедших исторических работ. Так, французский историк Л. Латрей подчеркивает, что «до июня 1944 года СССР один вынес основную тяжесть наступления на Германию, а после высадки союзников он продолжил и усилил свои действия до конца лета, достигая поразительных успехов»³. Американский историк С. Патрик, отмечая, что «на Западе лишь немногие способны осознать колоссальные масштабы войны на Востоке», указывает: «Германия проиграла вторую мировую войну на полях России, а не в живых изгородях Нормандии»⁴.

Такие оценки способствуют утверждению правды о событиях второй мировой войны. Однако на Западе они составляют не правило, а исключение. Господствующая там тенденция сводится к непомерному восхвалению действий англо-американских войск в Западной Европе. Более того, предпринимаются попытки обвинить Советский Союз в умышленном отказе координировать свои усилия с усилиями США и Англии. В «Энциклопедии Американа» сотрудники военно-исторической службы США опубликовали статью о второй мировой войне, в которой утверждается, что «русские косвенно помогли Гитлеру тем, что никак не про-

¹ КТВ/ОКВ, Bd. 4, Halbband 2, S. 1575.

² См.: Эрман Дж. Большая стратегия. Октябрь 1944 — август 1945: Пар. с англ. М., 1958, с. 48—49.

³ Latreille L. La Seconde guerre mondiale. Paris, 1966, p. 250—251.

⁴ The Russian Front. Germany's War in the East, 1941—1945. London, Melbourne, 1978, p. 155.

демонстрировали своих намерений облегчить высадку союзников»¹. Это заявление не имеет под собой никаких оснований. Советский Союз безупречно выполнял свой союзнический долг и делал все возможное, чтобы облегчить задачу союзников в Нормандии. Как уже отмечалось, в ходе зимне-весенней кампании 1944 г. Советская Армия заставила гитлеровское командование бросить на восполнение потерь вермахта на Востоке более 40 новых дивизий и тем сорвала его план создать мощные резервы для отражения ожидавшегося вторжения союзников во Францию.

На территории Франции, Бельгии и Голландии к июню 1944 г. гитлеровцы имели всего 60 ослабленных в своем большинстве дивизий. Многие из них находились на стадии формирования, а другие напоминали по своему вооружению «пехотные дивизии конца первой мировой войны»². С началом боевых действий союзников в Нормандии немецко-фашистское командование приняло решение направить с советско-германского фронта на Запад восемь дивизий. Однако крушение группы армий «Центр» вынудило его отказаться от этого намерения.

Силы немецко-фашистского вермахта на Западе, по оценке Гитлера, ни по вооружению, ни по снаряжению не были пригодны для ведения «маневренной войны» и их боеспособность «не могла измеряться по числу дивизий»³. Он признавал, что в таком положении удержание Франции не имело «никакой перспективы»⁴. Эти факты свидетельствуют, что Советская Армия еще до высадки западных союзников во Франции создала для ее проведения наиболее благоприятные условия.

10 июня 1944 г., через четыре дня после открытия второго фронта, советские войска, выполняя обязательство о поддержке высадки союзников в Нормандии, развернули наступление на северном крыле фронта против линии Маннергейма. 23 июня началась одна из крупнейших операций второй мировой войны по освобождению Белоруссии, в ходе которой к началу августа была разгромлена немецко-фашистская группа армий «Центр». Только в ходе этой операции вермахт потерял до 400 тыс. солдат и офицеров. Чтобы приостановить наступление советских войск и временно стабилизировать свой фронт, гитлеровское командование вынуждено было перебросить в Белоруссию из Германии, ряда оккупированных стран и с других участков советско-германского фронта 46 дивизий и 4 бригады⁵. Белорусская операция явилась реальной помощью англо-американским войскам во Франции, облегчила им переход в наступление с захваченного плацдарма в Нормандии.

¹ Encyclopedia Americana, vol. 29, p. 237.

² Spreidel H. Die Invasion 1944. Tübingen, 1952, S. 51—52.

³ Hitlers Lagebesprechungen: Die Protokollfragmente seiner militärischen Konferenzen 1942—1945. Stuttgart, 1962, S. 587.

⁴ Ibid., S. 606.

⁵ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 9, с. 64.

Уклоняясь от сопоставления результатов наступления Советской Армии в 1944—1945 гг. с действиями армий западных союзников в тот же период, буржуазные авторы вместе с тем концентрируют усилия на восхвалении англо-американских войск. Правда, высшей похвалой у них все же остается сравнение со Сталинградом. Если им верить, то на Западе было по крайней мере три равноценные победы, а именно во Франции в районе Фалеза, в бельгийских Арденнах и в Руре. «Сталинградом на Западе», «величайшим побойщем современной истории» называют они неудачную попытку командования западных союзников окружить и уничтожить 7-ю полевую и 5-ю танковую немецкие армии (около 20 дивизий) между Фалезом и Мортеном в августе 1944 г.¹

Бой в этом районе действительно были напряженные. Внезапный удар немецкой группировки с востока во фланг только что прорвавшимся во Францию с плацдарма в Нормандии американским армиям под Мортеном потерпел провал из-за недостатка сил. Она вынуждена была начать отход за Сену. Союзное командование в этой обстановке приняло решение отрезать противнику путь к отступлению, окружить его и уничтожить. Однако претворить его в жизнь оно не сумело. Превосходящие силы союзников (37 дивизий), имевшие абсолютное господство в воздухе, действовали крайне нерешительно. Хотя они и окружили разрозненные части восьми пехотных и двух танковых дивизий противника (общей численностью 45 тыс. человек), наиболее боеспособным немецко-фашистским дивизиям удалось вырваться из фалезского мешка и уйти за Сену. Ни по своему характеру, ни по размаху и результатам действия западных союзников под Мортеном и Фалезом не могут быть сравнимы с действиями советских войск под Сталинградом.

Единственной крупной операцией немецко-фашистских войск на Западе после открытия второго фронта было наступление в районе бельгийских Арденн (декабрь 1944 г. — январь 1945 г.). Этой операции посвящен ряд специальных исследований военных историков США², Англии³ и ФРГ⁴. События в Арденнах зимой 1944/45 г. в буржуазной историографии часто называются «вторым Сталинградом» и используются для конструирования различных спекулятивных измышлений, призванных преувеличить роль западных союзников в разгроме фашистской Германии, признать значение боевых действий Советской Армии в завершающий период второй мировой войны в Европе.

¹ Florentin E. Battle of Falaise Gap. New York, 1967; The Army, 1968. January, p. 176; World War II. Land, Sea and Air Battles 1939—1945, p. 150.

² Cole H. The Ardennes: Battle of the Bulge. Washington, 1965; Eisenhower D. The Bitter Woods. New York, 1969, etc.

³ Elstob P. Hitler's Last Offensive 1944—1945. New York, 1971; Strawson J. The Battle for Ardennes. London, 1972.

⁴ Jung H. Die Ardennenoffensive 1944—1945. Göttingen, 1971.

Многие буржуазные историки сам факт проведения немецким командованием крупной наступательной операции на Западе зимой 1944/45 г. пытаются истолковать как свидетельство приоритета западного фронта над восточным в стратегических планах гитлеровского руководства на 1944 год. Американский историк Х. Коул, например, утверждает, что Гитлер руководствовался указанием немецкого военного теоретика Шлиффена о том, что «противник на Рейне более опасен, чем противник в Восточной Пруссии»¹. Английский историк Д. Ирвинг также стремится убедить читателей, что фашистское руководство со второй половины 1944 г. перенесло центр тяжести борьбы с Востока на Запад².

На самом деле решение гитлеровского командования нанести удар по западным союзникам зимой 1944/45 г. было отчаянной попыткой найти выход из критического положения, в котором оказались фашистская Германия и ее вооруженные силы из-за тяжелейших поражений на советско-германском фронте, где были перемолоты отборные силы гитлеровцев и предрешена неизбежность краха фашистской Германии. Признавая этот факт, бывший начальник штаба оперативного руководства ОКВ генерал-полковник А. Йодль отмечал, что уже к моменту открытия второго фронта ему было ясно, что военными средствами Германия не может выиграть войну, так как «в итоге бои 1943 г. показали, что инициатива полностью перешла к русским, а немецкая армия потеряла, во-первых, подвижность, а во-вторых, в дальнейшем больше не получила возможности восстановить свои потерянные кадры»³.

Утверждение буржуазных историков о том, что решение немецкого командования на наступление в Арденнах было обусловлено перенесением центра тяжести борьбы с советско-германского фронта на западный фронт, не подтверждается и оценкой перспектив развития событий гитлеровским руководством.

31 июля 1944 г. на военном совещании в ставке «Волчьего логова» при анализе военного положения Германии подчеркивалось, что на Западе силы антигитлеровской коалиции слабее и там «снова можно будет добиться перелома»⁴. Немецко-фашистскому командованию во Франции была поставлена задача отвести в Германию возможно большее количество войск на удобные позиции линии Зигфрида и Вогез, с тем чтобы сохранить силы и выиграть время для подготовки к решительному наступлению⁵.

На советско-германском фронте фашистское руководство уже не надеялось на какой-либо успех. «Если говорить о том, что меня больше всего беспокоит, то это проблема стабилизации Восточного фронта. Большого сейчас там добиться невозможно»

¹ Cole H. The Ardennes: Battle of the Bulge, p. 13.

² Irving D. Hitler's War, p. 755.

³ «Совершенно секретно! Только для командования!», с. 637.

⁴ Hitlers Lagebesprechungen, S. 586.

⁵ Ibid., S. 606.

но... — говорил Гитлер. — Я сейчас подумал о том, что относится к наиболее опасным моментам, которые могут лишить нас всякой надежды на успех. Это прежде всего прорыв на Востоке... будь то угроза промышленному району Верхней Силезии или угроза Восточной Пруссии, включая психологические тяжелые последствия»¹.

Командованию вермахта было ясно, что на громадном советско-германском фронте для ослабленной пятилетней войной Германии речь могла идти только об обороне. Вот почему оно решило подготовить наступление на Западе, где, по его мнению, можно было рассчитывать на «решающий успех»². Пассивность союзных войск осенью 1944 г. укрепила его веру в правильности принятого решения.

При освещении Арденнской операции подавляющее большинство буржуазных историков стремится доказать, что фашистскому руководству удалось создать на западном фронте мощную ударную группировку, перебросить крупные силы с советско-германского фронта на Запад. Так, западногерманские историки Х. Хубер и А. Мюллер пишут, что для наступления в Арденнах с восточного фронта было заблаговременно переброшено 17 дивизий³. «Переброска крупных сил с Востока на Запад... — вторит им автор специальной работы об Арденнской операции английский историк П. Элстоб, — серьезно ослабила Германию на Восточном фронте»⁴.

Это не что иное, как преднамеренная ложь. В период подготовки Арденнской наступательной операции немецкое командование не имело возможности направить на Запад ни одной дивизии с советско-германского фронта. Это не раз признавали после войны и бывшие гитлеровские генералы. Один из них — К. Вагнер в начале 60-х годов опубликовал подробные данные об ударной группировке в Арденнах, которые показывают, что большинство входивших в нее соединений, в том числе все танковые, накануне операции были выведены на отдых и пополнение с различных участков западного фронта. Что касается остальных дивизий группировки, то это были новые, наспех сколоченные формирования, включавшие в себя остатки ранее разгромленных дивизий⁵. Опубликованные немецкие документы свидетельствуют, что фашистское руководство было в то время особенно обеспокоено вероятностью перехода Советской Армии в «гигантское наступление против Восточной Пруссии и Верхней Силезии»⁶. Ввиду угрожающей обстановки на Востоке гитлеровцы были по-

¹ Hitlers Lagebesprechungen, S. 584, 586.

² Wehrwissenschaftliche Rundschau, 1960, Hft. 9, S. 505.

³ Das Dritte Reich in Bildern und Dokumenten. München, 1969, Bd. IV, S. 79.

⁴ Elstob P. Hitler's Last Offensive, p. 390.

⁵ Wehrwissenschaftliche Rundschau, 1961, Hft. 1, S. 49.

⁶ Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler. Frankfurt a/M., 1970, 2. Teil, S. 53.

ставлены перед альтернативой: либо в самое ближайшее время предпринять наступление в Арденнах, либо отказаться от него вообще. Был принят первый вариант. В результате немецко-фашистскому командованию пришлось начать операцию, не используя всех возможностей, которые предоставляла ему для наращивания сил недостаточная активность войск союзников на западном фронте. Согласно директиве на проведение Арденнской операции, подписанной Гитлером 10 ноября 1944 г., в состав ударной группировки намечалось выделить 38 дивизий, в том числе 15 танковых и моторизованных¹. Однако к началу операции в этой группировке имелись всего 21 дивизия (в том числе 7 танковых) и две бригады. Активный участник подготовки и проведения операции бывший командующий 5-й немецкой танковой армией генерал Мантейфель признал впоследствии, что причина этого крылась «в напряженном военном положении на Востоке»².

Немецко-фашистское командование решило нанести удар в Арденнах в надежде внести раскол в антигитлеровскую коалицию, демонстрацией силы склонить США и Англию к заключению сепаратного мира и затем повернуть все силы против Советской Армии. При этом ставка делалась на рост антисоветских тенденций в политике США и Англии, на их возможный отказ от совместного с СССР требования безоговорочной капитуляции фашистской Германии в целях сохранения сил главного противника Советского Союза в Европе.

При описании хода Арденнской операции в буржуазной литературе превозносятся действия англо-американских войск. Решающая роль Советской Армии в срыве гитлеровских замыслов при этом или замалчивается, или отвергается. Убедиться в несостоятельности буржуазной трактовки хода Арденнской операции позволяют действительные факты.

Англо-американское командование до самого начала немецкого наступления оставалось в неведении о замыслах противника, считало, что он не способен провести крупную операцию. Район Арденн оценивался союзниками как наиболее безопасный участок. Здесь на 120-километровом фронте скрытно сосредоточенной немецкой группировке противостояло лишь пять дивизий 1-й американской армии из состава 12-й группы армий генерала О. Брэдли.

Немецкие войска нанесли удар в Арденнах на рассвете 16 декабря 1944 г. Его цель состояла в разгроме англо-американских войск к северу от линии Антверпен, Брюссель, Люксембург. Танки с фашистской свастикой на броне прорвали фронт и, сея панику в рядах противника, дезорганизуя его оборону, устремились по территории Бельгии и Люксембурга на северо-запад.

¹ КТВ/OKW, Bd. 4, Halbband I, S. 440.

² Entscheidungsschlachten des Zweiten Weltkrieges. Frankfurt a/M., 1960, S. 529.

Застигнутые врасплох, американские дивизии отступили. К 25 декабря фронт американских войск был прорван на 80-километровом участке на глубину до 100 километров. Не располагая подготовленными резервами, командование союзников спешно перебросило в Арденны крупные силы с других участков фронта и нанесло контрудар по наступавшим войскам противника с юга, создав угрозу прорыва его южного фланга. Немецкое командование, приостановив продвижение на запад, произвело перегруппировку и перенесло направление главного удара на юг. Атаки немецко-фашистских войск были столь яростны, а потери союзников столь велики, что американский генерал Д. Паттон 4 января 1945 г. записал в своем дневнике: «Мы еще можем проиграть эту войну»¹.

В начале января положение американских войск на западном фронте осложнилось в связи с тем, что немецкие войска нанесли удар в Эльзасе. Кроме того, 1 января 1945 г. более 1 тыс. самолетов немецкого авиационного командования «Запад» обрушили внезапный удар по 27 прифронтовым аэродромам, складам и скоплениям боевой техники, причинив им большой урон.

Союзники считали, что со стороны противника могут последовать новые удары. 6 января 1945 г. У. Черчилль обратился с просьбой к И. В. Сталину как можно быстрее начать новое наступление советских войск, чтобы разрядить напряженную обстановку на западном фронте. В свою очередь Д. Эйзенхауэр сообщил в Вашингтон, что отсутствие помощи со стороны Советской Армии поставило бы американские войска «в самое тяжелое положение»².

12 января 1945 г. Советская Армия на восемь дней ранее запланированного срока перешла в новое крупное наступление от Балтийского моря до Карпат. В результате гитлеровское командование вынуждено было признать бесперспективность наступательных действий на западном фронте и отдало приказ об отступлении из Арденн. 28 января последние немецкие части, преследуемые войсками союзников, откатились на ранее занимаемые позиции и перешли к обороне.

Таков общий ход событий на западном фронте в декабре 1944 г. — январе 1945 г. Они свидетельствуют, что Советская Армия честно выполнила свой союзнический долг и оказала решающее влияние на срыв немецких наступательных операций на Западе. В дневнике верховного главнокомандования вермахта отмечалось, что «ввиду угрожающей обстановки на Востоке фюрер приказал перейти к обороне на Западе»³.

Сейчас эти документы многие буржуазные историки обходят стороной. Проповедуя миф о «безраздельной» победе западных союзников в борьбе на западном фронте зимой 1944/45 г., они

¹ Patton G. War as I knew it. Boston, 1947, p. 213.

² The Papers of Dwight D. Eisenhower. Baltimore and London, 1970, vol. 4, p. 2407.

³ КТВ/ОКВ, Bd. 4, Halbband 2, S. 1053.

отстаивают версию о том, что не Советская Армия помогла союзникам преодолеть кризис в Арденнах и Эльзасе, а, наоборот, англо-американские войска обеспечили Советской Армии успех ее нового наступления в начале 1945 г. Одни, подобно М. Фройнду, заявляют, что в период немецкого наступления в Арденнах «живая сила Советов была исчерпана» и Советская Армия «смогла продолжить свое наступление через Польшу только потому, что все немецкие армии были скованы на Западе»¹. Другие, подобно А. Ситону, пытаясь исказить подлинное соотношение сил, заявляют, что превосходство Советской Армии в Висло-Одерской операции над вермахтом в личном составе было 11:1². При этом делаются ссылки на немецкие источники. Дж. Лукас, стремясь выдать себя за объективного исследователя, приводит другие данные о соотношении сил. Он пишет, что, согласно советским официальным источникам, соотношение сил тогда выразилось как 7:1³.

В период боев в Арденнах, накануне нового наступления Советской Армии, основные силы вермахта, как и ранее, находились на советско-германском фронте. Советским войскам противостояло 3,7 млн. солдат и офицеров противника, а англо-американским войскам на западном фронте и в Италии — 1,9 млн.⁴ В Висло-Одерской операции (12 января — 3 февраля 1945 г.) Советская Армия численно превосходила противника, но не в 7 или 11 раз, а примерно в 4 раза. В ходе этой операции было разгромлено 25 и уничтожено 35 дивизий вермахта⁵.

Зимнее наступление Советской Армии 1945 г., завершившееся ее выходом на подступы к Берлину, заставило немецко-фашистское командование перебросить с западного фронта на советско-германский фронт 16 дивизий, 800 танков и штурмовых орудий, большое количество другой боевой техники и оружия. Это позволило командованию англо-американских войск вернуть утраченные позиции в Арденнах и Эльзасе, а затем намного ранее, чем планировалось, возобновить наступление. Вот что говорилось в приказе Д. Эйзенхауэра от 1 февраля 1945 г.: «Русское наступление достигло громадного успеха, и противник форсирует отвод войск с западного фронта. Поэтому делом первостепенной важности является выход к Рейну севернее Дюссельдорфа со всевозможной быстротой»⁶.

В конце марта 1945 г. западные союзники форсировали Рейн и развернули свое последнее наступление в Германии. 1-я и 9-я армии США беспрепятственно обошли Рурскую область с севера и с юга и 2 апреля соединились в районе Липштадта. В образовавшемся

¹ Freund M. Deutsche Geschichte, S. 1478—1479.

² Seaton A. The Russo-German War 1941—1945, p. 572.

³ Lucas J. War on the Eastern Front 1941—1945, p. 50.

⁴ См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1979, т. 10, с. 37, 42.

⁵ См.: Советская Военная Энциклопедия. М., 1976, т. 2, с. 147, 149.

⁶ The Papers of Dwight D. Eisenhower, vol. 4, p. 2465.

в результате этого маневра котле оказалась 21 дивизия немецко-фашистской группы армий «Б» во главе с фельдмаршалом Моделем. Окруженная группировка противника была вскоре расчленена ударами американских войск с севера и юга и 18 апреля прекратила сопротивление.

Возникает вопрос: что явилось причиной столь быстрой капитуляции группы армий «Б», почему она оказалась неспособной к сопротивлению?

Буржуазные авторы преподносят читателям Рурскую операцию как событие, не уступающее по своему значению битве на Волге¹. При этом умалчивается тот факт, что немецкое командование, по существу, оголило западный фронт, перебросив в январе — феврале 1945 г. третью часть его сил и средств против наступавшей с востока Советской Армии. В конце марта — начале апреля 85 союзным дивизиям, перешедшим в наступление за Рейном, противостояло 60 недоукомплектованных личным составом и оружием немецких дивизий, боеспособность которых была эквивалентна самое большее 25 дивизиям².

Попавшая в окружение группа армий «Б» была не способна организовать сколько-нибудь устойчивую оборону из-за острого недостатка личного состава, танков, артиллерии, боеприпасов, средств транспорта, связи и самых необходимых предметов снабжения. Гитлеровское командование было лишено возможности оказать помощь окруженным, поскольку основные силы вермахта находились на советско-германском фронте³. Ф. Меллентин в своих мемуарах так описывает действия немецких войск в этой ситуации: «Вечером 15 апреля был отдан приказ о создании небольших групп... которые должны были попытаться пробиться на восток. Солдаты, не имеющие ни оружия, ни боеприпасов, были оставлены на произвол судьбы. 17 апреля командование группы армий «Б» объявило об увольнении из вооруженных сил самых младших и старших возрастов и о прекращении сопротивления. 18 апреля фельдмаршал Модель покончил жизнь самоубийством»⁴.

В свете приведенных фактов любые попытки сравнить успех западных союзников в Руре с победой советских войск на Волге, включить Рурскую операцию в число «великих битв» второй мировой войны не выдерживают никакой критики. Такую позицию разделяют и некоторые буржуазные авторы. В частности, западногерманский исследователь Л. Зиллер, критикуя несостоятельность надежд нацистских руководителей удержать Рур, пишет: «Окруженная Рурская область не превратилась в защищающийся до последнего дыхания второй Сталинград. К группировке Мо-

¹ См.: Брэдли О. Записки солдата: Пер. с англ. М., 1957, с. 567; World War II. Land, Sea and Air Battles 1939—1945, p. 179.

² Förster G. und andere. Der Zweite Weltkrieg, S. 389.

³ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 10, с. 256—257.

⁴ Меллентин Ф. Танковые сражения. 1939—1945 гг.; Сокр. пер. с англ. М., 1957, с. 285.

деля, насчитывавшей почти четверть миллиона человек, можно причислить еще около 100 тыс. солдат ПВО, сконцентрированных здесь для охраны военных предприятий. Однако запасов снабжения для солдат и многомиллионного населения в этом районе при любых условиях могло хватить лишь на две-три недели»¹. Американский историк Ф. Погью тоже признает, что все действия американских войск на территории Германии после форсирования Рейна выглядели лишь «как маневры мирного времени, проводимые со всеми техническими средствами современной войны»².

Тем временем советские войска, взламывая оборону противника, стремительно продвигались к фашистскому логову — Берлину.

Берлинская операция была одной из наиболее эффективных стратегических операций Советской Армии на заключительном этапе войны против фашистской Германии и внесла большой вклад в развитие военного искусства. Она отличалась четкостью стратегического замысла, полным его соответствием особенностям сложившейся военно-политической обстановки. При подготовке операции в максимально сжатые сроки было умело осуществлено массирование сил и средств, способных достаточно быстро прорвать оборону противника на всю глубину и завершить окружение его центральной группировки. В результате высокого мастерства советского командования значительная по своему составу вражеская группировка, несмотря на ее ожесточенное сопротивление и стремление не допустить дробления, в конце концов оказалась рассеченной на части, что ускорило ее окончательное уничтожение.

Поучительными и уникальными для второй мировой войны явились в ходе Берлинской операции бои непосредственно в городе, который представлял собой крупный современный индустриальный центр с населением 3,5 млн. человек, с развитой сетью подземных коммуникаций, метрополитеном, большим количеством каменных зданий, водных преград.

Разгром крупной группировки противника и занятие советскими войсками Берлина сорвали замыслы гитлеровской верхушки вызвать раскол в рядах антифашистской коалиции, добиться сепаратной капитуляции перед западными союзниками и продолжения войны против СССР.

Среди буржуазных историков немало таких, которые вообще отрицают сам факт проведения Берлинской операции. Так, западногерманский публицист Э. Куби утверждает: «То, что в истории XX столетия названо великой битвой за Берлин и в Берлине, является мифом. Такой битвы никогда не было». Он тенденциозно пытается свести количество фашистских войск, оборонявших Берлин, к численности немецкого гарнизона, в котором якобы насчи-

¹ Stillner L. Als alles in Scherben fiel. München, 1970, S. 179.

² Погью Ф. Верховное командование; Сокр. пер. с англ. М., 1959, с. 450.

тывалось всего 94 тыс. человек¹. Английский историк А. Кларк пытается уверить читателей в том, что будто бы при подготовке удара на Берлин советское командование «переоценивало немецкие силы» и «сложность своей задачи», что численность регулярных войск берлинского гарнизона не достигала и 25 тыс. человек². Американский историк К. Райан заявляет: «Оборона Берлина — это иллюзия», потому что «Гитлер и его советники ничего не сделали для обороны города»³. Английский генерал Д. Страусон также пытается уверить читателей, что немецкие армии существовали лишь в воображении Гитлера и фактически «последней битвы за Берлин никогда не было»⁴. Это явная ложь. В обращении национал-социалистской партии к вермахту от 3 апреля 1945 г. говорилось: «Война решается не на западе, а на востоке... Предстоящее большое наступление большевиков должно быть отбито при всех обстоятельствах. Предпосылки для этого имеются — люди и техника у нас есть. Наш взор должен быть обращен только на восток, независимо от того, что будет происходить на западе. Удержание Восточного фронта является предпосылкой к перелому в ходе войны»⁵.

С удержанием Берлина гитлеровское руководство связывало свои последние надежды на спасение. Генерал Г. Вейдлинг, назначенный 24 апреля командующим обороной Берлина, вспоминал, что после его первого доклада в имперской канцелярии об обстановке Гитлер произнес длинную речь и «все его слова так или иначе выражали одну мысль — с падением Берлина поражение Германии несомненно»⁶.

На берлинское направление были стянуты все имевшиеся в наличии силы фашистского вермахта — 85 дивизий и много отдельных частей, насчитывавших в общей сложности около 1 млн. человек, 10,4 тыс. орудий и минометов, 1,5 тыс. танков и штурмовых орудий и 3,3 тыс. боевых самолетов. Непосредственно для ведения боев в Берлине был предназначен гарнизон, общая численность которого превышала 200 тыс. человек⁷.

Американский историк Э. Зимке пишет, что оборонительные укрепления немецких войск на Одере были всего лишь «бутафорией»⁸. Это тоже явная ложь. От Одера до Берлина была сооружена сплошная система опорных пунктов и узлов сопротивления,

¹ К у б у Е. Die Russen in Berlin 1945. München, 1965, S. 52, 99.

² Clark A. Barbarossa. The Russian-German Conflict 1941—1945. London, 1985, p. 449, 458.

³ Ryan C. The Last Battle. New York, 1966, p. 380.

⁴ Strawson J. Hitler's Battles for Europe. New York, 1971, p. 227; Strawson J. The Battle for Berlin. London, 1974, p. 148.

⁵ Цит. по: Воробьев Ф. Д., Пароткин И. В., Шиманский А. Н. Последний штурм (Берлинская операция 1945 г.). М., 1975, с. 23.

⁶ Военно-исторический журнал, 1961, № 10, с. 96.

⁷ Förster G. und andere. Der Zweite Weltkrieg, S. 391.

⁸ Ziemke E. The Battle for Berlin: End of the Third Reich. New York, 1972, p. 40.

которые являлись серьезным препятствием для советских войск. Наиболее тщательно в инженерном отношении были оборудованы участки перед кюстринским плацдармом, захваченным войсками 1-го Белорусского фронта, и на Зеловских высотах.

На непосредственных подступах к Берлину гитлеровцы создали три оборонительных обвода — внешний, внутренний и городской — и девять секторов обороны в самом городе. На улицах строились баррикады, противотанковые заграждения, завалы, бетонированные сооружения. Для усиления артиллерийской обороны Берлина привлекались все силы зенитной артиллерии. Кроме того, в качестве огневых точек использовались танки, в том числе и находившиеся в ремонте, но имевшие исправное артиллерийское вооружение. Их закапывали на перекрестках улиц, у железнодорожных мостов. По указанию фашистского руководства каждая улица, площадь, каждый переулок, дом, канал, мост становились составным элементом обороны города. К оборонным работам в Берлине было привлечено свыше 400 тыс. человек. В городе сосредоточивались отборные полицейские и эсэсовские части.

Разгром берлинской группировки немецко-фашистских войск представлял собой сложную задачу, которая блестяще была решена Советскими Вооруженными Силами. В короткий срок для проведения Берлинской операции Ставка Верховного Главнокомандования сосредоточила мощную группировку войск в составе трех фронтов (1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского), значительно превосходившую противостоявшего противника. В ней насчитывалось 2,5 млн. солдат и офицеров, 41,6 тыс. орудий и минометов, около 6,3 тыс. танков и САУ, 7,5 тыс. самолетов. Создание в короткие сроки такой группировки явилось еще одним показателем возможностей советской военной организации и советского военного искусства.

Берлинская операция началась 16 апреля 1945 г. Активные боевые действия велись в полосе шириной 700 километров (от Балтийского моря до отрогов Судетских гор). В ходе операции, длившейся до 7 мая 1945 г., советские войска разгромили 70 пехотных, 12 танковых и 11 моторизованных дивизий вермахта, взяли в плен 480 тыс. солдат и офицеров, захватили более 1,5 тыс. танков и штурмовых орудий, около 11 тыс. орудий и минометов и 4,5 тыс. самолетов.

Американский историк С. Патрик, стремясь внушить читателям мысль о том, что будто Берлинская операция не имела существенного значения для завершения разгрома фашистской Германии, пишет: «Когда Красная Армия начала наступление на Берлин, немцы не оказали ей серьезного сопротивления»¹. Подобное утверждение, мягко говоря, противоречит истине. На советско-германском фронте, в отличие от западного, гитлеровцы до последнего дня войны оказывали упорнейшее сопротивление. Сра-

¹ War in the East: The Russo-German Conflict 1941—1945, p. 17.

жения на подступах к Берлину и в самом городе носили исключительно ожесточенный характер. С 16 апреля по 8 мая советские войска потеряли более 102 тыс. человек¹. Для сравнения следует указать, что англо-американские войска в ходе наступательных операций в Германии за весь 1945 год потеряли 260 тыс. человек².

Под влиянием неопровержимых документов некоторые историки на Западе вынуждены признать большой размах и ожесточенность Берлинской битвы. Так, американский историк Э. Моррис в книге «Блокада: Берлин и холодная война» в одной из глав более или менее объективно освещает ход борьбы за Берлин. Он приводит действительное соотношение сил сторон перед началом наступления Советской Армии, отмечает сложность задачи по прорыву хорошо подготовленной вражеской обороны³.

«Одной из кровопролитнейших битв нашего века» называют Берлинскую битву английские историки — авторы книги «Вторая мировая война. Сухопутные, морские и воздушные битвы 1939—1945 гг.»⁴. Однако сделано это с определенным умыслом — показать, что фашистские солдаты и офицеры оказывали «блестящее сопротивление», «остались верными» Гитлеру. Уместно напомнить, что большинство нацистских главарей, в том числе Геринг, Гиммлер, Кейтель и Йодль, заблаговременно бежали из Берлина. 30 апреля Гитлер, а 1 мая Геббельс покончили самоубийством. Началась массовая сдача немецко-фашистских войск в плен.

Красный стяг, взметнувшийся на куполе рейхстага, знаменовал всемирно-историческую победу Советского Союза над самыми чудовищными силами международного империализма, позорную гибель гитлеровского рейха и фашистского режима.

4. Капитуляция милитаристской Японии

Война Советского Союза против Японии явилась логическим продолжением Великой Отечественной войны, органической составной частью его общей борьбы за искоренение фашизма и милитаризма, за торжество дела мира и прогресса на всем земном шаре. Советская Армия в ходе боевых действий в Азии с честью завершила начатую в Европе освободительную миссию по отношению к народам, оказавшимся под пятой стран фашистского блока, продемонстрировала свою непоколебимую верность пролетарскому интернационализму. Ее военные успехи способствовали победе народных революций в Китае, Северной Корее и Вьетнаме, подъему национально-освободительной борьбы народов других стран Азии и бассейна Тихого океана.

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 10, с. 344.

² См. там же.

³ Morris E. Blocade: Berlin and the Cold War. New York, 1973, p. 29.

⁴ World War II. Land, Sea and Air Battles 1939—1945, p. 175.

Непосредственное участие советских войск в разгроме японского милитаризма еще выше подняло авторитет Советского Союза в глазах народов колониальных и зависимых стран, которые вочую убедились в том, что государство, первым вставшее на путь построения социализма, является их верным и бескорыстным союзником в борьбе против всех форм империалистической эксплуатации и угнетения.

Советский Союз своими действиями на Дальнем Востоке в 1945 г. во многом способствовал срыву послевоенных планов наиболее реакционных кругов США и Англии, направленных на восстановление в Азии довоенных колониальных порядков. Америкавские правящие круги, нарушив данные ими в Потсдаме обязательства, спасли от крушения реакционный режим в Японии, ликвидировали возникшие в ходе освободительной борьбы народные органы власти на Филиппинах, установили диктатуру послушного им марионеточного правительства в Южной Корее. Английские вооруженные силы помешали в 1945 г. встать на путь самостоятельного, демократического развития народам Малайи и Бирмы, продолжали хозяйничать в Индии. В результате таких действий западных держав многим народам Азии пришлось еще долго и упорно бороться, чтобы окончательно освободиться от оков колониализма и выйти на путь национальной независимости.

Главным противником прогрессивных демократических сил в Азии на современном этапе выступает империализм США. Взяв на себя роль оплота мировой реакции, душителя революционного и национально-освободительного движения, он бесперечно вмешивается во внутренние дела других народов, стремится втянуть их в русло агрессивной политики, подорвать их крепнущие связи с СССР и другими странами социалистического содружества. При этом правящие круги США пытаются «исторически» обосновать свои действия, подрывающие суверенитет стран Азии, рядятся в тогу их единоличных спасителей от ига японского милитаризма в 1945 г. Будучи главнокомандующим америкавскими оккупационными войсками в Японии, генерал Д. Макартур заявил: «Поскольку война на Тихом океане выиграна исключительно вооруженными силами США, они же должны обеспечить завоеванный мир в этом районе и в послевоенный период»¹. Опыт показывает, однако, что подобные декларации о защите мира являются лишь средством маскировки реакционного агрессивного курса империализма США. Ярким свидетельством тому явились агрессия США в Корее в начале 50-х годов, их грязная война против вьетнамского и других народов Индокитая в 60—70-х годах.

Правящие круги США хотели бы вычеркнуть из памяти народов правду об историческом вкладе СССР в разгром милитаристской Японии. Они пытаются доказать, что Советский Союз не оказал никакого влияния на ход военных действий в Азии, поскольку он воевал там слишком мало времени. Еще в проекте

¹ Асахи, 1964, 23 янв.

мирного договора с Японией, подготовленном государственным департаментом США в 1951 г., вопреки фактам утверждалось, будто СССР участвовал в войне с Японией только шесть дней¹. Г. Трумэн на исходе своих президентских полномочий в ответ на запрос американских историков о роли СССР в войне против Японии заявил, что «русские не внесли в нее никакого вклада»². Опубликованное в одном из официальных трудов военно-исторической службы США, это утверждение ныне взято на вооружение подавляющим большинством историков и публицистов «свободного мира». Чтобы создать видимость непричастности СССР к разгрому японских агрессоров, они рассматривают военные действия на Тихом океане в отрыве от всей мировой войны, замалчивают либо отрицают взаимосвязь процессов, происходивших в Европе и Азии. При этом всячески закамуфлируется тот факт, что Советская Армия, встав непреодолимой стеной на пути немецко-фашистского вермахта, обеспечила США возможность собрать силы для отпора вооруженным силам Японии на Тихом океане.

С Известно, что для США война началась с разгрома американского флота в Пёрл-Харборе. Американские вооруженные силы теряли на Тихом океане одну позицию за другой. Под властью Японии оказалось и большинство районов Азии. В то же время в Западной Европе и Северной Африке доминировала военная мощь германо-итальянских агрессоров. Единственной преградой на пути фашистского блока к мировому господству был Советский Союз. От способности Советской Армии выстоять в развернувшейся борьбе зависела дальнейшая судьба всех народов, в том числе и народа США³. Это хорошо понимали в годы войны сами американцы. Авторитетный общественный деятель Д. Дэвис, занимавший перед войной пост посла США в СССР, в 1942 г. писал: «Если бы Красная Армия потерпела поражение в 1941 году, то под властью фашистского блока оказались бы очень скоро Азия, Африка, Австралия и Латинская Америка». Он указывал, что и над США нависла бы огромная угроза и им пришлось бы вести «отчаянную борьбу за свою безопасность»⁴.

Вскоре после войны аналогичную оценку роли действий советских войск дал бывший государственный секретарь США Э. Стеттинус⁵.

Советская Армия, приняв на себя главный удар фашистского блока, обеспечила союзникам наиболее благоприятные условия для наращивания военно-экономического потенциала и развертывания вооруженных сил. Это дало им возможность в 1943 г. пе-

¹ См.: Правда, 1951, 11 июня.

² Army Air Force in World War II. Chicago, 1955, vol. 5, p. 712—713.

³ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 3, с. 242.

⁴ Davis J. Our Debt to Our Soviet Ally. New York, 1942, p. 7—8, 5—6.

⁵ Stettinius E. Roosevelt and the Russians: the Yalta Conference. Garden City, 1949, p. 7.

рейти в наступление на других театрах военных действий. Сражавшиеся на Тихом океане американские и австралийские солдаты 10 декабря 1943 г. в приветствии Советским войнам по поводу победы под Сталинградом писали: «Из болот и джунглей островов юго-западной части Тихого океана мы плем братский привет нашим доблестным товарищам по оружию — бойцам могущественной Красной Армии. Ваша единая воля и героическая стойкость развеяли миф о непобедимости нацистов. Доблестной защитой Сталинграда — этого памятника человеческому мужеству — вы выиграли для нас драгоценное время. Пока мы собирали силы для будущих боев, вы сражались и проливали кровь»¹.

Ныне подобные документы, раскрывающие роль Советской Армии в обеспечении условий для развертывания военной мощи США, буржуазные реакционные историки хотели бы предать вечному забвению.

Немалый вклад в ослабление позиций японского империализма Советский Союз внес еще до начала Великой Отечественной войны своей поддержкой национально-освободительной борьбы народов Азии. Особенно большую помощь оказал он Китаю в ведении войны против японских агрессоров, которая началась еще в июле 1937 г. По просьбе китайского правительства в первый же год войны в организации вооруженной борьбы китайского народа приняли участие видные военные специалисты из Советского Союза. Большую помощь Китаю оказали советские летчики-добровольцы, которые нанесли большой урон японскому морскому транспорту, наземным войскам и авиации. При их участии было уничтожено 986 японских самолетов².

В 1938—1939 гг. Советский Союз предоставил Китаю кредиты на общую сумму 250 млн. долларов и направил ему в счет этих кредитов самолеты, танки, орудия, боеприпасы, горючее, продовольствие и т. д. Даже в первой половине 1941 г., несмотря на возросшую опасность для СССР со стороны фашистской Германии, Советское правительство передало Китаю 200 бомбардировщиков и истребителей.

Военная помощь Советского Союза Китаю позволяла ему восстанавливать понесенные потери и увеличивать численность своих вооруженных сил, которые в 1941 г. насчитывали около 3 250 тыс. солдат и офицеров³. Тем самым были созданы предпосылки для сопротивления китайского народа японским агрессорам в последующие годы войны.

Успехи советского народа в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками вдохновляли народы Китая, Кореи, Вьетнама и

¹ Международная солидарность трудящихся в борьбе за мир и национальное освобождение, против фашистской агрессии, за полное уничтожение фашизма в Европе и Азии (1938—1945). (Документы и материалы, Сборник). М., 1962, с. 586.

² См.: Пун Мян. Краткая история дружбы народов Китая и Советского Союза: Пер. с кит. М., 1957, с. 102.

³ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 4, с. 400.

других стран Азии, вселяли в них веру в скорое крушение фашистского блока. СССР оказал этим странам существенную помощь и тем, что приковывал к своим дальневосточным границам оборонную группировку японских сухопутных войск — Квантунскую армию и ряд других соединений, насчитывавших свыше 1 млн. солдат и офицеров. Не нужно быть военным специалистом, чтобы понять значение этого факта также и для облегчения операций американских и английских вооруженных сил в Азии и на Тихом океане.

Таким образом, даже без рассмотрения непосредственного участия СССР в войне против Японии совершенно очевиден его огромный вклад в разгром дальневосточного агрессора. Этот вклад выразился в том, что советский народ и его Вооруженные Силы сыграли решающую роль в разгроме Германии, в союзе с которой Япония рассчитывала осуществить программу своих завоеваний, в военной помощи национально-освободительной борьбе народов Азии. Они отвлекли на себя крупные контингенты японских войск, которые не смогли принять активного участия в военных действиях против западных союзников.

Что же касается правящих кругов США и Англии, то до начала второй мировой войны они поощряли агрессивность японского милитаризма, надеясь с его помощью подавить национально-освободительную борьбу народов Азии, развязать войну против СССР на Дальнем Востоке. Только нападение японских агрессоров на американскую военно-морскую базу в Пёрл-Харборе заставило их вступить в войну против Японии. При этом западные державы преследовали отнюдь не освободительные цели. Они вели борьбу за восстановление своего господства в Азии и на Тихом океане, за то, чтобы беспрепятственно использовать громадные богатства этих районов.

Реакционные буржуазные авторы пытаются представить объявление войны Советским Союзом как нарушение советско-японского пакта о нейтралитете, заключенного в апреле 1941 г. Так, бывший японский министр иностранных дел М. Сигэмицу в своих мемуарах утверждает, что Япония в соответствии с этим пактом делала все, чтобы улучшить отношения с СССР¹. Но это не так. В действительности Япония готовилась к нападению на СССР вплоть до перелома в войне в пользу антигитлеровской коалиции в 1943 г.² Японские правящие круги намеревались совместно с фашистской Германией захватить СССР в тиски двух фронтов. Это намерение не было приведено в исполнение благодаря тому, что Советский Союз дал решительный отпор захватчикам на Западе и держал для охраны своих дальневосточных рубежей в 1941—1945 гг. в полной боевой готовности до 40 дивизий³.

¹ Shigemitsu Mamuru. Japan and Her Destiny. My Struggle For Peace. London, 1958, p. 297.

² См.: История дипломатии, т. 4, с. 327, 446.

³ См.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1, с. 622—623.

Не осмеливаясь открыто выступить против СССР, японские агрессоры вели против него широкую подрывную деятельность. Будучи союзниками Германии, они снабжали ее секретной информацией о Советском Союзе, полученной через дипломатический аппарат и военную разведку. За три с половиной года Великой Отечественной войны японские вооруженные силы более 900 раз нарушали советские сухопутные и воздушные границы¹.

Вопреки своим обязательствам по пакту, японские власти всячески препятствовали советскому судоходству в нейтральных и даже в советских территориальных водах. С их санкции японские военные корабли 200 раз останавливали (иногда применяя оружие) и досматривали советские торговые и рыболовные суда. Некоторые из них задерживались на длительный срок, а 18 судов было потоплено².

Вследствие того что Япония на всем протяжении войны занимала враждебную в отношении СССР позицию, Советское правительство на Крымской конференции в феврале 1945 г. удовлетворило просьбу своих союзников об оказании им помощи в войне в Азии после разгрома фашистской Германии и 5 апреля 1945 г. денонсировало советско-японский договор 1941 г. о нейтралитете. Этот договор, как указывалось в заявлении о денонсации, потерял смысл, поскольку Япония помогала напавшей на СССР фашистской Германии и, кроме того, вела войну против США и Англии, которые были союзниками Советского Союза³.

Японские правящие круги не сделали надлежащих выводов из предупреждения СССР, продолжали вести преступную войну на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии. В связи с этим правительство СССР 8 августа 1945 г. объявило японскому правительству о том, что с 9 августа Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией⁴.

Этот акт некоторые буржуазные авторы ныне пытаются изобразить стремлением СССР осуществить некие «империалистические цели». Домыслы фальсификаторов рассчитаны на то, чтобы обвинить СССР в той политике, которую в действительности проводили и проводят США, Англия и другие капиталистические страны.

Хорошо известно, что цель вступления СССР в войну на востоке сводилась к тому, чтобы выполнить взятые на себя союзнические обязательства, устранить угрозу восточным границам Советского Союза, изгнать вместе с союзниками японских милитаристов из оккупированных стран, избавить народы, в том числе и японский, от новых жертв и страданий, неизбежных в случае затягивания войны. Это хорошо понимали в то время народы Объединенных Наций. «Советский Союз, — писала 10 августа

¹ См.: Военно-исторический журнал, 1972, № 2, с. 45.

² См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1980, т. 11, с. 170.

³ См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1947, т. 3, с. 166.

⁴ См. там же, с. 362—363.

1945 г. газета «Нью-Йорк геральд трибюн», — вступил в войну в качестве друга человечества, поставив перед собой основную цель — погасить последнее пламя войны, пылающее сейчас в мире. Редко, когда военные усилия были начаты во имя более благородных побуждений». Однако в наши дни буржуазные фальсификаторы в угоду антисоветизму искажают правду. Много усилий направлено на то, чтобы приписать всю заслугу в ликвидации последнего очага второй мировой войны вооруженным силам США. Выдвинут тезис о том, что не было никакой необходимости в объявлении СССР войны Японии. По утверждению бывшего посла США в СССР Ч. Болена, выступление советских войск против японских агрессоров было «абсолютно ненужным»¹. Западногерманский историк К. Центнер заявляет, что «Советский Союз вступил в войну с уже разгромленной Японией»². Так ли это?

К лету 1945 г. вооруженные силы США действительно добились значительных успехов на Тихоокеанском театре военных действий. Они овладели Филиппинами, рядом крупных островов, нанесли большие потери японскому военно-морскому флоту и авиации. Однако военная мощь Японии была далеко не исчерпана. Японские вооруженные силы к тому времени насчитывали более 7 млн. человек, свыше 10 тыс. боевых самолетов и около 500 боевых кораблей³. Кроме того, японское руководство намеревалось в ближайшем будущем ввести в строй еще 3 тыс. взрывающихся катеров для смертников («синё») и человеко-торпед («кайтэн») ⁴. Почти нетронутой сохранялась и сухопутная армия Японии. Она насчитывала около 200 дивизий (более 5,5 млн. человек) ⁵.

Располагая громадными вооруженными силами, японское руководство не было намерено прекращать войну. Объявив в Японии по примеру гитлеровцев тотальную мобилизацию, оно прилагало большие усилия для того, чтобы превратить страну в «неприступную крепость», намеревалось дать тяжелые сражения войскам США и Англии на обширных территориях, удерживаемых в Китае, Маньчжурии и Корее. О решимости японских правящих кругов добиться для себя благоприятного исхода борьбы свидетельствует тот факт, что 26 июля 1945 г. Япония отклонила ультиматум о капитуляции, предъявленный ей США, Англией и Китаем. Однако руководители Японии хорошо понимали, что им не удастся избежать поражения в том случае, если Советская Армия придет на помощь своим союзникам. «Независимо от развития военных действий против Великобритании и Америки, — указывалось в отчете Высшего совета по руководству вой-

¹ Bohlen C. Witness to History 1929—1969. New York, 1973, p. 198.

² Zentner K. Illustrierte Geschichte des Zweiten Weltkrieges, S. 588.

³ См.: Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945: Краткая история, с. 538.

⁴ History of the Second World War. London, 1968, vol. 6, p. 2645.

⁵ См.: Хаяси Сабуро. Японская армия в военных действиях на Тихом океане, с. 173.

ной, заседавшего в Токио в мае 1945 г., — крайне необходимо сделать все возможное, чтобы не допустить вступления СССР в войну с нами. Начало войны с СССР будет роковым ударом для нашей империи»¹.

По мере приближения союзных войск к Японским островам неуклонно росла ожесточенность сопротивления японских солдат и офицеров. Ослепленные духом милитаризма и культом поклонения императору, они действовали в 1945 г. с еще большим фанатизмом, чем ранее, когда сражались на удаленных на тысячи километров от Японии территориях. Согласно данным начальника штаба армии США, представленным президенту США Г. Трумэну в июне 1945 г., в боях за японские острова Иводзима и Окинава потери американских войск возросли примерно в три раза по сравнению с потерями в борьбе за острова Лейте и Лусон.

Исходя из опыта предшествующих боев и реальной оценки военно-политической обстановки в Азии и на Тихом океане, американское руководство вынуждено было признать, что оно не может рассчитывать на быстрое и легкое завершение войны. Особенное беспокойство ему причиняла рискованность операций по вторжению на Японские острова. Военный министр США Г. Стимсон представил Трумэну 2 июля 1945 г. памятную записку, в которой говорилось: «Начав вторжение, нам придется, по моему мнению, завершать его даже еще более жестокими сражениями, чем те, которые имели место в Германии. В результате мы понесем огромные потери и будем вынуждены оставить Японию...»²

Руководство США и Англии не могло не тревожить и то обстоятельство, что находившиеся в Китае крупные вооруженные силы Японии добились к началу 1945 г. большого стратегического успеха. Захватив юго-западные районы этой страны, они соединились со своей группировкой, действовавшей в Индокитае, создав тем самым непрерывный фронт на обширной территории от Пекина до Сингапура.

Летом 1945 г. эксперты американской разведки пришли к выводу, что «ни блокада, ни бомбардировки не смогут обеспечить безоговорочную капитуляцию Японии и что советское выступление является желательным»³. Начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл также считал, что вступление СССР в войну на Дальнем Востоке «может послужить той решающей акцией, которая вынудит Японию капитулировать...»⁴. Как признал в своих мемуарах Г. Трумэн, американские политические и военные руководители «очень хотели, чтобы русские вступили в войну

¹ Брукс Л. За кулисами японской капитуляции: Сокр. пер. с англ. М., 1971, с. 142.

² Эрман Дж. Большая стратегия. Октябрь 1944 — август 1945, с. 272.

³ Foreign Affairs, 1957, January, p. 342.

⁴ Цит. по: Кузнец Ю. Л. От Пёрл-Харбора до Потсдама: Очерк внешней политики США. М., 1970, с. 312.

против Японии»¹. Они считали, что без помощи Советского Союза им не удастся закончить войну до конца 1946 г.²

Для того чтобы принизить вклад, который СССР внес в разгром японского агрессора, в буржуазной литературе распространяется также версия об американских атомных бомбах как «решающем факторе», положившем конец сопротивлению Японии и всей мировой войне. Авторами этой версии, изобретенной в первые годы «холодной войны», были президент США Г. Трумэн и военный министр США Г. Стимсон, заявившие, что «бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки, положили конец войне»³. С тех пор это утверждение преподносится буржуазными историками как истина, не требующая доказательств. Так, в американской книге «Великие события XX века» в разделе, посвященном второй мировой войне, нет даже упоминания о том, что СССР вел войну на Дальнем Востоке. Вот как описываются в ней последние дни войны: «6 августа одна атомная бомба была сброшена на Хиросиму, и мир полностью изменился. Даже разрушения предыдущих шести лет показались слишком слабыми при сравнении с громадной мощностью этого оружия. Оно положило конец второй мировой войне»⁴. В вышедшем в ФРГ «Большом атласе второй мировой войны» говорится, что «Япония капитулировала только после того, как упали две атомные бомбы»⁵. Эта версия, направленная на приращение роли Советской Армии в разгроме японских милитаристов, пропагандируется также в английской коллективной работе «Вторая мировая война» и в официальной памятной брошюре, опубликованной в Лондоне в связи с 40-летием окончания второй мировой войны в Европе⁶. При этом буржуазные авторы избегают давать истинную оценку варварским атомным бомбардировкам, которые унесли сотни тысяч жизней гражданского населения и служили прежде всего целям атомного шаггажа СССР.

В этой связи представляет интерес следующая точка зрения некоторых японских историков. «Хотя США пытаются представить атомную бомбардировку японских городов как результат стремления ускорить окончание войны, в действительности эти бомбы, погубив огромное число мирных жителей, не привели Японию к принятию решения об окончании войны... Не жертвы среди мирных жителей в результате атомной бомбардировки, а

¹ Truman H. Memoirs. New York, 1955, vol. 1, New York, 1955, Years of Decisions, p. 229.

² Stimson H., Bundy M. On Active Service in Peace and War. New York, 1948, p. 618.

³ Army Air Force In World War II, vol. 5, p. 712; Rouse L. Dubious Victory. The United States and the End of World War II. Kent, 1973, p. 81.

⁴ Reader's Digest Great Events of the 20th Century How They Changed Our Lives. New York, 1977, p. 352.

⁵ Der Grosse Atlas zum II. Weltkrieg. München, 1975, S. 280.

⁶ World War II. Land, Sea and Air Battles 1939—1945, p. 9; Official Souvenir Brochure. VE Day: 40th Anniversary. London, 1985, p. 76.

боязнь революции после вступления СССР в войну обусловила скорейшее окончание войны»¹.

Версия о решающем влиянии атомных бомбардировок на капитуляцию Японии не разделяется и многими политическими деятелями Запада. Так, У. Черчилль писал: «Было бы ошибочным полагать, что судьба Японии была решена атомной бомбой»².

Атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки не нанесли существенного ущерба ни японской военной экономике, ни японским вооруженным силам. Не оказали они и сколько-нибудь устрашающего воздействия и на руководство Японии. Свидетельством тому служит тот факт, что первое после атомных бомбардировок заседание японского кабинета, состоявшееся 9 августа 1945 г., было посвящено отнюдь не рассмотрению их последствий, а анализу изменения обстановки в связи с вступлением в войну Советского Союза. Выступая перед Высшим советом по руководству войной, премьер-министр Японии Судзуки заявил: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным продолжение войны»³. Ни один из высших представителей японской военщины не возразил ему. 14 августа 1945 г. правительство Японии приняло решение капитулировать. Однако японское командование не отдало приказа о прекращении военных действий Квантунской армии в Маньчжурии. Эта армия продолжала оказывать упорное сопротивление советским войскам вплоть до ее полного разгрома в конце августа 1945 г.

Американский автор Р. Гартхоф сочинил версию о том, что Советский Союз вступил в войну против Японии, «не закончив подготовку к наступлению», начав его ранее намеченного срока, что было вызвано первым американским атомным ударом по Японии 6 августа 1945 г.⁴ Эту точку зрения ныне разделяют многие другие буржуазные авторы на Западе. Чтобы подкрепить ее, западногерманский автор М. Фройнд выступил с утверждением, что первоначально советское командование планировало открыть военные действия против Японии в конце августа⁵. Английский историк Дж. Гринвуд пишет, что «Сталин, узнав на Потсдамской конференции об атомной бомбе, перенес начало Маньчжурской операции с сентября на первые числа августа»⁶.

Однако хорошо известно, что подготовка Советских Вооруженных Сил к войне на востоке началась еще в феврале 1945 г.,

¹ Нихон рэкиэн (История Японии). Токио, 1977, т. 21, с. 360—361.

² Churchill W. The Second World War. London, 1953, vol. VI, p. 559.

³ Иноуэ Кэйси и др. История современной Японии: Сокр. пер. с яп. М., 1955, с. 263—264.

⁴ Garthoff R. The Soviet Manchurian Campaign, August, 1945, Military Affairs, 1969, October, p. 34.

⁵ Freund M. Deutsche Geschichte, S. 1542.

⁶ Soviet Aviation and Air Power: A Historical View, p. 126.

сразу же после Крымской конференции, где Советское правительство, идя навстречу настойчивым просьбам Англии и США, определило срок вступления в войну против Японии «через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе...»¹. В полном соответствии с взятым на себя обязательством Советское правительство установило точную дату начала военных действий группировки советских войск на Дальнем Востоке и довело это до сведения союзников еще до того, как стало известно о возможном применении в войне американского атомного оружия. Личный представитель президента США Г. Голкинс, находившийся в Москве по делам, связанным с подготовкой Потсдамской конференции, 28 мая доложил в Вашингтон о том, что И. В. Сталин лично сообщил ему и американскому послу Гарриману, что «Советская Армия будет полностью развернута на маньчжурских позициях до 8 августа»².

Опубликовавший это донесение американский историк Дж. Лензен после скрупулезного изучения имевшихся в его распоряжении источников пришел к выводу, что версия Гартхофа неверна, поскольку «атомная бомбардировка Хиросимы не оказала влияния на советские планы»³.

Ставка советского Верховного Главнокомандования заблаговременно подготовила нанесение двух главных ударов — с территории МНР и из Приморья, а также нескольких вспомогательных ударов по сходящимся к центру Маньчжурии направлениям. Квантунскую армию предполагалось окружить, затем рассеять на части и уничтожить.

Для осуществления этого замысла на Дальнем Востоке было сосредоточено необходимое количество войск. В дополнение к уже имевшимся там 45 дивизиям советское командование в мае — июле перебросило на Дальний Восток 39-ю и 5-ю армии из Восточной Пруссии, 53-ю, 6-ю гвардейскую танковую армии и конно-механизованную группу из района Праги. С мая по июль на Дальний Восток и в Забайкалье прибыло 136 тыс. вагонов с войсками и военным имуществом⁴. Для руководства операцией было создано главное командование советских войск на Дальнем Востоке и образованы три фронта — Забайкальский, 1-й и 2-й Дальневосточные. Главнокомандующим войсками был назначен Маршал Советского Союза А. М. Василевский. Координацию действий Тихоокеанского флота и Амурской флотилии с наземными войсками осуществлял главнокомандующий Военно-Морскими Силами адмирал флота Н. Г. Кузнецов. Директивы для фронтов

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 3, с. 411.

² L e n s e n G. The Strange Neutrality. Soviet — Japanese Relations during the Second World War 1941—1945. Lallahassee, 1972, p. 265.

³ Ibid., p. 275—276, 277.

⁴ См.: Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945: Краткая история, с. 543.

Ставка утвердила 28 июня 1945 г.¹ Все приготовления были закончены в срок. Советский Союз вступил в войну против Японии через три месяца после капитуляции фашистской Германии, как это и было предусмотрено решением, принятым на Крымской конференции.

И наконец, буржуазные авторы всячески принижают мощь японских войск, противостоявших Советской Армии, заявляя, что Квантунская армия «была мощной лишь на бумаге»².

Это беспочвенное утверждение опровергается японскими историками, которые указывают, что на маньчжурско-корейском плацдарме численность вооруженных сил Японии, ядром которых была Квантунская армия, превышала 1 млн. солдат и офицеров³. Квантунская армия считалась основной частью японских сухопутных сил. Служба в ней рассматривалась для всех японских офицеров и генералов как наиболее почетная и была почти обязательным условием для дальнейшего продвижения по служебной лестнице. Командующий Квантунской армией одновременно являлся генерал-губернатором области и чрезвычайным послом императора Японии при «правительстве» Маньчжоу-Го. Фактически ему принадлежала неограниченная власть над захваченной японцами Маньчжурией. Японское командование высоко оценивало боевые возможности Квантунской армии и боеспособность ее личного состава.

По организационной структуре Квантунская армия представляла собой группу фронтов. В ее состав входили 1-й (Восточно-Маньчжурский) и 3-й (Западно-Маньчжурский) фронты, а также 4-я отдельная Северо-Маньчжурская армия. В составе этих объединений насчитывалось 24 пехотные дивизии, 9 смешанных бригад, 2 танковые бригады, бригада «смертников». Командованию Квантунской армии подчинялись 2-я воздушная армия и Сунгарийская речная флотилия. Кроме того, в операциях против Советской Армии планировалось использовать вооруженные силы Маньчжоу-Го в составе 13 дивизий и 14 бригад, а также вооруженные отряды японских резервистов-переселенцев (до 100 тыс. человек). К лету 1945 г. у границ СССР и МНР японцы построили 17 укрепленных районов. Общая протяженность полосы укреплений, в которой насчитывалось свыше 4500 долговременных сооружений, составляла около 800 километров⁴.

На вооружении Квантунской армии находилось 1215 танков, 6640 орудий и минометов, 1907 самолетов и 26 боевых кораблей⁵. Однако боевая техника японских войск значительно уступала по своим качествам вооружению Советской Армии.

¹ См.: Василевский А. Дело всей жизни, с. 562.

² Reischauer E. Japan: the Story of a Nation. New York, 1970, p. 216; World War II. Land, Sea and Air Battles 1939—1945, p. 242.

³ См.: Хаяси Сабуро. Японская армия в военных действиях на Тихом океане, с. 162, 164—166.

⁴ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 11, с. 180.

⁵ См. там же, с. 182.

Кампания Советских Вооруженных Сил на континенте проводилась в рамках одной стратегической операции (Маньчжурской), состоявшей из системы взаимосвязанных по цели и времени операций объединений сухопутных войск, флота, ВВС и ПВО страны. Помимо Маньчжурской стратегической операции (9 августа — 2 сентября 1945 г.) сухопутные войска во взаимодействии с соединениями кораблей, авиации и морской пехоты Тихоокеанского флота осуществили Южно-Сахалинскую наступательную (11—25 августа 1945 г.) и Курильскую десантную (18 августа — 1 сентября 1945 г.) операции. Дальневосточная кампания Советских Вооруженных Сил длилась 24 дня и была самой скоротечной за всю мировую войну. Перед их сокрушительными ударами на суше, на море и в воздухе, воплотившими в себе весь громадный опыт борьбы против гитлеровской Германии, не мог бы устоять никакой враг. В первые же дни Маньчжурской операции японские агрессоры оказались в безнадежном положении.

Молниеносный разгром Квантунской армии — основной стратегической сухопутной группировки Японии — кардинально изменил всю стратегическую обстановку в Азии, явился решающей причиной, которая заставила капитулировать японское правительство. Тем самым Советский Союз ликвидировал последний очаг войны, спас от гибели сотни тысяч солдат и офицеров союзных армий, предотвратил дальнейшее истребление японскими милитаристами народов Восточной и Юго-Восточной Азии.

Такова правда истории.

В. И. Ленин писал: «...общественное положение профессоров в буржуазном обществе таково, что пускают на эту должность только тех, кто продает науку на службу интересам капитала, только тех, кто соглашается против социалистов говорить самый невероятный вздор, бессовестнейшие нелепости и чепуху. Буржуазия все это простиет профессорам, лишь бы они занимались «уничтожением» социализма»¹. Этот вывод в полной мере может быть отнесен и к деятельности буржуазных и иных историков, специализирующихся по фальсификации событий Великой Отечественной и второй мировой войн.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 364.

ИТОГИ И УРОКИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Война всегда являлась суровой проверкой прочности того или иного государства. В ходе ее, писал В. И. Ленин, «все политические и социальные учреждения подвергаются проверке и испытанию «огнем и мечом». Сила и слабость учреждений и порядков любого народа определяется исходом войны и последствиями ее»¹.

К. Маркс называл эту особенность войны ее «искупительной стороной». «Подобно тому, — писал он, — как мумии мгновенно распадаются, когда подвергаются воздействию атмосферы, так и война выносит окончательный приговор социальным учреждениям, которые утратили свою жизнеспособность»².

Вторая мировая война показала обреченность фашистских государств, политическая система которых основывалась на террористической диктатуре наиболее реакционных, повинистических кругов монополистического капитала. В то же время вторая мировая война явилась испытанием крепости и жизнеспособности социалистического общественного строя и советской государственной организации. Навечно вошли в память народов всех стран и континентов стойкость и беззаветное мужество советских людей в годы суровых военных испытаний.

В постановлении ЦК КПСС «О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» указывалось: «Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне со всей полнотой раскрыла преимущества социализма, его огромные экономические, социально-политические и духовные возможности. Это была Победа созданного великим Лениным Советского государства, самого передового общественного строя, социалистической экономической системы. Великая Отечественная война убедительно продемонстрировала монолитное единство партии и народа, нерушимость союза рабочего класса, колхозного крестьянства и трудовой интеллигенции, дружбы и братства народов СССР»³. Советские люди по праву гордятся тем, что первое в мире социалистическое государство вышло победителем в историческом противоборстве с черными силами реакции и сыграло решающую роль в разгроме стран фашистского блока.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 245.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 11, с. 551.

³ Коммунист, 1984, № 9, с. 36.

1. Главный итог — непобедимость социализма

18 июня 1945 г. дивизионный генерал О. Гийом был вызван к главе Временного правительства Франции де Голлю. Отличившись в годы минувшей войны, энергичный и честолюбивый Гийом мечтал о крупной военной карьере. Решение главы правительства его обескуражило. Гийому предлагалось выехать в Москву и занять должность военного атташе. Военно-дипломатическая служба пользовалась уважением во французской армии, но все же должность военного атташе, даже в такой великой стране, как СССР, не открывала, как он считал, доступ к высшим эшелонам военной власти. Де Голль отклонил возражения Гийома и дал понять, что намерен поручить ему особо ответственное задание. «Вы должны нам рассказать, — пояснил де Голль, — как сражались русские и почему они победили. Не путайте эти две проблемы: первая касается стратегии и тактики, вторая проблема гораздо шире»¹.

«Где кроются истинные причины великой победы Советского Союза в войне?» — этот вопрос задавал себе не только де Голль, но и многие другие здравомыслящие политические и военные деятели Запада. Разработка послевоенного внешнеполитического курса требовала от них реальной оценки силы и могущества страны социализма.

После нападения фашистской Германии и ее союзников на СССР и трагических событий лета 1941 г., когда под натиском превосходящих сил вермахта Советская Армия вынуждена была отступать, оставляя врагу экономически развитые западные области страны, для Советского государства сложилось трудное положение. Многие политические и военные деятели Запада не верили в способность Советского Союза выстоять и победить в борьбе с фашистской армией. 23 июня 1941 г. С. Криппс заявил, что «русские не смогут противопоставить немцам организованное сопротивление более чем в течение нескольких недель»². К мнению Криппса в Лондоне прислушивались, он был английским послом в Москве.

Эксперты военного министерства Великобритании также весьма пессимистически оценивали возможности советского противодействия немецко-фашистской агрессии. У. Черчилль писал после войны, что «почти все ответственные военные специалисты полагали, что русские армии вскоре потерпят поражение и окажутся

¹ Guillaume A. Homme de guerre, p. 190; О. Гийом, возвратившись из Москвы во Францию, написал две книги: «Почему победила Красная Армия» (1948 г.) и «Германо-советская война. 1941—1945». Книги содержат ряд объективных наблюдений, не утративших значения и в настоящее время. О. Гийом дослужился до звания армейского генерала и должности начальника генерального штаба вооруженных сил Франции. — *Прим. авт.*

² Цит. по: Трухановский В. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны (1939—1945). М., 1965, с. 205.

в основном уничтожены»¹. Военный министр США Стимсон писал, что, «по оценке офицеров службы разведки военного министерства, кампания могла продлиться лишь от одного до трех месяцев»². Ф. Рузвельт в июле 1941 г. направил в Москву своего личного представителя Г. Гопкинса, поручив ему определить, как долго продержится Россия³.

Мрачные прогнозы о судьбе Советского Союза были построены на песке. Страна Советов остановила натиск агрессора, разбила его отборные войска и спасла человечество от угрозы фашистского порабощения.

Это была блестящая победа, одержанная в схватке с сильным и коварным врагом, использовавшим в войне с СССР военно-экономический потенциал почти всех стран Европы.

Почему победил Советский Союз? Этот вопрос и сегодня находится в центре внимания большинства буржуазных работ о второй мировой войне.

Марксизм-ленинизм учит, что победа и поражение государства в современной войне в конечном счете определяются прочностью общественного и государственного строя, соотношением классовых сил внутри страны и на международной арене, уровнем экономического развития, мощью военной организации, моральным потенциалом, способностью классов и партий, стоящих у власти, вести за собой народные массы — главную движущую силу истории.

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне и поражение сил фашизма и милитаризма были исторически обусловлены и закономерны. Это первый и главный урок минувшей войны. Победа советского народа была обусловлена всем историческим развитием Советского государства, объективными возможностями, заложенными в самой природе социализма, коренными преимуществами социалистического общественного и государственного строя перед капиталистическим. В Тезисах ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина подчеркивается, что в годы Великой Отечественной войны «социализм обеспечил несокрушимое единство всего советского общества, мощь и невиданную мобильность его экономики, высокое развитие военной науки, воспитал замечательных воинов и военачальников»⁴.

Некоторые буржуазные историки, анализируя фактический материал, свидетельствующий об экономических, политических и военно-стратегических преимуществах Советского Союза перед фашистской Германией, признают достоинства централизованной

¹ Churchill W. The Second World War. London, 1950, vol. 3, p. 350.

² Stimson H., Bundy M. On Active Service. in Peace and War, p. 383.

³ См.: Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца, т. 1, с. 511.

⁴ К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина: Тезисы Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970, с. 23.

плановой системы хозяйства в СССР, прочность многонационального Советского государства, героизм советских людей.

В последние годы у отдельных западных историков намечалась тенденция к более объективному освещению событий Великой Отечественной войны, признанию решающей роли СССР в разгроме фашистско-милитаристского блока, могущества Советских Вооруженных Сил. Неуклонная поступь исторической правды, влияние советской исторической литературы — главные причины этой тенденции. Английский буржуазный историк М. Хастингс в книге «Оверлорд», посвященной высадке в Нормандии, пишет: «Послевоенное поколение воспитано на легенде, будто триумфальная кампания западных союзников в Европе в 1944—1945 годах вообще не имеет отношения к жестокой, но малоизвестной борьбе на Востоке. Сегодня нам следует признать, что русские внесли решающий вклад в войну на Западе, уничтожив главные силы германской армии до того, как первый солдат союзников вступил на берег Нормандии 6 июня 1944 года. Успех битвы в Нормандии был достигнут именно на этой основе»¹. Выступая на первом советско-американском симпозиуме по проблемам второй мировой войны (1986 г.), историк из США Д. Глэнтц дал объективно высокую оценку военного искусства советских войск в Белорусской операции. Касаясь пресловутой теории «поворотных пунктов» войны, он признал, что в США и сейчас «имеет место тенденция уравнивать Сталинград с Эль-Аламейном и Курск с Анцио... Сравнивается сам факт достигнутой победы и скрывается различие в масштабах и размахе указанных операций»². Оценки таких авторов имеют немаловажное значение. Однако и они не замечают или не хотят замечать глубинные источники, под воздействием которых сформировались постоянно действующие факторы победы советского народа в Великой Отечественной войне, уклоняются от рассмотрения их организационной взаимосвязи с преимуществами социализма над капитализмом.

Многочисленная армия реакционных буржуазных историков, выполняя социальный заказ империалистической реакции, которая не отказалась от своих долговременных стратегических целей — ослабить, а если удастся, то и уничтожить социализм, на страницах исторических трудов и в пропагандистских материалах злобно и преднамеренно фальсифицирует источники побед Советского Союза. Победу Советского Союза в борьбе с фашистско-милитаристским блоком реакционные авторы, как правило, стремятся объяснить воздействием различных второстепенных факторов, которые в действительности не могли оказать и не оказывали решающего влияния на ход и исход вооруженной борьбы.

¹ Hastings M. Overlord. D-Day and the Battle for Normandy. L., 1984, p. 11.

² Glantz D. American Perspectives on Eastern Front Operations in World War II. Paper presented to the First Soviet-American Colloquium on Problems of World War II History. Moscow October 21—23, 1986, p. 6.

Хотя исторический опыт убедительно показывает, что, когда войны ведутся высокоразвитыми государствами или коалициями государств, случайность, непредвиденное стечение обстоятельств или ошибка полководца, к каким бы тяжелым последствиям они ни приводили, не определяли исхода войны, что войны завершаются победой страны или коалиции, располагающих суммарными преимуществами в экономической, политической и военной организации общества. Тем не менее именно концепция «случайности» победы СССР, «упущенных побед» фашистской Германией находится в центре внимания научных и пропагандистских разработок буржуазных авторов, специализирующихся на истории второй мировой войны.

Основной подтекст подобных конструкций понять нетрудно. Если победа Советского Союза в Великой Отечественной войне была обусловлена стечением случайных обстоятельств, то она не свидетельствует о прочности социалистического строя.

Множество книг буржуазных историков содержат пространные рассуждения о причинах поражения фашистской Германии. Перед читателями этих книг возникает более чем странная картина: фашистская Германия будто бы рухнула по причине ошибок политического и военного руководства, недостатка людских и материальных резервов, необычных условий театра военных действий в России и других обстоятельствах, среди которых усилия советского народа в разгроме фашистской Германии предстают едва ли не как второстепенный фактор.

Конечно, в ряду причин поражения Германии, Италии, Японии и их союзников были и субъективные факторы. Главный из них — недооценка политическим и военным руководством этих государств экономического и военного потенциала Советского Союза, антифашистской борьбы народных масс, что привело к авантюризму в политике и военной стратегии, несостоятельности всего замысла преступной войны, развязанной реакционными силами империализма. В конечном итоге «просчет военно-политического руководства фашистской Германии, пытавшегося вооруженным путем сокрушить первое в мире социалистическое государство, недооценившего его мощь, определяемую новым социальным строем, явился просчетом мирового империализма»¹.

Еще до начала второй мировой войны в Европе и других странах мира возникло и развивалось антифашистское демократическое движение, ведущую роль в котором играли коммунистические и рабочие партии. Антифашисты стали первыми борцами Сопротивления в оккупированных Германией странах. После нападения Германии на Советский Союз антифашистское движение превратилось в фактор, способствовавший формированию и укреплению антигитлеровской коалиции. Вынужденный курс правящих кругов Англии и США на военный союз с СССР был активно

¹ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1, с. 154.

поддержан со стороны народных масс этих стран. Международная обстановка, которая складывалась после 1941 г., развивалась в благоприятную сторону для государств, противостоявших фашистской агрессии. Ставка правящих кругов фашистской Германии на рост и усиление антисоветского блока, надежды на развал антифашистской коалиции и заключение сепаратного мира с капиталистическими странами за спиной СССР оказались неосуществимыми.

В трактовке буржуазными историками причин поражения Германии и ее союзников эти важнейшие принципиальные положения, как правило, отсутствуют или упоминаются мельком. Основу суждений реакционных авторов составляет схема, предложенная генералами вермахта еще в первые послевоенные годы¹.

Согласно этой схеме война на Востоке оказалась проигранной в результате воздействия ряда негативных факторов, находившихся вне контроля германского генерального штаба. Как в трактовке конкретных событий на советско-германском фронте, о чем говорилось в предыдущей главе, так и при оценке войны в целом к таким факторам обычно относятся военная некомпетентность Гитлера и неблагоприятные географические условия России.

Персонализация истории всегда была одним из методологических принципов буржуазной науки². Мировоззренческие взгляды буржуазных ученых неизбежно вели и ведут к непониманию объективных законов развития человеческого общества, к недооценке роли народных масс и преувеличению значения отдельных личностей в истории, будь то цари, короли или полководцы. В мифе об единоличной ответственности Гитлера за поражение Германии эти взгляды гипертрофированы до такой степени, что «демоническая» фигура фашистского диктатора принимает под пером буржуазных историков характер силы, будто бы всецело определявшей судьбы Германии, ход и исход событий второй мировой войны.

«Наша многолетняя и храбрая борьба на всех фронтах оказалась напрасной из-за бездарности высшего политического и военного руководства»³, — утверждал в своих мемуарах бывший фашистский генерал О. Лаш.

Французский историк Р. Картье категорически заявляет, что главная причина поражения Германии — сам Гитлер, его непонимание реального положения⁴. Особенно неудачно, по мнению английского историка Д. Страусона, Гитлер руководил действиями вермахта на советско-германском фронте. «Его руководство войной на Востоке, — пишет он, — было таким эксцентричным и та-

¹ См.: Мерцалов А. Н. Западногерманская буржуазная историография второй мировой войны. М., 1978, с. 232.

² Подробнее см.: Салов В. И. Историзм и современная буржуазная историография. М., 1977.

³ Lasch O. So fiel Königsberg. Stuttgart, 1976, S. 114.

⁴ Cartier R. La Seconde guerre mondiale, t. 2, p. 63.

ким неразумным с оперативно-стратегической точки зрения, что он оставлял наиболее слабыми те места, где угроза была наибольшей»¹. Тезис об единоличной ответственности Гитлера за поражение Германии повторяется в лондонском издании книги «Русский фронт» и во многих других западных публикациях². В чем же причины столь длительной и упорной приверженности буржуазных авторов к мифу о «единоличной» виновности Гитлера в поражении фашистского рейха? Смысл мифа заключается в том, чтобы скрыть ответственность господствующих классов Германии, взрастивших и вскормивших фашизм, за подготовку и развязывание войны, за жертвы и страдания народов. В то же время этот миф используется для разжигания милитаризма, восхваления германского генерального штаба, который, мол, никогда не ошибался, но которому мешал одержать победу «неуправляемый фюрер».

Место и роль личности в военной истории, как и в истории вообще, нельзя определять абстрактно, вне связи с конкретными общественными отношениями, классовой борьбой. «...Социолог-материалист, — писал В. И. Ленин, — делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных личностей, из действий которых и складываются эти отношения»³.

Индивидуальные качества Гитлера, без сомнения, наложили отпечаток на историю фашизма, принесшего неисчислимые бедствия человечеству. Своими корнями — и это главное — они связаны с уровнем и образом мышления господствующего класса Германии того времени. Американский обвинитель на процессе главных немецких военных преступников в Нюрнберге, а в последующем известный историк Т. Тейлор говорил на заседании трибунала 30 августа 1946 г.: «Без совместной работы немецких промышленников и нацистской партии Гитлер и нацисты никогда не захватили бы власть... и не упрочили бы ее...»⁴ То же самое можно сказать и о германском генералитете, который с рвением служил фашистскому режиму. М. Мессершмидт признает, что «вермахт изъявил готовность к ведению войны, которую Гитлер назвал войной на уничтожение или борьбой двух мировоззрений»⁵.

Военные руководители фашистской Германии полностью поддерживали преступные политические цели гитлеровцев, в которых воплощались мечты германской военщины об установлении мирового господства, приложили немало усилий, чтобы создать

¹ Strawson J. The Battle for Berlin. London, 1974, p. 50.

² The Russian Front. Germany's War in the East, 1941—1945. London, 1978, p. 77.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 424.

⁴ Цит. по: Мельников Д., Черная Л. Преступник номер 1: Нацистский режим и его фюрер, с. 137.

⁵ „Unternehmen Barbarossa“. Der deutsche Oberfall auf die Sowjetunion 1941: Berichte, Analysen, Dokumente. Paderborn, 1984, S. 256.

мощную военную машину агрессии. Генералы и офицеры вермахта не были пассивными исполнителями чужой воли, а сознательно и ревностно осуществляли планы захватнических войн.

Просчеты германского генерального штаба объясняются не ошибками Гитлера, а авантюризмом военно-политической доктрины фашистских претендентов на мировое господство. По мнению западногерманского историка Р.-Д. Мюллера, непонимание командованием вермахта определяющих факторов планируемой войны проистекало не только из антикоммунистического образа мышления и предубеждений. Оно соответствовало многолетней традиции германского генерального штаба, переоценивавшего значение оперативно-тактических аспектов¹.

Крайний авантюризм, породивший политические и военные просчеты, был свойствен всем правящим кругам фашистской Германии, а не только Гитлеру.

Однако было бы неправильно делать вывод о predeterminedности поражения фашизма и его военной машины в любом случае и при любых обстоятельствах. Уроки прошлого учат: когда фашизм приобретает государственную базу для своего существования, когда в его руках оказывается мощная военная машина, фашистская власть и ее руководители превращаются в смертельную угрозу для существования всех народов, в угрозу, которую можно ликвидировать лишь ценой величайших усилий и жертв.

Второстепенную роль играл в войне и географический фактор.

Географические условия: пространство, рельеф, водные преграды, климат, — безусловно, оказывают влияние на ход боевых действий воюющих сторон, но не решающее. По мере продвижения немецко-фашистских войск в глубь советской территории удлинились их коммуникации, затруднилось снабжение. Но в то же время глубина театра военных действий, его пространство, протяженность коммуникаций не остановили победоносного наступления советских армий, действовавших за тысячи километров от своих баз при освобождении многих стран Европы и Азии.

Войска фашистской Германии терпели поражения и летом и зимой. И если осенью и зимой 1941 г. для немецко-фашистских армий под Москвой холода оказались «неожиданными», то объяснение тому следует искать не в морозе, а в необоснованности и авантюристичности «молниеносного» плана захвата СССР «до наступления зимы», который был сорван упорной обороной и контр-наступлением Советской Армии.

Версия о «русском генерале Зима» родилась в сочинениях бывших гитлеровских генералов, которые таким образом пытались оправдать сокрушительный провал фашистских планов блицкрига против СССР, и продолжает кочевать по страницам многих буржуазных изданий, в том числе претендующих на научные исследования. Так, историк из США Р. Столфи вновь утверждает, что причиной поражения немцев под Москвой были ошибки Гитлера

¹ „Unternehmen Barbarossa“, S. 179.

и суровая зима. По его мнению, немецкое наступление «завязло в снегах и мгле»¹. Ему вторят Б. Перрет в Англии и другие².

Версия о «суровой зиме в России» как причине поражения фашистской Германии сформировала определенные взгляды населения западных стран. В 1981 г. группа социологов из Гамбурга провела опрос жителей ФРГ о причинах поражения вермахта на восточном фронте. 70 процентов опрошенных в числе основных причин поражения назвали: «огромные просторы России», «ослабление боевой мощи немцев из-за морозов и других климатических факторов», «грубые ошибки Гитлера». И только 10 процентов отметили «решительное сопротивление и волю к победе советского народа». Западногерманский журнал, опубликовавший эти данные, писал: «...с помощью мемуарной и оправдывающей Германью литературы удалось вину за поражение возложить на русскую грязь, холодную зиму и плохие способности Гитлера и прочно укоренить эти ошибочные положения в общественном сознании»³.

Тезис о «суровом климате в России» как факторе поражения вермахта не находит поддержки среди тех военных историков ФРГ, которые на основе документов рассматривают положение под Москвой осенью и зимой 1941 г. Один из них, Г. Р. Юбершер, отмечает: «Трудности, связанные с погодными условиями, не должны отрицаться в качестве одного из факторов наряду с другими; тем не менее ошибочно их выпячивать до такой степени, чтобы приписывать им решающую роль в немецком поражении, как это зачастую делалось в более ранних работах и вновь берется на вооружение в настоящее время»⁴.

Одним из решающих факторов, определяющих ход и исход войны, является экономика, составляющая фундамент военной мощи государства. Ф. Энгельс писал: «...вся организация армий и применяемый ими способ ведения боя, а вместе с этим победы и поражения, оказываются зависящими от материальных, т. е. экономических, условий...»⁵. Эта мысль нашла дальнейшее развитие в трудах В. И. Ленина. «Для ведения войны *по-настоящему*, — указывал он, — необходим крепкий организованный тыл. Самая лучшая армия, самые преданные делу революции люди будут немедленно истреблены противником, если они не будут в достаточной степени вооружены, снабжены продовольствием, обучены»⁶.

Победа СССР в Великой Отечественной войне была закономерна, потому что действия Советских Вооруженных Сил обеспечивались всей экономической мощью Советского государства. Это

¹ History. London, 1980, vol. 65, N 214, p. 226.

² Perret B. Lightning War. History of Blitzkrieg. London, 1985, p. 176—179.

³ Weiterbildung und Medien, 1981, N 23, S. XVI.

⁴ „Unternehmen Barbarossa“, S. 165.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 175.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 408.

была победа советской экономической системы в целом и военной экономики в частности. Советский строй дал лучшие формы организации экономики не только для решения народнохозяйственных задач в мирное время, но и для мобилизации всех экономических возможностей страны в годы войны. Советский народ под руководством Коммунистической партии, несмотря на крайне неблагоприятное начало войны, сумел в кратчайший срок перестроить народное хозяйство страны на военный лад, добиться увеличения выпуска военной продукции и обеспечить всем необходимым Советские Вооруженные Силы для разгрома врага и достижения победы.

«Великий подвиг в годы войны совершили труженники тыла, — отмечалось в постановлении ЦК КПСС «О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов». — Рабочие, колхозники, ученые, инженеры, конструкторы своим самоотверженным трудом выиграли небывалую битву за металл и хлеб, топливо и сырье, за создание могучего советского оружия»¹.

Условия для экономической победы Советского Союза в Великой Отечественной войне над сильным и технически оснащенным противником были созданы в период социалистических преобразований в СССР. Претворяя в жизнь планы предвоенных пятилеток, Коммунистическая партия и Советское правительство ставили задачу ликвидировать экономическое отставание СССР от развитых капиталистических стран. Построив основы социалистического общества, советский народ создал мощную и высоко развитую индустрию, продукция которой почти в десять раз превышала уровень дореволюционной России. На Урале и в Сибири были построены крупные промышленные центры, которые создавали базу для всестороннего развития восточных районов страны. Коллективизация сельского хозяйства обеспечила победу социализма в деревне и заложила базу для увеличения товарной продукции. Развитие планового социалистического хозяйства, опиравшегося на богатые сырьевые ресурсы страны, обеспечило экономическую самостоятельность Советского Союза и возрастание его оборонной мощи. Французский военный историк Э. Костаптини, автор трехтомного труда «Советский Союз в войне (1941—1945)», пишет, что «к началу немецкой агрессии Советский Союз имел достаточные возможности для того, чтобы создать развитую военную экономику. Он располагал ключевыми отраслями промышленности, в которых была обеспечена огромная производительность, в большими ресурсами сырья, топлива и энергетики»².

В то же время по объему производства некоторых отраслей промышленности Советский Союз уступал развитым капиталистическим странам, в том числе фашистской Германии.

¹ Коммунист, 1984, № 9, с. 37.

² Costantini A. L'Union Soviétique en guerre (1941—1945). Paris, 1968, t. 1, p. 63.

Без учета оккупированных и зависимых стран Европы в Германии добывалось больше угля, выплавлялось больше стали, алюминия, свинца, магния, чем в Советском Союзе. Химическая, сталкостроительная, автомобильная и некоторые другие отрасли промышленности Германии выпускали больше продукции, чем соответствующие отрасли советской промышленности. Станочный парк Германии более чем в два раза превосходил станочный парк Советского Союза¹. Экономическая база фашистской агрессии против СССР была значительно расширена за счет производственных мощностей оккупированных европейских государств и стран — союзниц Германии. Ресурсы фашистской Германии за счет этих стран увеличились по электроэнергии в 2,1 раза, по добыче каменного угля — в 1,9, производству стали — в 2, алюминия — в 1,7, по сбору зерновых — в 4 раза². Оккупированные немецко-фашистскими войсками европейские страны поставляли в Германию рабочую силу, необходимую для военного производства. На конец сентября 1944 г. в промышленности и сельском хозяйстве Германии использовалось 7,5 млн. рабочих, насильственно угнанных из оккупированных стран³.

Война, развязанная германским фашизмом, явилась величайшим испытанием экономического строя социалистического государства. Особенно трудным был ее первый период, когда ход боевых действий был неблагоприятным для Советской Армии. Фашистская Германия, имея отмобилизованную и обладающую опытом ведения крупных наступательных операций армию, используя численное превосходство в живой силе и технике, а также фактор внезапности, сумела временно оккупировать значительные территории Советского Союза, на которых проживало 40 процентов населения СССР. Народное хозяйство лишилось 63 процентов добычи угля, 68 процентов производства чугуна, 58 процентов стали, 60 процентов алюминия, 38 процентов сбора зерна, 38 процентов поголовья крупного рогатого скота, 60 процентов поголовья свиней⁴. С июля по ноябрь 1944 г. валовая промышленная продукция СССР сократилась в 2,1 раза. Враг уничтожил или вывез с оккупированной советской территории в Германию 175 тыс. металлорежущих станков, 62 доменные и 213 мартеповских печей, 18 млн. тонн сельскохозяйственной продукции, 7 млн. лошадей, 17 млн. голов крупного рогатого скота⁵. Именно в начале войны, когда в массовом масштабе начался перевод народного хозяйства на военные рельсы, Советский Союз лишился значительной части своего экономического потенциала. Не только заправила фашистского рейха, но и большинство специалистов по «русским вопросам» в Америке и Англии считали,

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 3, с. 285, 376—377.

² См. там же, с. 285.

³ См.: История фашизма в Западной Европе. М., 1978, с. 279.

⁴ См.: Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947, с. 42.

⁵ См.: Коммунист, 1975, № 2, с. 68.

что советская экономика не выдержит таких потерь и фрунет. Но такие прогнозы не учитывали самой существенной черты советской экономики — социалистического характера народного хозяйства СССР. В. И. Ленин указывал, что обороноспособность страны, свергнувшей иго капитала, давшей землю крестьянам, поставившей банки и фабрики под рабочий контроль, выше обороноспособности страны с помещичьим земледелием и частными банками и заводами¹. Эта прозорливая мысль полностью подтвердилась в годы суровых испытаний Советского государства в период гражданской и Великой Отечественной войн.

Под руководством Коммунистической партии советский народ совершил невиданный героический подвиг, сумев в папкратчайшие сроки в условиях начавшейся Великой Отечественной войны так перестроить народное хозяйство, что военная промышленность СССР смогла обеспечить выпуск вооружения, которое по количеству и качеству превосходило продукцию военной промышленности фашистской Германии и ее союзников.

Коммунистическая партия и Советское правительство осуществили огромную организаторскую работу по эвакуации промышленных предприятий из западных районов страны на восток, где в глубоком тылу стали создаваться новые заводы и фабрики. Столь массовой и эффективной эвакуации не знала ни одна страна в мире. Во второй половине 1941 г. из прифронтовой зоны на восток было вывезено полностью или частично 1523 промышленных предприятия, в том числе 1300 крупных заводов и фабрик. Одновременно в тыл были эвакуированы запасы зерна и продовольствия, большое количество сельскохозяйственных машин, 2 393,3 тыс. голов скота². Уже в первой половине 1942 г. в восточных районах СССР было введено в действие более 1200 крупных предприятий, перебазированных с запада. По существу, на восток была перемещена целая индустриальная страна. Это была грандиозная операция, равная по своей значимости успешно осуществленным величайшим битвам второй мировой войны. «Работа проделана поистине гигантская и в основном закончена удовлетворительно, — отмечал М. И. Калинин. — Можно с уверенностью сказать, что наши партийные, советские и технические кадры... прошли такую практическую школу, какой не знала еще история»³.

Буржуазные историки нередко признают огромное значение эвакуации промышленных мощностей в восточные районы Советского Союза для хода и исхода всей войны в России. Так, К. Рейнгардт пишет: «Это перебазирование оборонной промышленности было совершенно неожиданным для немцев и в решающей степени повлияло на то, что германская военная промыш-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 195.

² См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 4, с. 140.

³ Калинин М. И. Вопросы советского строительства; Статьи и речи (1919—1946). М., 1958, с. 672.

ленность не смогла выполнить свои задачи, — ведь значительная часть продукции должна была производиться по новым планам непосредственно в захваченных районах»¹.

Американский историк С. Либермен в труде «Влияние второй мировой войны на Советский Союз» довольно подробно рассматривает чрезвычайные меры, предпринятые советским руководством по обеспечению перестройки экономики на военные рельсы в первый период войны и организации эвакуации промышленных предприятий из западных районов на восток. По мнению Либермена, такие меры «доказали свою жизненную необходимость». Уже в 1941 г. стало очевидно, пишет американский историк, что «борьба за выживание, во всяком случае на промышленном фронте, была выиграна»².

Война продемонстрировала превосходство советского опыта ведения и руководства народным хозяйством в целом. Социалистическая система хозяйства позволила Советскому правительству и Коммунистической партии использовать для нужд фронта максимальную часть экономического потенциала страны. В Советском Союзе сырьевые ресурсы, производственные мощности, труд рабочих и крестьян использовались в годы войны эффективнее, с большей отдачей, чем в какой-либо другой капиталистической стране. Из каждого миллиона тонн стали, выплавленной в Советском Союзе в годы войны, производилось самолетов в 1,5 раза больше, чем в Англии, в 2,6 раза больше, чем в Германии, в 3,2 раза больше, чем в США; танков и САУ — в 3 раза больше, чем в Германии, в 3,8 раза больше, чем в Англии, в 6,3 раза больше, чем в США; артиллерийских орудий — в 5,4 раза больше, чем в Англии, в 7,7 раза больше, чем в США, и в 4 раза больше, чем в Германии³.

В трудных условиях войны при резком сокращении материальных и людских ресурсов Советское государство добилось роста производства вооружений. В 1943 г. было ликвидировано преимущество немецко-фашистской армии по всем видам боевой техники. Социалистическая экономика дала Советской Армии оружие, с помощью которого была разгромлена фашистская Германия, использовавшая в военных целях промышленную мощь почти всей Европы. В конце войны Советские Вооруженные Силы превосходили вермахт в танках и самоходно-артиллерийских установках, а также в артиллерийских орудиях и минометах в 3 раза, а в боевых самолетах — почти в 8 раз⁴. За годы войны

¹ Рейнгардт К. Поворот под Москвой, с. 46.

² The Impact of World War II on the Soviet Union. New York, 1985, p. 71, 79.

³ См.: Кравченко Г. С. Военная экономика СССР. 1941—1945. М., 1963, с. 381—382.

⁴ См.: СССР в борьбе против фашистской агрессии. 1933—1945, с. 283—284.

в СССР было произведено 102,8 тыс. танков и САУ, около 482,2 тыс. орудий и 112,1 тыс. самолетов¹.

В. И. Ленин учил, что «нельзя сделать страну обороноспособной без величайшего героизма народа, осуществляющего смело, решительно великие экономические преобразования»². Эта мысль В. И. Ленина нашла блестящее подтверждение в годы войны.

Экономическая победа Советского Союза в войне была достигнута целеустремленной организаторской работой Коммунистической партии, величайшим напряжением усилий всего советского народа. Фронт и тыл в период Великой Отечественной войны были сплочены в единый нерушимый лагерь. Самоотверженный труд советских людей и героическая борьба воинов Советской Армии на фронте слились воедино в беспримерном подвиге советского народа, поднявшегося на защиту социалистического Отечества.

Экономическая победа Советского Союза над фашистской Германией стала одним из важнейших событий истории Великой Отечественной войны. Эта победа была столь грандиозна и столь убедительна, что многие буржуазные историки отмечают в своих работах большую роль советской промышленности в обеспечении военного разгрома фашистской Германии.

«Магнитогорск победил Рур» — этот вывод нередко встречается даже в трудах явных недоброжелателей Советского Союза. Так, американский историк Г. Дэвис пишет, что в годы довоенных пятилеток «Советский Союз действительно превратился в индустриальную державу и, как показала вторая мировая война, обеспечил условия для своей обороны»³. Э. Зимке вынужден признать, что «советская система доказала свою способность мобилизовать людские ресурсы, промышленность и сельское хозяйство для нужд войны в исключительно сложных условиях»⁴. Американский автор И. Горовиц в книге «Три развивающихся мира» говорит о могущественной новой цивилизации, созданной в СССР. Он подчеркивает, что без глубоких преобразований в экономике Советский Союз «вряд ли бы выстоял против нашествия нацистской Германии»⁵.

В вышедшем в 1978 г. в США труде «Война. Историческое, политическое и социальное исследование» один из его авторов указывает на такие качества экономической системы СССР, как ее плановость, наличие созданных в годы пятилеток промышленных центров на Урале и в Сибири. Он подчеркивает «потрясающую способность» советской экономики в условиях войны «под-

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1982, т. 12, с. 168.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 197.

³ Davis H. *Toward a Marxist Theory of Nationalism*. New York, 1978, p. 102.

⁴ Цит. по: Вторая мировая война и современность. М., 1972, с. 43—44.

⁵ Horowitz I. L. *Three Worlds of Development. The Theory and Practice of International Stratification*. New York, 1972, p. 126—127.

держивать высокий уровень выпуска промышленной продукции», «сохранять сельскохозяйственное производство»¹.

Встречаются и другие запоздалые признания: «Освещая первый период войны, особенно события лета 1941 г., историки, изучающие СССР, стремятся сфокусировать рассуждения на трудностях и ошибках советского режима... слишком часто не обращая внимания на то, что в условиях тяжелого положения, сложившегося в этот период, советский режим показал свою силу, наличие необходимых материальных и моральных ресурсов»².

Интересны выводы французского исследователя Р. Жиро, который пишет: «Если не вызывает никакого сомнения тот факт, что плановая система, введенная советским правительством с начала эры пятилетних планов, позволила обеспечить более равномерное размещение новых заводов на Урале и в Сибири, то столь же очевидно, что успехи эвакуации на восток основных центров производства обеспечивались активностью масс рабочих и крестьян, втянутых в эту гигантскую миграцию»³. Жиро отмечает единство тружеников советского тыла и их героический труд во имя победы: «Если тыл не только выдержал в 1941—1942 годах, но и обеспечил снабжение фронта оружием, то это было результатом чрезвычайного физического и морального напряжения сил советского народа, организованного Коммунистической партией... Складывается впечатление о корабле, на котором все находящиеся на борту пассажиры, без различия классов кают, стали в бурю моряками и не считали, что только экипаж корабля должен был бороться, чтобы достигнуть берега»⁴.

Однако признания достижений советской социалистической экономики в годы Великой Отечественной войны в трудах буржуазных историков встречаются не часто. В большинстве авторы ограничиваются констатацией факта выпуска большого количества военной техники советской промышленностью, но не раскрывают особенностей организации советской экономики и источников трудового героизма советских людей, обусловленных социалистическим строем. Отсутствие научного анализа ведет некоторых буржуазных историков к утверждениям о «необъяснимом» характере экономической победы СССР.

В то же время представители реакционного направления пытаются дискредитировать достижения советской военной экономики. Так, английский вице-маршал Р. Мейсон, написавший совместно с Д. Тейлором книгу о советских ВВС, заявляет, что «советская авиационная промышленность так и не смогла догнать по качеству продукцию немецкой промышленности»⁵. Напомним

¹ War. A Historical, Political and Social Study, p. 175.

² The Impact of World War II on the Soviet Union, p. 96.

³ Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale, 1967, N 68, p. 16.

⁴ Ibid., p. 31.

⁵ Mason R. and Taylor J. Aircraft, Strategy and Operations of the Soviet Airforce. L., 1986, p. 62.

Р. Мейсону и его соавтору, что советские истребители Ла-5, Ла-7, Як-3, штурмовик Ил-2, бомбардировщик Ту-2 и некоторые другие самолеты не только превосходили по своим качественным характеристикам соответствующие типы немецко-фашистских самолетов, но и были лучшими в мире.

Трижды Герой Советского Союза И. Н. Кожедуб вспоминает, что вступал на своем «лавочкине» в бой с любым количеством самолетов противника. «Были случаи, когда мы парой «лавочкиных» вели бой против 40 вражеских самолетов и одерживали победу»¹.

Французский авиационный журнал писал: «Легко управляемый Ла-5 развивал скорость на 40—50 километров в час больше германского истребителя Ме-109. Осенью 1942 года первые авиационные полки Ла-5 были переброшены в район Сталинграда, где битва достигала наивысшего накала. Эти свежие эскадрильи обеспечили развитие гигантской операции по окружению вражеских армий и способствовали успеху советских войск»². Скорость самолета Ту-2 почти на 100 километров превышала скорость основного серийного немецкого бомбардировщика Ю-88. Сокрушительная сила штурмовых ударов Ил-2 общеизвестна. Западногерманский военный историк Греффрат писал: «Русские ВВС... изо дня в день становились все более сильными в отношении как качества, так и количества, да и потери их с каждым годом уменьшались»³. Известны ли данные оценки английским авторам? Об этом их книга умалчивает.

Но, пожалуй, наиболее распространенной в буржуазных публикациях является версия о решающем значении для победы поставок союзниками по ленд-лизу в СССР оружия, снаряжения и некоторых стратегических материалов.

Уже многие годы реакционные историки и полетологи повторяют тезис о том, что Советский Союз не смог бы выдержать удара немецко-фашистской военной машины, если бы не получил «бескорыстной» помощи военно-стратегическими материалами и оружием от западных союзников. Подобные утверждения не сходят со страниц книг и журналов капиталистических стран Западной Европы и Америки, проникли в школьные учебники, всячески пропагандируются средствами западной информации.

В предисловии к книге Р. Бучанана «Соединенные Штаты и вторая мировая война» Г. Коммаджер и Р. Моррис безапелляционно заявляют: «В конечном счете объем американского производства определил перелом в войне — способность Америки произвести достаточно бомбардировщиков, кораблей, танков, продовольствия и горючего для своих собственных нужд и для нужд

¹ Шахурин А. И. Крылья победы. М., 1983, с. 217.

² Там же.

³ Мировая война, 1939—1945 годы, с. 484.

Великобритании, России и даже Китая»¹. По словам другого американского автора — К. Хоува, «победа на всех фронтах» была обеспечена благодаря «американской промышленности, американским ресурсам и американским людским резервам»².

В книге «Великие события XX века» утверждается, что «хотя США вступили в войну поздно, однако большинство историков считают, что их вклад был решающим. Без их солдат и громадного производства бомб, кораблей и самолетов союзники наверняка потерпели бы поражение»³.

Гипертрофированная оценка роли американской экономики в годы войны характерна не только для американской историографии. Французский историк Р. Ремон в своем труде «Введение в современную историю» пишет: «Вступление в войну Соединенных Штатов наложило отпечаток на характер конфликта, превратив его в индустриальную войну. Соединенные Штаты реконвертировали свою экономику и превратили ее в оружие, которое открыло им дорогу в Берлин»⁴.

Это, так сказать, «глобальные» оценки роли США во второй мировой войне. Наиболее навязчивы среди них попытки преувеличить роль американской и английской помощи Советскому Союзу по ленд-лизу, сконцентрированные в ложной версии о том, что судьба советского народа в период Великой Отечественной войны зависела от «добрых» заокеанских дядюшек, которые «спасли» Россию.

Американский историк Г. Пэчтер в книге «Падение и подъем Европы» утверждает, что без помощи США и Англии «Советский Союз не смог бы добиться поворота в войне»⁵. Его взгляды разделяет Л. Роуз, выдвинувший тезис, согласно которому всевозрастающая мощь Советской Армии и победы над странами фашистской коалиции на заключительном этапе Великой Отечественной войны были бы невозможны без «щедрой американской помощи»⁶.

Подобную же мысль высказывает французский публицист Ж.-Ж. Антье в книге «Сражение мурманских конвоев». Он утверждает, что будто бы благодаря конвоям союзников «СССР смог избежать германской оккупации, а свободный мир был избавлен от сепаратного германо-советского мира, который мог бы изменить историю планеты»⁷. Льстя заокеанским партнерам по

¹ Buchanan R. The United States and World War II. New York, 1964, vol. 1, p. XV.

² Howe Q. Ashes of Victory. World War II and its Aftermath. New York, 1972, p. 274.

³ Reader's Digest Great Events of the 20th Century. How They Changed Our Lives, p. 287.

⁴ Remond R. Introduction à l'histoire de notre temps, 1974, t. 3, p. 167.

⁵ Pachter H. The Fall and Rise of Europe. New York, 1975, p. 256.

⁶ Rose L. Dubious Victory: The United States and the End of World War II. Kent, 1973, p. 6.

⁷ Antier J.-J. La bataille des convois de Mourmansk. Paris, 1981.

НАТО, западногерманские историки М. Айкхоф, В. Пагельс и В. Решл в книге, которая была задумана как «пособие» для телезрителей многосерийного фильма «Незабытая война», писали, что материальная помощь США Советскому Союзу была «очень действенной», что «Красная Армия и население питались продовольствием, поступившим из Америки»¹.

Тезис о решающей роли ленд-лиза во второй мировой войне также прописан не только в публикациях историков, но и в учебниках истории, предназначенных для школ. В одном из них можно прочесть, что США в войну имели целью «вооружить... бесчисленные толпы русских легионов», что «военные усилия русских зависели от поставок Британии и Соединенных Штатов»².

Буржуазных историков не смущает необоснованность их заявлений. Так, упоминавшийся Ж.-Ж. Антье утверждает: «Нет никакого сомнения, что английские танки и самолеты, направленные к Москве, спасли столицу в период ожесточенного штурма немцев»³. Но в конце книги приведена таблица прибытия союзных конвоев в советские порты: первый конвой (7 транспортов) — 31 августа 1941 г., а последующие четыре (31 транспорт) — в октябре и в конце ноября. Даже неискушенному в военном деле человеку ясно, что эта техника не могла быть использована в битве под Москвой. Кроме времени, необходимого на ее перегрузку и транспортировку на базы для расконсервации, требовался еще определенный срок для освоения этой техники, подготовки специалистов и боевых экипажей. Но самое главное заключается в том, что прибывшая английская военная техника не могла изменить положение на фронтах, поскольку количество ее было незначительно (750 танков и 800 самолетов).

Фальсификаторы истории отворачиваются от очевидных фактов, от убедительных цифр, которые показывают реальное значение ленд-лиза. Они преднамеренно замалчивают объективные оценки американской помощи СССР в годы войны, сделанные в свое время ответственными политическими деятелями США.

20 мая 1944 г., выступая в конгрессе, Ф. Рузвельт подчеркнул, что «Советский Союз пользуется вооружением, главным образом, со своих собственных заводов»⁴. В конце мая 1945 г. во время переговоров в Москве с советскими государственными деятелями Г. Гоппкинс заявил: «...мы никогда не считали, что наша помощь

¹ Eickhof M., Pagels W., Reschl W. Der unvergessene Krieg: Hitler-Deutschland gegen die Sowjetunion 1941—1945. Köln, 1981, S. 147.

Многосерийный телефильм «Великая Отечественная», подготовленный советскими кинодокументалистами совместно с американской компанией «Эйр тайм интернэшнл», демонстрировался в ФРГ в 1981 г. под названием «Незабытая война» по третьему (второстепенному) каналу. Показано было 15 серий из 20, перед каждой из них давался на 10—15 минут «комментарий».

² Bragdon H., McCutchen S. History of a Free People. New York, 1978, p. 864.

³ Antier J.-J. Op. Cit., p. 28.

⁴ Цит. по: Морисов С. Э. Битва за Атлантику. М., 1956, с. 4.

по ленд-лизу является главным фактором в советской победе над Гитлером на Восточном фронте. Она была достигнута героизмом и кровью русской армии»¹.

Буржуазным историкам, безусловно, известна официальная секретная брошюра, изданная в 1945 г. американской администрацией экономической помощи иностранным государствам — организацией, без всякого сомнения, компетентной в вопросах ленд-лизу. В этой брошюре указывается: «Военные материалы, которые мы поставляли по ленд-лизу, хотя и играли важную роль в достижении успеха вооруженными силами Великобритании и СССР, но тем не менее составляли очень небольшую часть от их общего производства вооружения и оснащения. Основные свои потребности наши союзники покрывали за счет своего собственного производства». Далее авторы, подчеркивая, что поставки по ленд-лизу покрывали одну пятую всех потребностей Великобритании, признавали, что помощь Советскому Союзу осуществлялась в меньших масштабах. «Если взять русскую армию, то наша помощь удовлетворяла ее общие потребности в гораздо меньшей степени»², — писали представители американской администрации.

В официальных советских документах и исторических трудах никогда не отрицалось и не отрицается определенное значение помощи союзников СССР по антигитлеровской коалиции. За годы войны Советский Союз получил от США 14,7 тыс. самолетов, 7 тыс. танков, около 427 тыс. автомашин, определенное количество средств связи, продовольствия и других материалов³. Что же представляли собой эти поставки по отношению к военному производству СССР? В целом они составляли 4 процента советского производства. Всего же Советский Союз получил из США военных материалов примерно на 10 млрд. долларов, что позволяет точно определить удельный вес поставок по ленд-лизу в американском бюджете — 3,5 процента общих военных расходов США.

Поставки в Советский Союз осуществлялись нерегулярно, с большими перерывами. 18 июля 1942 г., на второй день после начала Сталинградской битвы, Черчилль известил Советское правительство о прекращении отправок конвоев Северным морским путем. Несмотря на решительный протест И. В. Сталина, указывавшего на недопустимость такого шага западных союзников в условиях величайшего напряжения сил Советской Армии, ни США, ни Англия не пересмотрели своего решения. Лишь в сентябре и декабре 1943 г. они направили в СССР два конвоя. Еще более длительный перерыв в отправке конвоев наступил в 1943 г. — с апреля по ноябрь. В результате Англия и США не

¹ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца: Пер. с англ. М., 1958, т. 2, с. 626.

² Lend-Lease, Facts and Fictions: Foreign Economic Administration. Washington, 1945, p. 5.

³ См.: История социалистической экономики СССР. М., 1978, т. 5, с. 540.

выполнили и половины своих обязательств о предоставлении помощи СССР¹.

К этому нужно добавить, что тактико-технические данные поставляемых США и Англией некоторых видов вооружения были низкими. Советские авиационные части, воевавшие на английских и американских самолетах, несли больше потерь, чем части, оснащенные отечественными машинами. Вследствие этого командование ВВС СССР вынуждено было в 1942 г. снять их с вооружения действующих авиачастей и направить в тыловые районы². Нередко техника прибывала в разукomплектованном или поврежденном состоянии. И. В. Сталин поставил У. Черчилля в известность о том, что «танки, артиллерия и авиация приходят в плохой упаковке, отдельные части артиллерии приходят в разных коробках, а самолеты настолько плохо упакованы, что мы получаем их в разбитом виде»³.

В то же время советская промышленность уже в 1942 г. сумела резко увеличить выпуск боевой техники. Было произведено 25 436 самолетов, 24 446 танков, более 158 тыс. орудий и минометов, вошло в строй 15 кораблей основных классов. Самоотверженный труд советских рабочих, инженеров, техников и ученых получил высокую оценку. Многие из них были удостоены высших государственных наград.

В буржуазной историографии второй мировой войны можно встретить, хотя и редко, работы авторов, которые, анализируя документы по ленд-лизу, приходят к более правильным выводам о его роли и значении.

Вот как оценивают роль поставок по ленд-лизу в самый тяжелый для Советского Союза период войны авторы иллюстрированной истории второй мировой войны, подготовленной издательствами журналов «Тайм» и «Лайф»: «Первые поставки по ленд-лизу зимой 1941/42 года достигли СССР очень поздно, чтобы поддержать Красную Армию в сражениях, которые она вела во имя спасения Советского Союза. В эти критические минуты русские, и одни русские, оказывали сопротивление германскому агрессору на своей собственной земле и своими собственными средствами, не получая какой-либо заметной помощи со стороны западных демократий»⁴.

Американский политолог Л. Мортель, исследовавший проблему ленд-лиза, приводит в своем труде мнение некоторых военных историков о том, что влияние американской помощи Советскому Союзу было незначительным и она не играла какой-либо роли в отражении немецкого наступления под Москвой. Л. Мортель отмечает: «Когда русские особенно нуждались в помощи, они

¹ См.: История дипломатии, т. 4, с. 274—275.

² См.: История СССР, 1970, № 3, с. 220.

³ Переписка Председателя Совета Министров СССР..., т. 1, с. 43.

⁴ Le front russ. Amsterdam: Time-Life intern, 1980, p. 145.

получили небольшую материальную поддержку и отражали сильные удары врага без посторонней помощи»¹.

Но такие объективные оценки буквально тонут в мутном потоке лжи о слабости СССР и могуществе США, бескорыстии и благородстве американских правящих кругов, которые-де успели оказать помощь Советскому Союзу в годы войны. Но если эти круги и пришли к выводу о необходимости оказать какую-то помощь СССР в войне против фашистских агрессоров, то лишь исходя из собственных интересов. Ф. Рузвельт и многие лица из его окружения считали, что оказывать помощь Советскому Союзу необходимо прежде всего в интересах самих США. В Советском Союзе они видели союзника в борьбе с фашистской Германией, которая, установив военно-политический союз с Японией и Италией и захватив почти все страны Европы, превратилась в опаснейшего конкурента и соперника для Соединенных Штатов Америки.

Летом 1941 г., выступая в британском парламенте, У. Черчилль заявил: «Гибель России означает нашу гибель и гибель Соединенных Штатов»². Бывший госсекретарь США Э. Стеттиниус писал: «Американскому народу не следует забывать, что он находился на краю гибели в 1942 году. Если бы Советский Союз не удержал свой фронт, немцы получили бы возможность покорить Великобританию. Они были также в состоянии захватить Африку, а затем создать плацдарм в Латинской Америке»³.

О. Харви, который был политическим секретарем британского министра иностранных дел А. Идена, в годы войны записал в своем дневнике: «...мы не можем выиграть войны без России, мы не можем достичь мира без России»⁴.

Все эти высказывания и документы весьма красноречиво свидетельствуют, что США нуждались в Советском Союзе как союзнике в войне с фашистской Германией и именно из этих реалистических соображений администрация Рузвельта приняла решение об оказании помощи СССР.

Французский историк М. Мурэн пишет, что США считали: разгромить противника надо тогда, «когда СССР удерживает на своих фронтах большую часть вермахта»⁵. Более того, в определенных американских кругах возникли планы, предусматривающие свертывание непосредственного участия вооруженных сил в борьбе против фашистско-милитаристского блока на главном, сухопутном театре войны. А. Гарриман в своих воспоминаниях пишет: президент Ф. Рузвельт, надеясь, что если борьбу с армиями стран оси будет вести Советский Союз, то Соединенные

¹ Mortel L. Lend-Lease, Loans and the Coming of the Cold War: A Study of the Implementation of Foreign Policy. Boulder (col.), 1979, p. 56.

² Цит. по: Mourin M. La capitulation sans conditions. Paris, 1973, p. 55.

³ Stettinius E. Roosevelt and the Russians. London, 1950, p. 16.

⁴ Цит. по: Gorodetsky G. Stafford Cripp's Mission to Moscow, 1940—1942. Cambridge, 1984, p. 284.

⁵ Mourin M. La capitulation sans conditions, p. 46.

Штаты смогут ограничить свое участие в войне использованием авиации и флота¹.

Вплоть до лета 1943 г. Соединенные Штаты, находясь в состоянии войны с фашистскими странами, практически не вели боевых действий на Европейском континенте. Когда же после долгих проволочек и затяжек был наконец открыт второй фронт во Франции, для американского политического и военного руководства было совершенно очевидно, что фашистская Германия не могла оказать войскам США и Англии сильного сопротивления, поскольку основные силы вермахта были скованы на советско-германском фронте. Документы из личного архива генерала Д. Эйзенхауэра, опубликованные в 1970 г., свидетельствуют, что американский главнокомандующий союзными силами в Европе отчетливо понимал общую стратегическую обстановку и считал необходимым в интересах западных союзников укреплять отношения с СССР, поскольку именно советские войска вынуждают Германию «израсходовать главные силы в сражениях на Восточном фронте»².

Следует подчеркнуть, что Советский Союз, ведя упорные сражения с войсками фашистской Германии и ее сателлитами, создавал благоприятные условия для наращивания военного производства в далекой Америке. В итоговом «Обзоре военного производства США за 1940—1945 гг.», подготовленном управлением военного производства, эта особенность развития военной промышленности США раскрывается более объективно. «Инициатива, находившаяся в руках стран оси на первых этапах войны, — пишут авторы обзора, — была вначале вырвана у них русскими зимой 1941/42 г. и окончательно осенью 1942 г. Значение этих событий для нашего производства состояло в том, что мы получили больше времени для его развития, и в том, что был уменьшен потенциал наших военных задач и усилий на европейском театре»³.

Начальник штаба армии США Дж. Маршалл писал в официальном докладе об итогах войны следующее: «Решающим фактором для Америки с начала войны было время... Время мы получили благодаря героическому сопротивлению советского народа. Советский народ купил это время для нас ценой своей крови и отваги»⁴.

Американский историк Д. Херринг отмежевывается от мифа о «бескорыстии» США в деле оказания помощи своим союзникам. «Ленд-лиз не был... самым бескорыстным актом в истории человечества, — пишет автор. — Это был акт расчетливого эгоиз-

¹ Hagginan A. America and Russia in a Changing World. New York, 1971, p. 14—15.

² См.: Коротков Г. Свидетельство генерала Эйзенхауэра. — Военно-исторический журнал, 1974, № 2, с. 93.

³ Summary of War Production in the United States 1940—1945, p. 2.

⁴ The War Reports of General George C. Marshall, Chief of Staff..., Philadelphia — New York, 1947, p. 153.

ма, и американцы всегда ясно представляли себе выгоды, которые они могут из него извлечь»¹.

К этому следует добавить, что, по данным американского министерства торговли, США получили из СССР в годы войны 300 тыс. тонн хромовой и 32 тыс. тонн марганцевой руды, значительное количество платины, пушпыны, других видов сырья и товаров.

Известно, что летом 1945 г. решением президента США Г. Трумэна поставки в Советский Союз по ленд-лизу были в одностороннем порядке произвольно прекращены. И дело было не в том, что окончилась война в Европе, а в новом подходе американской администрации к вопросу оказания экономической помощи Советскому Союзу, который остро нуждался в получении кредитов и поставок промышленного оборудования из США для восстановления народного хозяйства. Материальные разрушения от войны в Советском Союзе были огромны. Немецко-фашистские захватчики разрушили и сожгли 1710 городов и более 70 тыс. сел и деревень, свыше 6 млн. зданий, лили кровь около 25 млн. человек. Гитлеровцы разрушили 31 850 промышленных предприятий, 65 тыс. километров железнодорожной колеи и 4100 железнодорожных станций, разорили и разграбили 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов и 2890 машинно-тракторных станций. Прямой ущерб, причиненный Советскому Союзу фашистской Германией и ее сателлитами на временно оккупированной советской территории, составил 679 млрд. рублей. Весь же ущерб с учетом военных расходов и потери доходов от народного хозяйства оккупированных областей достиг колоссальной суммы — 2 569 млрд. рублей².

Соединенные Штаты Америки не только не пострадали, но и разбогатели во время войны. Советский Союз был союзником США во второй мировой войне. Казалось бы, что Соединенные Штаты обязаны были оказать ему помощь в восстановлении народного хозяйства, тем более что речь шла не о каком-то благотворительном или безвозмездном акте, а о предоставлении СССР кредитов на договорной основе и о размещении в США советских заказов на промышленное оборудование. Но президент США Г. Трумэн и его администрация решили путем экономического шантажа добиться от СССР отказа от проведения самостоятельной политической линии на международной арене.

В сентябре 1945 г. в Москве находилась американская делегация во главе с председателем специального комитета конгресса по послевоенной экономической политике и планированию У. Колмером. Д. Гэддис в книге «США и возникновение холодной войны. 1941—1947» отмечает, что «Колмер и его коллеги требовали, чтобы Советский Союз в обмен на американский заем

¹ Herring J. Aid to Russia 1941—1946. New York, 1973, p. 293.

² См.: История внешней политики СССР, т. 1, с. 471.

изменил свою систему правления и отказался от своей сферы влияния в Восточной Европе»¹.

Американский историк Л. Роуз, специализирующийся по проблемам международных отношений в годы войны, в своей книге «Сомнительная победа: Соединенные Штаты и окончание второй мировой войны» отмечает, что ряд американских должностных лиц, особенно А. Гарриман и помощник государственного секретаря по экономическим вопросам У. Клейтон, решительно требовали отказать Советскому Союзу в послевоенных кредитах, «пока он не изменит своего поведения»².

Эти факты проливают дополнительный свет на историю ленд-лиза. Нет и не может быть речи о бескорыстной позиции американского правительства в этом вопросе, о решающей роли американских поставок по ленд-лизу.

Выдающаяся победа Советского Союза в Великой Отечественной войне была обусловлена не только преимуществами социалистической экономики, но и прочностью советского государственного и общественного строя, нерушимой дружбой народов СССР, сплоченностью трудящихся всех национальностей вокруг Коммунистической партии, великой силой коммунистических идей.

Исторически доказано, что способность государства выиграть войну зависит прежде всего от его социальной природы, классовых и политических основ, от отношения широких народных масс к государству и войне. Советский Союз преследовал в войне справедливые, освободительные цели, отстаивал социализм — самый передовой общественный строй. «Всякая война, — писал В. И. Ленин, — нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает»³. Он подчеркивал, что ход и исход войны больше всего зависят «от внутреннего порядка той страны, которая вступает в войну...»⁴.

Готовя нападение на СССР, фашистская Германия делала ставку не только на свою военную силу, но рассчитывала и на слабость государственного и общественного строя в Советском Союзе. Гейббельс и его подручные потратили немало усилий, чтобы доказать существование неких «уязвимых» сторон советской системы и идеологически обосновать авантюристическую идею blitzkriega. Фашистские заправилы надеялись, что многонациональное Советское государство рухнет под ударами вермахта.

История преподала суровый урок тем, кто надеялся сокрушить Советский Союз, кто не видел и не хотел видеть непобедимую силу, жизнеспособность социалистического строя, рожденного Великой Октябрьской социалистической революцией.

¹ Илл. по: Яковлев П. Н. ЦРУ против СССР, с. 19.

² Rose L. Dubious Victory: The United States and the End of World War II, p. 64.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 79.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 319.

На международном военно-историческом коллоквиуме, состоявшемся несколько лет назад в Саундхерсте (Англия), представитель делегации США, обращаясь к советским историкам, заявил: «Мы считаем, что необычайный героизм и стойкость Красной Армии, проявленные в трудном 1941 году, явились результатом природных качеств русского солдата, который всегда самоотверженно защищал свой дом и семью от иностранного нашествия. Согласны ли вы с этой точкой зрения?» Ему был дан такой ответ: «Воины Красной Армии в период иностранной военной интервенции и Великой Отечественной войны, как и русские солдаты в прошлом, самоотверженно защищали от чужеземных захватчиков свой дом, семью и родную землю, но коренное отличие между солдатами царской армии и Советской Армии состоит в том, что советские воины защищают еще и свое бесценное завоевание — родную Советскую власть, социалистический общественный и государственный строй, который, как они убедились на собственном опыте, принес им огромное счастье в жизни; это рождает невиданный массовый героизм и преданность воинскому долгу, отличающие армию социалистического государства от любых других армий мира».

Вопрос был задан не случайно. За ним скрывался весьма распространенный стереотип западной трактовки советского патриотизма: это, мол, «русский», а не «советский» патриотизм. Цель стереотипа ясна — выхолостить из советского патриотизма классовое содержание, свести его только к национальным рамкам, доказать, что патриотизм советских людей уходит своими корнями в непостижимые особенности «русского характера», «тайны русской души». В изданной в США «Истории России» утверждается, что не советский патриотизм, а «воскресшая» любовь к «матушке России» помогла выдержать Советскому Союзу тяжелое испытание¹. Французский историк Ж. Вельте рассматривает истоки советского патриотизма как «традицию веры вождем» — «будь то Петр Великий, Кутузов или Сталин»². Швейцарский историк В. Рингс делает еще более «решительный» вывод: «Единственное в мире государство, вышедшее из большевистской революции, убеждает в том, что рефлекс национального самосохранения мог оказать на массы более сильное воздействие, чем революционные идеи и целеустановки. Не во имя революции, но во имя России объявил Сталин «Отечественную» войну»³. Такого рода версию протаскивают в своих публикациях Г. Раух в ФРГ, Э. Каррер д'Анкос во Франции и многие другие буржуазные историки⁴.

¹ A History of Russia. Prentice Hall, 1977, p. 56.

² Welter G. Histoire de Russie. Paris, 1970, p. 409.

³ Rings W. Leben mit dem Feind. München, 1979, S. 11.

⁴ Rauch G. Geschichte der Sowjetunion. Stuttgart, 1969, S. 380. Carrière d'Encausse H. L'Empire éclatée. La révolte des nations en URSS. Paris, 1978, p. 30.

Наши идеологические противники в качестве доказательств ими же выдвинутых положений о «слабости» коммунистической идеологии в советском обществе приводят тенденциозно интерпретируемые факты о создании в составе Советских Вооруженных Сил гвардейских частей и соединений, об учреждении государственных наград, названных именами прославленных полководцев и флотоводцев, о положении церкви в СССР.

В истории каждого народа были периоды, когда решалась судьба свободы и независимости страны или происходили крупные социальные сдвиги, определявшие дальнейшее развитие нации, ее государственности. В эти периоды выдвигались прогрессивные политические и военные деятели, которые своими делами содействовали общественному прогрессу. Александр Невский живет в памяти народа не потому, что был князем, а потому, что он возглавил борьбу народа за независимость Руси от иноземных захватчиков. Советский народ с уважением относится к памяти Суворова, Кутузова, Ушакова и Нахимова не потому, что они имели титулы и звания, полученные от самодержавия, а потому, что они, как передовые представители своего времени, понимали нужды народа и государства и честно служили своей Родине, проявляя свои огромные дарования полководцев и флотоводцев. Таким же прогрессивным политическим деятелем и талантливым полководцем показал себя Богдан Хмельницкий, один из первых среди своего класса понявший общность интересов русского и украинского народов.

Коммунистическая партия Советского Союза в своей идеологической работе по воспитанию советских людей в духе патриотизма обращалась и обращается к примерам героического прошлого, к боевым традициям народов СССР, зародившимся в их многовековой борьбе за свободу и независимость. Вместе с тем всегда проводилась и проводится четкая линия последовательного освещения истории с марксистско-ленинских, классовых позиций, неоднократно указывалось на недопустимость отождествления героического прошлого русского народа с историей буржуазно-помещичьего строя царской России, которая долгое время была тюрьмой народов¹.

Ничего общего с «возвратом к традициям царизма» не было и в создании гвардейских соединений и частей в составе Советских Вооруженных Сил. Почетное звание гвардейских присваивалось в годы войны частям, кораблям, соединениям и объединениям Вооруженных Сил, отличившимся в сражениях за Советскую социалистическую Родину. В русском языке слово «гвардия» приобрело значение общего понятия лучших, наиболее подготовленных, сильных духом и революционной закалкой бойцов за дело коммунизма. Не случайно первые отряды вооруженных сил рабочего класса, вступивших в бой с царизмом, стали

¹ См.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1, с. 401.

называться Красной гвардией, которая затем превратилась в неповную форму организации вооруженных сил пролетариата в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции и в начале гражданской войны 1918—1920 гг. В советской публицистике и литературе еще до войны утвердились такие понятия, как «дешиская гвардия», «гвардия революции». Поэтому совершенно естественно, что лучшим частям и соединениям Советских Вооруженных Сил, отличившимся в боях с немецко-фашистскими захватчиками, стали присваивать звание гвардейских.

Широко распространена в буржуазной историографии выдумка о том, что «коммунистический режим в России» в годы войны «пересмотрел» свое отношение к религии, «заключил мир» и заручился поддержкой «ранее гонимой церкви». Буржуазные фальсификаторы спекулируют на познании широкой общественностью особенностей взаимоотношений социалистического государства с религиозными организациями, в том числе и с православной церковью. Декретом Совета Народных Комиссаров «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», принятым в январе 1918 г., церковь была отделена от государства. Принадлежность к той или иной религии стала личным делом каждого гражданина СССР. Конституция СССР законодательно закрепила свободу вероисповедания граждан. В первые годы Советской власти многие представители духовенства, связанные с эксплуататорскими классами царской России, выступали против социалистических преобразований, за что, естественно, привлекались к ответственности. Но в стране происходили коренные социальные сдвиги. Трудящиеся массы, среди которых были и верующие, на деле показывали, что Советская власть является их родной народной властью, активно участвовали в социалистических преобразованиях. Церковь вынуждена была открыто отказать от антисоветской деятельности и занять лояльное положение по отношению к общественному и государственному строю в СССР.

После нападения фашистских агрессоров на Советский Союз весь народ, включая и верующих, поднялся на защиту своей Родины. Церковь не могла не поддержать этого массового движения народных масс. Она учитывала патриотические чувства своих прихожан, осудила фашистскую агрессию и призвала верующих вести борьбу с захватчиками. На средства, собранные верующими, была построена и направлена на фронт танковая колонна имени Дмитрия Донского. Положительно оценивая патриотизм верующих, Коммунистическая партия продолжала считать религию ненаучным мировоззрением и вела атеистическое воспитание трудящихся.

Таким образом, какого-либо коренного изменения во взаимоотношениях между Советским государством и церковью в годы войны не произошло. Влияние православной и других религий на население страны было более чем далеким от того, чтобы, как

утверждают буржуазные историки, некая в религии источник убежденности в правоте борьбы с икоземными захватчиками.

Есть еще одна злостная версия в арсенале фальсификаторов истории, извращающая источники советского патриотизма. Это голословные утверждения о том, что всенародный характер борьбы советских людей с захватчиками был обусловлен «непримиримой» оккупационной политикой фашистского руководства. В 60-е годы такого рода утверждения появились в трудах английских историков О'Бэллакса, А. Кларка, американского историка Т. Хиггенса, западногерманского историка Э. Хесса и других. Реакционный французский социолог Р. Агон, подхвативший эту версию, заявлял, что патриотическая война в России против немецко-фашистских захватчиков была вызвана ошибками в германской оккупационной политике¹. Ему вторит К. Рейнгардт, который пытается объяснить героическую борьбу советского народа на фронте и в тылу просчетами руководства третьего рейха в политике по отношению к населению оккупированных районов и советским военнопленным, а заодно и обелить преступные приказы и действия командования вермахта, якобы «осуждавшего» эту политику, которая осуществлялась будто лишь силами эсэсовцев². Э. Каррер д'Анкос, работы которой проникнуты духом антикоммунизма и антисоветизма, считает, что руководство фашистской Германии могло бы разыграть «национальную карту» и тем самым ослабить СССР. Но ее мнению, если бы был осуществлен план военного преступника Розенберга, предусматривавший расчленение Советского Союза, то «советская федерация была бы обречена на уничтожение»³.

Подобная версия не выдерживает критики. Жестокое обращение немецко-фашистских захватчиков с населением оккупированных советских территорий не было «ошибкой». Политика геноцида по отношению к советским гражданам являлась проявлением самой сути фашизма, его ненависти к социализму и бранных идей о «превосходстве немецкой расы».

Еще задолго до войны в выступлениях главарей фашистской Германии, в нацистских документах была провозглашена и разработана не только программа завоевания земель на востоке Европы, но и чудовищные планы истребления славянских народов, а также «германизации» тех групп населения, которые захватчики намеревались использовать в качестве своих рабов. Гитлер цинично провозглашал: «Наш руководящий принцип должен заключаться в том, что эти народы (то есть славянские народы. — *Прим. авт.*) имеют одно-единственное оправдание для своего существования — быть полезными для нас в экономическом отношении»⁴. Разработанный под руководством Гимmlера и

¹ Agon R. Penser la guerre, Clausewitz. Paris, 1976, t. 2, p. 90—91.

² См.: Рейнгардт К. Поворот под Москвой, с. 108, 109.

³ Carrère d'Encausse H. L'Empire éclatée, p. 29—30.

⁴ Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941—1942: Picker H. Stuttgart, 1963, S. 420.

Розенберга в мае 1940 г. генеральный план «Ост» предусматривал уничтожение 30 миллионов славян. Этот план практически представлял собой программу организованного чудовищного преступления — геноцида по отношению к славянским народам. Особенно бесчеловечны и жестоки были планы фашистов относительно народов Советского Союза. Здесь стремление германского империализма к захватам чужих территорий, расовые теории национал-социализма переплетались с классовой ненавистью фашистов к первому в мире социалистическому государству. Гитлер говорил Борману, что целью всей его жизни и смыслом существования национал-социализма является уничтожение большевизма¹. Фашистская клика рассматривала войну против СССР как особую войну, в которой делалась ставка на физическое истребление большинства советских людей — носителей марксистско-ленинской идеологии. Программа геноцида по отношению к советскому народу была органическим продуктом фашистской идеологии и составляла часть общего плана войны против СССР.

Накануне войны в Германии была утверждена специальная инструкция о поведении должностных лиц на оккупированной территории СССР. «Вы должны уяснить себе, что вы на целые столетия являетесь представителями великой Германии... Поэтому вы должны с сознанием своего достоинства проводить самые жестокие и самые беспощадные мероприятия, которых потребует от вас государство»².

В приказе командующего 8-й немецкой армией В. Рейхенау «О поведении войск на Востоке» говорилось: «Войска заинтересованы в ликвидации пожаров только тех зданий, которые должны быть использованы для стоянок воинских частей. Все остальное, являющееся символом бывшего господства большевиков, в том числе и здания, должно быть уничтожено. Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения»³.

Безусловно, человеконенавистническая политика террора немецко-фашистских мракобесов по отношению к населению оккупированных районов Советского Союза усиливала ненависть к фашистам, являлась одним из побудительных мотивов к активной и решительной борьбе с гитлеровцами. В годы войны М. И. Калинин писал: «...жестокость, от которой даже камни вопиют о мщении, толкает самых мирных людей на самоотверженную борьбу с гитлеровскими бандами. Но все же насилие и жестокость, чинимые немецкими оккупантами над мирным населением, являются лишь дополнительным фактором в развитии партизанской борьбы. Основные источники, столь обильно питаю-

¹ Le testament politique de Hitler. Paris, 1959, p. 61.

² Преступные цели — преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944 гг.). М., 1968, с. 38.

³ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов. М., 1958, т. 8, с. 345—346.

щие партизанское движение, лежат значительно глубже, они находятся в недрах самого народа»¹. Главными такими источниками являются советский общественный и государственный строй, всепобеждающие идеалы коммунизма.

Героизм советских людей в Великую Отечественную войну не был уделом одиночек, он был массовым, повседневным и осознанным явлением. За годы войны более 7 млн. советских граждан были награждены орденами и медалями СССР, а свыше 11 тыс. человек удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Массовый героизм советских людей явился ярким проявлением их патриотизма, пламенной любви к социалистической Родине.

«Советского солдата отличали беззаветная преданность Отчизне, мужество и боевое мастерство, — говорил товарищ М. С. Горбачев в докладе, посвященном 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. — В беспощадной битве он проявил свои высочайшие нравственные качества»².

Большинство буржуазных историков и мемуаристов не осмеливаются отрицать высокие морально-боевые качества советских воинов, однако стремятся истолковать истоки этих качеств в ущерб социализму. Они не прекращают попыток дегероизировать Советскую Армию, исказить источники великого ратного подвига советских людей во имя защиты социалистического Отечества. Американский историк Х. Болдуин «объясняет» стойкость и мужество советских войск тем, что «мужик боялся железной дисциплины, комиссаров и советских карательных команд»³. В уже упоминавшейся книге У. Крейга «Враг у ворот. Битва за Сталинград», впоследствии переведенной в ряде других капиталистических стран, утверждается, что дисциплина в Красной Армии поддерживалась какими-то особо жестокими методами⁴. Это один из типичных приемов, используемых реакционными историками в целях злобной антисоветской пропаганды.

В то же время Болдуин, Крейг и им подобные замалчивают оценки тех американцев, которые на основе собственного военного опыта пришли к совершенно противоположным, объективным выводам. Американский генерал Стилуэлл отмечал в 1945 г.: «Американцы выразят чувства своих собственных солдат, воздавая должное в особенности русскому солдату. Мы наблюдали его в этой войне во время упорной, самоотверженной обороны против могущественной германской машины, во время его эпического сопротивления в Сталинграде и его первой великой победы там, когда он уничтожил 6-ю германскую армию и повернул ход войны к окончательной победе. Мы видели, как он гнал германскую

¹ Калинин М. И. Все для войны, все для победы: Статьи и речи. Л., 1943, с. 98—99.

² Горбачев М. С. Избранные речи и статьи, с. 46.

³ Baldwin H. Battles Lost and Won: Great Campaigns of World War II, p. 168.

⁴ Craig W. Enemy at the Gates. The Battle for Stalingrad, p. 72.

армию обратно и очищая свою родину от захватчиков в самом великом и упорном в военной истории наступлении. В течение трех лет постоянной борьбы мы видели, как он вынес на себе всю тяжесть пати́ска немцев и разбил их. Он превзошел все достижения русских солдат в прошлых войнах, и все солдаты любой национальности горды тем, что они объединились с ним в этой войне. Весь цивилизованный мир должен особенно оценить заслуги центральной фигуры в этой борьбе — русского солдата»¹.

На франко-советском коллоквиуме, посвященном 40-й годовщине Сталинградской битвы, проходившем в 1983 г. в Париже, известный французский историк генерал Ф. Гамбьез в своем докладе подчеркнул особое значение высокого патриотизма воинов Советской Армии в сражении на Волге как примера «преданности советских граждан своей родной земле, своей Отчизне, своей Родине».

Победа Советского Союза над фашистской Германией и милитаристской Японией была обусловлена тем, что ее творцом был великий советский народ.

Еще в 1919 г. В. И. Ленин говорил о непобедимости социализма в схватках с эксплуататорскими государствами: «Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда»².

В Великой Отечественной войне основную массу защитников социалистического Отечества составляли люди, чья сознательная жизнь началась после Великого Октября. Они были представителями поколения, которое училось, трудилось в условиях героических пятилеток, строило социализм, для которого социалистический образ жизни стал повседневной действительностью. На защиту социалистической Отчизны поднялись все советские люди. Свое решающее влияние на ход и исход войны они оказали, участвуя в битвах на полях сражений, самоотверженно трудясь в тылу, всемерно помогая фронту. Народный характер войны, патриотизм советских людей с особой силой проявились в нерушимом, монолитном единстве фронта и тыла, которое обеспечило победу.

Одной из решающих предпосылок этой победы было то, что советский народ и его неотъемлемая часть — Советские Вооруженные Силы были воспитаны в духе марксистско-ленинской идеологии.

«Победа в Великой Отечественной войне, — подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов», — подтвердила могучую жизненную силу марксистско-ленинской идеологии.

¹ Цит. по: Известия, 1945, 3 июня.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 315.

Глубокая идейная убежденность, безграничная вера в правоту великого ленинского дела служили неиссякаемым источником духовных сил советского народа, его морально-политической сплоченности»¹.

Минувшая война была решительной схваткой двух противоположных идеологий: самой гуманной — социалистической и самой человеконенавистнической, реакционной — фашистской. Советский народ одержал в войне не только военную, политическую, экономическую, но и идеологическую победу над врагом.

Борьба за свободу и независимость социалистической Родины еще более сплотила в единую боевую семью все народы СССР. Сражающийся под руководством Коммунистической партии советский народ представлял собой прочную единую семью всех наций и народностей, населяющих Советский Союз. В рядах Советской Армии плечом к плечу сражались представители больших и малых народов страны, и их подвигами и ратными делами гордились все советские люди.

В 1944 г. в составе 200 стрелковых дивизий, насчитывавших более 1 млн. человек, было 58,3 процента русских, 22,3 процента украинцев, 2,7 процента белорусов, 2 процента узбеков, 1,5 процента казахов, 1,5 процента грузин, 1,5 процента азербайджанцев, 1,4 процента армян, представители других наций и народностей СССР. В годы войны были созданы эстонский корпус, три казахские дивизии, латышская, литовская, азербайджанская, грузинская, армянская, башкирская дивизии и другие национальные части². Эти цифры убедительно свидетельствуют о силе многонационального Советского государства. Защита социалистической Родины была общим делом всех народов Советской страны.

Бесплодны происки историков-неофашистов типа И. Гофмана из военно-исторической службы бундесвера, пытающихся утверждать, что «в годы войны национальная политика советского правительства не выдержала испытаний». Расчеты фашистских главварей и мирового империализма на возрождение национальных междоусобиц и распад многонационального социалистического государства в период войны оказались построенными на песке. Единство советского народа нашло свое самое убедительное выражение в героических подвигах во имя защиты социалистического Отечества. Союз и дружба всех наций и народностей Советского государства выдержали все испытания.

Прочность Советского многонационального государства в годы второй мировой войны отмечают многие буржуазные историки, подчеркивая при этом несостоятельность расчетов фашистских политиков и стратегов на разжигание будто бы существовавших в СССР национальных противоречий. «Это был, — признает Ж. Вельте, — суровый урок для антикоммунистов всего мира, которые, когда вспыхнула война, рассчитывали кто на возмущение

¹ Коммунист, 1984, № 9, с. 36.

² См.: Советская Военная Энциклопедия, т. 3, с. 565.

ние солдат, кто на волнения крестьян, кто на распад Союза Советских Республик»¹.

Американские историки в коллективном труде «Влияние второй мировой войны на Советский Союз» пишут: «Важно подчеркнуть, что вторая мировая война показала жизненную силу экономического и государственного строя, созданного большевиками в 30-е годы, и самой партии. Они доказали это, пройдя через самые, какие только можно представить, тяжелейшие испытания... Мало вероятно, чтобы эта страна смогла выстоять при какой-либо иной системе»².

Ярким проявлением глубокого патриотизма граждан первого в мире социалистического государства стала борьба советских людей в тылу немецко-фашистских оккупантов. Партизанское движение в Великой Отечественной войне явилось частью борьбы советского народа против гитлеровских захватчиков. Оно выражало негибаемую волю населения временно захваченных немецко-фашистскими войсками районов Советского Союза продолжать сопротивление агрессорам, несмотря ни на какие трудности и террор оккупантов.

В годы Великой Отечественной войны партизанское движение по своему размаху, формам борьбы с оккупантами и по своему значению в деле разгрома немецко-фашистских агрессоров стало уникальным явлением в истории. Оно приняло массовый, поистине народный характер. Всенародная борьба в тылу врага развернулась во всех временно оккупированных немецко-фашистскими войсками областях Советского Союза. В ней принимали участие представители всех классов советского общества. Всего в годы войны в тылу врага в оккупированных областях и краях Российской Федерации, Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии и Молдавии действовало 6200 партизанских отрядов и подпольных групп, в которых сражалось более миллиона человек. К началу 1944 г. более 30 процентов партизан были рабочие, около 41 процента — крестьяне, свыше 29 процентов — служащие. Почти десятую часть партизан составляли женщины. В партизанских формированиях сражались представители всех национальностей Советского Союза³.

По своим масштабам, политическим и военным результатам героическая борьба советских людей на временно оккупированной немецко-фашистскими войсками территории приобрела значение важного военно-политического фактора разгрома фашизма.

Во многих работах буржуазных историков имеются реалистические оценки борьбы советских людей в тылу врага, подчеркивается большое значение партизанского движения в деле разгрома немецко-фашистских войск и крушения нацистского оккупационного режима. Так, французский историк А. Мишель

¹ Welter G. Histoire de Russie, p. 408—409.

² The Impact of World War II on the Soviet Union. New York, 1985, p. 71, 286.

³ См.: Советская Военная Энциклопедия. М., 1978, т. 6, с. 231.

пишет: «С переходом в наступление Красной Армии действия партизан приняли стратегическое значение»¹. Английский автор Р. Уайт также признает, что советское партизанское движение возникло быстро и стало реальной важной силой в борьбе с Германией².

1 июля 1941 г. начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта Ф. Гальдер записал в своем дневнике: «Серьезные заботы доставляет проблема усмирения тылового района... Одних охранных дивизий совершенно недостаточно... Нам придется для этого выделить несколько дивизий из состава действующей армии»³. В приказе начальника штаба верховного командования вооруженных сил фашистской Германии Кейтеля от 16 сентября 1941 г. отмечалось: «С начала войны против Советской России на оккупированных Германией территориях повсеместно вспыхнуло коммунистическое повстанческое движение. Формы действий варьируются от пропагандистских мероприятий и нападений на отдельных военнослужащих вермахта до открытых восстаний и широкой войны...»⁴

Документы различных военных инстанций фашистского рейха свидетельствуют, что пламя партизанской войны советских патриотов постоянно разрасталось и ширилось. Командующий охранными войсками группы армий «Центр» генерал М. Шенкендорф доносил в апреле 1942 г., что «если в конце прошлого и в начале этого года партизаны... выступали только небольшими группами, захватывали продовольствие и при удобном случае совершали нападения на отдельные не охраняемые войсками населенные пункты или на небольшие команды солдат, то теперь они действуют крупными, обученными в военном отношении частями. Они имеют в большом количестве тяжелое пехотное оружие, частично также артиллерию и другое вооружение...»⁵

18 августа 1942 г. штаб оперативного руководства вермахта издал директиву по усилению борьбы с партизанами. В апреле 1943 г. Гитлер подписал специальный приказ, в котором задача организации и осуществления борьбы с партизанами объявлялась равноценной боевым действиям на фронтах. Своими активными действиями в тылу и на коммуникациях врага народные мстители сковывали значительные силы противника. С середины 1942 г. для борьбы с партизанами отвлекалось до 10 процентов фашистских войск, находившихся на советско-германском фронте. В 1943 г. командование вермахта использовало против партизан кроме солдат вспомогательных формирований около 25 дивизий действующей армии⁶.

¹ Michel H. La Seconde guerre mondiale, t. 2, p. 189.

² Resistance in Europe 1939—1945, London, 1975, p. 16.

³ Гальдер Ф. Военный дневник, т. 3, кн. 1, с. 71.

⁴ «Совершенно секретно! Только для командования!» с. 395.

⁵ Там же, с. 398.

⁶ См.: Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945: Краткая история, с. 597.

Гитлеровское командование оказалось не только перед фактом активных действий партизан, но и перед возрастающим сопротивлением оккупантам всего населения. В октябре 1941 г. начальник диверсионной службы вермахта на южном участке советско-германского фронта Г. Оберлендер доносил в Берлин: «Гораздо большей опасностью, чем активное сопротивление партизан, здесь является пассивное сопротивление — трудовой саботаж, в преодолении которого мы имеем еще меньшие шансы на успех»¹.

В буржуазной историографии разработан целый набор зачастую взаимоисключающих тезисов и аргументов, направленных на то, чтобы в искаженном свете представить всенародную борьбу советского народа против фашистских захватчиков. Так, западногерманский историк Э. Хельмдах утверждает, что жители временно оккупированных районов не поддерживали партизан, а сами партизаны «не хотели бороться»². Ему вторит Э. Хауэлл из США, специализирующийся на изучении советского партизанского движения: «Никакого народного восстания не было: народные массы в нем не участвовали»³. Другой американский историк — Д. Армстронг пишет, что «партизанское движение не было добровольной организацией»⁴.

Злостный тезис о «принудительном» характере партизанского движения понадобился фальсификаторам для того, чтобы скрыть народные, патристические истоки борьбы советских людей с фашистскими захватчиками.

Некоторые буржуазные историки говорят о «стихийном», «неорганизованном» выступлении населения оккупированных советских территорий против войск вермахта и военной администрации захватчиков. Об этом писали западногерманский историк К.-Х. Руффман и американец Дж. Стоксбери⁵.

Все эти рассуждения о «неуправляемости» партизанского движения несостоятельны. Политическое и военное руководство Советского Союза с самого начала войны наметило необходимые меры по организации всенародного отпора немецко-фашистским захватчикам.

Организатором этого движения была Коммунистическая партия. В директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. указывалось: «В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде...»⁶

¹ Цит. по: История второй мировой войны 1939—1945, т. 4, с. 129.

² Helmdach E. *Überfall? Neckargumund*, 1978, S. 65—67.

³ Howell E. *The Soviet Partisan Movement*. Washington, 1956, p. 42.

⁴ *Soviet Partisans in World War II*. Ed. by J. Armstrong. Madison, 1964, p. 152.

⁵ Ruffmann K.-H. *Sowjetrussland 1917—1977*. München, 1977, S. 66; Stokesbury J. *A Short History of World War II*. London, 1982, p. 197.

⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (далее — КПСС в резолюциях...), 8-е изд., доп. и испр. М., 1974, т. 6, с. 49.

18 июля 1941 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об организации борьбы в тылу германских войск». В нем были определены задачи партийного руководства партизанским движением. В этом постановлении подчеркивалось: «...нас беззаветно поддержат в каждом городе и в каждом селе сотни и тысячи наших братьев и друзей, попавших теперь под пяту германских фашистов и ждущих с нашей стороны помощи в деле организации сил для борьбы с оккупантами»¹.

В 1941 г. на захваченной врагом территории, несмотря на исключительно трудные условия, развернули работу 18 подпольных обкомов, более 260 окружкомов, горкомов, райкомов и других подпольных партийных органов, большое число первичных партийных организаций и групп. Всего в тылу врага к концу первого года войны действовало около 65,5 тыс. коммунистов, возглавлявших организацию всенародной борьбы в тылу врага². Только в Подмосковье в 1941 г. действовали 41 партизанский отряд и 377 диверсионных групп³.

В последующие годы сеть подпольных органов на оккупированной территории СССР непрерывно расширялась. Осенью 1943 г. в тылу врага действовали 24 обкома, свыше 370 окружных, городских, районных комитетов и другие подпольные партийные органы⁴. Именно руководство партии усалило партизанское движение, которое, по словам М. И. Калинина, «вылилось во всеобщую народную борьбу, нараставшую с каждым месяцем»⁵.

Опыт партизанского движения на временно оккупированных территориях Советского Союза имел огромное значение для развития движения Сопротивления в различных странах Европы и Азии в годы второй мировой войны. Он стал также примером для народов Африки, Азии и Латинской Америки, развернувших борьбу за свободу и независимость своих стран в послевоенный период. Это обстоятельство не по вкусу современным империалистам. Американский историк К. Макси назвал влияние опыта советских партизан «трагедией нашего времени». Он и его единомышленники усматривают в партизанской борьбе народов «коммунистическую агрессию» и «организованное беззаконие»⁶.

Извращая роль партизанского движения в СССР в годы минувшей войны, объявляя методы партизанской борьбы одной из

¹ Цит. по: История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1, с. 167.

² См.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1, с. 260.

³ См.: Правда, 1981, 5 дек.

⁴ См.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1, с. 481.

⁵ Калинин М. И. О воспитании коммунистической сознательности. М., 1975, с. 284.

⁶ Macksey K. The Partisans of Europe in the Second World War. New York, 1975, p. 258; см. также: War: A Historical, Political and Social Study. Santa Barbara, 1979, p. 219.

форм «международного терроризма», империалистическая реакция стремится очернить справедливую борьбу народов за национальное и социальное освобождение, оправдать политику репрессий и насилия, прямое вооруженное вмешательство империализма во внутренние дела других стран с целью подавления мирового революционного движения.

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне закономерна потому, что борьбу советского народа против империалистических агрессоров возглавляла Коммунистическая партия — испытанный, закаленный в классовых боях политический вождь советского общества.

К началу Великой Отечественной войны Коммунистическая партия Советского Союза уже обладала большим опытом руководства страной в условиях военного времени, накопленным в годы гражданской войны и военной интервенции.

В годы Великой Отечественной войны Коммунистическая партия подняла советский народ на освободительную войну, четко определила его цели и задачи. Вооруженная передовой научной теорией, опытом руководства государством, партия в годы войны превратилась в единую мобилизующую и направляющую силу советского общества, что позволило полне и рационально использовать материальные и духовные силы страны и народов для достижения победы над врагом.

В директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. указывалось: «Теперь все зависит от нашего умения быстро организоваться и действовать, не теряя ни минуты времени, не упуская ни одной возможности в борьбе с врагом.

Задача большевиков — сплотить весь народ вокруг Коммунистической партии, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии, для победы»¹.

Коммунистическая партия определила политические и военные цели войны, раскрыла справедливый, освободительный характер борьбы советского народа в защиту завоеваний Октябрьской революции от империалистического нашествия. При этом она исходила из указаний В. И. Ленина о том, что осознание народными массами целей и причин войны имеет огромное значение и обеспечивает победу. Партия практически руководила всей жизнью страны и вооруженной борьбой против захватчиков.

Сила партии — в ее неразрывной связи с массами, в ее огромном авторитете среди народа. На фронте и в тылу на самых ответственных участках были коммунисты, которые служили примером в бою и в труде. В. И. Ленин учил: «...когда миллионы трудящихся объединяются, как один человек, идя за лучшими людьми своего класса, — тогда победа обеспечена»². Условия войны потребовали сосредоточить усилия партии для решения главной задачи — организации вооруженной борьбы советского

¹ КПСС в резолюциях..., т. 6, с. 19.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 232.

народа в защиту социалистической Родины. Эта задача определила необходимость создания чрезвычайных партийных и государственных органов и перераспределения партийных сил в интересах фронта.

30 июня 1941 г. был создан Государственный Комитет Обороны — высший орган страны, объединявший функции политического и военного руководства. В состав ГКО вошли ответственные политические и государственные деятели Советского Союза, являвшиеся членами или кандидатами в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Высшей военной инстанцией, непосредственно руководившей вооруженной борьбой на фронтах Великой Отечественной войны, стала Ставка Верховного Главнокомандования. Из десяти ее членов трое были членами Политбюро, трое — членами ЦК и двое — кандидатами в члены ЦК ВКП(б). По наиболее важным вопросам ведения войны принимались совместные решения Политбюро и ГКО, Политбюро и Ставки.

В начальный период войны в Советские Вооруженные Силы было направлено 500 секретарей ЦК компартий республик, краевых, областных, городских и районных комитетов, 270 ответственных работников аппарата ЦК, 1265 работников областного и районного звена. Уже в конце 1941 г. в армии и на флоте находилось 1 234 тыс. коммунистов, что в два с лишним раза превышало число членов и кандидатов в члены партии в Вооруженных Силах накануне войны¹. К концу 1941 г. в рядах Советской Армии было 42,4 процента состава партии². Война убедительно подтвердила правильность ленинского положения о том, что в условиях военного времени «идеалом партии пролетариата является *воюющая партия*»³.

Весь ход войны показал, что вдохновителем и организатором борьбы советского народа с фашистской Германией была ленинская Коммунистическая партия. В исключительно трудных условиях она сумела мобилизовать советский народ на священную борьбу против фашистских захватчиков и, несмотря на временные неудачи в начальный период военных действий, добиться коренного перелома в ходе войны и обеспечить победоносное ее завершение. Партия провела поистине титаническую работу по перестройке народного хозяйства на военный лад. Своим личным примером, героизмом и мужеством коммунисты поднимали боевой дух масс, вели их на подвиги, вселяли твердую уверенность в полной победе над врагом. В годы войны неизмеримо возрос авторитет партии, еще теснее сплотились ее ряды, прочнее стало единство партии и народа.

Непосредственными представителями партии в Советских Вооруженных Силах были политработники. Они руководили по-

¹ См.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1, с. 170, 175.

² См.: Красная звезда, 1981, 13 авг.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 8.

литической работой, сплачивали личный состав армии и флота, укрепляли авторитет командиров, помогали им в решении боевых задач. Политические органы и партийные организации воспитывали советских воинов в духе беззаветной преданности Советской Родине, высокой ответственности за судьбу социалистического Отечества, глубокой веры в победу над фашизмом.

Главным оружием политработников было страстное партийное слово, подкрепленное делом — личным примером в бою. Они первыми поднимались в атаку, первыми устремлялись навстречу огню, сплачивали и вдохновляли воинов на ратные подвиги.

Свидетельством авторитета Коммунистической партии, признания ее огромных заслуг в деле защиты социалистической Родины явился рост партийных рядов в годы Великой Отечественной войны. 5319 тыс. патриотов вступили в партию в период суровых испытаний, выпавших на долю советских людей. «Хочу идти в бой коммунистом», — писали в своих заявлениях о приеме в партию солдаты и офицеры. Их кандидатским стажем стало испытание на мужество в смертельной схватке с врагом.

Быть коммунистом в период войны означало быть убежденным и решительным защитником социалистической Родины. Высшим законом жизни и деятельности члена партии стал лозунг «Коммунисты, вперед!». И коммунисты шли во главе атакующих, проявляли несгибаемую твердость в обороне.

Миллионы коммунистов совершили боевые подвиги, не жалея своих сил и самой жизни. Среди Героев Советского Союза, получивших это высокое звание в годы Великой Отечественной войны, 70 процентов составляли члены и кандидаты ленинской партии.

«Ленинская партия стала сражающейся партией, слившейся воедино с воюющим народом, — говорил товарищ М. С. Горбачев. — На труднейшем — военном отрезке нашей истории она оказалась на высоте своей огромной ответственности за судьбы Родины и привела страну к Победе. В годы войны укрепился морально-политический авторитет нашей партии, еще выше поднялось в глазах народа звание коммуниста»¹.

Как указывалось выше, в некоторых трудах буржуазных историков можно встретить отдельные признания преимуществ общественного строя Советского Союза, его военной организации. Но в них очень редко говорится о деятельности Коммунистической партии Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. В работе французского историка И. Тротиньона «XX век в СССР», правда, отмечается, что в годы войны Коммунистическая партия Советского Союза «более чем когда-либо... воплощала в себе советскую родину»².

Американский публицист Э. Сноу писал в годы войны: «...все, что совершалось на фронте и в тылу, определялось направляю-

¹ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи, с. 49.

² Trotignon Y. Le XX-e siècle en U.R.S.S. Paris, 1976, p. 120.

щей волей Советского правительства и коммунистической партии. Иные из нас могут им и не симпатизировать, но только слепой способен сегодня отрицать, что триумф Красной Армии — это триумф советского социализма...»¹

Более 40 лет спустя американский историк С. Либермен делает вывод, схожий с высказыванием Э. Сноу: «Принимая во внимание общее положение Советского Союза в начале войны, можно утверждать, что при другой действующей системе страна не смогла бы выжить»². Но подобные признания в буржуазной историографии являются исключениям. В большинстве случаев руководящая роль Коммунистической партии фальсифицируется или просто замалчивается. Небезызвестный антисоветчик Д. Даллин (в прошлом меньшевик) ищет противоречия между «партийно-коммунистической позицией и национальными тенденциями». Р. Гартхоф делит советских офицеров на «традиционалистов и технократов». Р. Колкович сконструировал целую таблицу таких противоречий.

Яростные атаки реакционных историков против Коммунистической партии — еще одно свидетельство ее могучей силы и авторитета как творца и организатора победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Буржуазные фальсификаторы, искажая источники победы советского народа в Великой Отечественной войне, стремятся подорвать растущий во всем мире авторитет коммунистических идей, скрыть от общественного мнения преимущества социалистического строя и достижения реального социализма, замолчать закономерный характер победы Советского Союза в Великой Отечественной войне.

«Итоги Великой Отечественной войны Советского Союза, — подчеркивается в тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции», — убедительнейшим образом показали, что в мире нет таких сил, которые смогли бы сокрушить социализм, поставить на колени народ, верный идеям марксизма-ленинизма, преданный социалистической Родине, сплоченный вокруг ленинской партии. Эти итоги — грозное предостережение империалистическим агрессорам, суровый и незабываемый урок истории»³.

Специфическим содержанием войны является вооруженная борьба, заключающаяся в организованном применении вооруженных сил для достижения политических и военных целей воюющего государства. Общественный строй и экономика страны, политика правительства, отношение народных масс к войне, способность политического и военного руководства сосредоточить усилия государства для достижения победы, особенности органи-

¹ Дорога на Смоленск: Американские писатели и журналисты о Великой Отечественной войне советского народа 1941—1945: Пер. с англ. М., 1985, с. 392.

² The Impact of World War II on the Soviet Union, p. 85.

³ КПСС в резолюциях... М., 1972, т. 9, с. 303.

зационной структуры вооруженных сил — все эти факторы оказывают решающее влияние на ход и исход войны. Но действие этих факторов происходит не автоматически. Они проявляются в способности военной организации государства вести вооруженную борьбу с вражескими армиями, одерживать победы в сражениях, используя законы войны и искусно применяя соответствующие формы и методы организации боя и операции. Таким образом, при анализе факторов, определяющих исход войны, необходимо учитывать уровень развития военной науки и военного искусства воюющей державы.

«В этой войне, — говорится в тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции», — победили Советские Вооруженные Силы. Созданные для защиты завоеваний Октября, они с честью пронесли свои боевые знамена через всю историю Советского государства. Никогда не забудутся подвиги советских воинов, совершенные ими в годы Отечественной войны. Великая победа над фашизмом была обеспечена также благодаря превосходству советской военной науки и военного искусства»¹.

Буржуазные фальсификаторы истории, стремясь во что бы то ни стало принизить социализм, советский строй, Советские Вооруженные Силы, пытаются в извращенном виде представить советскую военную науку и военное искусство. В то же время они превозносят военное искусство не только вооруженных сил США и Великобритании, но и фашистской Германии. Американский отставной полковник Т. Дюпуи в книге «Русский фронт» пишет о «блестящих действиях германской армии на поле боя», которые, по его словам, были «самыми лучшими» за всю военную историю². Английский историк А. Тейлор категорически утверждает, что на советско-германском фронте вообще было невозможно проявление военного искусства, ибо происходило взаимное и бессмысленное истребление людей, а на Западе боевые действия были «вершиной ведения научной, цивилизованной войны»³.

Достижения советского военного искусства такие историки либо обходят молчанием, либо изображают победы Советской Армии как результат многократного превосходства в численности войск. В их интерпретации «непогрешимая» стратегия немецко-фашистского генерального штаба была бессильна перед «огромными массами» живой силы русских, которые возникали на каждом рубеже действий войск вермахта. Германские части и соединения, говорится в некоторых издающихся на Западе книгах, гибли под «паровым катком» советского численного превосходства⁴. По словам английских авторов, «тактическая гениальность», мастерство и решительность генералов вермахта так и не смогли

¹ КПСС в резолюциях... М., 1972, т. 9, с. 302.

² The Russian Front, p. 71.

³ Taylor A. From Sarajewo to Potsdam. London, 1966, p. 183.

⁴ Helmdach E. Oberfall?, S. 52.

преодолеть «громадного численного превосходства» Советской Армии¹.

Соотношение сил воюющих сторон в войне, в каждой операции и бою является одной из сложных проблем военной науки и военного искусства. Политическое и военное руководство воюющего государства ставит перед собой задачу путем максимального использования военного потенциала страны создать превосходство в силах или как можно скорее ликвидировать превосходство противника. Командиры всех степеней, организуя крупномасштабные операции или бои, стремятся сосредоточить на главных направлениях такую группировку сил и средств, которая бы превосходила силы и средства противника на этом участке фронта.

В ходе Великой Отечественной войны соотношение сил между Советскими Вооруженными Силами и вермахтом менялось. В первый период войны превосходство в силах и средствах было на стороне противника. В результате огромных усилий политического и военного руководства Советского Союза, мобилизовавшего потенциальные возможности государства, было достигнуто равенство в силах и средствах с немецко-фашистскими войсками на советско-германском фронте, а затем обеспечено решающее превосходство. Важно подчеркнуть, что планы фашистского блицкрига были сорваны Советскими Вооруженными Силами именно в первый период войны.

Первое крупное поражение вермахт потерпел под Москвой, когда в соотношении сил не было превосходства Советской Армии. Оборонительные сражения в период Сталинградской битвы и битвы за Кавказ также проходили при численном превосходстве немецко-фашистских войск в силах и средствах. Контрнаступление советских войск под Сталинградом, приведшее к окружению и уничтожению крупнейшей вражеской группировки, было осуществлено при незначительном превосходстве Советской Армии (напомним, что преимущество в численности личного состава было 1,1 : 1). Но уже к лету 1943 г. было достигнуто абсолютное превосходство над противником в силах и средствах.

Злостные домыслы о том, будто Советский Союз вел войну, «пренебрегая людскими потерями», давно кочуют по страницам книг таких реакционных авторов, как Г. Солсбери, О. Чейни и другие. Так, в книге Г. Солсбери «Величайшие сражения Маршала Жукова», представляющей собой подделку мемуаров Г. К. Жукова, бездоказательно утверждается, что Советская Армия одерживала победы большой кровью, а советское командование, лично И. В. Сталин и Г. К. Жуков обвиняются в «безжалостном» расходовании людских ресурсов.

Давая оповедь Солсбери и ему подобным фальсификаторам, Г. К. Жуков писал: «Ныне, конечно, очень легко и просто заниматься бумажной калькуляцией соотношения сил, глубокомыс-

¹ World War II. Land, Sea and Air Battles 1939—1945, p. 136, 139.

ленно поучать, каким числом дивизий следовало бы выигрывать четверть века назад то или иное сражение, рассуждать, где вводилось войск больше, а где меньше того числа, которое кажется сегодня целесообразным тому или иному историку. Все это было неизмеримо сложнее на полях битв»¹. Г. К. Жуков решительно отменил попытки Солсбери исказить историческую правду. Советское командование, пишет маршал, «вводило в сражения столько войск, сколько было нужно по складывавшимся обстоятельствам. Оно не расходовало сил больше, чем требовали условия данной операции»².

Коммунистическая партия, Советское правительство и Верховное Главнокомандование в труднейших условиях истребительной войны, навязанной Советской стране фашистской Германией и всем международным империализмом, предпринимали максимум усилий для того, чтобы вывести из-под удара и спасти возможно большее число населения, оказавшегося под угрозой фашистского уничтожения, а при планировании военных операций постоянно заботились о сбережении людских ресурсов, сведении потерь в живой силе до минимума.

Нападки реакционных историков подвергаются также военное искусство, уровень боевой подготовки и характер боевых действий советской авиации и флота.

В буржуазной историографии можно встретить надуманные утверждения, что советские Военно-воздушные силы уступали немецко-фашистской авиации и не достигли уровня военного искусства англо-американской авиации. Бывший гитлеровский генерал К. Уэбе заявляет, что боевое мастерство советских летчиков «и к концу войны было ниже норм, предъявляемых европейскими программами»³.

Буржуазные историки умалчивают, что с начала Великой Отечественной войны основная часть гитлеровских ВВС и их ударная сила — бомбардировочная авиация действовала в первую очередь на советско-германском фронте, где ей и было нанесено поражение. За годы Великой Отечественной войны только в воздушных боях и на аэродромах немецко-фашистские ВВС потеряли на советско-германском фронте 57 тыс. боевых самолетов⁴. Это почти в 2,5 раза превышало потери фашистской авиации на всех остальных фронтах второй мировой войны⁵. Утверждения, подобные тем, что делает К. Уэбе, не выдерживают критики, и серьезные исследователи, в том числе и американские, не разделяют их. В 1973 г. в США был опубликован перевод книги советских историков «Советские Военно-Воздушные Силы в Великой Отечественной войне 1941—1945». В предисловии к этому

¹ Коммунист, 1970, № 1, с. 93.

² Там же.

³ Uebe K. Russian Reaction to German Air Power. New York, 1968, p. 5—6.

⁴ См.: Советская Военная Энциклопедия. М., 1976, т. 2, с. 204.

⁵ См.: Красная звезда, 1975, 6 февр.

изданию специалист по истории авиации В. Вагнер пишет, что «история грандиозной и победоносной борьбы на Восточном фронте... насыщена летописью храбрости и искусства советских летчиков». Далее подчеркивается, что книга необходима для изучения советской авиации, «самой мощной за пределами США»¹.

Буржуазные историки потратили немало сил, чтобы принизить и роль советского Военно-Морского Флота в минувшей войне. «Советский военно-морской флот, — пишет один из американских авторов, — не сумел приспособить свою стратегию к тому сочетанию стратегической обороны с тактическими наступательными действиями, которого требовали условия»². В предисловии к его книге, написанном адмиралом в отставке А. Барком, утверждается, что «во второй мировой войне боевые действия советского военно-морского флота не могут служить предметом гордости»³.

Большинство оценок, касающихся советского Военно-Морского Флота, отличается в этой книге бездоказательностью. Р. Херрик искусственно «подгоняет» историческую капву и факты к своим идеологическим и политическим установкам. Так, рассматривая действия Черноморского флота в первые месяцы войны, автор утверждает, что они «почти полностью» носили оборонительный характер. При этом американский историк ссылается, в частности, на то, что авиация Черноморского флота произвела «только одну бомбардировку румынских портов в начале войны»⁴. Как же обстояло дело в действительности?

22 июня 1941 г. 9 бомбардировщиков 63-й авиационной бригады Черноморского флота нанесли удар по нефтехранилищам противника в Констанце. 23 июня в подобном налете участвовали уже два бомбардировочных полка (2-й и 40-й). Их прикрывали истребители 62-й истребительной бригады Черноморского флота. А всего только за первые два месяца войны авиация флота произвела 38 налетов на Констанцу, в которых участвовало 285 самолетов. Мощные удары были нанесены и по другим объектам противника. 7 июля 1941 г. 6 самолетов Пе-2 нанесли бомбовый удар по Плоешти. В течение недели в этом районе было сожжено до 20 тыс. тонн нефтепродуктов⁵. Но автор обо всем этом умалчивает. Точно так же он поступает, описывая боевые действия других советских флотов в годы Великой Отечественной войны. Читателю сообщается только об их успехах при проведении десантных операций.

Ф. Рузвельт в послании к И. В. Сталину от 30 декабря 1942 г. высоко оценил вклад советского Военно-Морского Флота в борь-

¹ The Soviet Air Force in World War II. New York, 1973, p. V.

² Herrick R. Soviet Naval Strategy. Fifty Years of Theory and Practice. Annapolis, 1968, p. 47.

³ Herrick R. Soviet Naval Strategy. Fifty Years of Theory and Practice, p. 51.

⁴ Ibid., p. VII.

⁵ См.: Черноморский флот: Исторический очерк. М., 1967, с. 144.

бу с фашистской агрессией¹. Ныне американские историки предпочитают не вспоминать об этом.

Советский Военно-Морской Флот и его героический личный состав успешно справился со всеми поставленными перед ним задачами. Он обеспечивал действия сухопутных войск на приморских направлениях, осуществлял самостоятельные операции по нарушению морских коммуникаций противника и защите своих коммуникаций. В течение войны советский флот обеспечил перевозку по морским, озерным и речным коммуникациям 9,8 млн. человек (войск и гражданского населения), более 94 млн. тонн воинских и народнохозяйственных грузов². От ударов советского Военно-Морского Флота противник потерял на морских театрах свыше 2,5 тыс. боевых кораблей, вспомогательных судов и транспортов.

Буржуазные историки, пытаясь принизить советское военное искусство, спекулируют главным образом на трудностях, с которыми встретились Советские Вооруженные Силы в первые месяцы войны.

Советская историография не отрицает и не скрывает эти трудности, возникшие в силу объективных и субъективных причин. Но сказать о трудностях, недостатках и ошибках — не значит сказать всю правду. Трудности были преодолены, в это главное.

В начале войны Советская Армия, приняв на себя мощные удары немецко-фашистских сил вторжения, не имела достаточного опыта ведения крупномасштабных боевых действий. Маршал Советского Союза А. М. Василевский писал об этом периоде войны: «Лето и осень 1941 г. было самым трудным периодом нашей борьбы с фашизмом. В свое наступление на огромном фронте от Балтийского до Черного моря враг вложил не только всю военную и экономическую мощь фашистского государства и его союзников, но и опыт нескольких лет войны в Европе. Нам же не доставало в то время не только сил и средств, но и умения вести современные боевые действия против оснащенной до зубов самой сильной армии капиталистического мира. Красная Армия отступала, ведя тяжелые оборонительные бои. Ни одна пядь земли не отдавалась врагу без боя. Каждый шаг вперед стоил гитлеровцам огромных потерь, подрывая мощь фашистской армии»³.

В ходе оборонительных сражений Советская Армия нанесла противнику большой урон в живой силе и технике, измотала немецко-фашистские войска непрерывными боями, сорвала планы командования вермахта. Враг был остановлен и отброшен в ходе контрнаступления от Москвы.

Приобретенный опыт ведения стратегической обороны летом и осенью 1941 г. и организация первого крупного контрнаступ-

¹ См.: Переписка Председателя Совета Министров..., т. 2, с. 44.

² См.: Ачкасов В. И., Павлович Н. Б. Советское военно-морское искусство в Великой Отечественной войне. М., 1973, с. 37—38.

³ Новая и новейшая история, 1982, № 2, с. 77.

ления под Москвой послужили основой для дальнейшего развития советского военного искусства.

Творческое решение сложнейшего комплекса проблем военного искусства ярко проявилось в битвах под Сталинградом, Курском, на Кавказе, в Белорусской, Яско-Кишиневской, Висло-Одерской, Берлинской, Маньчжурской и многих других операциях советских войск. Следует подчеркнуть, что многие сражения и бои были выиграны при превосходстве сил на стороне врага. Победы одерживались благодаря продуманному руководству войсками, мастерству и героизму советских воинов. Большая заслуга в умелом руководстве войсками принадлежала Ставке Верховного Главнокомандования. Ставка творчески подходила к сложившейся обстановке. Под Сталинградом этот подход проявился в окружении стратегической группировки противника, создания и взаимодействия внешнего и внутреннего фронтов. Под Курском особыми были замысел на преднамеренную оборону, ее построение, порядок перехода наших войск в контрнаступление и его ведение. В 1944 г. Ставка вынуждала противника разбрасывать силы, окружая и уничтожая крупные группировки немецко-фашистских войск на различных участках фронта. В 1945 г. советское Верховное Главнокомандование отвлекло силы противника от центра западного стратегического направления, где намечался наш главный удар, на фланги. Управление войсками и силами флота со стороны командно-политического состава и штабов постоянно совершенствовалось. Высокой организованностью отличалась работа Генерального штаба. В ходе войны был достигнут высокий уровень советского военного искусства, продемонстрированы оперативно-стратегическая зрелость советского командования, боевое мастерство личного состава. Советская военная мысль доказала свое неоспоримое превосходство над военной мыслью капиталистических стран¹.

В годы войны постоянно совершенствовались советское оперативное искусство и тактика всех видов Вооруженных Сил и родов войск. Советское военное искусство явилось одним из важнейших слагаемых всемирно-исторической победы Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне.

Высокой идейностью, целенаправленностью и эффективностью характеризовалась партийно-политическая работа в армии и на флоте. «И если наши войска, — писал Маршал Советского Союза А. М. Василевский, — на протяжении всей войны и даже в самые тяжелые для них моменты не теряли веры в победу и сохраняли высокие морально-боевые качества, то в этом большая заслуга партийных и комсомольских работников»².

¹ Подробнее по этому вопросу см.: Коммунист, 1975, № 4, с. 75—86; Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1973, кн. 2, гл. 13; История второй мировой войны 1939—1945. М., 1982, т. 12, гл. 13.

² Новая и новейшая история, 1982, № 2, с. 85.

Современным фальсификаторам истории следует вспомнить свидетельства бывших гитлеровских генералов, которые на своем опыте убедились в превосходстве Советских Вооруженных Сил над фашистским вермахтом и его союзниками, оценки политических деятелей и военных специалистов Запада, восхищавшихся мастерством советского командования, блистательными победами Советской Армии на полях сражений.

Из такого рода оценок явствовало, что успешная разработка и реализация стратегических замыслов советского командования были органически связаны с доблестью и мужеством личного состава советских войск, их дисциплинированностью и самоотверженностью, непоколебимой решимостью разгромить врага.

Президент США Ф. Рузвельт, говоря о выдающихся победах Советских Вооруженных Сил, подчеркивал: «Подобных достижений может добиться только армия, обладающая умелым руководством, прочной организацией, соответствующей подготовкой и прежде всего решимостью победить противника...»¹.

Бывший начальник генерального штаба национальной обороны маршал Франции Жюэн писал: «Штабы и военачальники Красной Армии изумительны по своей воле и способностям в области военного искусства. Советские штабы и их начальники, возможно, сегодня являются единственными по умению управлять сотнями дивизий, использовать их усилия на разумно избираемых направлениях, вести их вперед через выжженные земли на расстояния, поражающие воображение, сохраняя при этом наступательную мощь»².

23 февраля 1943 г. начальник штаба президента США адмирал У. Леги в письме советскому послу в Вашингтоне дал такую оценку действиям Советской Армии: «Как военный, я должен выразить безграничное восхищение эпической обороной, мужеством и блеском наступления, которые характеризовали Красную Армию под Ленинградом и Сталинградом, Харьковом и Ростовом. В течение двух лет изнурительной войны Красная Армия сохранила свою организованность и громадную способность к сопротивлению»³.

Документы и факты показывают, что не числом, а прежде всего умением достигла Советская Армия всемирно-исторической победы. В этой связи уместно напомнить мнение бывшего командующего 6-й немецкой армией, окруженной и ликвидированной под Сталинградом, генерал-фельдмаршала Паулюса, высказанное им во время Нюрнбергского процесса над главными военными преступниками. В ответ на заданный ему провокационный вопрос, правда ли, что он в дни, когда Германия находилась в состоянии войны с Советской Россией, читал лекции о стратегии в высшей военной академии противника, Паулюс ска-

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР..., т. 2, с. 56.

² *Hommage de la Nation Française aux armées soviétiques*. Paris, 1945, p. 21—22.

³ Цит. по: *Международная жизнь*, 1965, № 5, с. 153.

зал: «Советская стратегия оказалась настолько выше нашей, что я вряд ли мог понадобиться русским хотя бы для того, чтобы преподавать в школе унтер-офицеров. Лучшее тому доказательство — исход битвы на Волге, в результате которой я оказался в плену, а также и то, что все эти господа сидят сейчас вот здесь, на скамье подсудимых»¹.

Французский историк А. Мишель, по существу, дает ответ тем западным авторам, которые восхваляют военное искусство вермахта и порочат Советскую Армию. «Конечно, — пишет он, — не «татарские орды» были способны с точностью часового механизма предпринимать последовательные и взаимосвязанные наступления на участках, находившихся в сотнях километрах друг от друга, и неотвратимым образом разбивать боевые порядки, разработанные и построенные «гениальными» умами ОКХ... Немцы, наконец, понесли поражение в силу того, что советская стратегическая мысль и тыловое обеспечение оказались более совершенными, чем у противника, ибо были разработаны удивительным поколением молодых советских маршалов в полном соответствии с особенностями войны, которую вел Советский Союз»².

Вооруженные Силы СССР в 1944—1945 гг. провели более 50 операций групп фронтов, около 250 фронтовых операций, тысячи сражений и боев, в ходе которых получили развитие советская военная теория и практика ведения боевых действий. Советские полководцы, командиры и штабы при планировании и проведении крупномасштабных операций показали высокие образцы военного искусства.

«В грандиозных, невиданных прежде сражениях широко раскрылся талант наших полководцев и военачальников, — отмечал товарищ М. С. Горбачев. — Вышедшие из гущи народа, воспитанные партией, они показали себя достойными наследниками и продолжателями лучших традиций отечественного военного искусства. В схватке с сильным, опытным противником выявилось превосходство советской военной науки и полководческой мысли — стратегическое предвидение, творческий характер принимаемых решений, настойчивость и активность в достижении поставленных целей, способность слить в единый сплав высокий боевой дух солдат и офицеров с сокрушающей мощью новейшей техники»³.

2. Укрепление сил мира, демократии и социализма⁴

Вторая мировая война была крупнейшей из войн в истории человечества. Разгром наиболее реакционных сил империализма изменил расстановку сил на международной арене, определил особенности исторического развития человечества во второй по-

¹ Правда, 1963, 3 февр.

² Michel H. La seconde guerre mondiale, t. 2, p. 166—167.

³ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи, с. 46.

ловине XX века. Победа над фашизмом, одержанная при решающей роли первого в мире социалистического государства, явилась всемирно-историческим событием и оказала глубочайшее воздействие на весь последующий ход истории. Под ее влиянием произошли на нашей планете важнейшие социально-политические изменения, определившие укрепление сил мира, демократии и социализма.

В буржуазной историографии признается влияние второй мировой войны на последующие социальные перемены в мире. Победный 1945 год называется иногда «наиболее критическим годом XX столетия»¹. Французский политолог А. Гроссер писал: «8 мая 1945 г. капитуляция Германии положила конец войне в Европе. Разрушения были столь велики, различного рода потрясения были столь значительны, что естественно и закономерно считать этот день решающей датой, а год победы союзников — началом новой эпохи. Разрыв с довоенным периодом был более глубоким, чем в 1918 году»².

Американский историк Л. Мортон квалифицирует вторую мировую войну как «решающее событие нашего времени, обозначившее конец одной эры и начало другой»³. Комитет начальников штабов США еще в начале 1945 г. отметил, что происходящие события «на деле более сопоставимы с переменами, имевшими место при падении Римской империи, чем с другими изменениями, случившимися в течение последующих пятнадцати столетий»⁴.

Анализ и оценка итогов войны требуют учета следующих кардинальных факторов: насколько достигнутые результаты соответствуют интересам ведущего прогрессивного класса эпохи; какие тенденции общественного развития усилены, а какие ослаблены войной; разрешены ли и в какой степени важнейшие противоречия эпохи; как изменилось количественное или качественное соотношение сил прогресса и реакции; какие политические и идеологические системы устояли, выдержали, оправдали себя, а какие потерпели поражение⁵.

Вторая мировая война закончилась полным крахом и безоговорочной капитуляцией стран фашистско-милитаристского блока. В общей победе народов, боровшихся против фашистских угнетателей, победа Советского Союза в Великой Отечественной войне имеет особое и определяющее значение. Война между социалистической державой и фашистскими государствами была решительным вооруженным противоборством стран, принадлежав-

¹ Bishop J. FDR'S Last Year, april 1944 — april 1945. New York, 1974 (Cover).

² Grosset A. Les Occidentaux. Les pays d'Europe et les Etats — Unis depuis la guerre. Paris, 1978, с. 17.

³ The American History Review, 1970, № 7, p. 1987.

⁴ Sherry M. S. Preparing for the Next War: American Plan for Post-War Defense 1941—1945. New Haven, 1979, p. 163.

⁵ См.: Философия и военная история. М., 1979, с. 237.

ших к различным общественно-политическим системам. Это была классовая война, война между новой, социалистической общественно-экономической формацией и капитализмом. Против Советского Союза выступили наиболее реакционные в то время силы международного империализма. В смертельной схватке с фашизмом советский народ и его Вооруженные Силы одержали блестящую победу. Эта победа продемонстрировала величие и несокрушимость нового строя, рожденного Великой Октябрьской социалистической революцией, историческую непобедимость социализма.

«Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне, — подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов», — со всей полнотой раскрыла преимущества социализма, его огромные экономические, социально-политические и духовные возможности. Это была Победа созданного великим Лениным Советского государства, самого передового общественного строя, социалистической экономической системы»¹.

Победа Советского Союза означала не только поражение гитлеровской Германии и ее союзников, но и крах военно-политической организации государств фашистского блока. Разгром ударных отрядов мировой реакции привел к общему ослаблению империализма. Война, развязанная империалистической реакцией в целях уничтожения социалистического строя в СССР и завоевания мирового господства, обернулась тяжелым поражением для самой капиталистической системы. Подтвердились пророчески слова В. И. Ленина о том, что «всякая попытка войны против нас будет означать для государств, которые втянутся в такую войну, ухудшение тех условий, которые они могли бы иметь без войны и до войны, по сравнению с теми, которые они получат в результате и после войны»².

Неизмеримо вырос международный авторитет Советского Союза, в гигантской степени увеличилось его политическое влияние в мире. Одним из показателей этого процесса может служить расширение международных связей СССР: если до Великой Отечественной войны Советский Союз имел дипломатические отношения с 26 государствами, то к концу войны — уже с 52³. В одной из книг, авторами которой являются западные советологи, подчеркивается, что в настоящее время «ни за один международный вопрос нельзя братья без учета Советского Союза, его позиции, его возможностей и намерений»⁴.

Победа советского народа оказала большое влияние на мировое общественное мнение. В народных массах капиталистических и колониальных стран укрепилось убеждение, что СССР, как социалистическая страна, является надежным оплотом дела ми-

¹ Коммунист, 1984, № 9, с. 36.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 131.

³ См.: История внешней политики СССР. 1945—1978 гг. М., 1981, т. 2, с. 9.

⁴ The Soviet Union. Looking to the 1980. New York, 1980, p. 13.

ра, демократии и социального прогресса. Возросла притягательная сила идей социализма.

Победа Советского Союза укрепила авторитет и международные позиции СССР, открыла новые благоприятные возможности для роста сил социализма, национального освобождения, демократии и мира во всем мире, явилась всемирно-историческим событием и оказала глубочайшее воздействие на весь ход мирового развития.

В Великой Отечественной войне советский народ, разгромив основные силы агрессивных государств, избавил многие страны от фашистского порабощения, показал себя подлинным защитником независимости народов, их прав и свободы.

Осуществляя великую освободительную миссию, Советские Вооруженные Силы полностью или частично освободили одиннадцать государств в Европе и два в Азии, изгнали фашистских оккупантов с территории более 2 млн. квадратных километров, на которой проживало 147 млн. человек. Они оказали неоценимую помощь всем народам в справедливой освободительной войне против фашизма.

Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Франции Морис Торез, выражая глубокие чувства симпатии французам к Советскому Союзу, говорил: «Неоспоримое превосходство социалистической системы позволило Советскому Союзу сыграть решающую роль в уничтожении гитлеровского фашизма и тем самым спасти Европу от варварского порабощения. После этого союз и дружба с СССР стали еще дороже народу Франции, еще более желанны в глазах всех французам, борющихся в защиту национальной независимости»¹.

Ветеран германского рабочего движения, первый президент Германской Демократической Республики Вильгельм Пик дал такую оценку значения победы СССР для немецкого народа: «Не будет преувеличением, если мы скажем, что Советскому Союзу немецкий народ обязан не только освобождением от гитлеровского кровавого господства, а на одной трети территории Германии — и от реакционных сил германского империализма, но и сохранением своего национального существования»².

Победа, одержанная советским народом в Великой Отечественной войне, создала условия для дальнейшего укрепления позиций социализма и демократии в международном масштабе. Она предопределила новые грандиозные прогрессивные изменения всемирно-исторического значения, наступившие на мировой арене после окончания войны.

В ряде стран Европы и Азии в результате разгрома фашизма и японского милитаризма появились новые слабые звенья в системе капитализма. Борьба народов за независимость, освобождение от гнета немецко-фашистских и японских захватчиков пере-

¹ Торез Морис. Избранные произведения (1945—1958 годы). М., 1959, т. 2, с. 543.

² Пик Вильгельм. Избранные произведения. М., 1956, с. 414.

растала в революционные движения против господства капитализма, за уничтожение эксплуатации человека человеком, за подлинную демократию и построение нового, социалистического общества. Эта борьба закончилась победой социалистических революций в ряде стран Европы и Азии. Возникла мировая система социализма, границы которой простираются от Эльбы до Тихого океана. Это было самым важным всемирно-историческим событием после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Волна революционных преобразований охватила Латинскую Америку и Африканский континент.

Создание мировой системы социализма глубочайшим образом изменило обстановку в мире. «Разгром фашизма и японского милитаризма в ходе второй мировой войны, победа социалистических революций в ряде стран Европы и Азии ускорили мировое развитие. Революционный процесс, начатый Великим Октябрем, достиг качественно нового рубежа: сформировалась мировая система социализма. Произошло коренное изменение соотношения сил на международной арене. Мощь и пример мирового социализма умножили революционные возможности международного рабочего класса, способствуя прогрессу всего освободительного движения»¹.

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне способствовала мощному подъему рабочего движения в капиталистических странах, возрастанию роли коммунистических партий, которые в годы борьбы с фашизмом показали, что они являются верными и наиболее надежными защитниками интересов народа. Если в 1939 г. в мире имелась 61 коммунистическая партия, объединявшая 4 млн. коммунистов, то к 1 сентября 1945 г. было уже 76 партий, насчитывавших в своих рядах 20 млн. коммунистов². Правящие круги Италии, Франции и некоторых других капиталистических стран перед лицом мощного подъема демократических сил вынуждены были пойти на сотрудничество с коммунистами, что создавало новые благоприятные условия для борьбы рабочего класса за интересы трудящихся.

Победа Советского Союза оказала большое влияние на подъем национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах. Были разгромлены такие колониальные державы, как Италия и Япония. Потерпели крах планы колониальных завоеваний фашистской Германии. Англия, Франция, Бельгия, Голландия и другие страны, владевшие колониями, показали свою неспособность защитить зависимые народы от фашистской агрессии. Участие народов колоний и зависимых стран в справедливой войне против империалистических претендентов на мировое господство обусловил подъем демократического движения в

¹ О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции: Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года. М., 1977, с. 15—16.

² См.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1, с. 660.

этих странах. В итоге второй мировой войны самой историей был поставлен вопрос о ликвидации колониальной системы капитализма.

Глубокие изменения в жизни всего человечества, происшедшие в результате второй мировой войны, определили наступление нового этапа в развитии мирового революционного процесса. Именно этим объясняется появление вскоре после войны высказываний реакционных политических деятелей Запада, а за ними и буржуазных историков о «ненужности» и «бессмысленности» второй мировой войны.

Одним из первых минувшую войну квалифицировал как «ненужную» У. Черчилль. Еще в 1946 г. в одной из своих речей он не пожалел самых черных красок, чтобы нарисовать угрожающее положение, сложившееся, по его словам, в послевоенной Европе. «Среди победителей, — заявил он, — вавилонское столпотворение и смешение языков. Среди побежденных — мрачное молчание и отчаяние»¹.

В книге «Вечная война за вечный мир», вышедшей в США, итоги войны квалифицируются как «разрушительный поворотный пункт в истории человечества»².

«Ни одно событие прошлых столетий, — сокрушается западногерманский автор М. Фройнд, — не заслуживает названия «катастрофа» в такой степени, как вторая мировая война. Ни один духовный переворот, ни одна война, ни одна революция не изменили мир столь коренным образом. В ней погибли порядки, существовавшие сотни лет»³. Безоговорочная капитуляция Германии и Японии, согласно американскому историку Р. Хоббсу, означала «поражение всей западной цивилизации»⁴.

Глубина ненависти империалистических сил к социальным преобразованиям, свободе и независимости народов настолько велика, что спасение человечества от фашистского порабощения приобрело в их оценках характер катастрофы. В том же духе трактуется революционный подъем в колониальных и зависимых странах. «Еще в конце второй мировой войны, — сетует американский профессор Р. Страус-Хюпе на страницах одного из официальных изданий НАТО, — никто не оспаривал господствующего влияния Запада на Ближнем Востоке ни с военной, ни с политической, ни с экономической точек зрения; равным образом в Африке от Танжера до мыса Доброй Надежды влияние Запада было доминирующим, Индийский океан был внутренним озером Запада; сама мысль о том, что решение какой-либо ассоциации производителей сырья способно породить вихрь экономических потрясений, могла вызвать лишь взрыв смеха...»⁵

¹ Цит. по: Fontaine A. Le dernier quart du siècle. Paris, 1976, p. 19.

² Perpetual War for Perpetual Peace. Washington, 1969, p. 7.

³ Freund M. Deutsche Geschichte, S. 1270.

⁴ Hobbs R. The Myth of Victory. Colorado, 1979, p. 235.

⁵ Revue de l'OTAN, 1977, oct., p. 6.

Рассматривая итоги второй мировой войны с этих позиций, реакционные историки обрушились на политику США и Англии за союз с СССР, за содействие военному поражению фашистского блока. «Мы стремились к победе, но забыли, что войны должны иметь политические цели»¹, — пишет Х. Болдуин. Подобную точку зрения высказывает Б. Лиддел Гарт: «...западные союзники, забыв о перспективах послевоенного устройства, предали иллюзии «победы», то есть уничтожения непосредственного противника, не задумываясь о будущем»².

По мнению Т. Фогельзанга, поражение фашистской Германии было невыгодно правящим кругам США и Англии, поскольку оно привело к созданию «вакуума сил» в Европе и вследствие этого к «тяжелейшим политическим последствиям» — распространению влияния «большевистской России»³. Профессор Йельского университета Б. Рассет уверяет читателей, что война ничего не дала Америке, что не было «целесообразности» для США воевать против Германии и Японии. Более того, Рассет считает, что нейтралитет США в минувшей войне был бы намного выгоднее, поскольку «Германия не потерпела бы поражения»⁴.

Существует закономерность: чем реакционнее взгляды того или иного буржуазного историка, политического деятеля, тем более цинично они высказываются в пользу союза с фашистской Германией против СССР. Губернатор штата Алабама Т. Уоллес в интервью газете «Вашингтон пост» по случаю 30-летия Победы союзников над Германией заявил: «По-моему, во вторую мировую войну мы воевали не с теми, с кем было надо»⁵.

Ф. Рузвельта объявляют главным виновником того, что западные союзники, одержав победу над фашистской Германией и милитаристской Японией, «уступили» плоды победы Советскому Союзу. Они не скрывают, что усиление СССР и сил социализма на международной арене не устраивает правящие круги США, и сетуют по поводу того, что правительство Рузвельта упустило реальную возможность уничтожить СССР руками Германии и Японии. Для обоснования этой профашистской концепции реакционные историки прибегают к обычной для фальсификаторов аргументации о «тоталитаризме» Москвы и «угрозе» американским интересам. «Концентрация тоталитарной ударной силы в одном центре, в Москве, — пишут авторы книги «Вечная война за вечный мир», — более трагична и больше угрожает интересам американской безопасности, чем наличие этой силы в нескольких центрах: в Берлине, Токио, Москве и Риме. Коммунизм еще более

¹ Atlantic, July, 1954, p. 27.

² The New Cambridge Modern History. Cambridge, 1968, vol. 12, p. 740.

³ Vogelsang T. Das geteilte Deutschland. München, 1975, S. 10.

⁴ Russet B. No Clear and Present Danger. A Sceptical View of the United States Entry into World War II. New York, 1972, p. 19, 20, 30.

⁵ Цит. по: Литературная газета, 1975, 21 мая.

опасен, чем национал-социализм, фашизм или японский авторитаризм...»¹

Бывший посол США в СССР Ч. Болен в своих воспоминаниях присоединяется к критике внешнеполитического курса Рузвельта и пытается очернить как самого президента, так и его ближайших помощников — Гопкинса, Стетиниуса, Гарримана и других политических и военных деятелей США, которые хотя и не последовательно, но выступали сторонниками более реалистического курса во взаимоотношениях с СССР. По мнению Болена, Гарриман не понимал сущности советской системы, а военный атташе в Москве полковник Феймонвилл «не был полезен, ибо он был склонен одобрять почти все действия советского режима». Сам Болен объявляет, что он был всегда на позициях антисоветизма. «В те дни, — пишет он, — мне было почти невозможно убедить других, что выдающаяся доблесть русской армии и неоспоримый героизм русского народа ослепляют американцев настолько, что они не в состоянии усмотреть опасность, исходящую от большевиков...»²

Критика политики Ф. Рузвельта не является самоцелью реакционных историков, политологов и публицистов. Они выполняют задачи более широкие, имеющие непосредственную связь с современным курсом империализма, пытаются дискредитировать сложившуюся в ходе войны антифашистскую коалицию и тем самым опровергнуть саму идею о возможности какого-либо сотрудничества капиталистических стран с социалистическими государствами.

В годы вооруженной борьбы с гитлеровской агрессивной коалицией западных стран с социалистическим государством продемонстрировала практическую возможность сотрудничества между государствами с различным социальным строем при наличии политической воли к такому сотрудничеству. «Весь опыт антигитлеровской коалиции, — говорил товарищ М. С. Горбачев, — неоспоримо доказывает: государства, противоположные по своей социальной природе, могут объединить усилия в борьбе с общим врагом, находить взаимоприемлемые решения, эффективно действовать ради достижения совместной цели»³.

Правящие круги фашистской Германии приложили большие усилия, чтобы вбить клив между союзниками и развалить антигитлеровскую коалицию. Тайная дипломатия фашистов усиленно действовала в этом направлении, стремясь использовать старые антисоветские и антикоммунистические тенденции в правительственных кругах Англии и США.

Безусловно, в отношениях между СССР, США и Англией были серьезные противоречия. В конце войны, когда стали очевидны огромные успехи Советского Союза в борьбе с фашистскими

¹ Perpetual War for Perpetual Peace, p. 523—524.

² Bohlen C. Witness to History 1924—1969. New York, 1973, p. 201.

³ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи, с. 57.

агрессорами, когда в мире развивалось мощное демократическое движение народов, определенные силы в правительствах США и Англии пытались противопоставить политике СССР свой внешнеполитический курс, продиктованный интересами американских и английских монополий. Однако общая международная обстановка, соотношение сил на мировой арене, возросший авторитет СССР, необходимость завершения войны в Европе и Азии — все эти факторы обусловили сохранение военно-политического сотрудничества государств антигитлеровской коалиции.

Опыт взаимодействия СССР, США и Англии, как ведущих стран антигитлеровской коалиции, мог бы и сегодня сослужить добрую службу народам в борьбе против опасности новой мировой войны.

Стараясь дискредитировать саму идею возможного сотрудничества между социалистическими и капиталистическими государствами, буржуазные идеологи ссылаются на слабость антигитлеровской коалиции, «ненадежность» и «коварство» СССР как союзника. Реакционные историки делают вывод: сотрудничество западных стран с СССР было ошибкой Рузвельта и Черчилля, поскольку такой союз привел к усилению социализма. Так, французский журнал «Лектор француз», известный своей профашистской ориентацией, убеждает читателей, что англо-американцам надлежало искать сближения с фашистской Германией, а не содействовать ее поражению. В одной из статей этого журнала говорится: «...история развивалась неумолимо в противоположную сторону от той, которую предполагали политические деятели, считавшие, что они определяют историю. Гитлер проиграл войну потому, что он ошибочно определил направление британской политики. Черчилль потерял свою победу потому, что он вовремя не понял, что необходимо было изменить траекторию политики демократических держав еще до разгрома Германии»¹.

С позиций антисоветизма реакционная историография подвергает нападкам решения международных конференций периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., на которых руководители трех держав — СССР, США и Великобритании — разработывали согласованные решения по широкому кругу международных проблем, особенно решения Крымской и Берлинской конференций, которые явились важными вехами сотрудничества СССР, США и Великобритании в годы войны.

На Крымской конференции, проходившей в Ливадии, близ Ялты, с 4 по 11 февраля 1945 г., были согласованы такие важные вопросы, как условия безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии, принципы политики союзников по отношению к Германии, определены зоны оккупации Германии и полномочия оккупационных властей. Конференция рассмотрела вопрос о репарациях с Германии.

¹ Lecture Française. Numéro spécial. Paris, 1975, p. 5.

Главы правительств пришли к соглашению о необходимости приращения территории Польши на западе и на севере, реорганизации Временного правительства Польши и создания Временного объединенного правительства Югославии, а также ряд других вопросов. При обсуждении польского и югославского вопросов советская делегация решительно отстаивала интересы демократических сил этих стран и отвергла попытки США и Англии утвердить в Польше и Югославии реакционные режимы.

По просьбе западных союзников Советское правительство определило на Крымской конференции срок вступления СССР в войну против Японии. При этом были согласованы следующие условия:

- сохранение существовавшего положения Монгольской Народной Республики;
- возвращение СССР Южного Сахалина;
- восстановление аренды СССР на Порт-Артур и интернационализации Дайрена;
- передача СССР Курильских островов.

Выдвигая эти условия, Советский Союз исходил из необходимости ликвидировать господство японского империализма на Азиатском континенте, устранить опасный очаг напряженности на своих дальневосточных границах, вернуть территории, незаконно захваченные милитаристской Японией, а также обеспечить интересы своего союзника — Монгольской Народной Республики.

Конференция приняла «Декларацию об освобожденной Европе». В ней провозглашалось, что СССР, США и Великобритания «договорились между собой согласовывать в течение периода временной неустойчивости в освобожденной Европе политику своих Трех Правительств в деле помощи народам, освобожденным от господства нацистской Германии, и народам бывших государств — сателлитов оси в Европе при разрешении ими демократическими способами их насущных политических и экономических проблем»¹. В итоговом документе Крымской конференции «Единство в организации мира, как и в ведении войны» было заявлено, что руководители трех держав согласились сохранять и усиливать в предстоящий мирный период то сотрудничество, которое осуществлялось между Советским Союзом, США и Англией в дни войны².

Было бы неправильным утверждать, что на Крымской конференции не было спорных вопросов, различных точек зрения по крупным проблемам международных отношений. Были и расхож-

¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг.: Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). Сборник документов. М., 1979, т. 4, с. 276.

² См. там же, с. 271.

дения, и острые дискуссии. В целях принятия согласованных решений Советское правительство пошло на допустимые компромиссы в ряде вопросов. Представители США и Англии также проявили определенную сдержанность, поскольку нуждались в помощи СССР в борьбе против Германии и Японии¹.

В «Памятке», подготовленной правительственными инстанциями США для Ф. Рузвельта перед Ялтинской конференцией, говорилось: «Мы должны иметь поддержку Советского Союза для разгрома Германии. Мы отчаянно нуждаемся в Советском Союзе для войны с Японией по завершении войны в Европе». Даже У. Черчилль, не скрывавший своих антипатий к Советскому Союзу, признавал необходимость поддерживать союзные отношения с СССР. «Что случилось бы, если бы мы поссорились с Россией в то время, когда немцы все еще имели триста — четыреста дивизий на полях сражений?»², — писал он в своих мемуарах.

Работа Крымской конференции протекала под знаком неизмеримо возросшего военного могущества и международного авторитета СССР. Американский историк Л. Роуз отмечает этот фактор во взаимоотношениях между союзниками по антифашистской коалиции. «Несмотря на ужасные потери, — пишет он, — СССР к 1945 году стал важнейшей державой Европы... Красная Армия к этому времени была крупнейшей, наиболее опытной и, пожалуй, наиболее боеспособной из всех существовавших тогда армий»³. Ф. Погью, говоря о Крымской конференции, подчеркивает «мощную позицию СССР в Европе и его потенциальную силу на Дальнем Востоке». «Личная дипломатия в Ялте, — пишет он, — пыталась разрешить проблему основных реальностей нового баланса сил в мировом масштабе; личная свобода действий политического деятеля была сильно ограничена этими объективными силами»⁴.

В последние годы, особенно в США, критика, а точнее, попытки извратить решения Крымской конференции заметно усилились. Американские фальсификаторы истории обвиняют Рузвельта в том, что он «уступил» Советскому Союзу Восточную Европу, Южный Сахалин, Курильские острова и Внешнюю Монголию. «Россия с англо-американского согласия, — пишут авторы труда «Основные проблемы американской внешней политики. Документы и очерки», — становилась политической наследницей Японии в Маньчжурии, в Северном Китае»⁵. Подобные утверждения об уступках Советскому Союзу, о разделе мира грубо искажают сущность согласованных решений Крымской конференции.

¹ Подробнее см.: Ялтинская конференция 1945 г.: Уроки истории. Отв. ред. А. Н. Яковлев. М., 1985.

² Churchill W. The Second World War, vol. IV, p. 353.

³ Rose L. Dubious Victory. The United States and the End of World War II, p. 6.

⁴ Major Problems in American Foreign Policy: Documents and Essays. Lexington — Toronto, 1978, vol. 2, p. 236.

⁵ Major Problems in American Foreign Policy, p. 224.

Яростным атакам буржуазных фальсификаторов подвергается решение Крымской конференции о выдаче военных преступников правительствам тех стран, на территории которых они совершили преступления. Ныне эти военные преступники объявляются «жертвами Ялты».

В буржуазной историографии распространен тезис о том, что в Ялте якобы произошел «раздел Европы» между СССР и США. Французский историк Ф. Дрейфус пишет: «Безусловно, власть и могущество принадлежали Советскому Союзу и Соединенным Штатам. Это было уже замечено в Тегеране, где обозначился дипломатический упадок Великобритании. Это стало более очевидным в Ялте, где Черчилль играл лишь второстепенную роль и где Европа была поделена между Советами и Америкой»¹.

Идея о «разделе Европы» (или даже всего мира) стала на Западе довольно распространенной, объединяя вокруг себя как правых, так и «левых». Так, во Франции лидер крайне правой политической организации «Национальный фронт» Ле Пен заявляет: он никогда не согласится с ялтинскими решениями. Один из руководителей Французской социалистической партии Ж. Унцигер утверждает, что безопасность Европы невозможна без преодоления «жесткой ялтинской системы». «Покончить с духом Ялты», «выйти за рамки Ялты» — таковы неоднократные высказывания бывшего министра внешних сношений Франции К. Шейсона².

Более объективные французские историки отвергают тезис о «разделе Европы». Академик Ж.-Б. Дюрозель пишет: «Если кто-либо прочитает американские документы, мемуары и воспоминания свидетелей, то он констатирует, что ни разу в Ялте не ставился вопрос о зонах влияния»³.

А. Гроссер отмечает, что тезис о «разделе Европы» стал наиболее распространенным мифом во Франции, даже здесь «не принимается во внимание отсутствие какого-либо документа, оправдывающего подобную интерпретацию»⁴.

Вскоре после окончания войны в Европе (в июле — августе 1945 г.) состоялась Берлинская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании, решения которой были призваны внести важный вклад в послевоенное устройство мира. Конференция проходила в чрезвычайно сложной обстановке, обусловленной усилением реакционных тенденций в политике правящих кругов США и Англии. В Вашингтоне и Лондоне в конце войны стали распространяться мнения, что военно-политические успехи Советского Союза создают неблагоприятную обстановку для англо-американских интересов в Европе.

¹ Histoire générale de L'Europe, t. 3, Paris, 1980, p. 410.

² Новое время, 1985, № 6, с. 24.

³ Duroselle J.-B. La France et les Etats — Unis. Des origines à nos jours. Paris, 1971, p. 181.

⁴ Grosser A. Les Occidentaux. Les pays d'Europe et les Etats — Unis depuis la guerre. Paris, 1978, p. 59.

Одним из ведущих политических деятелей Запада, которые стремились осуществить коренной пересмотр политики США и Англии по отношению к СССР, был У. Черчилль. Его личный врач лорд Моран 1 августа 1944 г. записал в своем дневнике: «Уинстон не говорит больше о Гитлере в эти дни, он постоянно брюзжит об опасности коммунизма»¹.

В конце войны Черчилль с откровенной циничностью сформулировал основы англо-американской стратегии, которая, по его мнению, должна была исходить из следующих установок:

«1. Советская Россия стала смертельной опасностью для свободного мира.

2. Надо без промедления создать новый фронт против ее стремительного продвижения.

3. Этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на восток.

4. Берлин является первоочередной и главной целью англо-американских армий.

5. Освобождение Чехословакии и вступление в Прагу американских войск имеет важное значение.

6. Вена и, по существу, вся Австрия должны контролироваться западными державами по крайней мере наравне с СССР.

7. Следует обуздать агрессивные притязания маршала Тито к Италии.

Наконец, и это главное, следует урегулировать все крупные проблемы, разделяющие Восток и Запад в Европе, до того как... западные союзники оставят какую-либо часть германских территорий, которые они займут...»²

Историк из США М. Шонфельд в биографии Черчилля вслащески восхваляет антисоветскую позицию английского лидера, который после Ялты добивался твердого курса по отношению к России, стремился «пожать русским руки как можно восточнее» и с помощью военной силы заставить СССР пойти на уступки западным державам³.

Смерть Ф. Рузвельта усилила позиции реакционных сил в правящих кругах США. Новый глава американской администрации Г. Трумэн был ярким противником Советского Союза и не обладал способностями покойного президента реалистически оценивать обстановку на международной арене. Кроме того, окончание работ по созданию атомной бомбы внушало новому американскому президенту мысль об «абсолютном» могуществе США и возможности диктовать условия СССР. Американский генерал Л. Гровс, возглавлявший в годы войны работы по созданию атомного оружия, после войны писал, что некоторые политические и военные деятели США с самого начала работ не исключали

¹ Lord Moran. Churchill Taken from the Diaries of Lord Moran. London, 1968, p. 173.

² Churchill W. The Second World War, vol. VI, p. 400.

³ Schoenfeld M. The War Ministry of Winston Churchill. Iowa State University Press, 1972, p. 247.

использование атомных бомб против СССР. «Россия была нашим врагом, и... проект осуществлялся на этой основе»¹.

Заняв кресло президента, Г. Трумэн и госсекретарь США Д. Бирнс стали откровенно говорить о Советском Союзе как о враге номер 1 и намеревались «продиктовать условия в конце войны»².

Однако реальная обстановка, сложившаяся в мире после окончания войны в Европе, не позволила правящим кругам США круто изменить отношения с Советским Союзом и пойти на открытый разрыв с ним. Трумэн, а вместе с ним Черчилль, их министры и советники понимали, что народные массы их стран и всего мира питают глубокие симпатии к СССР. Открытая антисоветская политика встретила бы гневное осуждение широкой общественности. Решающее значение имел тот факт, что Советский Союз обладал мощными Вооруженными Силами, которые были в состоянии противостоять провокациям империалистов. Кроме того, правящие круги Соединенных Штатов были заинтересованы сохранить союзнические отношения с СССР, который должен был вступить в войну с Японией и тем самым ускорить окончание второй мировой войны.

В результате твердой и последовательной политики Советского Союза, роста его авторитета и демократического сознания масс, в условиях еще продолжавшейся войны с Японией, завершение которой требовало военного выступления СССР, правительства США и Англии оказались вынужденными пойти на заключение Берлинских соглашений, которые в своей основе отвечали справедливому характеру войны против государств фашистского блока и принципам демократического послевоенного урегулирования международных проблем.

На Берлинской конференции было принято соглашение «Политические и экономические принципы, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период». Этот документ должен был определять политику участников антигитлеровской коалиции в германском вопросе. В основу соглашения были положены принципы демилитаризации, демократизации и денацификации Германии. «Германский милитаризм и нацизм будут искоренены, — говорилось в сообщении о Берлинской конференции руководителей трех союзных держав, — и Союзники, в согласии друг с другом, сейчас и в будущем, примут и другие меры, необходимые для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире»³.

¹ The Journal of American History, 1974, march, p. 1004.

² Трумэн Н. The Memoires, vol. 1, p. 87.

³ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг.: Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). Сборник документов. М., 1980, т. 6, с. 484.

Главы трех держав решили вопрос о репарациях. Они зафиксировали, что Германия должна «компенсировать в возможно большей степени ущерб и страдания, которые она причинила Объединенным Нациям...»¹.

Конференция подтвердила передачу Советскому Союзу Кенигсберга и прилегающего района. Она рассмотрела вопрос о западных границах Польши. Главы трех держав учредили Совет министров иностранных дел и возложили на него подготовку мирного договора. Были также приняты согласованные решения по ряду других вопросов международных отношений.

Берлинская конференция показала, что, несмотря на наличие различных подходов к решению сложных проблем послевоенного мира, союзники по антигитлеровской коалиции, реалистически оценивая обстановку и проявляя взаимопонимание, могут обеспечить сотрудничество государств с различным общественным строем в организации послевоенного мира.

Эти положительные аспекты решений Берлинской конференции вызывают глубокое недовольство у современной империалистической реакции, особенно по вопросам послевоенных границ в Европе, и в первую очередь о границе народной Польши по Одеру и Нейсе. В чем суть дела?

Главы правительств СССР, США и Англии после длительной дискуссии пришли к соглашению, что «бывшие германские территории к востоку от линии, проходящей от Балтийского моря чуть западнее Свиномюнде и оттуда по реке Одер до впадения реки Западная Нейсе и по Западной Нейсе до чехословацкой границы, включая ту часть Восточной Пруссии, которая в соответствии с решением Берлинской конференции не поставлена под управление Союза Советских Социалистических Республик, и включая территорию бывшего свободного города Данциг, должны находиться под управлением Польского государства и в этом отношении они не должны рассматриваться как часть советской зоны оккупации в Германии»².

Сразу же после окончания войны реваншистские и профашистские элементы в Западной Германии при попустительстве американских и английских оккупационных властей развернули широкую кампанию, в которой пытались «доказать незаконность» границы по Одеру—Нейсе. В 1946 г. бывший гитлеровский дипломат Г. Фогель от имени правительства земли Гессен составил меморандум по внешнеполитическим вопросам. В этом документе доказывалась необходимость отказа от признания территориаль-

¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг.: Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). Сборник документов, т. 6, с. 489.

² Там же, с. 494.

ных итогов второй мировой войны. Для обоснования этого реваншистского требования выдвигался такой аргумент: Германия не подписывала Берлинские соглашения. Уже в то время реваншистские силы Западной Германии делали ставку на «влиятельные американские и британские круги, которым не чужда идея исправления границ в пользу Германии»¹.

Более четырех десятилетий проблема границ в Европе трактуется в буржуазной реакционной историографии как «нерешенный вопрос второй мировой войны»², повторяются лживые утверждения о «незаконности границ по Одере — Нейсе»³. В американском учебнике для средних школ, изданном в 1978 г., написано, что вопрос о границе по Одере — Нейсе «все еще остается открытым в европейской политике»⁴.

Федеративная Республика Германии на протяжении длительного времени официально не признавала новые границы, сложившиеся в Европе. Но в 70-е годы этот курс правящих кругов ФРГ претерпел существенные изменения.

В договоре между ФРГ и СССР, заключенном в 1970 г., была зафиксирована территориальная неприкосновенность границ в Европе, в том числе границы по Одере — Нейсе и границы между ФРГ и ГДР. Это означало признание ФРГ Германской Демократической Республики и официальный отказ правительства Бонна от реваншистских планов пересмотра итогов второй мировой войны. В дальнейшем эти важные положения были подтверждены в договорах между ФРГ и ГДР (1972 г.), между ФРГ и ПНР (1973 г.) и между ФРГ и ЧССР (1973 г.).

Но с этой реальностью не хотят смириться западногерманские реваншисты, которые обвиняют правительство ФРГ в «предательстве интересов германской нации»⁵. Пересмотра решения о границе по Одере — Нейсе требуют неонацистские группировки в Западной Германии. Они выдвигают лозунги о «возвращении восточных земель» и «возрождении великой германской империи».

Идеи реванша и пересмотра границы по Одере — Нейсе проникают в школы ФРГ. В 1981 г. министры западногерманских земель, ведающие вопросами просвещения, приняли решение изображать в школьных учебниках «границы германского рейха по состоянию на 31.12. 1937 года», а польские и советские города, лежащие в пределах этих границ, именовать по-немецки⁶.

В 1984 г. в Бонне вышла брошюра, авторы которой утверждают, что Германия представляет собой территорию, определенную границами фашистского рейха в 1937 г. Далее в брошюре уточняется: Германия включает территорию ФРГ, Берлина, ГДР

¹ Vogel G. *Diplomat unter Hitler und Adenauer*. Düsseldorf, 1969, S. 131—133.

² *Kann Europa abrüsten?* München, 1973, S. 22.

³ *Spiegel*, 1977, № 13, S. 180.

⁴ Perry M. *Man's Unfinished Journey*, p. 752—753.

⁵ Franzel E. *Geschichte des deutschen Volkes*. München, 1974, S. 899.

⁶ См.: *Правда*, 1984, 23 июня.

(«советская оккупационная зона», как пишут авторы), а также восточные провинции Германии, то есть территории, отошедшие после второй мировой войны к Польше и СССР¹.

Эта книжонка появилась в ФРГ не случайно. Она основывается на высказываниях официальных политических деятелей Западной Германии. Депутат бундестага от христианско-демократического союза (ХДС) Г. Чаа заявил: «Области восточнее Одера и Нейсе по-прежнему принадлежат Германии и не окончательно поставлены под чужой суверенитет...»² Министр внутренних дел ФРГ Ф. Циммерман утверждает: «Для правительства ФРГ германский рейх продолжает существовать в границах 1937 года»³.

Такие декларации с восторгом воспринимаются западногерманскими неофашистами. В Эссене национал-демократическая (неофашистская. — *Прим. ред.*) партия распространила листовку, в которой выдвигается требование «восстановить Германию в границах 1937 г.». Оно аргументируется гитлеровским тезисом о необходимости для немцев «жизненного пространства». Неонацисты уже говорят о «Великой Германии». Один из лидеров реваншизма Г. Хупке писал: Восточная Германия включает не только территорию «по ту сторону от Одера и Нейсе, то есть находящуюся ныне под польским и советским господством часть германской империи, но и Судетскую область, а также районы немецких поселений между Балтийским и Черным морями»⁴. Взор западногерманских реваншистов устремлены и на Запад. Мюнхенская газета «Вегвайзер» в начале 1985 г. подняла вопрос о будущем «старой германской имперской земли Эльзас-Лотарингия»⁵.

Новые границы не устраивают и кое-кого за океаном. Так, бывший заместитель государственного секретаря США Д. Болл в интервью журналу «Ньюсуик» уже после европейского Совещания в Хельсинки заявил, что считает проигрышем американской дипломатии признание нерушимости границ в Европе, сложившихся в результате войны. Нетрудно понять, что Д. Болл ратует за пересмотр границ в Европе или, во всяком случае, хотел бы сделать эту проблему активным оружием внешней политики правящих кругов США, то есть оружием шантажа и давления на социалистические страны.

Известный западногерманский публицист Л. Кнорр в книге «Снова война с немецкой землей?» подчеркивает, что ультраправая реваншистская опасность не могла бы принять больших размеров, если бы ее сознательно не поощряли влиятельные силы в ФРГ. «Сейчас в Бонне у кормила власти, — пишет он, — находятся как раз те силы, которые либо ничему не научились из

¹ Was ist Deutschland? Bonn, 1984.

² Цит. по: Известия, 1984, 27 сент.

³ Там же.

⁴ Цит. по: Flach W., Kouschil Ch. Kreuzritter in Trachten. Organisierter Revanschismus und seine Macher. Leipzig — Jena — Berlin, 1984, S. 24.

⁵ Правда, 1985, 19 февр.

истории немцев и европейцев, либо, что еще хуже, намерены сделать из этого опыта опасные выводы»¹.

Активизация происков реваншистов в ФРГ не случайно совпала с провозглашением администрацией Р. Рейгана «крестового похода» против социализма и развертыванием в Западной Европе новых американских ракет первого удара. Она не может не вызвать тревогу за судьбы мира и безопасность. Реваншизм становится вспомогательным орудием американского империализма, стремящегося к реализации своих глобальных гегемонистских целей посредством политики балансирования на грани ядерной катастрофы и «отбрасывания» социализма.

Однако попытки империалистической реакции добиться пересмотра границ в Европе, установленных в результате второй мировой войны, обречены на провал. Неприкосновенность границ ПНР, ЧССР и ГДР гарантирована международным правом и всей мощью стран социалистического содружества.

Особую злобу у империалистов вызывает укрепление социалистических государств в Центральной и Юго-Восточной Европе. «Большевистская революция... — говорится в книге «Советское воздействие на мировую политику», изданной в Нью-Йорке, — создала зияющую брешь в системе европейских великих держав. Гитлеровская агрессия и разгром агрессора Красной Армией привели к полному крушению этой системы»².

Реакционная историография, выполняя социальный заказ господствующих классов империалистических государств, стремится доказать, что социально-экономические преобразования в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и в Азии, где произошли народные революции и была установлена власть трудящихся, явились результатом «советской оккупации», а не следствием развития внутренних закономерностей. Наиболее распространенным является следующий стереотип: читателю внушается, что Советский Союз после освобождения своей территории от немецко-фашистских оккупантов «захватил» страны Центральной и Юго-Восточной Европы и осуществил свои планы «большевизации» народов.

«В то время как западные страны представляли собой защитников демократии, — пишет западногерманский историк Г.-А. Якобсен, — Советский Союз использовал благоприятные условия для распространения своей марксистско-ленинской системы преимущественно революционными методами в Европе, Передней Азии, в бассейне Средиземного моря и в Восточной Азии»³.

¹ Кногг L. Wieder Krieg von deutschem Boden? Frankfurt a. M., Röderberg, 1985, S. 6.

² The Soviet Impact on World Politics. New York, 1978, p. 56.

³ Aus Politik und Zeitgeschichte, 1970, Nr. 49, S. 14.

Якобсен продолжает распространять этот тезис и в своих последующих работах¹. Американский политолог С. Каплан в книге «Дипломатия силы: Советские Вооруженные Силы как инструмент политики» утверждает, что с середины 1944 г. советские войска осуществляли экспансионистские задачи «установления контроля над другими странами»². Подобную же концепцию проповедует американский историк Г. Лайонз³. Ректор Европейского колледжа в Бругесе Х. Бругманс объясняет становление социалистического строя в странах Центральной и Юго-Восточной Европы «ловкими маневрами» СССР⁴.

В 1919 г. В. И. Ленин, имея в виду буржуазных политиков, выдвигавших реакционные идеи, говорил, что они «делают вид, будто бы они в эту глупость верят, и кидают подобные обвинения направо и налево, пользуясь для этого своим адвокатским умением сочинять фальшивые доводы и засорять массам глаза песком»⁵. Эта ленинская оценка в полной мере распространяется на фальшивые доводы буржуазной историографии, пытающейся очернить великую освободительную миссию Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне. Марксизм-ленинизм решительно отвергает тезис об «экспорте революции». Еще К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали, что невозможно навязывать какому-либо народу революционные преобразования и осчастливить его⁶.

Известно, что в ряде стран, на территории которых находились советские войска (Норвегия, Дания, Австрия, Иран, Финляндия), и поныне господствует буржуазный строй. Очевидно, что в этих странах не существовало тогда внутренних предпосылок, которые обеспечили бы успех революции. В то же время в Албании, во Вьетнаме и на Кубе советских войск не было, и тем не менее там произошел революционный переворот.

В. И. Ленин указывал: «Революции не делаются по заказу, не приурочиваются к тому или другому моменту, а созревают в процессе исторического развития и разражаются в момент, обусловленный комплексом целого ряда внутренних и внешних причин»⁷.

Марксисты-ленинцы считают, что революция является результатом вызревания внутренних противоречий внутри страны, когда возникает революционная ситуация, когда в силу обострения классовых противоречий в борьбу вовлекаются многомиллионные массы трудящихся. Революция имеет свои законы возникновения

¹ Jacobsen H.-A. Der Weg zur Teilung der Welt: Politik und Strategie, 1939—1945. Koblenz, 1978, S. 19; Idem. URSS — In: The Historical Encyclopedia of World War II. London, 1981, p. 477.

² Kaplan S. Diplomacy of Power: Soviet Armed Forces as a Political Instrument. Washington, 1981, p. 28—29.

³ Lyons G. The Russian Version of the World War II. New York, 1984.

⁴ The Historical Encyclopedia of World War II, p. 516, 522.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 50.

⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 35, с. 298.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 531.

и развития. И попытки подменить эти законы рассуждениями буржуазных фальсификаторов о «происках Кремля» или другими выдумками не имеют ничего общего с подлинной историей.

Революции произошли в тех странах Центральной и Юго-Восточной Европы, где буржуазные правящие круги в годы войны дискредитировали себя неспособностью противостоять фашистской агрессии или сознательным сотрудничеством с нацистской Германией, а народные массы решительно склонились в сторону левых сил. Свидетельством тому был рост коммунистических партий, несмотря на большие жертвы, понесенные ими в борьбе с фашизмом. Так, Польская рабочая партия, насчитывавшая в 1942 г. 4 тыс. членов, в 1944 г. имела в своих рядах 20 тыс. человек; Коммунистическая партия Югославии в 1944 г. имела 140 тыс. членов (в 1939 г. — 12 тыс.); численность Болгарской коммунистической партии к началу 1945 г. достигла более 250 тыс. человек (в 1939 г. — 3,4 тыс.); Румынская коммунистическая партия к середине 1945 г. насчитывала 110 тыс. человек¹.

Опираясь на предвоенный опыт объединения трудящихся в борьбе за свои классовые интересы, коммунистические партии успешно решали задачу создания и укрепления национальных фронтов, в которые для борьбы с фашизмом входили все прогрессивные патриотические силы. Национальные фронты послужили базой для организации национально-освободительной борьбы, в ходе которой они превращались в органы новой, народной власти. К лету 1944 г. только в народно-освободительной войне народов Югославии, а также в движении Сопротивления Польши, Чехословакии, Болгарии, Франции, Греции, Италии участвовало 2,2 млн. человек². Все это создавало внутренние предпосылки для развития социальных революций еще до того, как Советская Армия приступила к непосредственному выполнению своей освободительной миссии. Прогрессивные левые силы, возглавляемые коммунистами, после освобождения своих стран от фашистского ига обрели в лице Советской Армии надежную опору. Но лишь решительная поддержка большинства народа позволила им прийти к власти и взять курс на построение нового общества. Осуществление социальных преобразований происходило в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в условиях острой классовой борьбы, завершившейся победой социализма. Наличие советских войск сковывало в этих странах внутреннюю реакцию и не позволило империалистическим силам США и Англии осуществить экспорт контрреволюции.

Марксистско-ленинское учение о пролетарском интернационализме является одной из важнейших основ политики КПСС и Советского правительства. Марксизм-ленинизм решительно отвергает тезис об «экспорте революции», но всегда подчеркивает необ-

¹ См.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1, с. 587—588.

² См.: Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне. М., 1974, с. 6.

ходимость проводить в жизнь принципы классовой солидарности с народами, борющимися за национальное и социальное освобождение. В соответствии с этим принципом КПСС, Советское правительство и весь советский народ поддерживали и поддерживают своих братьев по классу в международном рабочем движении и национально-освободительной борьбе.

С первых дней Великой Отечественной войны Коммунистическая партия Советского Союза поставила задачу не только изгнать немецко-фашистских захватчиков с родной земли, но и спасти народы Европы от фашистского рабства. В выступлении по радио 3 июля 1941 г. И. В. Сталин говорил, что «целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма», что «в этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, поработанного гитлеровскими заправилами»¹.

Героизм и мужество советских людей в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками поднимали моральный дух народов оккупированных стран, вдохновляли их на борьбу против фашистских оккупантов. Министр внутренних дел США Г. Икес говорил в июле 1944 г.: «Своей героической защитой родины русские не только доказали всему миру, что можно разгромить нацизм, но и вдохновили на борьбу, зажгли мужество те народы Объединенных Наций, которые уже давно находятся на границе отчаяния. Миф о непобедимости фашизма был развеян на полях Советской России решительной стойкостью народов России»².

Советский Союз оказывал борющимся против оккупантов народам не только моральную и политическую поддержку, но и существенную материальную помощь. На территории СССР стали формироваться воинские части и соединения тех государств, территория которых была оккупирована немецко-фашистскими войсками или правительства которых против воли народа превратились в сателлитов Германии. По решению ГКО в 1943 г. был создан специальный аппарат уполномоченного Ставки Верховного Главнокомандования по иностранным военным формированиям на территории СССР с задачей оказания наиболее действенной помощи в создании и обучении иностранных военных формирований и поддержания с ними постоянной связи. За время войны с помощью Советского Союза были образованы воинские части и соединения общей численностью свыше 550 тыс. человек³.

¹ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза, с. 16.

² Цит. по: Боевое содружество советского и польского народов. М., 1973, с. 32.

³ См.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1, с. 573.

Материальная помощь оказывалась также национально-освободительному движению в Югославии, Албании, Корее и Китае. С каждым годом войны масштабы этой помощи возрастали. Так возникло боевое содружество народов и армий, сражавшихся против оккупантов.

За годы войны только по линии центральных органов Советского государства (то есть без учета количества оружия и военного снаряжения, переданного братским армиям командованием советских фронтов) вооруженным силам Болгарии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии, Венгрии и Албании было передано 670 тыс. винтовок и автоматов, 16,5 тыс. артиллерийских орудий и минометов, около тысячи танков и САУ, более 1,6 тыс. самолетов, около 12,4 тыс. грузовых автомобилей, 4,8 тыс. военных радиостанций. Французский полк «Нормандия — Нема», участвовавший в боях на советско-германском фронте, получил от Советского правительства более 100 самолетов¹.

Для братских армий было предоставлено также снаряжение, продовольствие и фураж на общую сумму 1,5 млрд. рублей.

Большую помощь от Советского Союза получила Народно-освободительная армия Китая. В ходе разгрома японской Квантунской армии советские войска захватили огромные трофеи, в том числе 3,7 тыс. орудий, минометов и гранатометов, 600 танков, 861 самолет, около 1,2 тыс. пулеметов, 680 различных воинских складов, корабли Сунгарийской речной флотилии. Все это оружие и снаряжение было передано в распоряжение Народно-освободительной армии Китая. Несколько позднее НОА Китая также получила значительное количество советского вооружения².

При освобождении зарубежных стран от фашистских захватчиков Советский Союз строго руководствовался существовавшими договорами и соглашениями. В мае 1944 г. правительствами СССР и Чехословакии было заключено Соглашение об отношениях между советским Главнокомандующим и чехословацкой администрацией после вступления советских войск на территорию Чехословакии. В одной из статей этого документа говорилось: «Как только какая-либо часть освобожденной территории перестанет являться зоной непосредственных военных операций, чехословацкое правительство полностью берет в свои руки власть управления общественными делами...»³

В июне — июле 1944 г. Советская Армия, в составе которой действовали части Войска Польского, вступила на территорию Польши. 26 июля 1944 г. НКВД СССР в своем заявлении подчеркнул, что цель Советского правительства состоит в том, чтобы «разгромить вражеские германские армии и помочь польскому народу в деле его освобождения от ига немецких захватчиков и

¹ См.: История внешней политики СССР, т. 1, с. 458.

² См.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1, с. 636.

³ Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг.: Документы и материалы. М., 1960, с. 161.

восстановления независимой, сильной и демократической Польши»¹. Советское правительство подписало с Польским комитетом национального освобождения (ПКНО) соглашение об отношениях советского командования и польской администрации после вступления советских войск на территорию Польши. 31 июля 1944 г. Государственный Комитет Обороны в специальном постановлении обязал командиров, штабы и политорганы советских войск на территории Польши «установить дружественные отношения с органами власти, которые будут созданы на освобожденной территории ПКНО». В постановлении ГКО подчеркивалось: «Необходимые мероприятия по поддержанию общественного порядка на занятой советскими войсками территории осуществлять через эти органы. Право мобилизации населения, а также все другие права по управлению на территории Польши принадлежат только органам, создаваемым ПКНО»².

В связи с вступлением советских войск в Румынию и Венгрию ГКО также принял особые постановления, в которых подчеркивалось, что Советский Союз не преследует целей приобретения какой-либо части территории этих стран или изменений существующего в них общественного строя.

28 сентября 1944 г. войска 3-го Украинского фронта перешли югославскую границу. В связи с этим политуправление фронта в обращении к воинам писало: «Товарищ боец, сержант и офицер!.. Всегда и везде помни, что ты пришел в Югославию не для того, чтобы навязывать Югославии свои законы и порядки, а для того, чтобы настичь и уничтожить бегущих под твоими ударами гитлеровских разбойников»³.

Направляя свои Вооруженные Силы для освобождения стран Европы и Азии, Советский Союз никогда не вмешивался в их внутренние дела, с уважением относился к национальным традициям и обрядам. Интернациональный подвиг Советской Армии принес ей всемирную славу и признательность. Около 7 млн. советских воинов более года вели ожесточенные бои с врагами на территории 13 стран Европы и Азии. Свыше миллиона советских солдат и офицеров отдали свою жизнь в борьбе за освобождение поработенных народов, в том числе в боях за освобождение Польши — 600 тыс. человек, Чехословакии — 140 тыс., Венгрии — свыше 140 тыс., Румынии — 69 тыс., восточных районов Германии — 102 тыс., Австрии — 26 тыс. человек⁴.

Разгром Советской Армией основных группировок агрессоров, всемирно-историческая победа над фашизмом и милитаризмом способствовали освобождению стран Западной Европы и Юго-

¹ История внешней политики СССР, т. 1, с. 461—462.

² История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1, с. 553.

³ Там же, с. 596.

⁴ См.: Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне; Якушевский А. С. Правде вопреки: Против фальсификации истории Великой Отечественной войны. Киев, 1981, с. 63—77.

Восточной Азии, которые в разное время были оккупированы вооруженными силами фашистского блока.

«Кто пережил вторую мировую войну и принимал участие в антифашистской борьбе, — говорил Первый секретарь ЦК КПС Г. Гусак, — тот никогда не забудет об исключительной роли Советского Союза в битве за свободу народов, о его жертвах, о героизме его народа и армии. Тот не забудет, что эта борьба и жертвы Советского Союза дали возможность многим народам вновь обрести свою национальную свободу и государственную независимость, а также начать борьбу за победу рабочего класса, за путь к социализму»¹.

Фальсификация сущности освободительной миссии Советской Армии используется реакционными буржуазными историками для оправдания политики «холодной войны» и распространения мифа о «советской военной угрозе». Английский историк С. Майер, американский историк Л. Дэвис, западногерманский историк А. Фишер и многие другие в своих книгах утверждают, что «холодная война» — это не что иное, как «ответная реакция» на «советизацию» Советской Армией освобожденных ею стран, на стремление СССР в ходе войны установить мировое господство и т. п.² С помощью столь грубой клеветы они хотели бы скрыть от читателей те неоспоримые факты, которые свидетельствуют об усилении антисоветских и антикоммунистических тенденций в политике правящих кругов США и Англии. В послевоенные годы эти тенденции стали преобладающими и наложили зловещий отпечаток на развитие международной обстановки.

Главная ответственность за возникновение «холодной войны» лежит на американском империализме, который начал разрабатывать планы на установление своей гегемонии в мире еще в ходе второй мировой войны. В конце 1940 г. президент Национального комитета промышленных корпораций США В. Джордон заявил: «Каким бы ни был исход войны, Америка вступила на путь империализма как в мировых делах, так и во всех других аспектах американской жизни»³. Правда, пока продолжалась война и шла речь об устранении соперников, империалистическая направленность политики американской администрации тщательно маскировалась. Американские историки Джойс и Гэбриел Колко, анализируя эти явления, делают следующий вывод. «По существу, — пишут они в книге «Границы власти», — целью Соединенных Штатов было реконструировать мир таким образом, чтобы американский бизнес повсюду мог торговать, предпринимательствовать и извлекать прибыли без каких-либо ограничений. Отно-

¹ Международное Собрание коммунистических и рабочих партий: Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г. М., 1969, с. 180—181.

² The Russian War Machine 1917—1945. Ed by S. I. Mayer. London, 1978, p. 249; Davis L. The Cold War begins. Princeton and London, 1979, p. 385; Fischer A. Sowjetische Deutschlandspolitik im Zweiten Weltkrieg 1941—1945. Stuttgart, 1975, S. 134, 158.

³ Swomley J. American Empire. London, 1970, p. 95.

сительно этого существовало абсолютное единодушие среди американских руководителей, и, исходя из этого, они разрабатывали свою политику и программы»¹.

После создания в США атомной бомбы американские правящие круги сделали ставку на то, что атомная монополия обеспечит им решительное превосходство над Советским Союзом. Администрация Г. Трумэна стала последовательно проводить политику давления на Советское правительство и подготовки новой войны. «Русские скоро будут поставлены на место, — заявил Г. Трумэн, — и тогда США возьмут на себя руководство движением земного шара по тому пути, по которому его следует вести»².

Атомная бомба вскружила голову не одному Трумэну. По свидетельству американского историка Дж. Лайбермана, «для Бирнса атомная бомба была большой дубишкой, чтобы выбить русских из Восточной Европы»³. «Пока мы, и только мы, обладаем атомной бомбой, — говорил бывший президент США реакционер Г. Гувер, — мы можем диктовать свою политику всему миру»⁴.

Американский историк А. Шлезингер в книге «Кризис доверия» отмечает этот поворот во внешнеполитическом курсе США после второй мировой войны. «Соединенные Штаты отказались от проводившейся в военное время политики сотрудничества, — пишет он, — и под воздействием факта обладания атомной бомбой встали на путь агрессии, рассчитанной на ликвидацию влияния России в Восточной Европе и создание... капиталистических государств у границ Советского Союза...»⁵

19 декабря 1945 г. Г. Трумэн официально объявил в послании конгрессу о переходе США к глобальной внешнеполитической стратегии. Провозглашение этой стратегии наряду со своей главной социальной функцией — обоснование и защита капиталистического строя — преследовало идеологические цели — обработку общественного мнения США в духе реакционного внутри- и внешнеполитического курса. Пропаганда антикоммунизма и антисоветизма стала неотъемлемой составной частью деятельности американской администрации⁶.

Весьма показательны откровения президента США Г. Трумэна, содержащиеся в письме к государственному секретарю Д. Бирнсу 5 января 1946 г.: «Я не думаю, что мы должны и дальше заключать компромиссы. Нам следует отказаться от при-

¹ Kolko J. and G. The Limits of Power. The World and United States Foreign Policy 1945—1954. New York, 1972, p. 2.

² Williams W. A. The Tragedy of American Diplomacy. Cleveland and New York, 1959, p. 159.

³ Цит. по: Ефремов Е. Ядрное разоружение. М., 1976, с. 8.

⁴ Hoover H. Addresses upon the American Road 1945—1948. Toronto — New York, 1949, p. 14.

⁵ Цит. по: Кашлев Ю. В. Разрядка в Европе: От Хельсинки к Мадриду. М., 1980, с. 4—5.

⁶ См.: Егорова Н. И. Советско-американские отношения послевоенного периода в буржуазной историографии. М., 1981, с. 15.

знания Румынии и Болгарии до тех пор, пока они не подчиняются нашим требованиям; мы должны в недвусмысленных выражениях объявить о нашей позиции в иранском вопросе, и мы обязаны продолжать настаивать на интернационализации Кильского канала, рейнско-дунайского водного пути и Черноморских проливов, и мы должны сохранить полный контроль над Японией и Тихим океаном. Нам следует восстановить Китай и создать здесь сильное центральное правительство. То же самое мы должны сделать для Кореи. Я устал няичиться с Советами»¹.

Политика администрации Трумэна нашла полную поддержку со стороны У. Черчилля. Он выступил за создание нового фронта, который «должен пролетать как можно дальше на востоке»².

В марте 1946 г. Черчилль в присутствии Трумэна призвал к «крестовому походу» против социализма, к установлению американо-английского мирового господства «не только в наше время, но и на грядущие столетия». В сентябре 1946 г. специальный помощник президента К. Клиффорд по распоряжению Трумэна провел совещание с высшими государственными руководителями США. Вскоре Клиффорд представил ему обширный доклад «Американская политика в отношении Советского Союза». В этом документе, в частности, говорилось: «Надо указать Советскому правительству, что мы располагаем достаточной мощностью не только для отражения нападения, но и для быстрого сокрушения СССР в войне... Советский Союз не слишком уязвим, ибо его промышленность и естественные ресурсы широко рассередоточены, однако он уязвим для атомного, бактериологического оружия и дальних бомбардировщиков... Война против СССР будет «тотальной» в куда более страшном смысле, чем любая прежняя война, и поэтому должна вестись постоянная разработка как наступательных, так и оборонительных видов вооружения»³.

Профессор Иллинойского университета М. Паренти пишет, что политика США в послевоенные годы была одержима «антикоммунистическим синдромом». «Уже в 1945—1946 гг. американское руководство считало, что единственный путь, следуя по которому СССР и США могли бы достигнуть урегулирования в Европе, состоял в том, чтобы Советы капитулировали перед всеми американскими требованиями, касающимися сфер влияния, Польши, репараций с Германии и т. п.»⁴

Документы официальных инстанций Вашингтона свидетельствуют, что курс на подготовку войны против Советского Союза и других социалистических стран, на пересмотр итогов второй мировой войны стал доминирующим во внешнеполитической деятельности американского руководства. Так, цели и замыслы фа-

¹ Цит. по: Мельников Ю. М. От Потсдама к Гуаму: Очерки американской дипломатии. М., 1974, с. 69.

² Цит. по: История дипломатии. М., 1974, т. 5, кн. 1, с. 10.

³ Containment: Documents on American Policy and Strategy 1945—1950. Ed. by T. Etzold and G. Saddy. New York, 1978, p. 66.

⁴ Paranti M. The Anti-Communist Impulse. New York, 1969, p. 127.

штатских держав, потерпевших сокрушительное поражение в своих попытках уничтожить Советский Союз, сразу же после окончания второй мировой войны возродились в планах американского империализма. Подготовка военного нападения на СССР стала главной заботой американских и английских генеральных штабов. В этом отношении весьма показательна совершенно секретная директива Совета национальной безопасности 20/1 от 18 августа 1948 г., опубликованная в США в 1978 г. в сборнике «Сдерживание. Документы об американской политике и стратегии 1945—1950 гг.». Этот документ откровенно формулирует цели американского империализма по отношению к СССР.

Так, в директиве говорилось: «Правительство вынуждено в интересах развернувшейся ныне политической войны наметить более определенные и воинственные цели в отношении России уже теперь, в мирное время, чем было необходимо в отношении Германии и Японии еще до начала военных действий с ними... При государственном планировании ныне, до возникновения войны, следует определить наши цели, достижимые как во время мира, так и во время войны, сократив до минимума разрыв между ними». И далее: «Наши основные цели в отношении России, в сущности, сводятся всего к двум: а) Свести до минимума мощь и влияние Москвы... б) Провести коренные изменения в теории и практике внешней политики, которых придерживается правительство, стоящее у власти в России»¹.

В начале 1949 г. в США был создан специальный комитет под председательством генерал-лейтенанта Х. Хармона. Этот комитет представил правительству доклад, в котором обосновывалась идея атомного нападения на СССР. Американские генералы уповали на мощь стратегического наступления американской авиации. На первой фазе наступления они предполагали уничтожить 70 советских городов. По их расчетам, в результате этого атомного нападения будет уничтожено 30—40 процентов промышленного потенциала СССР, погибнет 2,7 миллиона человек, населяющих Советский Союз, и в «зависимости от эффективности советской системы пассивной обороны» атомное нападение на СССР повлечет еще 4 миллиона жертв².

В 1978 г. достоянием гласности стал план «Дропшот», который разрабатывался американскими стратегами с 1945 г. Под предлогом версии о начавшемся вторжении советских войск в Западную Европу имелось в виду развязать третью мировую войну с неограниченным применением ядерного оружия и вовлечением в нее народов всех континентов.

Обращает на себя внимание ярко выраженный классовый характер этих планов. «Наиболее серьезную угрозу национальной безопасности США (читай: власти монополий. — *Прим. авт.*) представляет сама природа социалистического строя». Главная по-

¹ Цит. по: Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР, с. 31.

² Там же, с. 41—42.

литическая цель войны, как это следует из опубликованных документов, заключалась в «уничтожении корней большевизма» путем военного разгрома СССР и его союзников, реставрации капитализма и колониализма и установлении с помощью блока НАТО американского мирового господства.

Главная стратегическая цель определялась следующим образом: «Во взаимодействии с нашими союзниками навязать военные цели Советскому Союзу, уничтожив советскую волю и способность к сопротивлению путем стратегического наступления в Западной Евразии и стратегической обороны на Дальнем Востоке»¹.

План войны против СССР предусматривал нанесение массированных ядерных ударов (300 атомных бомб за 30 суток) в целях уничтожения промышленного и военного потенциалов Советского Союза, вторжение и захват войсками НАТО территории СССР и других социалистических стран. Предполагалось расчленение СССР на четыре оккупационные зоны и размещение в советских городах, имеющих стратегическое значение, американских войск.

Но замыслы американских стратегов этим не ограничивались. После разгрома СССР и его союзников в Европе и КНДР они планировали захватить МНР, Китай и всю Юго-Восточную Азию, подавить национально-освободительное движение во всем мире и восстановить колониальное господство империализма. План «Дропшот» предусматривал использовать против Советского Союза до 250 дивизий общей численностью 6 250 тыс. человек. Авиация, флот, части противовоздушной обороны и вспомогательные войска должны были включать еще 8 млн. человек. Общая же численность вооруженных сил агрессоров, действующих под руководством США, должна была достигнуть гигантской цифры — 20 млн. человек².

Кроме непосредственных военных действий против Советского Союза план «Дропшот» предусматривал широкие операции психологической войны, направленные на подрыв морального духа населения СССР, и использование предателей, которые уже в то время получили официальное название — диссиденты. В плане подчеркивалось: «Эффективное сопротивление (против Советской власти. — *Прим. авт.*) или восстание можно ожидать только тогда, когда западные союзники смогут предоставить материальную помощь и руководство и заверить диссидентов, что освобождение близко...»³

Таков в общих чертах был замысел превентивной войны империалистических держав против СССР и других социалистических государств. План «Дропшот» действовал с некоторыми поправками и дополнениями до 1957 г.

¹ Drop Shot: The United States Plan for War with the Soviet Union in 1957. Ed. by A. Brown. New York, 1978, p. 47.

² Drop Shot: The United States Plan for War with the Soviet Union in 1957. p. 241.

³ Ibid., p. 62, 74.

Правящие круги Англии также намеревались изменить итоги второй мировой войны путем вооруженного насилия. Начальник имперского генерального штаба фельдмаршал А. Брук писал в своем дневнике, что уже через две недели после окончания военных действий в Европе английские штабы получили указания от правительства подготовить меморандум о военных мероприятиях, «направленных против России»¹.

В июле 1981 г. английская газета «Таймс» опубликовала статью, в которой утверждалось, что с января по июль 1946 г. Комитет начальников штабов Великобритании в срочном порядке разработал планы войны против СССР с применением атомного и бактериологического оружия. В распоряжении английской организации «Черч оф сайентолоджи» имеется фотокопия доклада, представленного в июле 1946 г. кабинету министров Великобритании. Доклад озаглавлен «Будущие тенденции в развитии оружия и методов войны». Авторы доклада не только дают оценку новым видам оружия массового уничтожения, но и анализируют возможность его применения против СССР. По их расчетам, бомбардировочная авиация, действующая с Британских островов, могла поразить 58 советских городов с населением свыше 100 тыс. человек каждый, расположенных на расстоянии 1500 миль от английских военных аэродромов. При увеличении дальности полета английских бомбардировщиков до 1850 миль под удар мог попасть еще 21 крупный советский город².

Но американским и английским планам войны против СССР с применением атомного и бактериологического оружия не суждено было осуществиться. В условиях быстрого изменения соотношения сил на мировой арене в пользу социализма правящие круги США и Англии не решились ее развязать. Как и расчеты гитлеровских претендентов на мировое господство, планы американской и английской военщины были авантюристичны в своей основе, исходили из неверной оценки соотношения сил на мировой арене, недооценивали могущество Советского Союза и всех стран социалистического содружества, игнорировали волю простых людей на земле к миру.

Оказались несостоятельными и надежды американских империалистов сохранить монополию на ядерное оружие. Такое оружие было разработано в Советском Союзе. Ядерная монополия США была ликвидирована. Г. Трумэн по этому поводу сделал следующую запись в своих мемуарах: «Нашей монополии пришел конец. Он пришел скорее, чем ожидали наши эксперты»³. Создание в Советском Союзе мощных межконтинентальных баллистических ракет рассеяло в прах надежды американских империалистов на глобальный экспорт контрреволюций. Мировая ракетно-ядерная война стала опасна для мирового империализма.

¹ Bryant A. Triumph in the West 1943—1946. Based on the Diaries of Field Marshal Alanbrooke. London, 1959, p. 469.

² См.: Правда, 1981, 13 июля.

³ Truman H. Memoirs. New York, 1956, vol. 2, p. 306.

Однако основная стратегическая цель империалистической реакции оставалась и поныне остается неизменной: ослабить социализм, подорвать единство стран социалистического содружества, продолжать подготовку к войне, при случае попытаться уничтожить военным путем Советский Союз и укрепить свои позиции на мировой арене. Примерное равновесие в области вооружений вынудило правящие круги США внести существенные изменения в свои агрессивные планы, но это не изменило конечных целей американского и международного империализма.

Со времени разработки плана «Дропшот» в Пентагоне продолжают задавать тон люди, настаивающие на политике ядерной войны. Так что не Советский Союз «приближает час мировой войны», как это пытаются представить некоторые политические деятели Запада, а те силы, которые связывают с ней свои абсурдные надежды повернуть вспять колесо истории.

Государственная внешнеполитическая доктрина США делает ставку на использование силы во имя корыстных интересов монополистического капитала.

«Мир на основе силы, — утверждает президент США Р. Рейган, — это отнюдь не лозунг, а жизненный факт... Военная сила, будь то в прямом или косвенном применении, должна оставаться одним из элементов американской внешней политики»¹.

Американский империализм, пренебрегая уроками истории, продолжает курс на завоевание мирового господства. Американские политологи Ч. Кегли и Ю. Уиткопф, анализируя внешнюю политику США, сделали вывод: «Что бы ни происходило в прошлом, теперь американская политика исходит из главной предпосылки — доминировать в мире, добиваться бесспорного мирового лидерства, опираясь прежде всего на свою военную мощь»². События в Африке, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке свидетельствуют об агрессивных действиях американского империализма.

«Цитадель международной реакции — империализм США, — указывается в новой редакции Программы КПСС. — Именно от него прежде всего исходит угроза войны. Претендуя на мировое господство, он самозванно объявляет целые континенты зонами своих «жизненных интересов». Проводимая им политика гегемонизма, диктата, навязывания неравноправных отношений с другими государствами, поддержки репрессивных антинародных режимов, дискриминации неугодных США стран дезорганизует межгосударственные экономические и политические отношения, препятствует их нормальному развитию»³.

В борьбе за мировое господство американский империализм ставит своей задачей уничтожение социалистического общества. Это открыто провозгласил президент США, объявив «крестовый

¹ Цит. по: Правда, 1984, 20 апр.

² Kegley Ch., Wittkopf E. American Foreign Policy. New York, 1980, p. 429.

³ Материалы XXVII съезда КПСС, с. 132.

поход» мировой реакции против социализма. В заявлении Рейгана бросается в глаза не только сходство с лозунгами фашистских агрессоров, но даже дословное их повторение. В бюллетене министерства иностранных дел фашистской Германии от 29 июня 1941 г. говорилось: «Борьба Германии против Москвы станет крестовым походом Европы против большевизма»¹.

Воинственные декларации президента США находят свое воплощение в официальных документах военного ведомства. В директивах Пентагона в области обороны на 1984—1988 гг. сформулирована задача «уничтожения социализма как общественно-политической системы». В этом документе указывается: «Стратегия ядерной войны будет основана на так называемом обезглавливании, то есть нанесении ударов по советскому политическому и военному руководству и линиям связи»². В вышедшей в 1983 г. книге двух американских исследователей П. Прингла и У. Аркина, посвященной планам ядерной войны Пентагона, констатируется: «При Рейгане уже больше не притворяются, будто у Соединенных Штатов нет планов стереть Советский Союз с лица земли... Нет больше разговоров о том, чтобы пощадить города противника и объявить целями только «военные объекты». Администрация Рейгана чужда подобная ядерная щепетильность»³.

Бывший командующий военно-морскими силами США адмирал Э. Замуолт в сборнике «Большая стратегия на 80-е годы» писал: «Советский Союз, несомненно, является главным антагонистом Соединенных Штатов... Сегодня и на foreseeable будущее главным препятствием на пути к достижению целей Америки является Советский Союз». Адмирал призывает «мобилизовать все политические и экономические силы для обеспечения наших интересов и расстройтва интересов Советского Союза»⁴.

В кругах Пентагона и военного бизнеса не отказались от «мыслей о неммыслимом», то есть от развязывания ядерного конфликта с Советским Союзом.

С приходом к власти в 1981 г. администрации Р. Рейгана осуществляется новый крутой виток в гонке вооружений США и их союзников по НАТО. Об этом прежде всего свидетельствует решение о размещении ракет средней дальности в Европе, производстве химического и нейтронного оружия, создающее новые угрозы безопасности народов.

Американский империализм открыто стремится к изменению сложившегося военно-стратегического равновесия и достижению превосходства над СССР. Правительство Соединенных Штатов Америки взяло курс на беспрецедентное наращивание вооружений и вооруженных сил. В соответствии с так называемой «всеобъемлющей стратегической программой», обнародованной пре-

¹ Цит. по: „Unternehmen Barbarossa“, S. 122.

² Международная жизнь, 1984, № 1, с. 10; № 10, с. 39.

³ Правда, 1984, 20 апр.

⁴ Grand Strategy for the 1980s. Washington, 1978, p. 28, 51.

зидентом США Р. Рейганом в октябре 1981 г., был взят курс на самое крупное по масштабам за последние 30 лет развитие «стратегической триады» — ракет наземного и морского базирования и стратегической авиации.

Особенно опасны планы Пентагона по использованию космоса для достижения военно-стратегических целей американского империализма. Долговременная программа милитаризации космоса, разрабатываемая американской военщиной, создает новые преграды на пути прекращения гонки вооружений, увеличивает вероятность возникновения ракетно-ядерной войны.

«Мир капитала не отрешился от идеологии и политики гегемонизма, его правителей еще не оставляет надежда на социальный реванш, они продолжают тешить себя иллюзиями силового превосходства»¹, — говорится в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии.

Военно-стратегические планы Пентагона по подготовке войны против стран социализма дополняются и обеспечиваются действиями пропагандистской машины американского империализма, направленными на обработку общественного мнения. В умы людей внедряется мысль о допустимости и приемлемости ядерного конфликта. Немалую роль в идеологической подготовке войны играют реакционные историки и политологи.

«Мы должны признать, что следующая война, где-либо и когда-либо, любого характера, вполне и совершенно возможна, — утверждает Х. Болдуин. — Поэтому военная мощь нации в век атомных бомб и межконтинентальных ракет остается существенной, а может быть, и еще более существенной, чем когда-либо»².

В 1980 г. консультант госдепартамента Колин Грей писал в журнале «Форин полиси»: «...победа или поражение в ядерной войне возможны, и такую войну, вероятно, придется вести до победы или поражения. ...США должны нанести поражение Советскому Союзу, причем с такими потерями, которые не исключали бы возможность послевоенного восстановления США»³.

Считая военную силу главным средством для осуществления своих агрессивных замыслов, американские империалисты надеются достигнуть военного превосходства США над другими странами мира и изменить в свою пользу сложившееся равновесие в военной мощи между США и СССР, блоком НАТО и странами Варшавского Договора. Одна за другой появляются военно-стратегические концепции и доктрины о приемлемости термоядерной войны, о возможности победы в ядерном конфликте, о необходимости подготовки США как к «ограниченному», так и «затяжному» варианту такой войны.

Ставка на военную силу — старый разбойничий принцип эксплуататоров — в последней четверти XX в., когда империалисти-

¹ Материалы XXVII съезда КПСС, с. 4.

² Baldwin H. The Price of Power. New York, 1976, p. 19.

³ Foreign Policy, Summer 1980, p. 20—21.

ческому лагерю противостоит могучее сплоченное содружество социалистических государств, является глубоко авантюристичной и представляет угрозу всему человечеству.

XXVII съезд КПСС подчеркнул, что политика тотального противоборства и военной конфронтации, которую проводят империалистические державы по отношению к социалистическим странам, не имеет будущего. Концепция неизбежности войны и применения вооруженного насилия социализм противопоставляет развернутую программу мира и международной безопасности.

Главная цель международной стратегии КПСС и Советского государства состоит в том, чтобы обеспечить советскому народу возможность трудиться по осуществлению планов социально-экономического развития социалистического общества в условиях прочного мира.

Исходя из реального положения в мировом сообществе, учитывая конкретные особенности современного этапа международного развития, XXVII съезд КПСС разработал программу создания всеобъемлющей системы международной безопасности. В резолюции, принятой съездом по Политическому докладу ЦК КПСС, говорится: «Силы мира и прогресса во всем мире могут нейтрализовать исходящую от империализма угрозу, остановить сползание мира к грани ядерной пропасти, предотвратить превращение космоса в поле боя. Человеческая жизнь, возможности ее всестороннего раскрытия, интересы общественного развития — превыше всего. На это съезд ориентирует практическую деятельность КПСС и Советского государства»¹.

3. Фальсификаторы истории на службе реакции и агрессии

Страна Советов с первого дня своего рождения встала на путь борьбы за прочный мир на земле. Вот уже семь десятилетий она твердо следует этим курсом. Никакие провокации, козни и угрозы империализма не сбывают Советский Союз и его союзников с избранного пути. Только за послевоенные годы СССР выдвинул более ста предложений, направленных на то, чтобы остановить гонку вооружений, добиться разоружения, обеспечить безопасность народов. Эта политика уже принесла ощутимые результаты, и главный из них тот, что более четырех десятилетий человечество не знает ужасов мировых войн.

Широкой поддержкой во всем мире встречено Заявление М. С. Горбачева от 15 января 1986 года, в котором содержится комплекс инициатив, направленных на ликвидацию ядерного, химического и других видов оружия массового уничтожения до конца нынешнего столетия².

¹ Материалы XXVII съезда КПСС, с. 100.

² Правда, 1987, 11, 14 янв.

Иную политику проводят реакционные силы империализма. За два с небольшим столетия своего существования США вели захватнические войны против почти 50 стран в Европе, Азии, Африке, Северной и Южной Америке, осуществили многие сотни карательных операций против народов колониальных и зависимых стран. За послевоенные годы силы агрессии и милитаризма развязали около 150 локальных войн и военных конфликтов, жертвами которых стали более 25 млн. человек. За период с 1946 по 1982 г. США 250 раз прямо или косвенно прибегали к использованию вооруженных сил и угрожали другим странам военным вмешательством. 19 раз в Вашингтоне обсуждался вопрос о непосредственном применении ядерного оружия, и мир, таким образом, ставился на грань ядерной катастрофы¹.

Среди «научных» разработок, которые на основе «исторического опыта» готовятся в США и некоторых других капиталистических странах, существует направление, прямо нацеленное на разжигание новой войны.

Немалое место в этом направлении занимают фальсификация итогов и уроков второй мировой войны, подстрекательство к войне против СССР, реабилитация преступлений фашистских захватчиков, пропаганда реваншизма и антисоветизма.

В русле подготовки новой войны против Советского Союза, всех революционных сил современности, конкретных планов ее ведения, рассчитанных на уничтожение десятков и сотен миллионов людей, следует рассматривать деятельность реакционных историков, направленную на реабилитацию преступлений фашизма. Оружие фальсификаторов и здесь — ложь, клевета, подлог, провокации, организуемые с участием ЦРУ и других подрывных центров.

Характерны многолетние спекуляции реакционной пропаганды вокруг «Катынского дела», попытки обвинить «советские органы НКВД» в гибели 11 тыс. польских офицеров, зверски уничтоженных гитлеровцами осенью 1941 г. в Катынском лесу под Смоленском.

История этих спекуляций весьма примечательна. Они заимствованы из фальшивки, распространенной ведомством Геббельса весной 1943 г. в преддверии освобождения Советской Армией Смоленска и неизбежного разоблачения фашистских извергов как виновников еще одного совершенного ими преступления — массового убийства военнопленных поляков. «Геббельсовские клеветники», — говорилось в официальном советском сообщении, опубликованном 16 апреля 1943 г., — в течение последних двух-трех дней распространяют гнусные клеветнические измышления о якобы имевшем место весной 1940 г. в районе Смоленска массовом расстреле советскими органами польских офицеров... Немецко-фашистские сообщения по этому поводу не оставляют никакого сомнения в трагической судьбе бывших польских военнопленных,

¹ См.: Откуда исходит угроза миру. М., 1987, с. 95.

находившихся в 1941 году в районах западнее Смоленска на строительных работах и попавших вместе со многими советскими людьми, жителями Смоленской области, в руки немецко-фашистских палачей... Немецко-фашистским убийцам... истребительным в самой Польше многие сотни тысяч польских граждан, никого не удастся обмануть своей подлой ложью и клеветой»¹.

Дальнейшие события показали, что геббельсовская фальшивка преследовала далеко идущие цели — внести раскол в антигитлеровскую коалицию и обеспечить благоприятные внешнеполитические условия для летнего наступления на советско-германском фронте (подготовка к проведению операции «Цитадель» — наступлению вермахта на Курской дуге — началась в марте 1943 г.). «Германская пропаганда, — писал У. Черчилль, — создала эту историю именно для того, чтобы вызвать трещину в рядах Объединенных Наций...»²

Но британский премьер вел двойную игру, всячески стремясь после решающей победы Советской Армии под Сталинградом ослабить позиции СССР в антигитлеровской коалиции. Не без ведома Черчилля польское буржуазно-помещичье эмигрантское правительство, обосновавшееся в Лондоне, подхватило измышления геббельсовской пропаганды. Оно опубликовало заявление, содержащее клевету на СССР, и практически одновременно с гитлеровцами обратилось в Международный Красный Крест с просьбой о проведении расследования на месте, то есть в Катынском лесу, на территории, в то время оккупированной гитлеровцами и находившейся под их контролем, что было на руку только фашистским преступникам.

«То обстоятельство, — писал И. В. Сталин У. Черчиллю и Ф. Рузвельту, — что враждебная кампания против Советского Союза начата одновременно в немецкой и польской печати и ведется в одном и том же плане, — это обстоятельство не оставляет сомнения в том, что между врагом союзников — Гитлером и правительством г. Сикорского имеется контакт и сговор в проведении этой враждебной кампании»³. Антисоветские действия польского эмигрантского правительства в Лондоне вынудили СССР прервать с ним отношения.

Английская «Таймс» отмечала, что возникло много вопросов: «Как могли немцы, почти два года оккупирующие данный район, только теперь обнаружить могилы?.. Они убили многие тысячи поляков и гордятся этим. Не пытаются ли они использовать новое убийство в собственных интересах? Почему их рассказы об обнаружении трупов столь расходятся между собой? Сперва они заявили, что слышали об убийствах два года назад, немного позже — что услышали о них только в конце марта 1943 г. Их подсчеты трупов варьировались от 1200 до 15 тысяч. Они знают, что

¹ Правда, 1943, 16 апр.

² Переписка Председателя Совета Министров СССР..., т. 1, с. 149.

³ Там же, с. 145.

никакое независимое и тщательное расследование в создавшейся ситуации невозможно, и чувствуют себя свободными сочинять все, что им придет в голову»¹.

Сразу после освобождения Смоленска Советской Армией в сентябре 1943 г. расследованием обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками военнопленных поляков в Катынском лесу занималась специальная комиссия, созданная Советским правительством. В состав комиссии вошли видные судебно-медицинские эксперты и представители общественности, среди них академик Н. Н. Бурденко, нарком просвещения академик В. П. Потемкин, писатель Алексей Толстой, митрополит московский Николай и др.

«...Из всех материалов, находящихся в распоряжении Специальной Комиссии, — указывается в опубликованных ею результатах расследования, — а именно — показаний свыше ста опрошенных ею свидетелей, данных судебно-медицинской экспертизы, документов и вещественных доказательств, извлеченных из могил Катынского леса, с неопровержимой ясностью вытекают следующие выводы:

...6. Данными судебно-медицинской экспертизы с несомненностью устанавливается:

а) время расстрела — осень 1941 года;

б) применение немцами палачами при расстреле польских военнопленных того же способа pistolетного выстрела в затылок, который применялся ими при массовых убийствах советских граждан в других городах, в частности, в Орле, Воронеже, Краснодаре и в том же Смоленске...

7. Выводы из свидетельских показаний и судебно-медицинской экспертизы о расстреле немцами военнопленных поляков осенью 1941 года полностью подтверждаются вещественными доказательствами и документами, извлеченными из катынских могил.

8. Расстреливая польских военнопленных в Катынском лесу, немецко-фашистские захватчики последовательно осуществляли свою политику физического уничтожения славянских народов»².

15 января 1944 г. с преступлениями нацистов в Катынском лесу ознакомилась на месте большая группа западных журналистов, среди которых находился и корреспондент английской газеты «Санди Таймс» А. Верт, впоследствии видный историк. Подробно излагая свою точку зрения о советско-польских отношениях в годы войны, А. Верт, касаясь «Катынского дела», в частности, подчеркнул, что «...поляки были убиты немцами

¹ The Times, 1943, 28 apr.

² Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками, т. 3, с. 69—70. Подробнее см.: М о н и н М. К истории «Катынского дела». — Военно-исторический журнал, 1982, № 2, с. 67—73.

пулями — факт, который, судя по его дневнику, сильно беспокоил Геббельса»¹.

Полностью выводы комиссии и другие материалы, связанные с «Катынским делом», широко публиковались в печати и были приняты в качестве официальных документов процесса над главными нацистскими военными преступниками в Нюрнберге (Документы СССР — 54, 507; документ 402 ПС; Документ СССР — 507/402 ПС и др.).

Тем не менее усилиями госдепартамента США и различных диверсионных антисоциалистических центров, действующих на Западе, геббельсовская версия о событиях в Катынском лесу была гальванизирована во враждебных социализму целях и направлена на то, чтобы подорвать братские отношения между СССР и социалистической Польшей. Взятая на вооружение контрреволюционными лидерами «Солидарности» ядовитая геббельсовская ложь использовалась для провоцирования антисоветских и антиправительственных настроений среди неосведомленных в истории поляков. При этом сам факт совершения гитлеровцами преступного злодеяния в Катынском лесу полностью замалчивался.

Но попытки врагов советско-польской дружбы нанести ей серьезный ущерб, в том числе гнусными спекуляциями на трагической судьбе польских офицеров, уничтоженных гитлеровцами, обречены на провал.

Целям реабилитации преступлений гитлеровцев и в то же время клеветы на Советский Союз подчинена также ведущаяся вот уже много лет кампания вокруг немецких военнопленных периода второй мировой войны. В последнее десятилетие ее «документальной базой» является изданный в ФРГ 15-томный (22 книги) сборник «К истории немецких военнопленных второй мировой войны»². Сборник содержит пространное описание жизни немецких военнопленных в СССР, Югославии, Польше, Чехословакии, США, Великобритании, во Франции и в некоторых других странах. Основная часть «исследования» (7 томов) посвящена жизни немецких военнопленных в Советском Союзе. Искажая факты и события, его авторы вначале пытаются доказать, что СССР по отношению к немецким военнопленным не соблюдал международные правовые нормы, что их жизнь в плену представляла сплошную пытку. Аналогично преподносится жизнь военнопленных в Польше, Чехословакии и Югославии.

Разгром фашистского вермахта и пленение его солдат, офицеров и генералов явились закономерным итогом гитлеровской агрессии против Советского государства, Советский Союз, посмо-

¹ Верт А. Россия в войне 1941—1945. М., 1967, с. 479—480. «В любом случае важно, — записал Геббельс в своем дневнике 8 мая 1943 г., — чтобы этот факт держался в строжайшем секрете. Если это станет известным врагу, все «Катынское дело» будет поставлено под сомнение» (The Goebbels Diary. New York, 1948, p. 354).

² Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des 2. Weltkrieges. München, 1962—1974, Bd. 1—15.

тря на тягчайшие преступления, совершенные гитлеровцами на его территории, руководствовался принципами гуманности и пролетарского интернационализма в обращении с военнопленными вермахта, строго соблюдая международные соглашения. В условиях огромных материальных трудностей, которые испытывало в результате фашистского нашествия наше государство, немецкие и другие военнопленные армий фашистского блока обеспечивались всеми жизненно необходимыми видами довольствия, медицинской и другой помощью.

Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 1 июля 1941 г. было утверждено «Положение о военнопленных», согласно которому последним гарантировалась жизнь, определялись порядок и правила их содержания.

Это «Положение» неоднократно подтверждалось в приказах Народного комиссара обороны СССР И. В. Сталина. Так, в приказе № 55 от 23 февраля 1942 г. подчеркивалось: «Красная Армия берет в плен немецких солдат и офицеров, если они сдаются в плен, и сохраняет им жизнь»¹. В качестве дополнения к «Положению» 11 июня 1943 г. издана директива начальника Генерального штаба Красной Армии, в которой перечислялись льготы для добровольно сдавшихся в плен: повышенная норма питания; размещение в специальных лагерях; преимущество в выборе работы по специальности и отправке писем родным; внеочередное возвращение на родину или (по желанию военнопленного) в другую страну немедленно после окончания войны². Советское командование строго выполняло требования этих документов. В стационарных лагерях в глубоком тылу СССР военнопленные обеспечивались всем необходимым, а работающие и деньгами.

Убедительным доказательством гуманного отношения к немецким солдатам, офицерам и генералам в советском плену, точного выполнения Советским правительством и командованием Советской Армии международных норм отношения к военнопленным являются тысячи подлинных заявлений последних, сделанных открыто в разное время представителями различных классов и социальных групп. Среди них подавляющее большинство от лиц немецкой национальности.

В совместном заявлении группы немецких генералов и офицеров, специально выступивших по этому вопросу, говорилось:

«На протяжении почти двух лет мы имели возможность ознакомиться с различными лагерями военнопленных и смогли убедиться, что лагеря расположены в здоровой местности и производят хорошее, опрятное впечатление как по внешнему виду, так и по внутреннему устройству...

Работа военнопленных на вредных производствах не допускается. Рабочий день длится обычно 8—9 часов; в воскресенье, как правило, не работают.

¹ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза, с. 48.

² См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 7, с. 251.

Состояние здоровья военнопленных вполне хорошее. Военнопленные, работающие на русских предприятиях, получают специальные, часто довольно значительные, дополнительные продовольственные пайки. Военнопленные с благодарностью отмечают заботливое санитарное и медицинское обслуживание со стороны русских и немецких врачей...

Мы констатируем и заявляем, что с военнопленными обращаются в соответствии с международными соглашениями и обычаями.

Военнопленные солдаты и офицеры уверены, что после войны они здоровыми и работоспособными благополучно вернутся на родину».

Заявление 8 ноября 1944 г. подписали: командир 376 пд генерал-лейтенант Эдлер фон Даниельс, командир 14 тк генерал-лейтенант Хельмут Шлеммер, командир 12 ак генерал-лейтенант Винцент Мюллер, командир 295 пд генерал-майор Отто Корфес, командир 305 пд полковник Альбрехт Сцимайтис, командир 24 тд генерал-майор Арно фон Ленски, командир 3-й бомбардировочной эскадры подполковник Левес-Литцман, обер-лейтенант Еско фон Путткамер из 24 тд¹.

2 декабря 1985 г. газета «Правда» опубликовала выдержки из письма гражданина ГДР Ганса-Диттера Валай. Автор его был военнопленным и работал на восстановлении одного из заводов на Украине. «В год 40-летия великой победы над гитлеровским фашизмом, — пишет Ганс-Диттер Валай, — мне хочется сказать рабочим этого города и завода сердечное спасибо. Я многому у вас научился — на всю жизнь. Благодаря этому я после плена смог принять участие в строительстве новой, социалистической Германии. Мои русские и украинские друзья были верные, честные и веселые люди». Ганс-Диттер Валай работал в Советском Союзе не по своей воле. Плен есть плен. Но отношение советских властей к немецким военнопленным определялось нормами международного права.

Авторы сборника «К истории немецких военнопленных» игнорируют подобные заявления и преподносят под видом правды ложь об «ужасах русского плена».

Антисоветские измышления используются для того, чтобы оправдать варварское отношение к военнопленным гитлеровцев и их пособников. Преступления фашистской клики по отношению к военнопленным общеизвестны. Эти преступления осуждены на Нюрнбергском процессе, и авторы сборника вынуждены хотя бы вскользь о них упоминать. В сборнике протаскивается тезис о том, что преступления по отношению к советским военнопленным носили «эпизодический» характер и якобы не отражают фактического положения людей, оказавшихся в немецко-фашистском плену. Однако факты говорят о другом.

¹ См.: Оружием правды. М., 1971, с. 292—293.

История не знает более диких преступлений, чем те, которые совершали фашисты, прокладывая дорогу к осуществлению своих захватнических целей. Освенцим, Майданек, Трелинка, Дахау, Маутхаузен, Бухенвальд, Равенсбрюк — эти и другие названия центров фашистской «индустрии» смерти, где было истреблено свыше 11 млн. граждан Советского Союза, Польши, Франции, Югославии, Чехословакии, Голландии, Бельгии и других стран Европы, никогда не исчезнут из памяти народов.

Сохранились многочисленные документы, изобличающие изуверские деяния фашистов. Так, в приказе главнокомандующего 6-й армией генерал-фельдмаршала Рейхенау «О поведении войск на Востоке» записано: «Снабжение питанием местных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью»¹. В соответствии с указанием ОКВ от 8 сентября 1941 г. об организации лагерей и обращении с военнопленными в ходе операции «Барбаросса» предписывалось считать «применение оружия в отношении советских военнопленных в большинстве случаев правоммерным»². Военный историк ГДР Г. Кюнрих приводит данные о многочисленных убийствах советских военнопленных в лагерях. Уничтожение советских военнопленных приняло огромные масштабы. Многие тысячи пали жертвами фашистских бандитов. В течение нескольких недель в Бухенвальде было расстреляно 8483 человека, в Заксенхаузене — 18 000, в Маутхаузене — более 4000 и в Дахау — до 14 000 человек³.

Политика официальных органов фашистского рейха и командования вермахта по отношению к советским военнопленным наглядно раскрывает человеконенавистническую сущность фашизма. Эта политика являлась составной частью геноцида по отношению к советскому народу. Но для фальсификаторов истории истины не существует. Военный историк из ФРГ И. Гоффман просто-напросто отвергает эти факты и бесстыдно пишет, что условия жизни в нацистских концлагерях для военнопленных были «достаточно хорошие, чтобы сохранить жизнь и здоровье людей». Подобные утверждения насквозь лживы.

Дикое зверство совершала по отношению к китайским, американским, английским и другим военнопленным японская военщина. Приказ японского командования гласил, что военнопленные «уничтожаются либо поодиночке, либо группами путем бомбежки, отравления ядовитыми дымами, ядами, утопления, обезглавливания или уничтожения другими средствами, в зависимости от обстановки». В одном только лагере О'Доннелл с апреля по декабрь 1942 г. погибло не менее 27 тыс. американцев и филиппинцев. Всюду на оккупированных японцами территориях в лагерях для военнопленных и интернированных гражданских лиц

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками, т. 3, с. 345.

² Zentrales Staatsarchiv, Potsdam, Fall 12, Bd. 169, Bl. 195.

³ Künrich H. Der KZ — Staat. Berlin, 1980. S. 138, 143.

царил тот же режим, стиравший грань между тюремщиками и хищным зверьем. Но двуногие звери заметно превосходили обитателей джунглей в проявлениях садизма¹.

Тем не менее в наши дни предпринимаются усилия, чтобы все это было забыто. В Англии открыли фашистский концлагерь-музей, в котором любители острых ощущений могут провести три дня в «настоящих» бараках, спать на нарах под охраной стражей из охранников в эсэсовской форме и в конечном итоге прийти к выводу, что с ними ничего не случилось. Все это представляет собой глумление над историей и человеческой памятью, в том числе над памятью о своих соотечественниках, немалое число которых погибло в германских и японских лагерях смерти.

Мар итальянского города Мардзаботто Д. Круикки рассказывал, что вот уже более 20 лет в ФРГ и в Австрии ведется бесстыдная кампания, мишенью которой служит трагедия жителей этого города, зверски уничтоженных эсэсовцами в сентябре 1944 г. Появились две книги — «Ложь о Мардзаботто» и «Мардзаботто — всемирный обман», обеляющие фашистских преступников. Западногерманская газета «Ди Вельт» поместила статью, в которой военный преступник и палач В. Редер, организовавший кровавую расправу, характеризуется как «храбрый солдат», оказавшийся «безвиной жертвой заговора итальянских коммунистов»².

В январе 1985 г. итальянские власти под предлогом «пошатнувшегося здоровья» освободили бывшего штурмбанфюрера СС, командира разведбатальона дивизии СС «Рейхсфюрер», палача Мардзаботто В. Редера, осужденного к пожизненному тюремному заключению. Реакционный французский еженедельник «Ривероль» назвал «сказкой» сообщения о гибели миллионов заключенных в гитлеровских концлагерях. Затем в парижском журнале «Экспресс» появилось интервью, из которого следовало, что газовых камер вообще не было и «убивали только вшей».

В этом же контексте следует рассматривать кампанию, направленную против Нюрнбергского и Токийского процессов над главными военными преступниками. Эти процессы разоблачили человеконенавистническую сущность германского фашизма и японского милитаризма, их кровавые преступления, чудовищные замыслы уничтожения целых народов и государств. В приговоре Международного трибунала в Нюрнберге особо указано, что «развязывание агрессивной войны является... тягчайшим международным преступлением, которое отличается от других военных преступлений только тем, что содержит в себе в сконцентрированном виде зло, содержащееся в каждом из остальных»³. 11 главных немецких и 7 японских военных преступников, вклю-

¹ См.: Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б. Суд в Токио. М., 1978, с. 523, 525, 538.

² См.: Коммунист, 1980, № 15, с. 97—100.

³ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. М., 1961, т. 7, с. 327.

чая бывших руководителей правительств, вооруженных сил и дипломатических ведомств, за развязывание войны и другие совершенные злодеяния перед человечеством были приговорены к смертной казни и повешены. Другие осуждены на различные сроки тюремного заключения. Приговоры трибуналов явно беспокоят современных поджигателей войны. Выполняя их заказ, ряд западных историков взялся дискредитировать Нюрнбергский и Токийский процессы. Характерна аргументация: «Ложь о виновности (осужденных преступников. — *Прим. авт.*) в развязывании войны, — пишет Г. Хертле из ФРГ, — уже давно направлена не только против «прусского милитаризма» прошлого, но и против оборонной мощи Федеративной Республики Германии, против германского бундесвера». Французский журнал «Лектор франсез», обращаясь к молодым читателям, которые не знают «ужасных лет войны» и от которых «скрывают правду», писал: «В Нюрнберге повесили тех, кого трибунал, созданный победителями, признал виновными в подготовке и развязывании конфликта, потрясшего Запад. Но осужденные не являлись единственными виновниками войны. Были и другие, но верховный суд их не судил». Главными виновниками войны этот профашистский журнал объявляет... коммунистов, которым содействовали... Черчилль, Иден, Рейно и Рузвельт, проводившие «просоветскую» политику¹.

Нападки на решение предать суду германских и японских военных преступников можно встретить не только у неофашистов. Они все чаще появляются в работах американских, английских и французских историков, проповедаются в школах. В учебном пособии «В поисках самоопределения. Новейшая история Америки», изданном в США, авторы отвергают законность решения о наказании военных преступников под тем предлогом, что «нельзя судить за действия, за которые не было предусмотрено наказания в момент совершения преступления»², хотя существовали и существуют международные правовые нормы, которые определяли как преступные действия, нарушавшие законы и обычаи войны. Эти нормы были закреплены в международных конвенциях, принятых Гаагскими конференциями 1899 г. и 1907 г. и Женевской конференцией 1929 г. В 1943 г. союзники опубликовали Московскую декларацию об ответственности гитлеровцев за совершенные преступления. На Крымской конференции в 1945 г. в развитие этой декларации было принято решение о наказании военных преступников. Таким образом, существовала полная юридическая основа для судебного преследования военных преступников. Но эту сторону проблемы буржуазные фальсификаторы, обманывая своих читателей, тщательно скры-

¹ Lectures Françaises. Numéro spécial. Paris, 1975, mai, p. 5.

² Wilz J. The Search for Identity: Modern American History. New York, 1977, p. 632—633.

вают, поскольку она разоблачает их попытки скомпрометировать процессы и реабилитировать преступников.

В США и в странах Западной Европы вот уж много лет не уменьшается поток публикаций о фашистском рейхе, о Гитлере и его сподручных. В связи с 50-летием захвата фашистами власти в Германии этот поток резко возрос. Характер этой литературы заметно отличается от публикаций первых десятилетий после окончания второй мировой войны. Если ранее, как правило, предпринимались попытки объяснить причины поражения Германии «ошибками фюрера», то ныне разворачивается кампания по реабилитации Гитлера и фашизма в целом.

Западногерманская газета «Дойче националь-цайтунг» поместила серию статей под общим заголовком «Жизнь и смерть Адольфа Гитлера», в которых фашистский режим в Германии назван «благодетелем немецкого народа», а Гитлер — «борцом за спасение от коммунизма». Буржуазные фальсификаторы истории твердят о «роковой ошибке» Черчилля и Рузвельта, якобы недооценивших Гитлера, который боролся с «азиатским большевизмом» во имя спасения Европы.

Кампания по реабилитации Гитлера в последние годы на Западе не только не уменьшается, но приобретает новый размах. В 1984 г. французский журнал «Пари-Матч» печатал на своих страницах книгу фашистского фюрера «Майн Кампф» под рубрикой «Книга, которая изменила лицо мира». Западногерманский журнал «Штерн» объявил о публикации дневников Гитлера. Новость с энтузиазмом встретили приверженцы старых и новых нацистов. Как было установлено, «дневники» Гитлера оказались фальшивкой.

Весной 1986 г. в Париже в Национальном центре искусства и культуры имени Жоржа Помпиду демонстрировалась выставка «Искусство и живопись Вены начала века», в которой экспонировались акварели... Адольфа Гитлера.

Американские реакционеры организуют пропаганду деятельности фашистского фюрера с большим размахом. Газета «Бостон геральд» сообщала, что в городе Плимут (штат Массачусетс) «влиятельные люди» намерены создать музей Гитлера, используя для этого яхту, принадлежавшую главарю третьего рейха. Деньги на реставрацию «реликвии» охотно жертвовали крупные бизнесмены.

Кампания по реабилитации фашизма, в первую очередь вермахта, проводится и в вооруженных силах ФРГ. В официальном документе «Бундесвер и традиции» командирам частей и соединений вменяется в обязанность пропагандировать традиции фашистского вермахта, которые, как следует из этого документа, должны служить «идеалом для молодого поколения солдат бундесвера».

«Хранить традиции означает не только вспоминать прошлое, но и сделать... прошлое плодотворным для нас, чтобы оно помо-

гало нам выдержать настоящее и будущее»¹, — вещал один из руководителей бундесвера генерал Мезьер.

В ФРГ на протяжении нескольких лет еженедельно выпускаются брошюры под общей рубрикой «Рассказы о пережитом. Из истории второй мировой войны», предназначенные для солдат бундесвера и гражданской молодежи. В этих брошюрах публикуются материалы о боевом пути частей и соединений вермахта, в популярной форме излагаются завоевательные кампании фашистской Германии, приводятся примеры «героических» деяний солдат и офицеров гитлеровского рейха. Фашистская кинохроника военных лет, прославляющая вермахт, регулярно демонстрируется по западногерманскому телевидению.

Командование бундесвера присваивает имена бывших нацистских генералов и офицеров, в том числе и военных преступников, казармам, в которых размещаются части нынешней западногерманской армии. Казарма в Миттенвальде носит имя генерала Кюблера, который за преступления, совершенные на территории Польши, Советского Союза, Югославии и Северной Италии, в 1947 г. югославским судом был приговорен к смертной казни. Имя военного преступника генерала Копрادا присвоено казарме бундесвера в Бад-Рейхенхалле. Таких примеров немало. В бундесвере также практикуется именовать казармы по названиям местности и городов, которые отошли в результате второй мировой войны к Польше, СССР и Чехословакии. Такие названия, как «Померания», «Восточная Пруссия», «Остмарк», «Танненберг», «Бреслау», по мысли руководителей бундесвера, должны воспитывать западногерманских солдат в духе реваншизма. Газета западногерманских коммунистов «Унзере Цайт» сообщала в январе 1981 г., что в казармах бундесвера в Дегерндорфе на Инне солдат знакомят с картой «великой империи», в которую включены ГДР, польские, чехословацкие и советские земли². Командование бундесвера поощряет связи частей и соединений с организациями бывших эсэсовцев и военнослужащих вермахта. Такие связи призваны навязывать молодым солдатам идею о «героическом боевом прошлом» западногерманской армии. Газета «Дойче националь-цайтунг» писала: «Борьба против коммунизма сегодня не может быть убедительной без подобающего признания тех, кто с оружием в руках боролся против коммунизма вчера»³.

Чеканка памятных медалей в Западной Германии стала одной из распространенных форм пропаганды фашизма. В 1981 г. в Мюнхене в серии «Выдающиеся личности немецкой истории» была выпущена медаль в честь Р. Гесса, который входит в число главных военных преступников и осужден Нюрнбергским трибуналом к пожизненному заключению. В заявлении МИД СССР, сделанном 4 августа 1981 г. посольству ФРГ в Москве, указы-

¹ Frankfurter Allgemeine Zeitung, 1970, April 18.

² См.: Правда, 1981, 13 янв.

³ Цит. по: Красная звезда, 1979, 27 марта.

валось, что выпуск и распространение упомянутой медали представляет собой вызывающую акцию, нацеленную на оправдание преступлений и идей нацизма, а также самих главарой фашистской Германии, является оскорблением памяти миллионов погибших от гитлеровской агрессии¹.

В 1985 г. в ФРГ появился набор медалей под девизом «Историческая коллекция к 40-летию окончания войны». На самом деле медали, отчеканенные в золоте и серебре, посвящались не «окончанию войны», а самой войне, возвеличиванию «подвигов» вермахта.

В 1986 г. западногерманский министр обороны М. Вернер издал директиву «Об отношении бундесвера к традициям германской армии». В ней вновь подтверждается линия правящих кругов Бонна на использование «исторического опыта» фашистского вермахта для идеологической обработки солдат бундесвера. Согласно директиве предусматривается проведение в частях западногерманской армии встреч солдат и офицеров с бывшими нацистскими войками, использование знамен и штандартов частей вермахта на смотрах и парадах бундесвера. Напоминается решение министерства обороны ФРГ о присвоении отдельным частям, кораблям и самолетам имен фашистских военачальников².

Живучесть фашистских идей беспокоит общественность ФРГ и других стран. Нельзя признать правильным утверждения некоторых буржуазных историков и политологов о том, что фашизм стал якобы историей и в современных условиях не представляет какой-либо реальной угрозы для буржуазной демократии. Фашизм «достаточно» скомпрометировал себя во вторую мировую войну, и потому, мол, не стоит обращать серьезного внимания на деятельность неонацистов.

Подобный тезис таит большую опасность. В 20-е годы буржуазные авторитеты весьма скептически оценивали возможность прихода к власти в Германии Гитлера и его партии. В 30-е годы ярые сторонники политики «умиротворения» убеждали общественное мнение, что имеются основы для соглашения с фашистской Германией.

Трагические последствия этой близорукой политики известны. Обозреватель французской газеты «Монд» Э. Руссель писал 8 мая 1981 г.: «Через 36 лет после окончания второй мировой войны нас вновь преследуют призраки нацизма, разбуженные нелепой и коварной пропагандой, которая ставит целью оправдывать и даже восхвалять гитлеровское варварство. Очевидные факты, известные всем здравомыслящим людям, отрицаются горсткой фанатиков, незаконно присвоивших и позорящих имя историка»³.

¹ См.: Правда, 1981, 5 авг.

² См.: Комсомольская правда, 1986, 6 мая.

³ Le Monde, 1981, 8 mai.

В ходе второй мировой войны фашизм был разгромлен, но не были ликвидированы классовые корни его возрождения. Фашизм был и остается продуктом капиталистического строя в условиях обострения всех его противоречий.

Видный немецкий ученый, сотрудник Центрального института истории Академии наук ГДР Йохим Петцольд в своем труде «Фашизм. Режим преступления» с полным основанием отмечает: «Сохранение социальных отношений, породивших фашизм, обусловленный этим совершенно недостаточный расчет с фашистским прошлым привели к тому, что ФРГ во многих случаях проявляет себя как заповедник матерых фашистов и как экспериментальное поле для неонацизма»¹.

И сегодня было бы ошибочным отбрасывать опасность возрождения фашизма, постепенной трансформации буржуазно-демократических режимов в фашистские, установления в отдельных странах ничем не прикрытой военно-террористической диктатуры. События в Чили, ЮАР и ряде других стран показывают реальную возможность использования империалистической реакцией крайне реакционных режимов в борьбе с демократическим движением народных масс.

Фактически на поддержку неонацистских и неонацистских организаций была направлена кампания, развернувшаяся на Западе накануне 40-летия окончания войны в Европе. Под предлогом укрепления сотрудничества между европейскими народами, между США, Западной Европой и Японией стала усиленно проповедоваться идея «примирения» между бывшими противниками в годы второй мировой войны. По мнению газеты «Вашингтон пост», история доставляет много неприятностей нынешней американской администрации. Президент, замечает газета, «хочет держать историю под контролем», «наша дружба с Западной Германией требует, чтобы мы ходили на цыпочках вокруг прошлого»².

8 мая 1985 г. на специальной сессии Европейского парламента Рейган заявил, что по прошествии 40 лет не должно быть фейерверков и празднования победы³.

С призывом «примирения», «учитывая нынешнюю политическую обстановку и процветающее послевоенное партнерство Англии с Германией, Италией и Японией», выступила государственный министр иностранных дел по делам Содружества баронесса Ян⁴.

Западногерманские консерваторы открыто требовали «отмены» Дня Победы. Глава парламентской группы ХДС/ХСС в бундестаге А. Дреггер заявил: «8 мая 1945 года как историческая дата означает одну из крупнейших, если не крупнейшую вообще

¹ Petzold J. Faschismus. Regime des Verbrechens. Berlin (DDR), 1984, S. 151.

² См.: Правда, 1985, 15 апр.

³ См.: Известия, 1985, 10 мая.

⁴ См.: Новое время, 1985, № 8, с. 7.

катастрофу немецкой и европейской истории. А катастрофы праздновать нельзя»¹.

Гнев и возмущение мировой демократической общественности вызвала церемония возложения венков президентом США Рейганом на могилы эсэсовцев на военном кладбище в Битсбурге (ФРГ). Рейгана сопровождал генерал в отставке М. Риджуэй, а присутствовавшего на церемонии канцлера ФРГ Коля — бывший летчик гитлеровских ВВС генерал И. Штайнхоф.

«Пощечиной истории» назвал церемонию на кладбище в Битсбурге американский историк и публицист, автор известной книги «Подъем и падение третьего рейха» У. Ширер. «...Президент во всеуслышание заявлял, что эти немцы, погибшие в войне, являются жертвами нацизма в той же мере, что и люди, уничтоженные в печах концентрационных лагерей. Для меня это звучит дико»², — заявил ученый.

Демонстративный жест президента послужил примером. В сентябре 1985 г. в ФРГ происходила встреча бывших военнослужащих 70-й пехотной дивизии США с недобитыми войками 6-й горнострелковой дивизии СС «Норд». Под предлогом «примирения» бывшие противники, потягивая баварское пиво, вспоминали войну и оказывали «уважение» друг другу, перечеркивая страницы истории, на которых запечатлены преступления эсэсовцев.

Кампания по реабилитации фашизма, возрождение фашистской идеологии, ее приспособление к современным задачам империалистической реакции свидетельствуют о том, что опыт агрессивных фашистских государств не забыт лидерами сегодняшнего капиталистического мира. Газета американских коммунистов «Дейли уорлд» справедливо писала: «Психологический климат в США очень близок к тому, что царил в нацистской Германии в 1939 году, перед началом войны».

Американский империализм ныне выступает главным претендентом на мировое господство. Под флагом «защиты жизненных интересов США» развернута пропаганда, направленная на оправдание вмешательства США во внутренние дела других стран, культивируется миф об особой миссии США в руководстве миром. Г. Холл отмечал, что «идеологической сущностью американского империализма с самого начала был расистский шовинизм великой державы»³. Эта оценка верна и сегодня.

Агрессивные круги империализма, вознамерившись силой оружия повернуть вспять колесо истории, используют для маскировки своих планов те же методы, которыми пользовались для этого фашистские захватчики. Точно так же, как гитлеровская Германия и милитаристская Япония в 30—40-е годы пытались оправдать замыслы агрессии «советской военной угрозой», руководство США и их союзников по НАТО рассчитывает убедить население

¹ Новое время, 1985, № 17, с. 22.

² Международная жизнь, 1985, № 7, с. 78.

³ Hall G. Imperialism Today. New York, 1972, p. 143.

и личный состав своих вооруженных сил в том, что проводимая ими эскалация милитаристских приготовлений и «политика силы» — всего лишь поиски противовеса «советской военной мощи», которая-де угрожает Западу.

Миф о «советской военной угрозе» имеет длительную историю. Он зародился на Западе вскоре после победы Великой Октябрьской социалистической революции как средство маскировки преступных планов империалистов уничтожить молодую Страну Советов. Первым декретом Советского правительства был Декрет о мире, а первым внешнеполитическим актом — призыв ко всем народам и правительствам положить конец первой мировой войне, немедленно начать переговоры о мире. Но империалисты не ответили на этот призыв. У них были иные намерения. «Если с большевизмом в России немедленно не будет покончено, то возникнет угроза для цивилизации во всем мире»¹, — телеграфировал английский посланник из Советской России в Лондон. Лицемерно прикрываясь мифом об угрозе — этой идеологической ширмой, международный империализм развернул в 1918—1920 гг. военную интервенцию против Советской России.

В период между мировыми войнами миф о «советской опасности» не сходил со страниц книг, газет и журналов капиталистических стран. Он широко использовался правящими кругами фашистской Германии, выдававшими себя за защитников западной цивилизации, для подготовки войны. В августе 1936 г. в меморандуме об экономической подготовке к войне Гитлер заявил, что «Германия всегда будет рассматриваться как основной центр западного мира при отражении большевистского натиска»².

Ложь о «коварных замыслах Кремля» была использована пропагандой фашистской Германии, Англии и Франции для обработки общественного мнения в период позорного мюнхенского сговора. Геббельсовская пропаганда на все лады кричала, будто Чехословакия превратилась в авангард большевизма. Французское посольство в Берлине сообщало в Париж: «Пресса рейха не перестает утверждать, что Москва и коммунисты все больше и больше становятся подлинными вдохновителями и подстрекателями чехословацкой политики и что Чехословакия стала красной угрозой для Европы»³.

Миф о «советской военной угрозе» был в ходу во Франции и в Англии. Французский исследователь Г. Грассар в работе «Армия и ее драмы», характеризуя внутреннюю обстановку во Франции накануне второй мировой войны, писал: «Я хорошо знаю, что многие французы и англичане, запуганные видением Красного человека с ножом в зубах, считали национал-социализм мощным барьером против большевизма»⁴. Фашистский диктатор Венгрии

¹ Цит. по: Коммунист, 1979, № 17, с. 101.

² «Совершенно секретно! Только для командования!», с. 43.

³ Documents diplomatiques français 1932—1939, 2-e Série (1936—1939). Paris, 1977, t. XI, p. 445.

⁴ Groussard G. L'armée et ses drames. Paris, 1968, p. 35.

Хорти в ноябре 1939 г. заявил, что претворение в жизнь предложенного в 1918 г. французским маршалом Фошем плана о совместном походе всех европейских армий на Москву является «единственно возможным способом спасения Европы»¹.

После второй мировой войны миф о «советской военной угрозе» превратился в основную идеологическую платформу агрессивной реакционной политики империализма, направленной против СССР и других социалистических стран. Эпицентр распространения этого мифа переместился в США, взявшие на себя функции ударной силы империалистической реакции.

В США систематически публикуются материалы о росте «коммунистической опасности», об «угрозе нападения» со стороны СССР. Лидеры неонацистской организации «Общество Джона Берча» договорились до того, что якобы «США находятся на 60—80 процентов под коммунистическим контролем»².

В Нью-Йорке были опубликованы «Личные и политические мемуары» сенатора США Барри М. Голдуотера — того самого антисоветчика, который утверждал, что «лучше быть мертвым, чем красным», и заявлял о «правомерности новой мировой войны». «Обзор истории наших отношений с Советами, — писал этот махровый реакционер, — показывает, что те, кто испытывал страх перед коммунистической экспансией, были более чем обоснованы в своих утверждениях»³.

Миф о «советской угрозе» принят на вооружение администрации президента США Р. Рейгана и всячески поддерживается и раздувается американскими средствами массовой информации. Смысл следующих одна за другой пропагандистских антисоветских кампаний вполне очевиден — подготовить общественное мнение к враждебным действиям против СССР, прлучить людей к мысли о неизбежности войны с социалистическими государствами. Газета «Уолл-стрит джорнэл» писала: «Невольно возникает мысль, что рейгановская внешняя политика начинается и кончается навязчивой идеей о советской угрозе»⁴.

Видный английский историк М. Говард в книге «Причины войн» сделал вывод, что миф о «советской угрозе» не имеет реальных оснований и порожден особенностями внутреннего развития США. «В Западной Европе преобладает общее мнение, — пишет он, — что американская трактовка «советской угрозы» рождается скорее внутривнутриполитическими факторами, присущими самой Америке, — давлением военно-промышленного комплекса и в еще большей степени стремлением восстановить национальный

¹ Auf antisowjetischem Kriegskurs. Berlin, 1970, S. 101.

² Lipset S. The Politics of Unreason. Right Wing Extremism in America, 1970—1977. Chicago, 1978, p. 251.

³ Goldwater Barry M. With no Apologies. The Personal and Political Memoirs. New York, 1979, p. 129.

⁴ Цит. по: Международная жизнь, 1982, № 11, с. 85.

престиж после унижений Вьетнама и Уотергейта, нежели реальной политикой Советского Союза»¹.

Большую ложь о «советской угрозе» решительно опровергают американские коммунисты. В Отчетном докладе ЦК Коммунистической партии США на XXIII Национальном съезде партии указывалось: «Администрация Рейгана и сам Рейган стали самыми безудержными и оголтелыми поджигателями войны, самыми высокомерными, шовинистическими, фанатическими и лживыми антисоветчиками в истории. При Рейгане идеологическое наступление американского империализма принимает характер «крестового похода» против социализма, против всех прогрессивных сил в мире». В докладе Генеральный секретарь Коммунистической партии США Г. Холл подчеркнул, что большая ложь о «советской угрозе» используется правящими кругами США для того, чтобы обмануть простых людей Америки, «сбить их с толку, лишить возможности видеть подлинную причину опасности войны и стремления Пентагона и Рейгана добиться над Советским Союзом превосходства в ядерном оружии первого удара»².

Антисоветская ложь оказывает пагубное влияние на сознание людей на Западе. В результате целенаправленной антисоветской пропаганды, внушающей американцам, что СССР — «враг», угрожающий безопасности Америки, у многих сформировано искаженное представление о Советском Союзе, о его миролюбивой политике.

Подобные убеждения характерны не только для США. Западногерманский историк М. Барч отмечает, что «враждебное отношение к советскому коммунизму, которое внесено в сознание немцев геббельсовской пропагандой, сохранилось и поныне. Антикоммунизм и антисоветизм стали в Федеративной республике идеологией «холодной войны», они служат также оправданием гонки вооружений»³.

Реакционные буржуазные историки и публицисты пытаются изобразить «угрозой западному миру» даже нормализацию межгосударственных отношений между социалистическими и капиталистическими странами. Американский историк Р. Хоббс пишет: «Свободный мир, привыкший так твердо доверять словам «мирное сосуществование», дает возможность успокоить себя ложным чувством безопасности... Мирное сосуществование это война... Это современная версия империалистической войны»⁴. Аналогичными устрашениями пестрит вся реакционная пресса Запада. Профессор Гарвардского университета, один из сотрудников администрации Рейгана, антисоветчик Пайпс использует для вымыслов о «советской военной угрозе» надуманную им трактовку

¹ Цит. по: История: Научно-популярные очерки. М., 1985, с. 23.

² XXIII Национальный съезд Коммунистической партии США 10—13 ноября 1983 года. М., 1985, с. 15—16, 72.

³ Bartsh M., Schebesch H.-F., ScheppeImann R. Der Krieg im Osten, 1941—1945. Köln, 1981, S. 127.

⁴ H o b b s R. The Myth of Victory, p. 271.

выводов, которые сделал СССР из вероломного нападения фашистской Германии в 1941 г. Пайпс заявляет, что Советский Союз якобы взял курс на превентивную войну и намерен нанести упреждающий ядерный удар по США и их союзникам по НАТО»¹.

Поразительны совпадения стереотипов американской реакционной пропаганды с гитлеровской. «...Главная задача германской пропаганды, — признал на Нюрнбергском процессе Г. Фриче, один из ближайших помощников Геббельса, — заключалась в том, чтобы оправдать необходимость этого нападения, то есть все время подчеркивать, что мы лишь предвосхитили нападение Советского Союза... Следующая задача германской пропаганды заключалась в том, чтобы излагать почти то же самое, то есть все время подчеркивать, что не Германия, а Советский Союз ответствен за эту войну»².

В США и Западной Европе одна за другой выходят книги самого различного характера, от популярных «пэйпербэкс», предназначенных для массового читателя, до «научных исследований», в которых описываются различные варианты возникновения ракетно-ядерной войны. Разрабатывается целый ряд сценариев развязывания войны, где роль агрессоров отводится странам Варшавского Договора, и в первую очередь Советскому Союзу. На читателя обрушивается лавина фантастических предположений и «страшных» описаний: на города Европы и Америки падают советские ракеты с ядерными зарядами, советские танки прорвались к Ла-Маншу, под ракетно-ядерными ударами гибнет Япония, советский флот угрожает Австралии и Новой Зеландии и прочие «достоверные» подробности грядущих катастроф.

Вот один из таких «сценариев», опубликованный в 1978 г. в упоминавшейся книге К. Брауна и отнесенный им по времени к началу 50-х годов. «Третья мировая война началась... Союзники сумели кратковременно удержать фронт на Рейне, но он рухнул, когда 3 января войска маршала Малиновского захватили плацдармы в районе Везеля, там, где дивизии Монгомери форсировали реку в годы второй мировой войны... 6 января красный флаг был поднят над Парижем и другими странами Западной Европы»³.

Западногерманский писатель Ф. Хитцер приводит целый список книг, изданных в ФРГ, на тему «русские идут»: «Они придут», «Красное знамя над Бонном», «Поход против Федеративной республики», «Европа без обороны». «...Люди в моей стране, — пишет Ф. Хитцер, — день-деньской находятся под обстрелом снарядов, заряженных антикоммунизмом и антисоветизмом»⁴.

¹ См.: Литературная газета, 1980, 19 ноября;

² Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. М., 1960, т. 5, с. 569.

³ Drop Shot: The United States Plan for War with the Soviet Union... p. 250.

⁴ Правда, 1979, 16 июля.

В 1979 г. в Париже вышла книга «Евросима». Странное название образовано от двух слов: Европа и Хиросима. Авторам оно понадобилось для того, чтобы запугать читателей советской ядерной угрозой, внушить мысль, что «беззащитную» Европу ожидает судьба Хиросимы. «От Вашингтона до Тегерана, от Кишасы до Претории рухнуло все то, на чем держалась ее оборона»¹. В Токио вышли книги «Советская армия высадилась в Японии» и «Минск» отправляется в бой», в которых излагаются «неизбежные» события 80-х годов: оккупация Японии советскими войсками, война Японии и США против СССР. Перечень таких книг, изданных на Западе, можно продолжить. Их влияние не проходит бесследно. Американский еженедельник «Ньюсуик» констатировал: «Поскольку Вашингтон начал снова сорить деньгами под девизом «остановить русских», то для военной промышленности это означает процветание»².

В то же время труды, объективно освещающие историю, подвергаются всяческим преследованиям. Так, в частности, произошло в Японии с книгой профессора Е. Корияма «Изучение истории японо-русских отношений в конце периода бакумацу», изданной в 1980 г. Опираясь большим количеством исторических фактов, почерпнутых из архивных материалов на русском и японском языках, автор убедительно показывает, что Курильские острова, включая Кунашир и Итуруп, не могут считаться исконно японскими землями, что попытки японских политиков выступать с подобными утверждениями не имеют под собой исторических оснований.

Характерны в этом смысле и попытки обитателей Белого дома запретить издание в США советского фундаментального труда «История второй мировой войны 1939—1945», и всякого рода препятствия, которые чинили американские власти демонстрации в США телефильма «Великая Отечественная» (в американском варианте «Неизвестная война»), и многие другие факты подобного рода.

А. А. Громыко в своей речи на XXXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН подчеркнул опасность усиления пропаганды «культы войны» со стороны наиболее реакционных милитаристских сил: «Ведь прежде чем заговорили пушки агрессоров, развязавших вторую мировую войну, на протяжении многих лет велась пропаганда войны, не прекращались призывы к тому, чтобы перекроить карту Европы и мира в соответствии с планами агрессоров. Советский Союз говорит об этом потому, что все еще активны силы, ведущие линию на то, чтобы приучить людей мыслить категориями войны и наращивания вооружений»³.

¹ Cagnat R., Dolly G., Fontaine P. Euroshima: Construire l'Europe de la défense. Paris, 1979, p. 5.

² News Week, 1980, February 4, p. 39.

³ Громыко А. А. За безопасность народов, за мир на земле: Речь на XXXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 25 сентября 1979 года. М., 1979, с. 5.

Каких же итогов войны хотели реакционные историки? Ответ на этот вопрос еще много лет назад дал Х. Болдуин, в то время военный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс»: «Величайшая возможность для демократии (читай — империализма США. — *Ред.*) представилась 22 июня 1941 года. Мы упустили эту возможность»¹. Сказано дичино, но откровенно. Только не «они» упустили эту возможность. Советский Союз сорвал замыслы империализма. Страна Советов выдержала испытание огнем, выступила как решающая сила, сокрушившая агрессора. В этом прежде всего заключается всемирно-историческое значение итогов второй мировой войны и ее уроков для сегодняшних дней.

¹ См.: Красная звезда, 1981, 24 апр.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Около 50 лет прошло со времени начала второй мировой войны, завершившейся разгромом агрессоров. С тех пор не раз возникали локальные войны и вооруженные конфликты, развязанные империалистической реакцией. Вспыхивают они и в настоящее время то в одном, то в другом районе земного шара. Но мировой военный пожар все-таки удается предотвратить. И это, прежде всего, результат настойчивой борьбы Советского Союза, других стран социализма, всех прогрессивных и миролюбивых сил за предотвращение войны, за мир во всем мире.

Важнейшим фактором сдерживания агрессивных устремлений империализма является экономическое и военное могущество стран социалистического содружества. В начале 70-х годов Советский Союз достиг военно-стратегического паритета с Соединенными Штатами Америки — главной страной империализма, что значительно укрепило позиции миролюбивых сил.

Милитаристские круги империалистических государств во главе с США не хотят примириться с этим. Они всеми средствами стремятся добиться военного превосходства над СССР и другими странами социализма. Однако осуществить эту цель им не удастся. XXVII съезд КПСС подчеркнул, что политика тотального военного противоборства между социализмом и капитализмом не имеет будущего. Достижение военно-стратегического превосходства, к чему стремится администрация США, — задача несуществующая. Она несостоятельна ни с теоретической, ни с практической точек зрения.

Но империализм не изменил своей агрессивной сущности. Он не отрепился от мечты о социальном реванше и попытках «переиграть историю». В Политическом докладе ЦК КПСС на XXVII съезде партии отмечалось: «Империализм в силу своей общественной природы постоянно генерирует агрессивную, авантюристическую политику.

Здесь можно сказать о целом комплексе побудительных мотивов: хищнических аппетитах фабрикантов оружия и влиятельных военно-бюрократических группировок, корыстной заинтересованности монополий в источниках сырья и рынках сбыта, страхе буржуазии перед происходящими переменами, наконец, по-

пытках решить за счет социализма собственные обостряющиеся проблемы»¹.

Проблема войны и мира — самая жгучая глобальная проблема нашего времени. Вокруг нее концентрируется острая идеологическая борьба на международной арене.

Это связано не только с дальнейшим развитием оружия массового поражения, но и со стремлением империалистических кругов использовать военную силу для осуществления своих классовых целей. «Не наука и техника сами по себе несут угрозу миру. Ее несут империализм и его политика — политика наиболее реакционных милитаристских, агрессивных сил современности»².

Именно стремление реакционных кругов империалистических стран применить оружие огромной разрушительной силы создает угрозу мировой войны. В империалистических странах, прежде всего в США, полным ходом идет подготовка к войне против СССР и других социалистических государств.

В этих условиях на первый план выдвигается задача предотвращения мировой войны, сохранения и упрочения всеобщего мира. КПСС исходит из того, что, как ни велика угроза миру, создаваемая политикой агрессивных кругов империализма, фатальной неизбежности мировой войны нет. Предотвратить войну, уберечь человечество от катастрофы можно. В этом — историческое призвание социализма, всех прогрессивных, миролюбивых сил нашей планеты³.

Противоборство двух противоположных тенденций в мировой политике — милитаристской и миролюбивой — и составляет сущность идеологической борьбы по проблеме войны и мира. Эта борьба охватывает также широкий круг вопросов, связанных с трактовкой и освещением в исторической литературе военных событий прошлых лет, в частности событий второй мировой войны.

История второй мировой войны является фронтом наиболее острой научной и идеологической борьбы между марксизмом-ленинизмом и буржуазными системами философских, экономических и социально-политических взглядов. По всем основным принципиальным вопросам происхождения, характера, хода и итогов войны реакционная буржуазная историография ведет яростную атаку против подлинно научной, марксистско-ленинской историографии.

Классовая природа империализма определяет политическую сущность буржуазной историографии и ее главную черту — антикоммунизм. Именно антикоммунизм, являющийся концентрированным выражением классовой ненависти обреченной историей капиталистического строя к революционным силам современности, определяет стремление буржуазных исследователей фальси-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 11.

² Там же, с. 136.

³ Там же, с. 137.

фицировать историю минувшей войны, использовать ее в политических, идеологических и военных целях, направленных против Советского Союза, других стран социалистического содружества, всех прогрессивных сил мира. Определенные различия, свойственные буржуазной литературе капиталистических стран, обусловленные их историческими и национальными особенностями, характером участия каждой из них во второй мировой войне, не отражаются на политической сущности «национальной» буржуазной историографии.

Социально-политическая функция буржуазной историографии состоит в том, чтобы тенденциозной трактовкой военной истории способствовать укреплению капиталистического строя, оправдывать империалистическую политику агрессии, внушать ненависть к социализму и создавать таким образом идеологические предпосылки для вовлечения масс в войну. Выполнению этой функции объективно способствует буржуазная методология военно-исторических исследований, которая базируется на идеализме, прагматизме, волюнтаризме и других реакционных учениях. Она ограничивает научную познавательность трудов буржуазных историков о второй мировой войне. Это не означает, конечно, что в буржуазной историографии нет ничего рационального. Фактологическая основа, техника отбора источников, работа с архивными материалами, использование статистики и математики — все это представляет определенный интерес. Но на путях подлинно научного подхода к отбору, систематизации и классификации исторических фактов, их оценке и обобщению стоят такие барьеры, как порочность общей философско-исторической методологии и реакционность политических целевых установок. В. И. Ленин писал, что буржуазным ученым «нельзя верить ни в едином слове»¹, когда речь идет о философских и общетеоретических вопросах. Ленинский подход к трудам буржуазных ученых служит для историков-марксистов надежным критерием в оценках буржуазной литературы о второй мировой войне.

Подстегивание гонки вооружений, разжигание военного психоза — характерная черта буржуазной историографии, выступающей в роли активной силы политики и стратегии антикоммунизма, реакционного идеологического фактора, отравляющего международную атмосферу. Вместе с тем очевиден процесс ослабления влияния буржуазной историографии в капиталистическом мире, усиления ее дифференциации. Приверженцы реакционных течений все чаще вынуждены маневрировать. Они прибегают к замене утративших эффективность и разоблаченных марксистской историографией тезисов новыми, к большей гибкости в аргументации, используют буржуазный объективизм как главное средство маскировки подлинной социально-политической сущности своих концепций.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 363.

Разоблачение буржуазных фальсификаторов истории второй мировой войны 1939—1945 гг. является одной из важнейших задач историков-марксистов. Советская военно-историческая наука, историки-марксисты других стран последовательно отстаивают и утверждают принципы диалектико-материалистического анализа исторического процесса, противостоят антинаучным изысканиям буржуазных историков и разоблачают их реакционные, антисоветские домыслы.

Советская историческая наука является мощным средством идеологического воспитания народа. В современных условиях огромное значение приобрело воспитание молодежи историей, на славных традициях партии и народа.

В этом — одно из проявлений нового подъема патриотических чувств советских людей, их стремления постигнуть непрерывную связь времен, истоки тех прогрессивных народных традиций, которые и сегодня питают наше общество живительной силой.

В свете требований XXVII съезда КПСС советским военным историкам надлежит глубже исследовать события второй мировой войны и ее главной составной части — Великой Отечественной войны на основе ленинских принципов партийности и научности. Историю Великой Отечественной войны необходимо более тесно увязывать с военно-патриотическим воспитанием советской молодежи, пропагандой героических боевых традиций нашего народа и Вооруженных Сил СССР.

Советские историки ведут решительную борьбу против буржуазных фальсификаторов, извращающих события минувшей войны в угоду новым агрессивным устремлениям монополий. Мощным оружием в этой борьбе является историческая правда, всемирная боевая слава Советских Вооруженных Сил — непобедимого защитника безопасности социалистического Отечества, надежного стража мира и интернациональных интересов трудящихся.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Введение	3
Глава первая	
Преступление империализма и его адвокаты	
1. Буржуазные теории и историческая реальность	7
2. От империалистического мира к новой войне	24
3. Плоды политики умиротворения	64
Глава вторая	
Великий подвиг Советской Армии и фальсификаторы истории	
1. Крушение немецко-фашистской стратегии «молниеносной войны»	86
2. Коренной перелом во второй мировой войне	112
3. Завершение разгрома фашистской Германии и ее союзников в Европе	147
4. Капитуляция милитаристской Японии	179
Глава третья	
Итоги и уроки второй мировой войны	
1. Главный итог — непобедимость социализма	193
2. Укрепление сил мира, демократии и социализма	239
3. Фальсификаторы истории на службе реакции и агрессии	271
Заключение	292

*Евгений Николаевич Кульков
Олег Александрович Рожешевский
Игорь Алексеевич Чельшев*

ПРАВДА И ЛОЖЬ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Редактор *А. М. Дегтярев*
Художник *Н. Т. Катеруша*
Художественный редактор *А. Я. Салганов*
Технический редактор *А. А. Перскокова*
Корректор *И. М. Козлова*

ИБ № 3142

Сдано в набор 23.01.87. Подписано в печать 01.06.87. Г-12911
Формат 60×90^{1/4}. Бумага тип. № 2 Гарн. обьёмов. новая.
Печать высокая. Печ. л. 18^{1/2} Усл. печ. л. 18,50 Усл. кр.-отг. 18,50 Уч.-изд. л. 21,68
Тираж 30 000 экз. Изд. № 2/2442 Зак. 158 Цена 1 р. 60 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160
2-я типография Воениздата
191065, Ленинград, Д-65, Дворцовая пл., 10